

СҮҮН КАПАЕВ

СҮҮН
КАПАЕВ

3
3

Суюн Канаев

**УҢШ ТОПЛАМАЛЫ
ШЫҒАРМА**

Суюн Капаев

*Уьш топламалы
шыгарма*

РГБУ «Карашай-Шеркеш республикалык
китап баспасы»
ЧЕРКЕССК
2022

Суюн Капаев

Повестьлер

3

ТОМ

РГБУ «Карашай-Шеркеш республикалык
китап баспасы»

ЧЕРКЕССК

2022

ББК 84 (2Рос-Ног)6
К70

Капаев С. И. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. — Повести. Черкесск: РГБУ «Карачаево-Черкесское книжное издательство». 2022 — 376 с.

Третий том собрания сочинений классика ногайской литературы, Народного писателя КЧР С. И. Капаева представлен довольно яркими произведениями. Изданная около 50 лет назад повесть «Кырлув» посвящена подвигу отважной девочки Кыргызхан Мижевой, которая вместе со своим отцом участвовала в партизанском движении и пала смертью храбрых в борьбе с фашистами. Повесть-эссе «Ногайский дом» – переиздание несколько раз одно из ключевых произведений автора, в ней писатель воспевает красоту и величие сельских тружеников, подробно рассказывает о быте, культуре, обычаях, раскрывает гуманистические традиции ногайского народа.

К $\frac{4802490100-7}{9П1(03)-2021}$ 7-2022

ISBN 978-5-7289-0390-1

© С. И. Капаев, 2022
© И. С. Капаев, составление, 2022
© РГБУ «Карашай-Шеркеш
китап баспасы», 2022

АВТОРДАН

Бу повестьти язаяктынъ алдында мен Кыргызхан Мижевадынъ акында поэма язганманды да, эндигиси, ярабий, сосын язайымма яде язбайымма деп, ойландым. Йок, несин ойланасынъ онынъ, Кыргызханнынъ акында бир тувыл, юз поэма, юз китап язылса да, коьп тувыл, деди, катырып айтып, юрегимнинъ туьбиннен бир ой.

Неге экен-ав?

Меним халкымнынъ кишкенекей кызы, эрлердей белсенип, коркпай, ерди-коьккти от пан ялын этип кутырып келген таьжелдей яв ман согыспага атланды. Атланып болып, арт кайтпады, ал барды, явдынъ янын ала барды, илеслерин уьсти-уьстине сала барды. Эм Эли уьшин, халкы уьшин, соьлеги бизим завклы яшав уьшин яс янын аямай берди. Эм оьмирлерге атлары даньккланган баьтир кызлардынъ: Зоя Космодемьянскаядынъ, Лиза Чайкинадынъ, Уля Громовадынъ эм сондай баскалардынъ эткен уьйкен йигитликлерининъ бир кесегин ол да этти.

Ал, аьше, ондай аьдемлердинъ акында бир кайта тувыл, кеше эм куьн айтсанъ да, коьппе? Йок, коьп тувыл. Ондайлардынъ атлары халкы ман оьмир бирге яшайдылар. Халкы оларды сыйлайды, суьеди, эсине алады, мутпайды.

Меним повестим таза документли тувыл. Художестволы зат болганы себепли, онда язувшыдынъ яныннан косылган затлар да коьп. Кыргызханнынъ образын мен тийислисинше коьрсетейим деп, шалыстым. Онынъ апасы ман, кардашлары ман, оны ман бирге партизан от-

рядында болганлар ман йолыгым. Кыздынъ адетин-кылыгын, табиатын, турысын сорадым, олар айттылар, а мен тынъладым, эсима алдым, ойландым. Аздаадай ысылдап келген намарт душпан ман согыскан кишкей кыздынъ юреги кос, эрки болаттай берк болмага тийисли, дедим озим-озиме. Эм оны сондай этип коьрсетейим деп, каьрледим. Эгер, окувшым, мен сол затты эталган болсам, оз алдыма салган борышымды толтырганман деп, суьйинер эдим. Повесть мине соьле сизинъ колынъызда. Окынъыз, каранъыз.

Повестылер

Обелиск на Марухском перевале, где увековечены имена погибших партизан из Эркин-Юрта, среди них имя погибшей в бою тринадцатилетней партизанки
Кырымхан Мижевой

КЫРЛУВ

Бизим соьлеги нур яшавымыз уьшин,
янды аламан деп, ерди-коькти
ялын этип келген яв ман куьресте
яс янын аямай берген авылдасыма,
он уьш ясындагы партизан-кыз
Мижева Кырымханга багыслайман.

Автор

БИРИНШИ КЕСЕГИ

1

Кол ысласкан – куьш табар.

Эгизлердей каты агынлы эки тав сувы, тап бир-бирлери мен базласкандай болып, эки тар озьеннинъ иши мен тоьменге карап зыранълайдылар. Сувларын бир-бирлерине коспага асыгадыларма, яде етеек ерлерине еткишейим тоьзалмай шапшыйдыларма, онысын ким биледи? Тек олар шав-шув этип, кеше де, куьн де тынмай, йылар, оьмирлер асыгып агадылар. Арымайдылар, талмайдылар, бара бередилер. Тек Аьжи-каладынъ касында эки айырылып келген эки озьен бир-бирлерине бурылып косыладылар. Бир талай ерди эки сувдынъ агымлары, косылсалар да, айырылып, караган аьдемге туьслери мен

баска экенлери беп-белгили болып, барадылар. Биревининъ сувы коьп-коьмек, коьктинъ юзиндей, баскасындыкы агылжыр-куба. Неге десенъ, Йилиншиктинъ сувы таза, коьк тубъсли, Кобаннынъ сувы бираз булганшык. Бир кесек ерди боркылдап, карыскылары келмегендей, алабуркасын болып барадылар. Сонъ тоьбелеслерин койып, бир-бирлери мен тамам уйысып, тоьмен карап, бир сув болып агадылар.

Сол эки сув косылган ерден эрек болмай, доьньелектей тоьгерек тогайда, кыранакка тармаса берип, Кенъ-Тогай авылы шашырап конган. Эште, кенъ тогайда орынласканы ушин яшавшылары авылларына соьйтип атаган боларлартагы. Авылдынъ яртысыннан коьбиси кермек эм камыс уйлер, бат-сатта телетин ябылган уйлер де расадылар. Кенъ-Тогай уйкен де тувыл, кишкей де тувыл. Орта авыл. Бес юз казануый бар. Эм ол аьр дайым эки тав сувынынъ бирге косылып конъырав тавысланувын эситип турады. Авыл да, аьдемлер де ол тавыска тамам уйренип калганлар, кеше де, куьн де эситедилер. Бу тавыс оларды елбесикте тербеткендей тербетип уйклатады, а эртенъликте де сол тавыс пан уянадылар.

Эки сувдынъ косылатаган агынларынынъ йырына кулак салып тургандай болып, авылдынъ кубыла шетинде доьрт терезели маштак камыс уй сувягага энъкейип конган. Уйдинъ тувра алдында бир уйкен карт алма терек, онъ бутакларын кенъ яйып, япалак боьрктей болып коьринеди. Эне уйге бир тирев дерсинъ.

Уй де эски, терек те карт, уйдинъ иеси Минат та ийги ясына келген. Олар уьшевлері де бир-бирлери мен барабар десенъ де болаяк. Коьп яшадылар, коьпти коьрдилер, коьп затты басларынан кеширдилер. Коьрдилер олар Кенъ-Тогайдынъ давлык суьрген шакларын да, зилдей авырлык коьтерген заманын да. Тынышын да, кыйынын да коьрдилер. Коьрдилер, коьтердилер. Авыр деп тунъилмедилер, енъил деп еликпедилер. Яшав дегенинъ яйма-шувак йол тувылды да, онынъ ойылгандай ойпаты да, суьрингендей сыртылыгы да болатаган деп, оьзлерин катырдылар.

Уыш карт, бир-бирлериннен айырылмай, бир-бирлерине эс болып, бир-бирлерин исси коьрип эм юбантып яшайдылар. Карт алма терек япалак басын яйып, язда карт Минатка салкынлык береди, куьзде ашы бестав еллерден эски уйдинь камыс басын саклайды, елге бир шоьбин де акаштырмайды. Карт Минат та карт теректи баладай этип карайды – кургак шакта сув куяды, туьбине коклык таслайды. Сонь, онынь салкынында олтырып, кень бутакларына, бир зат излеген кисидей болып, тешкерип карайды. Ишке уьнйилген коьзлери тамам ясланадылар. Тыртайган эринлери акырын йы-бырдайдылар: «Кырлув...»

Курткадынь коьзлерине теректинь уйкен айыргыш бутагында, япырак туьсли ясыл шыба кийип, бир яп-яс, яп-ярасык кыз коьринеди. Кыз йогарыдан, мери канмай, курткага карайды. Карт теректинь уйкен япак япырактары сув беттен соккан енйил елемик пен сыбырдасадылар. Сол сыбырдавга сувдынь да арымай-талмай шыгатаган коньырав тавысы косылады. Бу сеслер курткага бир кужыр аньдай шалынадылар. Минат, уйклаган аьдемше коьзлерин юмып, сол кужыр тавыска кулак салады. Бирден ол силкинеди, нарт басып турган карт юреги янланады эм ол, коьнйили коьтерилип: «Кырлувымнынь коньырав сеси экентагы», – дейди. Сонь тагы да коьзлерине сол айыры бутакта олтырып турган ясыл шыбалы кыз коьринеди. Кыз термилип курткага карайды, куртка да узын карт колларын яйып терекке созады:

– Келтагы, шыракшым. Карт ананьды ызаландыртагы. Келтагы. Кайзаман мен сени коьрмегенли, айым, куьним, айнанайым...

– Абай, абайым-ав, неге ызаланасыннь, аьше? Мен мине соьле сениннь касыннда тураманды да. Коьрмейсиньме? Абай...

– Аьруьв, шыракшым. Тураш соьйтип. Кетпей бираз тураш... Мерим кансын карап.

Карт Минат, коьзлерин юмып, бир талай заманды карт теректинь астындагы будыр-будыр уйкен кара таста олтырады.

Карт теректинъ ялпак япырақлары салтыр-султыр этип сыбырдасадылар. Сувдынъ толкынларынынъ та-высы ога эжуув эткендей болып сезиледи...

Карт Минат тынып тынълайды. Событип тынъла-мага субетаган эди онынъ яныннан артык коьретаган яп-яс кызы Кырлув да. Курткадынъ неге болса да юреги сыгылады, иши тартылады эм ол аьвелгиди, аьлигиди эсине алады. Ойынынъ туьбинде яткан асыл ойлары тысына шыгадылар. Ол бир затты да мутпаган. Басыннан кешкен баьри зат та эсинде. Онынъ тыртайган эринлери калтырайдылар, олар бир зат айтып йыбырдайдылар. Сыбырдайдылар карт теректинъ япырақлары. Сагыр болып шувылдайдылар карт Кобаннынъ толы толкын-лары. Олар баьриси де бир затлар айтадылар. Олар озган затлардынъ бир затын да мутпаганлар, баьри зат та эслеринде. Эслеринде олардынъ Кенъ-Тогайдынъ сыры-сыбыры, аьвелгиси, аьлигиси. Эслеринде олардынъ айдай-куьндей яп-ярасык яс Кырлув.

Келинъиз, аьше, биз эринмейин тынълаягынъыз, а олар сырларын калдырмай тоьксинлер.

2

Баласы балдай анага.

Арыкай, бойлы-шарклы, ак бетли, алмадай тоьгерек увыртларыннан кан тамып турган кишкенекей юкалак битимли кыз сувяга бойлап шабады. Тастан-гаска улак-тай шоршыйды. Сувдынъ шорылдаганына келистирип, конъыравдай занъыратып айтады:

Толкынынъды толтырып,
Шорылдайсынъ, шырлайсынъ,
Кел, тилеймен, айттагы,
Нелер айтып йырлайсынъ?..

Сув оны сайын, агынларын томар-томар этип ак-тарып, аьйт деп шорылдайды. Кыз, тап сув ога явап

кайтаргандай сезип, токталып тынълайды. Эм сол шорылдавдынъ арасыннан онынъ кулагына ашык болып аьлемет даваз шалынады:

Топ-топ этип толкынды,
Шорылдайман, шырлайман,
Сендей кызлар акында
Йырлар айтып йырлайман...

— Ха-ха-а! — деп Кырлув кыз, давазын зангыратып, шеги катып куьлейди. — Мендей кызлардынъ акында, дейсинъме? Аьлемет! Не зат айтып йырлайсынъ, э?

— Сендей, се-сен-дей, — деп толкынлар топарласадылар, бир-бирлерининъ уьстине кабат-кабат болып шоршыйдылар. Эм, ягага урынып болып, тагы да керуьв карап асыгадылар. Кыз актарылып аккан ак толкынларга сукланып карайды. Эм ярасык, кан тамып турган юка эринлери йыбырдайдылар:

— Кайда асыгасыз, толкынлар?

— Узакка, узакка, ак толкынымызды коьрсетпеге, баскаларга да сувымызды иширмеге асыгамыз.

Кырлув да асыгып, тап сол толкынлардан арт калып олтырмайым дегендей этип, сувяга бойлап шабады. Кыздынъ артыннан кишкенекей муьйизли, буйра туькли, кап-кара улак, топтай шоршып, барады. Онынъ аяклары йип-йинъишке, шапса — эне-мине сынады экен деп, коркасынъ. Ол иесиннен артка калгысы келмейди, деген куьшин салып шабады. Улактынъ онъ кулагынынъ ушы шорт кесилген, сол кулагы — йырылган. Ол Кырлувалардынъ эни — эсеней эн. Сосы эн мен Эсенейлер озлдерининъ эшкилерин, койларын баскалардыкыннан айырып биледилер. Улактынъ йинъишке ярасык ала мойнына кишкенекей ез конъырав тагылган. Ол шапкан сайын, ез конъырав зынъыр-зынъыр этип зынъырайды. Эм сол зынъыраган конъырав тавыс Кобаннынъ шорылдавына косылып эм тоьгеректи уянтып, эректен-эрек кете береди. Кыз шабады, конъырав зынъырайды. Кыз токтаса, конъырав да токтайды. Шавып бараятырган Кырлув бирден токталады, а улак кызувы ман бир кесек ер алдыга барып токтайды.

— Э, Мойнала, алдадымма сени, э? — деп кыз улак пан, тап бир аьдем мен соьйлегендей, соьйлейди.

Улак, йинъишке давазын шыгарып, манъырайды. Оьзинше бир затлар айтады. Онынъ не дегенин Кырлув оьзи биледи. Кыздынъ соьзлерин Мойнала да анълайды. Улак, кыздынъ касына ювык келип, басын онынъ борбайларына уйкалайды. Кырлув онынъ энелген онъ кулагыннан ыслап йыбырдатады. Экевлери де бир-бирлерине эркелейдилер, бир-бирлери мен ойнайдылар. Олар бир-бирлерине тамам телингенлер.

— Мойнала, Мойнала! — деп излеп турады Кырлув улакты, айырыла калсалар. Улак та излейди кызды.

— Ме-е-ме-е, — деп ая-куе болады, эм тоьгерек айланып шабады, кызды излеп, Мойнала да, Кырлувдан айырылды десе.

Мойнала анасыннан, увызына тоялмай, оьксиз болып калды. Улак тувганда, коьк карыскыр карыслап йьртты карт эшкиди Карт кешуьвдинъ касында. Анасы, баласын боьриге едиртпес уьшин, оьзин ашатты. Уьйкен кап-кара мазаллы эшки, боьриди алдандырып, улагы яткан ерден баска якка аькетти. Оьзим едилсем де, балам сав калсын деп, аькетти. Улагын казадан кутылтты, а оьзи аш йьрткышка азык болды. Анасыз калган улакты Баубек, эмизлик пен суьт иширип асырармыз деп, уьйлерине аькелди. Улакты Кырлув карап баслады. Ол ога мезгили мен койы кой суьт иширди, аьдуьвлеп карады, бакты. Асырады, асыл этти. Ат та такты. Мойны ала болганы уьшин, Мойнала деди. Улак, анасына телингендей, Кырлувга телинди. Кыз кайда барса, улак та сонда барды. Эгиз токышлардай болып, экевлери бир-бирлериннен айырылмадылар...

— Кырлув! Кырлув! — деген бир таныс тавысты эситип, кыз бирден токталды. Янма-ян артына бурылып, сол тавыс шыккан ярбас бетке карады. Мойнала да токталды. Конъырав да занъырамады.

Кыз да, Мойнала да сол бетке бир кесек заман карап турдылар. Анда, ярбаста, тик кыйшык-шуйрык сокпакта ийнинде шелеклери мен орта ясларындагы кыскаяклы коьринди.

Кырлув, абасын танып, суьйингеннен турган еринде топтай шоршыды. Мойнала да шоршыды.

— Абай, абай келеятыр, Мойнала! Эне коьрсиньме? Караш, — деп, кыз ярбас бетке кишкей колын созып ымлады. — Ол соьле, сорамай-соктамай уьйден неге кетесиз деп, экевимиздинь де керегимизди табар.

Улак кыздынъ аякларын ялайды эм басын, аьше, солай дегендей этип, ийзейди.

— Акыллым, — деди Кырлув, улакты сыйпап, — юр абайдынъ алдына шыгайык. Туьрли-туьрли таслар йыйып юримиз, дермиз абайга.

Кырлувдынъ такта-такта болып япырак туьскен коьк шыбасынынъ кишкей кисесинде туьрли-туьрли увак таслар зыгырдайдылар. Ондай таслар уьйлеринде де коьп. Не этеекти оларды Кырлув? Терезе туьпте де, шкапта да, уьндирикте де топ-толы олар. А Кырлув тагы да, тагы да йыяды.

— Не этеексинъ бу кадер тасты, кызым? — дейди, сейирсинип, анасы. — Улсыз пише симекке тоймас деп, сен де тоймай калдынъ буларга.

— Ва, абай, аьлемет, мине мунав таска караш, — дейди Кырлув, анасына бир кишкей ак тасты коьрсетип, — мине алтын буьртиклери бар. Караш, кайгадер коьп, коьрсиньме, абай?

Анасы, кызынынъ сезгирлигин коьрип, суьйинеди, ишиннен оьктемсийди. «Тоба-тоба, уьйкен болса — оқыр, аьдемлерге алтын, куьмис табатаган болар», — деп мырат этеди.

Мырат этеди соьйтип атасы Баубек те:

— Кызым, геолок дейме, зат дейме, Алла буйыртса, сен сондай бир зат боларсынъ, — дейди, мактанмай да калмай.

Кырлув, сейирге калып, сорайды:

— Геолог деген ким ди ол? Ол не этеди?

— Геолок аьйт деп тавларда-тасларда байлык излеп юреди, кызым, — деп аньлатады атасы. — Язда окында олар тап бизим косларга да келедилер, йигит аьдемлер олар. Явын йок, шашын йок, уьй йок, мекан йок, кезип юредилер.

— Кызлар да болама, акай? Яде тек ясларма? — дейди кызы.

— Аьше, кызым, — дейди атасы, соьзин асыкпай айттып, — кыскаяклылар да боладылар. Былтыр бизим коска эки эркек пен бир кыскаяклы келген эдилер. Артпаклары толган туурли-туурли таслар, колларында бирер уйкен шоккишлер, аякларында наллы баьпишлер.

— Менде коьп ти де таслар, акай. Меникилер де бир дорба болаяк.

— Аьше, болаяк, кызым.

Минат байынынъ соьзлерин яратпайды.

— Неден керек кыскаяклыга, эркеклердей, уй де йок, мекан да йок болып, туьзде юруув? Ол кыскаяклыдынъ куллыгы тувыл, эркек, келиспеген затты бос айтпа, — деп тутады ол, тап кызы соьле ок сол куллыкка бараятыргандай этип.

— Йок, абай, мен коьтересин де коьргим, билгим келеди.

Абасы уьндемейди. Тек ишиннен: «Сезгир, тфу, машалла», — дейди. Сонъ, узын колларын яйып эм шуькир этип, бетин сыйпайды... Минат мине соьле де кызы суьвагада туурли таслар йыйып юргенин ярбастан карап коьрди. Эм, юрисин тезлетип, тар сокпак пан ойга туьсти.

— Кырлув! Кырлув!

Кыз бурылып сокпакка карады. Сокпакка Мойнала да тигилип карады. Кыскаяклы булар бетке зыранълады. Мойнала Кырлувдынъ анасын таныды эм, кувнак мангырап, шоршып-шоршып ойнаклап, онынъ алдына шапты. Улактынъ артыннан кыз да шапты.

— Дзинъ-дзинъ, — деп тоьгеректи занъыратып, конъырав зынъырайды.

— Ах, сениме-сени, соьле сув сып-сувык, а сен яланъаяк, яланъбас юресинъ, — деди анасы кайгылы болып, кызынынъ яланъ аякларына яны авырып карап.

— Йок, абай, сув сувык тувыл, йылы, сувга туьспеге де болаяк.

— Ия сага, шыракшым. Сып-сувык, — деди Минат, сувга колын малып, — аьдем авырмага болаяк.

Ушени мен де, сув сувык, аале де куьнге йылын-
мага уьлгирмеген эди. Куьн мунав ерлерде тап шаншар
куслыкка дейим тавдан шыгалмай турады. Сонынъ уь-
шин де сув терен йылгадынъ иши мен, куьн де, зат та
коьрмей, куьнге йылынмага уьлгирмей, асыгып агады.
Куьн коьтерилип, таяклары тийгенлей, сув йылынады,
ягасындагы таслар да кызалдылар. Балалар шав-шувласып
суга туьседилер. А соьле сув сувык, сувягада тек Мойна-
ла ман Кырлув экевлери кезип юрилер, баска бирев де
коьринмейди.

Кырлув, шавып келип, анасын кушаклады. Эм шы-
басынынъ кишкей кисесиннен тасларды шыгарып коьр-
сетти де, йинъишке давазы ман:

— Абай, — деди, — Мойнала экевимиз таслар йыйып
юримиз. Мине караш, кайдай таслар экенлерин!

— Тагы да сол таслар, онсыз да оларга уьй топ-толы,
а сен аьйт деп йыя бересинъ.

— Мунавлар коьтере баска таслар, абай. Мине караш,
— кыздынъ кишкей увысларында буздай коьп-коьмек, кан-
дай кып-кызыл, кардай ап-ак таслар, тавдынъ артыннан
шыгып келеятырган куьннинъ таякларына шагылысып,
лал-йюьгерленедилер.

Минат, ушени мен де, не аьруьв таслар дегендей
этип, энъкейип кызынынъ аясына карайды.

— Аьруьв таслар, дия, абай?

— Аьше, шыракшым. Аьруьв, тек эндигиси болаяк
соларды йыйганынъ!

— Абай, мунавдай аьруьв таслар кайдан шыгады
экенлер?

Анасы, ойлы болып, сувдынъ ак толкынларына ка-
райды. Сонъ, карадын сув беттен алып, айтады:

— Кызым, акыллым, аьруьв асыл таслар сув туьбин-
де ятадылар. Олар, сувды ел шайкап ягага сокса, шетке
шыкпага боладылар.

— А мене мунавы, караш — тесик тас, — дейди
кызы. — Шелекке-затка такпага кайдай аьруьв. Мунав
бизим шелекке тагылган тастан кайда ярасык!

Кызы да, анасы да ак шелектинъ кулагына тагылган
коьк тесик таска карап алдылар. Кырлувдынъ эсине,
буьйтип тасты неге такпага керек экен, шелекти авыр

этип, деген ой келди. Ол билмейтаган эди, ногайда тесик тасты шоьлмекке, шелекке, яман коьздинъ яманлыгына ушырамасын сол затлар деп, тагатаган аьдет барын. Билсе, эште, соьйтип ойланаяк болмас эди.

— Тагармыз, шыракшым, — деди анасы, кызынынъ соьзин йоьплеп. — Аьруьв тас, кала, береш.

Кырлув тасты анасына узатты, анасы оны аьдуьвлеп койнына салды:

— Каймак шоьлмектинъ кулагына тагарман, кызым.

Кырлув, сол эсине туьскенин билеек болып, анасыннан тартына берип:

— Неге тагадылар экен, абай, тасты буьйтип? — деп сорады.

— Янъы затты яман коьзден саклар уьшин, кызым. Дуныяда кайдай яман коьзлер бар. Бир аьруьв затка караганлай, коьзлери янма-ян тиедилер. Алла сакласын ондай коьзлерден. Эне сонынъ уьшин тагадылар.

— Аьжейип экен, абай.

— Аьше, яным. Э, айтаягым, кызым, сен мунав тесик тасты Мойналага тактагы. Ким биледи, аьруьв коьз бар, яман бар...

Улак, оьзининъ атын эситип, бир кыскаяклыга, бир кызга карады.

— Аьруьв, абай.

Минат, шелеклерди толтырып, сув алды.

— Юр, шыракшым, кетейик. Шай ишкен йоксынъды да, куслык болмага турыды да.

Уьшевлери, казлардай тизилисип, тар сокпак пан барадылар — алдыда Минат, оннан сонъ Кырлув, энъ артта Мойнала. Кишкей конъырав зынъыр-зынъыр этип зынъырайды.

— Абай, аькелтагы шелеклерди мен бираз аькете-ийим, — деп тилейди Кырлув.

— Йок, — деди анасы. — Эгер сен соьлегиштен толы шелеклерди коьтерсенъ, ийинлеринъ кыйшык болмага болаяклар.

— А мен бир кайта эки шелек сув аькелгенмен.

— Не дединъ, кызым?

— Аькелгенмен, деймен. Сен уьйде йок заманда. Алакай авылдагы нагашакай-аларга кеткен эдинь.

— Ах, сениме-сени, ярти-ярти этип аькелсень, аьше.

— Етпес деп, корктым.

Мойнала артта, булардынъ созлерин тынълагандай болып, барады. Сонъ, бирден шоршып, энъ алдыларына шыкты. Кыскаяклы бурылып карады.

— Не керек, Мойнала? — дейди юмсак тавысы ман Минат, тап бир аьдемге соьйлегендей этип.

Улак шоршыды, сонъ, конъыравын зынъыратып, кая бетке шапты. Онынъ артыннан Кырлув да шапты.

— Кырлув! Эситесинъме, Кырлув! — деп кышкырды анасы. — Аякларынъа коьгемнинъ тегенеклери кирер! Коьп ойнаганды кой да, уьйге кел!

— Соьле, а-абай!

Улак каядынъ уьсти мен шабады, кыз да, улактан калгысы келмегендей, тастан-таска каткып шабады. Анасы эректен кызы бетке тигилип карады. Эм кызы ога, эки оьрме шашы эки канат болып, коькте ушып барган кырлувдай болып коьринди.

— Меним Кырлувым, — деди кыскаяклы, юреги коьтерилип. — Аллага мынъ кайта шуькир, етеятыр. Оьлмегенге не, бираздан уьйден, уясыннан ушкан яс кырлувдай, ушар да кетер. А Кырлув ол арада, шаба берип:

Мен шабаман, шабаман,
Бавдан алма аламан,
Сол алмады абам ман
Эки боьлип кабаман,— деп йырлайды.

Йьрга явап бергендей этип, Мойналадынъ мойнындагы конъырав, каяларды, тасларды занъыратып, занъырайды:

— Дзинъ-дзинъ...

Кыздынъ да конъырав тавысы шыгады:

Мен шабаман, шабаман,
Бавдан алма аламан...

— Дзинъ, дзинъ, — дейди конъырав, тоьгеректи шавшувга толтырып.

Бирден улак токтады эм, ян-ягына каранып, манъырады. Кырлувды излестирди. Кыз оннан бир уйкен тастынъ артына ясырынган эди. Олар соьле ясырынмавык ойнайдылар. Мойнала тастан-таска шоршыды, коьгемликлердинъ ишине кирди. Каткып-шоршып, арыганын-талганын билмей, кызды излестирди. Болмаганда манъырады. Кырлув улакты аяды эм ясырынган ериннен:

— Мойнала! Мен мундаман! — деп кышкырды.

Улак сол сабат ок тавыс шыккан бетке шапты.

Узактан, уйлері беттен кыздынъ кулакларына анасынынъ:

— Кырлув! Кырлув! Уйге кел! — деген давазы шалынды.

Таныс тавысты Мойнала да туьсинди эм, явап бергендей болып:

— Ме-ме-ме! Ма-а! А-а! — деп манъырады.

— Абай шақырама, Мойнала, э? — деди кыз. — Боляк эндигиси ойнаганымыз. Юр уйге кетейик.

Улак уйлері бетке аькететаган тар кыйшык сокпакка карады.

— Кеттик, Мойнала!

Мойнала, конъыравын занъыратып, сокпак пан шабады, онынъ артыннан кыз барады. Экевлери де уйлері бетке асыгадылар.

Минат, маштак камыс уйдинъ тас басамакларында турып, сол колын кенъ манълайына куьндик этип тутып, сокпак бетке карайды. Кызы ман Мойналады карайды. Эм эректен оларды коьрип суьйинди.

Эртенъги куьннинъ ярык таяклары кишкей каралдыга мол болып тоьгилгенлер. Эсик алдындагы яс алма теректинъ япырактары куьн коьзинде алтынласып шаглысадылар. Тал корага конган уйкен шыбар кораз, уйдинъ иесине кыз бан Мойналадынъ кайтканын билдиргендей этип, аьйт деп шақырады. Корадынъ туьбинде тавыклар шоьпленедилер. Тынысларын тегаран алып, каралдыга Кырлув ман Мойнала кирдилер.

Минат, кораз бетке карап:

— Ким болса да, бир конак асыгады, шыракшым, — деди.

— Кайдан билесинъ, абай?

— Кораз уйдинъ босагасы бетке карап кышкырады. Сойтип айтады бизим ногай, сондай ырым бар халкта.

— Ким келеек экен?

— Ким болса да, конактан Алла айырмасын.

Талдан оьрилип этилген маштак котаннынъ касында сап-сары кишкей бузав алды аягы ман оьзининъ онъ кулагын касыйды. Барак туькли уйкен эм мазаллы ийт, басын эки алды аягына салып, куьнге кыздырынып ятыр.

Баьри зат та сукланып, басларын коьтерип, куьнге ымтыладылар: авладагы яп-ясыл наьртуьк сабаклары да, уйдинъ каршыгасындагы емис тереклер де, куьйиздей коьк ералма сабаклары да, ян-янувар, курт-кумырска да. Куьн оны сайын ярык таякларын ерге мол тоьге береди.

— Кырлув, ярык куьним, уйге кир, — деп тиледи Минат.

— Не болган, абай?

Йинъишке тавысы ман улак манъырайды.

— Шайынъды иш, деймен.

Бас деп Минатка шавып Мойнала келди, оннан сонъ Кырлув. Уьшевлери де уйге кирдилер.

Кырлув ман анасы сыпырадынъ янына олтырып, ийиси коькыган, катыгы каймак катылган ногай шайды иштилер. Мойнала да агаш аяктан йып-йып этип суьт ишеди. Уьшевлери де эртенъги асларын ишедилер. Улак, суьтин таьвесип, тойдым дегенди билдирип, басын силкти.

— Асыкпай тур, Мойнала, — деди кыз томанълап, — мен соьле шайымды ишип болайым.

— Асыкпа, шыракшым, — деди анасы, — шайынъды бир аьруьв этип ишеш.

Бирден Кырлув, бир зат эсине туьсип, сышырадан ушып турагалды:

— Коьтере мутканманды да, акай мага районнан кайдай китап аькелген. Окымага керекти де, тек Мойнала орав этпесе, — деди.

Улак алды аяклары ман кезуув-кезуув ерди тебеди, эште, яткысы келе болар.

— Сен соьле окыма, кызым. Онсыз да туьнегуьн кеше кайгадер заманга дейим окыдынъ.

— Ия, абай, кайдай аьруув китап!

— Болса болсын тагы, мине тезден каникуллар кутылар, оннан сонъ окы да тербе, а соьле тыншай — каникулдасынъ.

— Соьле де, абай, окымага керек.

Минат казан-аякты йьйыстырады. Кырлув, анасына сездирмей, акырын барып, уьндириктен китапты алды эм уьйден шыкты. Онынъ артыннан Мойнала да шыкты.

Анасы терезеден карады. Кызы сокпак пан ярбас бетке шавып бараятыр эди. Ол кызынынъ ярбаска бараягын, онда уьйкен таска олтыраягын эм кызыгып китап окыагын, окып болса — сувягага бараягын, сувдынъ каты агынларына карап тураагын биледи. Мойнала да сувягада тал теректинъ яс япыракларын куьйзеек.

Минат уьйде озь куллыгын этсе де, кулагы тыста турады. Эситилмеспе экен йинъишке конъырав тавыс деп, тынълайды. Эситсе — кувнайды, онынъ сеси мен улактынъ кайда, кайтип юргенин сезеди. Сол конъыравдай болып, онынъ кулагына суьйген Кырлувынынъ да тавысы шалынады. Анадынъ юреги баласына термиледи, ах, ога десе кызы дайым касында турса экен. Анадынъ юреги балада, баладынъ юреги далада деп, халк бос айтпайды экен...

Куьн, тегершиктей тыгырып, батаяк ягына асыгады. Минат та, уьй куллыкларын этип кутылайым деп, асыгады. Китабын окып кутылмага Кырлув да асыгады. Мойнала да, асыгып-асыгып, шешекей басын отлайды.

Кыздынъ касындагы ап-ак наьзик шешекейге конып, бир ярасык шыбар шыбын да озь каьрин этеди. Ол, узын йинъишке бурнын шешекейге сугып, вызылдайды. «Таьтли сувын сорады, — дейди кыз, шыбынга сейирсинип карап. — Оннан ол бал этеек. А балды биз ашаякпыз». Сораягын сорып болып, шыбын асыгып ушып кетеди.

Баьриси де озь каьрлерин этип кутылганша асыгадылар.

— Кырлув, шыракшым, уйге кел! Болаяк ойнаганын! — деп шыгады Минаттын да тавысы, кызын асыктырып.

Кырлув, анасынын бакырганына кулак салып, тынълайды. Анасы яна кышкырады.

— Мени излестиреди, — деди оьзи-оьзине Кырлув эм уйлерине асыкты. Анасын коьргенше асыкты, онын касына олтырып, таьвесилмес таьтли хабарларын эситкенше асыкты. А онын анасы хабарга уста эди. Ол билмеген такпак, эртеги, юмак болмас эди. Айтып басласа, тынълаган аьдем авызын ашып тынълайтаган эди. Болады да эл ишинде соьзге сондай шебер бирев. Оьзи, баска бирерлердей, балсынып-зат этип билмейтаган эди. «Билгенинди халкка айтпага керек, айтпай коьрге алып кеткен аьруув тувыл, куьна», — дейтаган эди.

— Кыр-лув!

— Ба-бараман, а-абай!..

3

*Оьзин оьзи мактаган
халктан бир эли кем.*

Анасы ман кызы алма теректин астында, тавлар бетке карап, олтырдылар. Олардын касында, аякларын кенъ таслап, кара ерде кишкей кара улак ятыр. Ол мызгайды. Сав куьн бойынша шавып тамам арыган... Кырлув да арыган, соьле ол да, аякларын коьсип, кишкей шатта олтыры. Анасы да, кызы да тигилип эрекке, тавлар бетке карайдылар.

Тавлар. Олар бийик, шынжырдай болып, куьнтувардан куьнбатар карап соьзыладылар. Тоьбелери ап-ак, тап олар ак боьз буьркеншикке буьркенгендей болып сезилдилер. Тавлардын ортасында, олардын арсланындай болып, эки оьркешин бийик коькке тиреп, Карлытав коьринеди. Ол язда да, кыста да ап-ак болып турады. Оьзи де Баубек-алардын уйлериннен юп-ювык болып коьринеди. Аьжейип тувылма, кайсы ногай авылга барсан да, ол коьринеди, яде бурынгылар, конган заманларында,

ырым этип, сол тавга карап конганларма? Ким биледи онысын? Кайсы авылдан да тувра касынъдадай болып коьринеди.

— Абай, Карлытавдынъ басы неге эки айырыш болган экен? Баска тавлардыкы ондай тувылды да?

Анасы серпилеп кызына карады. Буьгуьнге дейим ол соьйтип сораган йок эди. Буьгуьн кайдан эсине туьсе койды?

Уьндемейсинъ де дегендей этип, кызы яна анасына карады. Минат басындагы моры шоканасын туьзетип байлады, кызы бетке аз-маз энъкее берип, минезленип олтырды эм, тамагын кырып, айтып баслады.

...Карлытав дуньяда энъ уьйкен, энъ бийик тав, дейдилер. Оьзи де бурьнларда бир баслы болыпты. Алладынъ эмири мен дуньяды сув алады. Сол заманда Нух пайхамбар ерде яшавды йок этпес уьшин уьйкен дегенде уьйкен кеме ясап, ога аьдемлерди, аьр бирер янувардан бир ургашы, бир эркек, азык-туьлик алып, баьрин де сол кеме мен алып йоьнейди. Кеме сув ман баьленше куьнлер юзеди эм оларга бираз заманга каерде болса да бир ерде токтамага керек болады. Аьдемлерге де, януварларга да тыншаймага, ас-сув ишпеге керек эди. Мине сосы вакытта бизим Карлытав: «Мен, тек мен дуньяда энъ уьйкен, энъ бийик тавман, – дейди, мактаньп эм Аллага ассы болып. – Тек менде токтамага керексиз, тек мен сизди куткармага болаякпан бу баьледен. Тек мен!» Сол заманда Аллаху-Таала тавга, мактаньп ассы болганы уьшин, бек каты ашувланады. Эм Нух пайхамбардынъ кемеси Карлытавда токтамай, онынъ басын эки айырып, оьтип кетеди. Баска тавга барьп токтайды...

— Эне сол заманнан бербетин, кызым, тавдынъ басы эки айырыш болып калган, дейдилер. Эситтинъме энди, шыракшым, артык мактанган деген де яхшы зат тувыл! Аьдемди аьлек этетаган сол-ав. Уьйкенсимеге эш керек тувыл. Оннан эсе халк сени оьзи мактасын. Халктынъ коьзи оьткир, ол коьтере затты да биледи, коьреди. Ердинъ ети кабатындагын да коьреди. Бир аьдем, не баьтир болса да, бир зат этип колыннан келмес. Бизде, ногайда: «Оьзин оьзи мактаган халктан бир эли кем», — дейди. Ялгыз бир аьдем халксыз бир зат та этип колыннан келе-

ек тувыл. Аьдем халк пан аьдем болады. Туьсинесиньме, айым, куьним?

Кырлув, ойлы болып, тынысын терен алды:

— Туьсиндим, абайым.

— Аьруув, шыракшым. Ондай заттынъ акында йырда да айтылады.

— Кайтип? — деп ябыса калды кызы.

— Тыньлаш:

Болдым энди, басым коькке етти деп,
Таянувым кая тастан берк ти деп,
Ярасьгым гуьл шешектен коьрк ти деп,
Уьйкенсиреп эш бир заман мактанма...

Кызы сейирсинип, кишкей колын иегине таяп, тыньлайды. Анасы, ойлы болып, айтады:

Болдым энди, меннен уьйкен йок десень,
Таянувым кая тастан берк десень,
Ярасьгым гуьл шешектен коьрк десень,
Коьркинъ кетип, таяв сынып, ялгыз болып
каларсынъ...

— Аьлемет, абай. Тек сен мага, абай, эринмесень, сол Карлытавда токтагысы келмеген кеме оннан сонъ кайсы ерде токтаганын айттагы.

— Арапа тавда, дейдилер. Ким биледи оны. Тек бир Алла оьзи биледи. Эне соннан сонъ сув кетип, дуныяда яшав тагы да басланады.

— Каратага бизим Карлытавга. Оьктем болган. Басы ярылган экен, ярылса да — яшайды. Соннан бербетин эки бас болып калган детагы...

— Аьше, шыракшым. Сол эки басынынъ арасындагы ойпатта таза дегенде таза, оьзи де исси болып, коьпкоьмек коьл бар, дейдилер.

— Сонынъ басына минип, сол коьлди коьрсень деш. Кайдай экен?

— Йок, кызым, оны коьрип болаяк тувыл.

— Неге, абай?

— Онынъ басы бийик эм оьзи де айлак тик. Кобкше буз уьсти, кар куьртиклери мен капланган.

Кырлув олтырган еринде тынышсызланып кыймылдады эм, анасынынъ айтканын макул коьрмегендей:

— Абай, а бизге окытувшымыз Карлытавдынъ тоьбесине аьдемлер мингенлер, дейди. Кайтип болады, аьше, ол? — деп сорады.

Анасы не айтаягын билмеди, ойланды, сонъ, тутлыга берип:

— М-м-м. Кайтип мингенлерин билмеймен. Эситкеним йок. Аनावдай бийик заттынъ уьстине кайтип минеек аьдем? — деди.

— Бизим окытувшымыз Харун Аджимурзович обтирик айтаяк тувылды да, аьше. Кобп аьдемлер мингенлер, дейди. Тавдынъ тувра басына бизим кызыл байракты да такканлар.

Минат кызынынъ соьзлерин шекленип тынълады. Бир яртысы ынанды, бир яртысы ынанмады. «Ия сага, кайдан минеек эдилер ондай бийик тавга, айтадылар», — деп ойланды. А кызына карап:

— Болмага да болар, кызым, — деди, — тек мен эситкен йокпан. Бизим сосы шакта не болады, не болмайды. Бир Алла оьзи биледи олардынъ баьрин де.

Анасы кызы ман эрискиси келмеди эм соьзди баска якка бурды:

— Тезден, шыракшым, атанъ келмеге керек.

— Абай, — деди тагы да кызы, кишкей колы ман тавлар бетке коьрсетип, — эне анав коьринетаган тавлардынъ туьбинде аьдемлер яшайма, э?

— Яшайдылар, кызым. Карашай дейтаган халк яшайды. Язда бизим малшылар да мал бакпага сонда барадылар. Эне анав тавды коьресинъме? Ога Кызгыш дейдилер. Язда эне сонда бизим колхоздынъ да маллары багыладылар.

Кырлув тавлар бетке карайды. Ах, ол соьле онда болса, тас-тастан каткып-шоршып шабар эди. Эм ол, коьтерилип, тавлар бетке колын созады. Ама тавлар эрек каша бередилер. Тек батаятырган куьннинъ таяклары олардынъ басларын кызартадылар. Кырлув карайды.

Тавлар караланадылар. Олар алыстан-алыс бола бердилер.

— Абай, сен онда болгансынъма?

— Болганман, шыракшым. Сен де болгансынъ, яным.

Кырлув сейирсинип:

— Кашан, абай? — деп сорады.

— Сен тавда тувгансынъ, шыракшым, оны мен айткан йокпанма сага?

— Кайтип, кайтип? — деп, кыз ушып кеткендей болды.

— Тувра Кызгыш тавдынъ туьбинде тувгансынъ, шыракшым. Эне коьресинъме, муннан сол тавдынъ басы бек аьруьв болып коьринеди. Караш, ярыгым.

Кырлув, коьзлерин шуьртейтип, анасы коьрсеткен тав бетке карайды. Сонъ, анасына бурылып, айтады:

— Анавыма, абай? Тоббеси аз-маз шока болып турады тувылма?

— Сол, шыракшым. Сен эне сол тавдынъ туьбинде тувгансынъ.

— Айттагы, абай, кайзаман, кашан?

Анасы айтты, кызы тынълады.

4

Юрек сыфы – тувган ер.

Минат кызына кашан, кайсы ерде тувганын айтты. А оззининъ коьз алдына тав яклар келдилер.

...Тавлар тарактай тик эм ала-кула басларын коькке тиреп турылар. Олардынъ тоьбелерине, ак буьркеншиктей болып, сийрек ак булытлар бурмаланып шырмаладылар. Каяларга тармасып биткен агашлык сийрексип эм саргайып баслаган. Дуныя буздырып шорылдайтаган шокрыаклар да сабырланганлар. Лал куьйиздей болып турган отлаклардагы оьленлер катып баслаганлар. Ийислери, койы туьскен шайдай болып, бурынга согадылар.

Булар баьриси де тавларга куьздинъ шагы кирип келеятырганын билдирип турылар.

Тавдынъ тувра этегине туьгилген тогайда, пишен аталардай болып, баьленше шетен кос коьринеди. Булар Кень-Тогай авылынынъ кой кослары. Яздынъ ялгагын койлар тав яйлавада лал-йоьгер шешекей отгы отлайдылар. Эт косадылар, оьседилер. Козылар мазаллы токлы боладылар. Аьдемлер тавдан тап сонъгы куьз кирип кайтадылар.

Куьннинъ алтын таяклары, тавларды обгип, тогайга тийген шакта, бир костынъ ишиннен, тав шокрыагыннынъ тавысындай болып, тувган баладынъ бас деген тавысы шыкты. Дуныяга эндим дегенди билдирип шыкты. Уьйкен ала кийиз тоьселген тактаметте яткан кыскааяклы тынысын енъил алды.

— Кыз, Минат, яным. Хайырлы-огырлы сабатке тувсын дуныяга, — деди, тувган балады орап, эбиялык эткен эсли кыскааяклы. — Оьзи де куьн мен бирге тувды. Огырлы аьвлет болсын. Юрген йолына оьмири куьн таяклары тийип турсынлар.

Мунынъ арасында баьри кослардынъ да кыскааяклылары йыйылдылар, хайырлы болсын айттылар. Кой отарларга кеткен Баубекке суьйинши айтпага бир яс балады шаптырдылар.

— Минат кыз тапкан! Кыз тапкан! — деген соьз янма-ян малшыларга яйылды. Аьдемлер хайырлы болсын айттылар, тилек тиледилер. Ол тувганы ман халкка да бир ийгилик тувсын, дедилер. Баубек, пишем кыз тапты деп, оькинмеди. «Кызданма хайыр, ястанма хайыр», — деди оьзи-оьзине. Бир куьн, бир кеше ат излестирдилер анасы ман атасы янъы тувган кызларына.

— Кырлувлар, — деди экинши куьн Баубек, бийик коьп-коьмек коькке тигилип карап. — Уьшкылше болып калай аьруьв тизилип бараятырлар, ярасык куслар-ав. Оьзлери де айлак акыллы затлар, дейдилер...

Кырлувлар, уьшкылше-уьшкылше болып тизилип, кур-кур этип, кубыла карап кеттилер. Баубек, олар коьзден тасаланганша, карап турды. Сонъ зыранълап коска кирди де:

— Анасы, — деди акырын пишесине кувнак тавысы ман, — ат таптым кызга. Эситесинъме?

— Кайдай?

— Яхшы ат. Эситесинъме кырлулардынъ тавысларынъ? Эне солар эсима туъсирдилер, анасы. Ярасык, акыллы куслар. Кур-кур деп, ушып кетейтырлар биз бетлерден.

— Кырлу деп пе, атасы? — деди Минат. — Туънегуън эртенъликте, кыз тувган шакта, эситтим мен олардынъ тавысын. Баладынъ тавысына явап бергендей болып, кырлулардынъ тавыслары шыктылар.

— Уъшин аты Крымхан болар, анасы.

— Хайырлы ат болсын, атасы. Сымарлап айтканынъ коьтересиннен де артык... Тек быйыл кырлулар бизден эрте кетейтыргандай коьремен.

— Ол ери бар. Кырлулар эрте кубылага ушсалар — кыс марка келетаган, дейдилер. Эште, кыс эрте келеек болар.

— Курлы-курлы, — деп эситилди коьктен тавыслар.

Бу вакытта, оларга явап бергендей, абасынынъ койнында яткан бала «инъа» деп тавыс шыгарды.

— Кырлу, — деди анасы, баласын бавырына басып...

Кеште савлай Кызгыштагы аьдемлер йыйылып, янъы аьдем дуныяга тувганы уъшин курманлык сойдылар эм уйкен ойын-той эттилер. Кызга картлар ат бердилер. Курткалар, кыз дуныяга куъз бен, куълте мен энди, ырызкылы, берекетли болар деп, тилек тиледилер. Кырдай кенъ, эрки хандай каты болсын, дедилер. Яслар орада тептилер, каяларды занъыратып, йыр йырладылар. Сол йырлардынъ ишинде кырлулардынъ акында йыр да эситилди:

...Сап-сап болып ушарлар,
Уъшкиллесип кырлулар,
Билбил болып, коьк бийлеп,
Занъыратып йыр йырлар...

Минат, хабарын кутылып, тавлар бетке карады. Алды якта, налдай айланып, бийик ала-кула тавлар созылганлар. Караган аьдемге коьктинъ шети олардынъ басларына тийип тургандай сезиледи.

Тавлар карт, каты. Нелер коьрдилер, нелер коьрмедилер, басларынан нелер кеширдилер, нелер кеширмедилер олар...

Кырлув да тавларга карайды.

— Энди туьсиндинъме, кызым, каерде, кашан тувганынъды? — деди Минат, кызынынъ басыннан сыйпап. — Аьдемге тувган ери айлак исси болаган. Тувган ер — тоьр тувылма аьдемге?!

— Аьше, абай. Тек бир кайта болса да, сол ерди коьрсем экен.

— Коьрерсинъ, кызым.

— Мен акай ман бармага болаякпанды да, абай.

— Коьрерсинъ, шыракшым. Барарсынъ, Кудай буйырткан болса.

— Йок, акай уйге келди десе — оны ман барарман. Болсынма, абай?

— Аьруьв, шыракшым.

Кырлув суьйинип, шоршып йогарыга турды эм аба-сын кушаклады:

— Бараякпан, бараякпан. Акай ман бирге бараякпан, дия?

Ягып турган Мойнала да турды, эм ол да, кыздынъ суьйингенин сезип, шоршып Кырлувдынъ тоьгерегин айланды. Кишкей конъырав каралдыды бийлеп зынъырады.

— Бараякпан, абай!

— Аьше, шыракшым, барарсынъ, тоба-тоба.

Ога явап эткендей, конъырав да зынъырады:

— Дзинъ-дзинъ...

— Бараякпан, бараякпан...

5

Халк келиспеген затты айтмас.

Авыл боьтен де бек яз куьнининъ кешинде айлак шав-шувлы болады. Бузавлар, кырдан туьсип келеятырган аналарын сезип, муьнъирейдилер, козылар манъырайдылар. Ийтлер абалап уьредилер. Ямагат-ямагаттынъ орамларында ойнаган балалардынъ тавыслары занъырап шыгадылар.

— Р-райт-райт, — деп бирев асыгып койларды айдайды. Авыл соьйтип бир-эки сабат кадер турады.

— Кырлув! Кырлув! — деп кышкырады Минат, ойнаган балалардынъ тавысларын тынълап. — Шыракшым, уйге кел! Кеш болаятыр!

Орамда конъыравдынъ зынъыраган сеси шыгады. Балалар ман бирге Мойнала да ойнайды. Бирерде Кырлув Мойналага ашувланып та алады, неге десенъ конъыравдынъ зынъыравы ман Кырлувды, каерге ясырынса да, балалар таба коядылар.

— Эндиден сонъ сени уйге капап келермен. Токта, сен ога шеким асыгасынъ, — дейди Кырлув улакка, кишкей колын яскап.

Мойнала иесининъ шамланганын сезеди эм, шуш-шлимен, кешир дегендей этип, басын тоьмен салып, тынълайды.

Балалар, шав-шув этип, ясырынмавык ойнайдылар. Олар соьйтип уйкен тавдынъ артыннан ай тувганша ойнайтаганлар. Уйлердинъ бежендей кенъ шетен ожа-клары, кешеди тагы да бек каранъа этеектей болып, айт деп коькке кара туьтинлерин бувдаклатадылар. Аьдемлер кешки казанларын асадылар. Соьйтип уйкен шав-шув болып озады авылда аксам ман ясыдынъ арасы. Аьдем аягы тынмаган шак, дейди халк бу вакытка.

Бирден Айтувды тавы беттен авылга ярык себилип баслады. Ол тавдынъ артыннан тувып келеятырган айдынъ ярыгы. Эште, сонынъ ушин болар халк та авылдынъ кубыла-куьнтувар бетиндеги уйкен тавга Айтувды тавы деп ат такканы; аьр заманда да ай сонынъ артыннан тувып келеди. А ай бататаган яктагы тавга Айбатар тавы дейдилер. Бизим халк аьр бир затка да атты келистирип атайды. Келиспеген затты оьмирде де айтпас.

Тавдынъ артыннан бас деп, ярыгын яздай яйнатып, алтын орактай болып, ай шыкты. Ай эректеги бийик тавлардынъ тоьбелерин ярыкландырды. Уйлердинъ иргелерин агартты.

— Ай тувды! Ай тувды! — деп балалар, айга карап, шав-шувластылар.

Тоьменде, йылгадынъ иши мен, арымай-талмай, Кобан шувлайды. Ол озининъ таъвесилмес йырын йырлайды. Ай авылга ювыктан-ювык юзе береди. Эгер Айтуды тавдынъ басына минип, колынъды узатсанъ, озинъди айга етеектей этип сезесинъ. Балалар айга карайдылар. Карайды айга Кырлув да. Ойлы болып карайды. Ога анда, айдынъ ишинде, колында уйкен дегенде уйкен таягы ман койларын яйып, койшы бараятыргандай болып коьринеди. Ол неге болса да яп-яланъаш. Сонынъ ушин де айга колы ман коьрсетпеге ярамайды, дейдилер авылда курткалар. Неге десенъ, ол заманда койшы, озин коьрсеткендей коьрип, уялады эм йылайды, дейдилер.

Кырлув тешкерип айга карайды. Тап сол койшыды шынтысы ман коьреектей болып карайды. Ай авыл бетке ювыклай береди.

Кызлар, бир ерге уймелеклесип, ай акында авылда балалар йырлайтаган йырды баслайдылар:

...Ай ярык,
Коян арык,
Бьдене пыскак,
Бьбри кашкак...

Кешеги шак йырды балалардынъ авызыннан коьте-рип алып йьбнейди.

...Ай ярык,
Коян арык...

Кькте ярык ай юзеди. Балалар, кора туьпте олтырып, айга, тап онда турган яланъаш койшыды коьреектей, тигилип карайдылар.

— Келинъиз эндигиси юмак айтайык, — дейди Кырлув, тенълерининъ эслерин озине каратып.

— Айт, Кырлув. Сен конъысы карт аьейден янъы юмаклар эситкен боларсынъ.

Ушин эди тенъ кызларынынъ айтувлары. Кырлув аьр заманда да йыйылган тенълерине бир янъы юмак айтпаса, яны ятак таппайтаган эди. Бьтен де бек Кырлувга анасы, оннан сонъ конъысыларындагы Ханым куртка коьп юмак, эртеги айтатаган эдилер.

«Юмак, эртеги деген зат аьдемнинъ куры эригин язып калмай, онынъ акылын юйрик этеди. Ойландырады, акыл береди. Оларды яхшы айтып билсенъ — окув билгендей бир зат», — дейтаган эди аьр заман, юмак айтып баслаятырып, куртка. Эм асыкпай, коьзлерин де юма берип, айтып баслайды. Кырлув, уйкенлердей болып, сол колын иегине таяп, савлай эсин берип тынълайды. Оьзининъ сосындай танъ, соьзге шебер, коьпти билген аьейдинъ аяклары авырып юралмайтаганына юреги сыгылады. Эм, оларды сав этер уьшин, бир эм де йокпа дуньяда деп, сорады. Куртка коьпке дейим уьндемей олтырды. Кишкенекей кыздынъ яны авырыптаганын сезди. Сонъ кыйналып: «Ах, балам, эм барма меним аякларыма? Ясымда кыйналганым мине соьле аякларыма туьсип туры. Болса да бирерлер: «Баьленшакай шешекейди кайнатып, бувына тутсанъ, колай болаяк», — дейдилер. «Ким биледи оны?» — деп яваплады.

«Кайдай шешекей экен, аьей?» — деди янма-ян кыз, тап бир сол шешекейди табаяктай болып.

«Коьктем шешекей, дейдилер, кызым. Оьзи де биз бетлерде оьспейди. Тав бетлерде коьп, дейдилер. Ким биледи, яраякпа, яраяк тувылма? Мен бувламаган зат калмады».

Кырлув ушып кеткендей болып: «Мен акайга тилермен, аьей, ол табып аькелер», — деди.

«Оьмиринъ болсын, балам, Кудаим-Таала наьсипли этсин», — деп яс баладай суьйинди куртка, кыздынъ соьйттип айтканына.

Сол куьн Кырлув Ханым аьейге коьктем шешекейди ердинъ йьртыгынан тапсам да, таппай болаяк тувыл деп, ийнатланды.

Кырлув Ханым аьейден эситкен янъы юмакларын тенълерине еткергенше асыгатаган эди. Соьле де соны билип, кызлар ога, сен айт деп, тилеп турылар.

Кырлув, уйкенлердей болып, тамагын кырды эм тамам Ханым аьей айтып баслайтагандай эттип, оны эркелеп айтып баслады.

...Бурын бирев бар эди,
Бурнында тирев бар эди,
Капшыктынъ авызы кийиз эди,
Каргадынъ авызы муьйиз эди...

Балалар, Кырлудынъ тоьгерегин курсап алып, авызларын ашып тынълайдылар.

— Ер астында йийрен ат, териси ети кабат, соярсынъ да тонарсынъ, тонаганда йыларсынъ. Ал айтынъыз — ол не зат?

Кобгереси де ойланадылар. Сонъ кышкырып, анавы мунавы деп, айтып баслайдылар. Болса да биревлери де туврасын айталмайды.

— Кайсы авылды бересиз, айтайым, — дейди Кырлуд, сонъалыкка калганда.

— Алакай авылын, Алакай авылын! — деп кышкырысадылар касындагылар.

— Алакай авылынынъ яхшылыгы мага, яманлыгы — тавга-таска. Ол соган.

— Ва, соны да билмедик, — дейдилер балалар, айталмаганларына оькинип.

Кырлуд тагы да айтады. Тоьгерегиндегилер тынълайдылар. Кызыга-кызыга, балалар заман ясыдан авып бараятырганын да билмей калдылар.

Аналары, орамга шыгып, балаларын шақырадылар. Балалар, экисер-уьшер болып, уьйлерине таркайдылар. Эм сол бала тавыслардынъ арасында кишкей конъыравдынъ зынъыравы эситиледи.

— Дзинъ-дзинъ-дзинъ...

Кырлуд ман Мойнала уьйге келедилер. Оларды уьйде Минат термилип карап турады.

— Абай, абай, — деди эсиктен кирер-кормес Кырлуд, — биз ай акында йырладык. Ай соьле яп-ярык. Юлдызлар да коьп, батлап-батлап быдырайдылар.

— Аьруьв, яным. Энди сыпырага ас салганман, олтыр да асынъды иш. Ойын болмаса, каьринъ йок, — деди анасы, казаннынъ касында йыбыр-йыбыр этип.

— Мурат кырдан келген йокпа, абай? — деп Кырлуд кардашын сорады.

— Келген, шыракшым, асын ишип болып, бираз олтырайым деп, Шахим тенъине кетти.

— Аьруьв, аьше.

Минат, казан-аякты ййыстырып болып, колына уршыгын алды.

— Абай, сосы не коьп юн ийиресинь? — деди кызы.

— Тезден куьз келеекти де, акань ман Мурат экевлерине баслык этпеге керек, кызым. Оннан сонь сага да йылы явлык тигеек боламан.

— Керек тувыл, абай.

— Неге?

— Коьпке дейим тигеексинь. Уйкламай тигеексинь.

— Ия сага.

Собьитип анасы колына юн алса, туьн ортасына дейим де олтыратаганын Кырлув билетаган эди. Сонынь уьшин эди онынь соьле буйьтип айтып турганы.

Минаттынь колларында уршык наьндубьриктей уьйириледи. Кызы анасынынь касына келип олтырады:

— Абай, бир зат айттагы, — деп тилейди ол.

Анасы эртеги айтады. Уршык уьйириледи. Кырлув тынълайды.

— Кеш болды, шыракшым. Ят, — дейди анасы.

— Тагы да бир зат айттагы, абай.

— Сен яташ.

Анасы, кызын уйклаткысы келип, акырын айтады:

Кызым, кызым, кыз тана,
Кызыма берер юз тана,
Юз танасы — мынъ тана,
Акасы келер мактана...

Йыр ман Кырлув, тербетилген бесиктедей болып, уйклап кетеди. Терезеден уйге айдынъ ярыгы согады. Ятар коразлар шувылдап шакырадылар. Кырлув таьтли уйклайды. Минат уршыгын уьйиреди.

Кень-Тогайды бийлеп алган туьн оьз йолы ман барады.

* * *

Эртенъликте терезеден атасынынь келгенин коьрип:

— Акай келди! Акай! — деп Кырлув, аягы ер баспай суйьинип, онынь алдына ювырып шыкты.

— Акай! Акай!

— Кыргызхан. Кел, кел, атка мингистейим, — деп Баубек, янма-ян аттан туьсип, кушагын яйып, кызына ымтылды. Кара ямышысынынъ кенъ этеклери, кара кустынъ канатларындай, ашылдылар.

— Кел, кызым, — деп атасы, кишкей арыкай кызын колына алып, кенъ коькирегине кысты. Онынъ каты сакалы кыздынъ бетин кутыклады. Уьйкен япалак барак ийт Баубектинъ уьстине шоршып ярбанълайды. Иесин сагынган болартагы. Мойнала да мунынъ тоьгерегинде айланады.

— Акай, атка мингисттагы, — деп тиледи кызы. — Эсик алдында бир-эки кайта айланайымтагы.

— Орамга шыкпа, кызым, даь? — деди атасы, куьлемсиреп. — Сени тек бир мингист — оннан сонъ савлай ямагатты кезбейсинъме.

Баубек кызынынъ кылыгын аьруув биледи. Соьйтип, бир-эки айланайым деп, тилеп атка минсе, Кыргыз энъ алдын каралдыда бир-эки айланар да, сонъ аттынъ басын авыз бетке бурар эди. Эм, орам ман бир болып, атты шаптырар эди.

— Ах, сениме-сени, ойсыз эркекти, — деп шамланады ондай заманда Минат байына, — кыз балады аьдем атка мингистетаганма? Йыгылса — кайтеексинъ?

— Бир зат та болмас, анасы, — дейди Баубек, эш кыйналмай, — йыгылмас. Юрсин, кайтип берк болар. Бурында ногай кызлар атта эрлердей болып юргенлер, пише.

— Юрсин дегенинъ неди оьзи, эркек? Сага коьре не аьжет. Эркекшора этеек боласынъ сен кызынъды.

Минат айтпаса да, орамда ат пан юрген кишкей Кыргызды коьргенлер: «Баубектинъ кишкейлери эркекшорадай бир зат. Коркпай-зат этпей ат уьстинде яслардай кайкалап юргенин каратагы», — деп аьжейип этип карайдылар.

Кыргыз мунав йол да соьйтип этти. Энъ алдын каралдыда бир-эки айланды, сонъ, атасы уьйге киргенлей, каралдыдан шыкты. Дуныя буздырып, орам ман бир болып, торы атты шаптырды. Аттынъ артыннан, конъыравын занъыратып, Мойнала да шапты.

— Минаттынъ эркекшора кызынынъ юргенин караш, абай, — деди бир яс кеншек карт кайынанасына, тереzedен орамда ат пан юрген кишкей кызды коьрсетип.

Куртка келинининъ соьзин артык макул коьрмед:

— Неge эркекшора болады экен, келин, ол аьдет соьле койылып туры, а бурынларда бизим кыскааяклылардынъ коьтереси де ат пан юргенлер, дейтаган эди уьйкен нагаш аьем язык. Шапканда эрлерди озган кызлар болганлар. Юртына яв шапкан заманда, колына алдаспан алып, кавга эткен кызлар ша? Эрлерге пай бермегенлер болганлар. Оннан хабарынъ барма, келин? Яста мен оьзим де мингенмен атка. Не затты да билгеннинъ зарары йок, бир керекпесе, бир керегеди яшавда. Арба айдап, ат минип билгеннинъ неси уят экен? Аьр бир аьдемде де эрдей эрк болмага керек. Машалла Минаттынъ кызына!

Куртка айтты, а келини кайынанасы акында, сени кайзаманда да меним айтканымды аькиске аькетпеге сал да кой деп, ойлады...

Соьйлей берсинтагы соьйлейтаганлар. Олар уьшин не Кырлувдынъ, не онынъ атасынынъ касырлары да каврамадылар. Минат, кызынынъ орамга шыкканын коьрип эм йыгылып олтырар деп кавыфланып, оьзи де орамга шыгып кышкырды:

— Болды, Кырлув! Уьйге кел энди!

— Токта, абай, сувгарып келейим!

— Аканъ оьзи сувгарар!

— Йок, мен оьзим!

Кырлув атган эрлердей каткып туьсти, сонъ оны аькетип ат байлавышка байлады.

— Кел, кызым, энди ас ишейик, — деди атасы, кызын шақырып, — абанъ бир аьруьв пыслак писирген эткен.

Баубек балалары ман ййма машайрап, сыпырады курсап алып, ас ишти. Кырлув атасы ман бир аяктан ишти.

— Оьзинънинъ аягынънан етага, — деди анасы.

— Йок, — деди кызы, — акай ман бирге егим келеди.

— Аканъ куллыгына кетсе, кайтип туратаганынъа сейир этемен. Ол келди десе, айырылгынъ келмейди, — деп бир-бирлерине мерлери канмай турган атасы ман кызына сукланып карады. А оьзи: «Акылы да, кылыгы да

тамам оьзи, аьдем аьдемге усап, булардай усаган коьрген йокпан», — деп ойланды.

— Мунав йол акайдан калаяк тувылман, абай. Мине коьрерсинь, оннан калатаган болсам, — деди бирден Кырлув, ант эткендей этип айтып.

— Не коьреексинь онда, кызым?

— Тувган еримди. Мени бир кайта да аькеткен йоксынь, акай, онда. Мунав йол аькетеексинь. Аьруувме?

Атасы ойланды, янма-ян явап бермеди. Тек кызы бир зат айтпасын, айтса — артыннан калмайтаганын бек аьруув биледи. Не деп айтаягын ойланды.

— Уьндемейсинь де, акай?

— Аькетермен, кызым. Тек мунав йол арба бараяк тувыл. Мен ат пан келгенмен де. Арба барса — барарсынь.

— Йок, — деди Кырлув, арт кайтпай, — мен ат пан бармага суьемен. Мен атка минип билмейменме?

Баубек кызынынь соьзинде ийнатлыгын сезип:

— Аьруув, аьше, — деди.

— Тек алдама, даь? Аькетпесень, оьзим ялгыз барарман, акай. Бир коьзине карамай барарман.

— Соьйтип этпе, кызым. Мен сени бир кайта да алдаган йокпан да. Аькетермен дедим де — аькетермен.

6

Конак атаньнан уьйкен.

Бу кеше Кырлув коьпке дейим уьклайлмады. Атам таньда, мени уьклатып, кетип олтырар деп, ойланды. Болса да, уькы був ийигитти аттан йьгар дегенге усап, ятардан сонь кыздынь коьзлери оьзи-оьзиннен юмылдылар...

Уьшинши кораз шувылдап кышкырганда, Баубек акырын, кызымды уянтып олтырмайым деп коркып, турды. Кырлув таьтли уьклайтаган эди. Атасы кызына сукланып карап алды. «Не этпеге керек? Аькетейимме экен, яде не этейим? Аькетпес эдим, туьнегуьн, аькетермен деп, соьз бердим де. Не этейим экен?» — деп ойланып бираз турды. Сонь, терезеге келип, тыска карады. Аьле де

каранъя эди. Тек танъ ювыклаганын билдирип, куьнтувар бет сезилер-сезилмес ярыкланып келеятыр эди.

— Энди де бир ярым сабат кадер уйкласын, мен алайпылайды абзирлегенше, — деди оьзи-оьзине Баубек эм, атымды йолга абзирлейим деп, тыска шыкты.

Шагы оьтип кетейтырган туьн мен энип келеятырган куьн экевлерининъ арасы эди. Бу шак айлак та тынык болады. Коразлардынъ оьзлери де тынадылар, кеше бойы уьрип турган ийтлер де, ап деп авызларын ашпай, басларын алды аякларына салып, мызгайдылар. Аьдемге де бу шак уйкыдынъ энъ таьтли вакыты.

А Баубек, йол шыгаяк болганы себепли, амалсыздан турды. Эм ол куьнъиртленип, бирем-бирем соьнип келеятырган юлдызларга бир кесек заман карады. Тек танъ Шолпаны яп-ярык болып туры эди. Ол юлдыз танъ яп-ярык болып атканша соьнмей туратаган.

«Кайтип этейим экен, ярабий?» — деди яна Баубек, кызынынъ акында ойланып. Эм бирден ол оьзи-оьзине каты этип айтты: «Барсын, не болаяк? Мектепке соьле бармайды, каникул, тавларды да бир коьрсин, эригин язар». Сонъ ол каралдыды кезип шыкты. Тал корадынъ ерери таркаган, котаннынъ камысы да сийрексиген. «Кол керек. А сен, Баубек, кеше де, куьн де колхоздынъ кулыгы деп, юресинъ, уьй де йок, каралды да йок. Юртагы халктай болып, завферма болмага сага неден керек эди?» «Йок, йок, — деди баска бир ишки тавыс, — соьйтип неге айтасынъ, ол куллыкты сен этпесенъ, анав бирев этпесе, ким этеек? Кимнинъ болса да биревдинъ яны авырмага керек халктынъ малына-муьлкине. Соьйлейсинъ. Корады-корамтады карамага заман табылар. Куьзде, койлар тавдан кайтканда, этермиз. Бир-эки арба тал болса — болаяк, коьп зат керекпе ога? Кыска дейим туьзетермиз. Соьле бурнынъды симгирмеге де заманынъ йок...»

Баубек тагы да серпилип куьнтувар бетке карады. Ол ярыктан-ярык бола берди. Шолпан юлдызы да куьнъиртленип баслаган: танъ атып келеятыр эди. Энъ алдын атты котаннан шыгарып, суьртти, тазалады. Оннан сонъ минезлеп иер салды. Коьтересин этип болганы сонъ, зыранълап уйге кирди де:

— Анасы, энди Кыргызханды тургыстпага болаяк-сынъ. Танъ атаятыр, — деди, пишесин асыктырып.

— Койган болсанъ соны, атасы. Не коьреек онда? Боп-босына оьзинъе ада этесинъ.

— Барсын, — деди байы, — тавларды коьрер, койшыларды коьрер. Онынъ, оьзинъ билесинъ де, коьтересин де коьргиси, билгиси келеди. Бир-эки юмадан кайтар. Оьзим аькелермен.

Анасы акырын, сескендирип олтырмайым деп, Кыргызлудынъ ювырканын ыслады. Сол сабат ок кызы уянды эм, уйкы эсирик болып:

— Акай кеткенме, абай? — деп сорады.

— Йок, кызым, сени саклап турады. Бол тур.

Кырлук, янма-ян ушып турагалып, кийинди. Атасынынъ касына келип:

— Мен аьпме-аьзирмен! — деди, пионерлерше колын шекесине салып.

Атасы, кызынынъ соьйтип эткенине суьйинип, куьлемсиреди де:

— Мен де аьзирмен, Кыргызхан, — деди.

Анасы кызына, йылы кийин деп, йылы юн явлык, кыспа берди.

— Тавда эртенъликте, кеште суьык болатоган. Мен билемен де. Соьле киймесенъ де, анда киерсинъ, арт-пакка салайым, — деп, ая-куье болып, кызынынъ тоьгеринде айланды.

Эки коьзли юн артпакка Минат аямаган этип кийим де, азык та салды. Баубек пишесининъ этетаганына сейирсинип:

— Артпакты йыртасынъ, анасы, не коьп сыплайсынъ буга, — деди. — Ол кадер азыкты кимге егистеексинъ? Буьгуьн кеште онда болаякпыз да.

Минат, эситпеген кисидей болып, сала берди: пискен эт, наьртуьк атыклар, матакоя. Матакояды кызым бек суьетаган деп, аьдуьвлеп ак шибереке туьйип салды.

— Болдынъма, анасы? Кешиктиресинъ бизди, — деди Баубек. — Бир куьнлик йол юреекпиз.

Минат кызын кайта-кайта кушаклады, авызын-бурнын оьпти.

— Сак бол, кызым. Аканънан айырылма. Аьруьвме?

— Аьруьв, абай. Коьп айтып тербеметагы.

— Яхшы сабатке барынъыз. Йолынъыз яйма-шувак болсын.

— Яхшы сабатте кал, абай.

Сол арада, а мен ша, мени минен неге аманласпайсынъ дегендей болып, аят уьйден Мойналадынъ йинъишке тавысы шыкты.

Кырлув, эсикке карап:

— Яхшы сабатте кал, Мойнала, — деди. — Мен тезден кайтарман...

Атасы ман кызы атка артласып минип, йолга туьстилер. Кырлув бурылып, анасына сав кал дегенди билдирип, кишкей колын булгады.

Авылдынъ ишиннен шыкканша, Баубек атын асыктырмады, тизгинди аз-маз тартып барды. Эл ишинде, не асыгыс болсанъ да, атты, яв шапкандай этип, асыктырмага керек тувыл, дейди халк.

Сокпак пан арба йолга шыкканша, булар уьндемей бардылар. Йолга мингенлей, Баубек, йыр айтсанъ, йол кыскарар деген мырат пан, кайдай ды бир йырды, аттынъ туякларынынъ басканларына келистирип, айтып баслады. Кырлув, туьсинеек болып, сак болып тынълады, не деп айтатаганын анълаялмады эм, билгиси келип, иши пытлап, сорады:

— Не дейсинъ сосы сен, акай?

— Оьзим булай, кызым. Йыр узын йолды кыскартар, дегенлер атайлар, мен де оьзимше, молла билгенин окыр дегенге усап, бир затлар айтаман.

— Аьше, акай, сен эситтирип айттагы, аьдемлер де эситкендей этип.

— Чу, — деп Баубек атты асыктырды.

Торыдынъ наллы аяклары таслы ерди дабыр-дубыр этип тоьбелейдилер.

— Не айтайым? — дейди атасы, бираз барганнан сонъ, кызы бетке энъкейип.

— Не зат болса да бир зат айт, акай.
Баубек асыкпай айтады:

...Агашы айбар караган,
Шокырагы шор-шор этип агаган,
Кыовлы яга Кобан бар.
Кобанда айыры куйрык сабан бар,
Сув бойынша тарам-тарам тогай бар,
Тогай толы ногай бар...

Кобнъилден кобтерилип айтылган йырды бас деп каялар эсигедилер, оннан олар оны, зангыратып айттып, тав озени мен алып йобнейдилер. Канат кагып ушып барган йырга шорылдап аккан тап-таза шокырак сувы эжув этеди:

...Сув бойынша тарам-тарам тогай бар,
Тогай толы ногай бар...

Ат уьстинде олтырып, басын аз-маз анав якка, мунав якка шайкап, Баубек аьйт деп айтады. Аттынъ аяклары да-выл согадылар, шокырак эжув этеди. Кырлув сукланып тынълайды. Сонъында йырларман деп, йырдынъ аьр бир соьзин эсине алаяк болып, сак болып тынълайды.

Ога уьшини мен де йол кыскаргандай болып сезиледи.

Буларга окында обгиз егилген эки тегершикли ногай арбалар, атлылар, юкленген эшеклер расадылар. Бирерлери тавдан кайтадылар, баскалары тавга тармасадылар. Кырлув оларга кишкей колын булгайды, йолавшылар да булгайдылар, тири кыз бала деп, машалла айтадылар.

— Акай, — дейди ол бирден, — сосы бирер арбалар эки тегершикли, а баскалары доьрт тегершикли неге боладылар? Сога аьжейип этемен.

«Олардынъ баскалыгын да эслей койды», — деди обзи-обзине атасы эм, аьрув явапаяк болып, ойланды.

— Айтувынъ тувра-ав, — деди ол. — Эки тегершикли эм доьрт тегершикли арбалар да юредилер соье бизде. Бурын бизим халк эки тегершикли арбалар куланган.

Сонъында доьрт тегершикли кулланып баслады. Ол арбалар орыстан келген, дейдилер. Эки тегершикли арбалар, кызым, тавда юрмеге колайлы. Тар, тик йолларда бурылмага-зат этпеге аьруув боладылар. Сонынъ уьшин соьле бизге аьйт деп ногай арбалардынъ расатаганлары. Туьсиндинъме, кызым?

— Туьсиндим, акай, — деди кызы, басын ийзеп.

Куьн тавлардан ийги кесек коьтерилип, терен оьзеннинъ ишине синъеди. Салкында турган кая тасларды йылытады, тереклердинъ япыраklarын йылтыратады. Куьнге табиат кувнайды. Кувнайды ога Кырлув да.

Барганнан-барган сайын йол, тавга тармасып, тик бола береди. Ат та эндигиси юрисин акырынлатады. Тоьгеректеги каялар да бийиктен-бийик бола береди-лер. Узун карагай тереклер коьптен-коьп йолыгадылар. Кырлув сейир этип тоьгерекке карайды. Окында йолыгатаган тувра кая тастынъ уьстинде оьскен тереклерге аьжейип этеди.

— Куьн туьске ювыклайды, кызым, бираз атка да солув алдырайык, оьзимиз де кабынайык, — деди Баубек, аттынъ тизгинин тартып. — Мине мунав шоқырактынъ касында токтайык.

— Болсын, акай.

Атасы ман кызы таза дегенде таза, Зем-зем сувындай шоқырактынъ сувын ишедилер. Ат та ишеди.

— Энди де коьп калганма, акай?

— Ярым куьнлик йол калып туры, кызым. Булайда бираз дем алсак, оннан сонъ токтав йок, — деди Баубек, куьнге карап.

Сонъ атасы ман кызы оьтпек пен матакою йийдилер. Ат йол ягадагы ясыл коьгоьленди отлайды.

— Бизим сувдан сувык мунавы, — дейди кыз.

— Аьше, бу тав сувы, кызым...

Тагы да аттынъ туяклары таслы йолды тоьбелейдилер, йолавшылар асыгадылар, кеш болмай, бараяк ерлерине етпеге асыгадылар. Куьн де уьйкен тавлардынъ артына ясырынганша асыгады, тап онда ятып тыншаяктай болып.

Тавларда карангальык тез туьседи. Янма-ян каялар, агашлар караланадылар. Тынлык болады. Тек тав шо-кыраklar куьндизгиннен эсе бек шувылдагандай болып сезиледилер. Тынлап турсань, бир кужыр йыр йырлангандай болып шалынады кулакка. Кеше тынык болады да, сонынъ ушин болар, эште.

Ат, кишкей тавга тармасып, онынъ анав ягына авды. Эреkte бир от йылтыны коьринди.

— Кызым, эне анав отты коьресиньме? — деди Баубек. — Ол бизим койшылардынъ оты. Кешки асларын асадылар.

— Не зат кайнатадылар экен, акай?

— Эт кайнатадылар, туьй баста этедилер. О, кайтип аьруьв этедилер олар бастады, еп тойып болмайсынъ.

Ат, етеек ерине ювыклаганын сездиме-зат эттима, ким биледи, юрисин енъиллетип баслады.

Мунынъ арасында, дунья буздырып уьрип, баьленше ийт булардынъ алдына шыкты. Уьрип келеятырган ийт-лер бирден токталдылар, авады ийискиледилер, сонъ, атлыдынъ ким экенин билдилер болар деймен, аттынъ алдына уьрмей ярбанълап шаптылар.

Уьйкен отта карагай агашлар тарсылдайдылар. Отты курсап алып, кара кийиз боьрклер кийген аьдемлер олтырганлар.

— Салам аьлейкум, — деди Баубек, аттан туьсип. — Конак аласызба?

Дорбадай сакаллы, япалак тери боьрк кийген карт киси, тура берип, саламды алды:

— Аьлейкум асалам, Баубек. Ва, хош келдинъ, бес келдинъ. Оьзинъ мен кимди аькелдинъ? Кала коьрсет бизге.

Кырлув, сол соьзлерди эситип, тартынды эм атасынынъ ямышысынынъ этегине кысылды.

— Кала, Кырымхан, акай бетке бараш. Ол бизим куьптинъ тамадасы. Бар, тартынма, — деди атасы.

Карт, орныннан турып, кыз бетке келди эм, узын бармаклы колларын яйып, куванды:

— О, каратагы сен! Баубек, сен бизге кайдай уьйкен конак аькелгенсинъ, э. Конактан Алла айырмасын, мундай конак, оллахый, бизде бир де болганы йок соьлеге

шеким. Кала, кызым, мунав бетке келеш. Сен, кишкей болсанъ да, бизге уйкен конаксынъ, кызым. Халк: «Конак атанънан уйкен», — дейди.

Кырлув, тартына берип, от бетке барды. Кашан болса да, сосы карт кисиди Кырлувдынъ авылда коьргени бар. Тек соьле бир де эсине туьсире алмайды. Курыктай бийик, шал сакаллы карт кувнак аьдем коьринеди. Кыз оттынъ ярыгында олтырганларды коьзининъ астыннан сездирмей карап шыкты. Картты санамай, олар бесев. Баьриси де уьстилерине шепкенлер кийгенлер, аякларында — юн сымлар ман яхшы уйкаланып этилинген коьн шарыклар. Аьр кимнинъ де белинде — бирер кынлы пышак. Койшы дегенинъ пышаксыз болмайтаган болартагы. Коьтереси де онынъ келгенине суьйингендей болып коьринедилер. Ийтлер неге болса да каранъага карап уьредилер. Койшылар да кулакларын туьрип тынълайдылар.

Карт йоьткирди, сакалын сыйпады, сонъ, тамагын тазалап:

— Баубек, эситесинъме, Баубек? — деди. — Мунавы анав бир йылларда мунда туватаган кыз тувылма?

Олтырганлар кызга карадылар. Карт та тешкерип карады эм соьзин айта берди:

— Соьле мен сизге онынъ неше ясында экенин айтайым. Ол, мен билистен, биз бас деп мунда колхоздынъ койларын аькелген йыл тувган. Буьгуьнги куьндей эсимде, ол заманда куьптинъ уйкени, еринде еннетли болсын, Боранбай язык эди. Солды да, кызымызга бу йыл болады... — эм тамада бармаклары ман йылларды санап баслады. — Бу йыл йылан йылы, а кызымыз шышкан йылында тувган. Ток йыл, оьзи де ток аьвлет болар, Алла берсе. Шышканнан шышкан ети болдыма, болды. Оннан сонъ да бир, эки... Бу йыл ога он эки йыл барады, оьгирик айтпасам.

— Туп-тувра, акай! — деп Кырлув ушып кеткендей болды, карттынъ онынъ ясын тувра билгенине сейирсинип.

— Солды да, кызым, сен тагы да мине тувган еринъе келдинъ. Оллахый, яхшы, яхшы. Аьперим сага. Машалла, машалла.

Тагы да неге болса да ийтлер кайгылы болып уърдилер.
Мунав йол тамада да тынышсызланып:

— Мазем, отар бетке карап келеш. Каравыз не бек абалап уъреди сосы, — деди.

Мазем турып, отар бетке кетти. Тамада, Кырлувды обзининъ касына аькелип, арууьв этип аьдуьвлеп олтыртты.

— Аьперим, кызым, сага, бизге келгенинъе. Обзининъ эригинъ де язылар, бизики де. Сени коьргенде, оллахый, авылымды коьргендей болдым. Соьле ас ишейик. Эт бурыждай болып пискен, — деди тамада.

Баьриси де, отгынъ тоьгерегин курсап олтырып, ас ишедилер. Тузлыкка малып, кой эт йийдилер. Кырлув да йийди. Ога эт уьшини мен де бурыждай таьтли болып сезиледи. Уьйде ол бу кадер этти бир де емейтаган эди. Эттен сонъ коьтереси де уьйкен агаш аяклар ман айран симирдилер.

— Кызым, — деди карт, — кайдай ярасык мунда, соьле каранъа, эртен коьрерсинъ, Алла берсе. Йолда юрип, арып келгенсиз. Соьле сен тыншай, кызым.

Кырлув, аьше дегенди билдирип, басын иьзеди.

Астан сонъ койшылардынъ яртысы отарды карамага кеттилер, калганлары коькитип туьтин ишип басладылар. Баубек юмсак иьйиси коькып турган пишенге уьйкен кара кийизди тоьседи, кызына орын аьзирлеп болып:

— Кел, кызым, ят, — деди.

Кырлув коьпке дейим уькляялмады, кулак салып ятты. Ога ийтлердинъ уьргенлери, койшылардынъ кышкырыклары эситилип турдылар. Каерде ди бир ерде узак болмай аккан шоькырактынъ шорылдавы шалынды. Оннан костынъ авызыннан коьктинъ кишкенекей болып коьринетаган ушкынына карады. Сол ушкын кызга уьстине алтын ока йип пен юлдыз оьрнеклер тигилген коьк ювыркандай болып сезилди. Эм акылы ала кайда кетип, бираз турды. Сонъ эсине Ханым аьейдинъ юлдызлар акында айткан соьзлери туьстилер. «Коькте, балам, яным, аьр бир аьдемнинъ оьз юлдызы бар. Ярык аьдемнинъ юлдызы ярык болады, тоьмен аьдемдики куьнъирт болып коьринеди. Бактылы аьдемге халк, юлдызы ярык

аьдем деп, сукланады. Аьдем оьлсе — юлдызы да соьне-
ди. Сен, балам, ушкан юлдызды коьргенинъ барма? Эне
сол ушкан юлдыз оьлген аьдемдики. Эне сондай, балам,
юлдызлар...»

«Аьей, аьше, оьз юлдызынъды кайтип билмеге бо-
лаяк?» — дейди Кырлув.

«Айхай сени, тек билип болаяк тувыл. Аьдем деген
затынъ кайдай, оны билсе, ога бараман деп, ога кеше
сайын карап турар эди. Билмегени колай...»

«Э, солай экен, аьей. Кене де билген болса аьруьв
эди».

Куртка йыйырылып, ишке уьнъилген коьзлерин
шуьртейтип, коькке карайды. Тап бир оьзининъ юлды-
зын излестиргендей этип карайды.

«Коьринмейме, аьей?» — дейди кишкей кыз, сейир-
синип.

«Оьзим булай карайман, балам. Меники айлак бек
куьнъиртленген, эртен-бирсуьгин соьнер де кетер», — деп
куртка тынысын авыр алады.

«Соьнмес, аьей...»

Ийтлердинъ абалап уьргенлери Кырлувдынъ ойын
боьлди. Эм ол, карамын коьктен алып, ийтлердинъ
уьргенлерин тынълады. Бираздан тагы да тып-тынык
болды. Тагы да сол шоқырактынъ шорылдавы йырдай
болып эсителинди. Эм сол тавыс пан кыз уйкыга коьми-
лип кетти.

7

*Шекшилсин шенвилшек, шекшилсин,
Яслькты яйдай яйнатып,
Шекшилсин шенвилшек, шекшилсин,
Санларда канды ойнатып.*

Эртенълик. Куьн аьле де тувганы йок. Ол кайда
ды анав бетте, тавлардынъ артында кезеди. Болса да
онынъ ярык таяклары, барганнан-барган сайын бийик
каялардынъ араларыннан оьтип, тав басларына, агаш-

лыкларга алтын сув ялатады. Ясыл коьгоьленлердеги номай туьскен шыкты, ялап алгандай этип, кептиреди. Тувып келеятырган куьнге табиат та, ян-янувар да куьнайды. Япалак эмен тереклердинь кенъ бутакларында кайдай ды бир куслар аьжейип йырларын куйытланып йырлайдылар. Тик тавлардынъ уьстинде уйкен кара куслар, кенъ канатларын яйып, саркадылар. Олар соьле куьннинъ коьзин коьредилер. Бийик тав тоьбелериндеги ап-ак кар, куьн коьзине тийип, куьмисленип шагылысады. Эне сол ириген кардан яз куьнлеринде тав шокрыаклары басланадылар. Терен йылгадагы шокрыак сув да, туваятырган куьнге суьйингендей болып, бир бек тавысланып шорылдайды.

Кырлув, костан октай атылып шыгып, тоьгерекке карады. Сукланганнан оьзининъ коьзлерине оьзи ынанмады.

Шынжырдай созылып турган бийик дегенде бийик тавлар, тармасып болмастай тик каялар. Тавлардынъ тоьбелеринде ап-ак карлар. А тоьменде, бу турган ерде, коьп-коьмек коьгоьлен, лал-йоьгер шешекейлер. Анда, йогарыда, кыс, а мунда, тоьменде — ялпак яз. Аьжейип ту-вылма тав бетлер? Ап-ак карды да коьресинъ, лал-йоьгер шешекейди де ийискилейсинъ.

Мине каерде тувган ол, Кырлув. Айлак ярасык ер. Кызгыш.

— Кызым, мунда авылдадай тувыл, эргенъликте сувык, кофтанъды кий! — деп кышкырды буга бирев. Кырлув сол тавыс шыккан бетке бурылып карады. Э, туьнегуьн кеште ас уьлестиретаган киси экен. Соьле де ас асып туры. Сол баягы еринде давдырама болып уйкен агаш от янады. Таганга илинген тоьгерек кара казаннан бувдак-бувдак болып був шыгады.

— Яде мунда, оттынъ касына кел, кыз! — дейди яна сол бирев, колын булгалап.

Кырлув оттынъ касына келди.

— Ярайма мунав бетлер, кыз, э? — деди киси, пыс-пыс этип, казандагы мамырсады бастабалак пан булгалай берип.

— Аьше! — деди Кырлув, ярык йылмайып, эм тоьгериндеги тавларга карады.

Аьлемет. Кайдай суьйсень, сондай каялар бар. Эне анав бирев каядынъ анав ери тамам аюв тувылма? Тамам оьзи, мойнын созып, эрекке карап туры. Анав тас ша? Ол, алды аякларын коьтерип алып, шавып бараятырган ярасык аттай болып та туры. Кужыр каялар экен. Кайтип болган экен-ав олар? Бирев каьр этип эткендей...

— Кызым, отягага ювык йылысып олтыраш, — деп тилейди казаншы, — йылынырсынъ.

Кыз отка ювык келип олтырды, колларын яйып йылынды, сонъ, кисиге серпилип карап:

— Акай, мунда эртенъликте неге сувык болады? — деп сорады.

Казаншы бирден явап бералмады, кыз уьйтип сорар деп, онынъ эсинде де йок эди. Ойланды, оттынъ шалаларын йыйыстырды. Кырлув, неге явапламайсынъ дегендей этип, кисиге карайды. Кисидинъ шонтык кара мыйыклары йыбыр-йыбыр этилер. Сонъ, ойлы болып, айтты:

— Куьн, биздегиндей болып, янма-ян тиймейди де, кызым. Коьресинъме, ол анав уьйкен тавлардынъ артыннан шыкканша, булайы сап-салкын болып турады.

Кырлув уьндемей тавлар бетке карады эм:

— Анав карлардынъ да сувыгы келе болар, акай, эште? — деди.

Казаншы кыздынъ соьзине сейир этти эм ишиннен ойланды: «Тавыктан да юмыртка акыллы деген мунавы экен, оллахый. Айтканда да кайтип айтты. Сып деп, уьстине туьсти. Бир баьле бир зат коьринеди бу, оллахый». Сонъ, кыз бетке энъкее берип:

— Ол ери де бар, кызым, — деди...

Куба каяларын коькшил коькке коьтерип, тавлар сирелип турылар. Эне анав яйдак ердеги куьйиздей коьгоьленге отар яйылган. Тоббешикте, таягына таянып, ямышы кийген узун койшы туры. Кулакка шоқырактынъ шорылдавы шалынады. Кырлувдынъ сол шоқыракты ба-рып коьргиси эм онынъ сувы ман бетин-колын ювгысы келеди. Аман да кайтип этеегин билмейди.

Казаншы, терлеп-пислеп, оттынъ тоьгерегинде йыбыр-йыбыр этип айланады. Бир казанды карайды, бир отка отын салады, тыныш зат па талай аьдегме

казан аспаклык. Казаншыдынъ коста басы бар. Тамада, тамададан сонъ — казаншы. Тамада — костынъ уйкени, онынъ айтканы калганларга уваздай. Аьдемлерде тувыл экеш, тамада малда да болады. Отарда уйкен теке бас болады, ол каякка бурылса — отар да сонда бурылады. Тамададынъ сыйы уйкен, бас болмаган ерде сыйрак болмас, уйкенди сыйламаган ерде кишкейдинъ басы болмас деп, онынъ айтканыннан бирев де шыкпайды. Казаншы — тамададынъ онъ колы. Ол ас та асады, обтпек те салады, аьруув этип ювырт та уйытады, сыйырды да савады. Бурнын симгиргендей мырсат табалмайды. Казанды да асып билмеге керек, даьмсиз-тузсыз этсенъ, сени аьдемлер казаншы этип бир куьн де тургыстпаслар. Ога да колайлы, билген аьдем керек...

Кырлув бир отка, бир де казаншыга карайды. Киси, казанды оттан алып, баска казан илди. Оннан сонъ ак шелекти алып, кызга айтты:

— Аьруув кыз, мен янма-ян барып сув алып келейим. Сен булайда турып тур. Оннан сонъ ас ишермиз. Аьруувме?

— Аьруув, — деди Кырлув.

Киси тар сокпак пан шорылдав шыгатаган йылга бетке зыранълап кетти. Кыз бираз онынъ артыннан карап турды, сонъ оьзи де сол сокпак пан шавып йоьнеди. Казаншы тик кыйшык сокпак пан сувга келди, энъ алдын колларын шайкап сув ишти, оннан сонъ шелек пен сув алды. Эм, артына бурылганлай, сокпак пан туьсип келеятырган Кырлувды коьрип, кавыфланып кышкырды:

— Сак кара, кызым, сокпак тик. Туьспе, мен соьле йогарыга коьтерилемен!

Аман да кыз, улактай шоршып, янма-ян сувга келди эм, энъкейип, бетин, колын ювып баслады.

— Сув сувык, — деди киси, кызды аяп.

— Йок, акай, — деди кыз, уйкенлердей болып соьйлеп, — сувык тувыл. Мен аьр заманда да сып-сувык сув ман ювынатаганман. Йылы сув аьдемнинъ бетин, колын тыртайтпага болады.

Казаншы кыздынъ тирилигине сукланды эм, коьзим тийип олтырмасын деп, туькирди.

— Кеттик, акай, эндигиси, — деди кыз, ювынып болып. Эм озы тик сокпак пан йоргалап йоьнеди. Казаншы да пыс-пыс этип кыздынъ артыннан шыкты.

Анда, йогарыда Баубек дунья буздырып кызын излеп юри эди:

— Кырлув! Кырлув! Кайда кеткенсинъ?

— Мундаман, акай! — деди Кырлув.

— Кайда баргансынъ? Тап бир авылдадай коьресинъ де озинъди.

— Мени мен сувга барып келеятыр, — деди казаншы, — бир де коркпа.

— Ювындым, акай.

— Коста ювынмага керек, эртенъликте шокырак сувы бек сувык болады, кызым.

— Ия, сувык тувыл, акай!

— Юр, аьше, асымызды ишейик. Меним куллыкларым шашымнан коьп, кызым. Буьгуьн эки отарды да карап шыкпага керекпен.

— Мен ша, акай?

— А сен, кызым, Асан ман бирге турарсынъ. Эсите-синъме? — деди атасы, казаншы бетке ымлап.

— Неге?

— Неге деген не ди озы? Кешке дейим мени мен кыдырып юреексинъме?

— Юрермен, мени араяктай коьресинъме?

— Йок, кызым, буьгуьн тыншай, оннан сонъ коьрип алармыз. Аьруьвме?

— Билмеймен.

— Сен билмесенъ, кызым, мен билемен. Буьгуьн Асаннынъ касыннан бир якка да айырылмайсынъ. Туьсиндинъме?

Кырлув, макул коьрмей, уьндемеди, атасынынъ тоьгерегиннен айланды.

Казаншы, кыздынъ коьнъилине етеек болып:

— Кызым, мен сага сызык егистермен, соьле-аьле иш майды кувыраякпан, — деп тилеп айтты.

— Туьврасын айтады Асан. Ох деп, сызык еп олтыр-тагы коста, — деди атасы.

— Эртен аькетерсинъме, аьше, акай?

— Эрген коьрип алармыз. А буюгуьн коста олтыр. Казаншы акай эриктирмес, бир де коркпа. Товарыхкзатка кайдай уста.

Кырлув, туврама, аьше, дегендей этип, казаншыга карады.

— Эрикпессинь, эрикпессинь, — деди анавы, кызга кувнак шырайлы карап, — мен соьле сага шеньилшек этермен. Эне анав эки карагай теректинь бутакларына тагып этермен.

— Уьшини мен ме, акай! — деп Кырлув суйинди.

Казаншы тастамал ман колларын суьртти эм, зыраньлап коска кирип, узын кайыс урга алып шыкты:

— Соьле-аьле этейим. Шеньилшек эткеннинь окувы барма, кызым.

— Токта, токта, — деди Баубек, — сен энь алдын мага ас ишир, мен тез болып Адемейдинь отарына етпеге керекпен.

— Алла-алла, соьле-аьле, — деп казаншы казан-аякка ювырды.

Ас ишип болганнан сонь, Баубек куллыгына кетти. Асан, калтань-култань этип, эки эгиздей болып турган субай карагай тереклерге кезуьв мен йоргалап, кайыс ургады бутакларга берк этип байлады. Сонь, шеньилшектинь аьруьв болганын билеек болып, оьзи тебип карады. Кырлув бир уйкен киси шеньилшек тепкенине куьлди.

— Мен, Кырлув, сага коьргистеек уьшин тептим. Кел энди оьзинь теп. Кайдай аьруьв шеньилшек, — деди Асан, шеньилшекти кыз бетке созып.

— Мен энди казанымды карайым. Тек, кызым, шеньилшегинь мен тавлардынь басына дейим шеншелип олтырма.

Кырлув сарк-сарк этип куьлди де шеньилшекке олтырды:

— Акай, акай, шеньилшекти бир-эки кайта шеншеп кетеш.

— Ва, уьйи соьнмегир, эсим ала кайда кеткенин каратагы, сени шеншетип кетпеге керекпен де, — деп казаншы баьленше кайта шеньилшекти шайкап-шайкап йиберди.

Кырлув шалкая берип, деген куьшин салып, шеншеп баслады. Шеньилшек, аз-аздан шайкала-шайкала,

кызып кетти. Кыз акырыннан оьзин коькшил коькке коьтерилип, тавлардынъ бийик ап-ак басларына ушып бараятыргандай сезди. Шалт етеек болып, бектен-бек шенъилшекти шекшилтти. Эне-мине аяклары ак карларга тиеятыргандай этип коьрди. Юреги коькке коьтерилип, шенъилшектинъ шекшилгенине келистирип йырлады:

Шекшил-шекшил, шенъилшегим,
Кел ушайык коьк юзип,
Шекшилеек, шенъилшегим,
Дунья коьрип, эл кезип...

Шенъилшек оны сайын, эгиздей эки карагай теректинъ бутакларын елпидетип, шеншиле берди.

Кыз бек шайкалып йыгылып олтырар деп, кавыфланьп:

— Акырын, Кырлув! — деп кышкырып алды баьленше кайта казаншы.

— Шекшил-шекшил, шенъилшегим...
Кел ушайык коьк юзип...—

деп кыз оны сайын шекшиле берди.

Кырлувдынъ артыннан йырды казаншы кайтарып айтты:

— Шекшил-шекшил, шенъилшегим...

Шенъилшек йыры оьзенлер мен, тавлар ман зангы-рап кетти...

8

Аманатка кыянат этпе.

Тоьгерекке карагай ийисин коькытып, коькшил туьгинин коькшил коькке бувдак-бувдак этип йиберип, карагай агашлар давылдап янадылар. Таганга илинген казан боркылдап кайнайды. Казаншы бир янаятырган шалаларды йыйыстырады, бир эт кеседи, бир де сары балавыздай туьйди ювады. Бир ерде олтырмага мырсаты йок. Йыбыр-йыбыр этип кыймылдайды.

— Акай, отка агаш салайымма? — деди Кырлув, казаншыдынъ коьтере затты да этемен деп, терлеп-писип, наьндуьрикттей айланатаганын коьрип.

— Кайгырмас, кызым, озьим этермен, — деди казаншы, кызды кыйнагысы келмей.

— Ия сага, мага онынъ уьшин не боляк, этейим, — деп тиледи кыз.

Кырлувдынъ кишкей коллары, йыбыр-йыбыр этип, ярылган агашларды отка саладылар.

— Отган эрек тур, Кырлув, — деди казаншы.

От давылдап янады. Кырлув казаншыдынъ куьнге-отка тамам куьйип, сактыяндай йылтырайтаган бетине карады эм: «Аьр дайым оттынъ касында турады, оттынъ ялыныннан куьйген болар», — деп ойланды.

Асан манълайына боьртип-боьртип шыккан терди енъи мен суьртти.

— Сув кайнайды, акай, — деди Кырлув, бувы шыгып турган кара казан бетке ымлап.

— Соьле-аьле мен эт таслайым, — деп казаншы уьйкен агаш табактан туйди алып, казанга таслап баслады.

— Акай, эситесинъме? — деди кыз, казаншыдынъ касына ювык келип.

— Не, кызым?

Кырлув, айтаяк затын айталмай, авызын йыбыр-йыбыр эттирди.

Асан кыздынъ бир зат сораяк болатаганын сол сабат ок сезді эм шалт соьйлеп айтты:

— Айт, Кырлув. Айт.

— Сораягым, акай, сен коьктем дейтаган шешекейди таныйсынъма? — деди кыз, тилеп айткандай этип айтып.
— Кайдай болады экен?

Казаншы: «Буга сол бирев шешекей неге керек болды-ав?» — деп ойланды эм сейирсинип сорады:

— Не этеек эдинъ, кызым, э?

— Бизим конъысы аьейдинъ аяклары болмайдылар. Сол шешекейлерди кайнатып, бувына тутса, аьрув боляк, дейдилер.

Асаннынъ коьз алдына эки аягыннан асылып калган Ханым куртка келди. Онынъ да ога юреги ийилди, сосы

кишкенекей кыз сондай аьдемнинь кайгысын шеккенине суйьинди. Эм, кыздынъ шашларыннан сыйпап, айтты:

— Кырлув, коьктем шешекейлер бу бетлерде йолы-гадылар. Тек аьр бир ерде де оьспейдилер. Олардынъ да оьсетаган ерлери бар. Маштекей акай оларды яхшы таныйды.

— Мунав тогайда йокпа, аьше?

— Йок, кызым. Бир бос болсак, йыймага барармыз. Асыкпа, заман табылар.

— Эрген барармызба, акай?

— Барармыз, кызым, барармыз.

— А мен соьле, акай, эне анав ерден булай шешекейлер йыйайымтага.

— Тек узакка кетпе, Кырлув.

— Аьруьв, акай.

Кырлув, коьзлери атлыгып, шешекейлер йыяды. Тав тогайлыкта олар коьп эм туьрли-туьрли: ак, коьк, кызыл. Мине мунавы кызыл оттай янып турган тав шайы, а мунавы дувшоьлмек шешекейи, куьнайланнынъ калпагындай сап-сары болып, басын куьнге бурып туры маьметекей, ак кийиз боьрктей яйылып, яйнайды ак шешекей. Тогай толы шешекей, кайсы бирисин айтасынъ. Агы да бар, коьги де бар, сары алтындай сарысы ман кызув оттай кызылы да бар. Анда, авыл бетте, аьжейип тувылма, мине мунавдай шешекей йок. Кырлув, кызыгып, аьйт деп йыяды. Ол бир кушак этип йыыяк болады, аьр бир койшыга кеште бирер байлам шешекей берермен деп, ойлайды. А тамада ман акасына уйкен байламлар этеек болады. Казаншыга ша? Ога да уйкен байлам этпеге керек...

Казаншы кулыгынынъ арасында кыз бетке карап алады. Кыз ога тогайда оьскен яп-ярасык шешекейдей болып сезиледи.

Кыз, тогай ман бир болып кезип, шешекей йыяды, а казаншы, терлеп-писип, бастабалак пан бастады булгайды. Ол бираз заман казанга алданып кетти де, сонъ тогайга, кыз не этеди экен деп, серпилип карады. Караса — карасын, тогайда бирев де коьринмеди.

Асан янма-ян йогарыга турып, бойлап карады. Йок, кыз коьринмеди. Ушты, куьйди, йок болды.

— Не болды, ярабий, буга? — деп казаншы тынышсызланды.

Баубек Асанга, кызыма бас-коьз бола тур деп, аманатлап кетти де эртенъликте. Аманатка кыянат болып олтырар деп, коркты. Эм ол, эки колын дуьдиктей этип авызына салып:

— Кырлув! Кыр-лу-ув!!! — деп кышкырды.

Аман да анав беттен бирев де явап бермеди. Онынъ кышкырганы тек каяларга согылып, зангырап эситилди.

— Кыр-лу-ув-ув!

Асан тез болып колларын ювып болды да тогай бетке, кызды излеп, асыгып кетти. Уйкен койы коьгемлердинъ иши мен анав якка, мунав якка шапты. Кыздынъ атын айтып, деген куьшин салып, кышкырды. Йок, бирев де ога явап бермеди. Юреги кыйналды:

— Не болды буга, ярабий? Кайда кете койды янма-яннынъ арасында, э? Ушты, куьйди, йок болды, — деп ол кавыфланып, тагы да излеп ян-якка шапты. Кайда бараягын да билмеди. Оннан шокырак агатаган йылгага туьсти. Бирден аяклары, ерге ябыскандай болып, токталдылар. Юреги дуьмп-дуьмп этип тепти, оьзининъ коьзлерине оьзи ынанмады.

Бийик тик каяга, каскы эшкидей, тармасып бараятыр эди кишкенекей арыкай кыз. Асан атын айтып кышкырмага да болмады: сескенип тайып кетип олтырар деп, ойланды. Ундемей, яны тырнагына сыйынып, бираз турды. Бу шакта кыз артына оьзи карады эм, казаншыды коьрип, кишкей колын булгалады.

— Кырлув, тилеймен, кызым, туьс, тилеймен, — деди, апаты кетип, юмсақ тавысы ман Асан. — Колынъды булгалама, каядан ысла! Болаяк мингенинъ, кайт, деймен!

Кырлув казаншыга тынълады эм каядан акырын тоьменге туьсти. Сонъ, казаншыдынъ касына келип, так-так этип айтты:

— А мен, акай, сизинъ коьтеренъизге де дунья ман бир шешекей йыйнаганман. Сага да бир уйкен байлам эткенмен.

Казаншы тамагын кырды, тик каяга тармасып турган кыздан коркып куьлпилдеген юрегин сол колы ман ыслады эм, кыздынъ колыннан етип, ашувлы яваплады:

— Бизге шешекейлер керек тувыл, биз оларды куын сайын да коьремиз, юр шалт бол, коска барайык. Казандагы баста куьйген де болар. Бол тез, Кырлув!

— Токташ, акай, шешекейлерди алайым.

— Каерде ди олар?

— Эне анда, соьле-соьле, — деп кыз колы ман бир уьйкен кая тас бетке коьрсетти.

— Тез бол!

Кырлув шавып барып кушагы ман бир этип шешекейлерди алды. Сонь экевлери асыгып кос бетке зырань-ладылар.

— Ай, медет сени, — деп куьбирденди Асан, оькинип, — баста куьймеген болгай эди.

Кырлувдынъ да юреги кыйналды.

Асан коска шавып келди. Сол сабатлей отяга беттен куьйген бастадынъ ийиси бурнына сокты. Сонда ол ашувланып кышкырды:

— Айттым да, мен сени излеп тапканша, баста куьйген деп!

Кыз, не этеегин билмей, басын тоьмен салып, уьндемей турды. Казаншы куьйгелекленип казаннынъ тоьгерегинде айланды.

Кырлув коьзининъ астыннан казаншыга карайды эм, онынъ саьспеклеп айланганын коьрип: «Бос айланганнан эсе, оттан казанды ала койтагы», — деп ойланды. Казаншы оны сайын бир затлар излестирип, анав ягына, мунав ягына каранады. Оьзи сол куьбирденуьвде. Кырлув сол сабат онынъ не зат излестиретаганын сизди эм янма-ян ерден энъкейип алып, ога уьйкен кызлувышты узатты.

— Э, соннан бери соьйтип этсенъ, аьруьв кыз. Кайзаман мен сол адавысты излейтаганы, — деди Асан, таганнан казанды пысылдап алып. — Энди мага туваяк куьнди Алла явынъа да коьрсетпесин. Тамада, баста куьйик татыйды деп, кулагымды йийди экен.

— Неге, акай? — деди кайгырып Кырлув эм оьзи: «Сол туьнегуьнги сондай танъ карт мундай кисиди кайтип согажак экен?» — деп ойланды.

— Неге болатаган, сени излеймен деп, бастады куьйик татыттым. Олардынъ авызы даьм билмейме? Сол

сабат билетаган олар. Бобтен де, анав Манька. Ол авызына алып та карамас. Обзининъ канъкуж бурнын, самыр ийттей, коькке коьтерип, ийискилер эм оннан сонъ, бу не айтар экен деп, тамадага карар.

Кырлув казаншыды аяды эм:

— Акай, мен, сизге тиймесинлер деп, тилермен, даъ? — деди.

— Маъ, сага, керек болса! — деди казаншы ашувланып, бу уьшини мен де тилеп олтырар деп, кавыфланып. — Керек тувыл, кызым. Тилемеге керек тувыл. Не айтар экен, коьрип алайык. Соқырдынъ сонъына бак, деген. Белки, бир зат та айтпаяк болсалар да билмеймиз.

— Аьрув, акай, — деди Кырлув.

— Акай, мен де ярдамласайым сага, — деди кыз эм, зыранълап барып, костан уьйкен сыпырады аькелди. Казаншы бастады бастабалак пан сыпырага салды. Оннан сонъ Кырлув казаннынъ туьбиннен темир кыргыш пан бастадынъ куьйген тосабын кырды. Асан таганга, эт кайнатпага деп, баска казан илди. Обзи кызга карап, онынъ енъил кыймылдайтаганына сейирсинди.

Тарс-турс этип, карагай агашлар янадылар. Кырлув бир отка, бир де казаншыга карайды. Асан, отягадынъ касындагы янъырыкка минезленип олтырып, кесек агашты уьнъиш пен аьйт деп уьнъийди. Асыкпай, акырын уьнъийди. А обзи бурныннан алдырып бир затлар айтады. Кыз тешкерип карайды. Сол кесек агаштан ол не этеди экен деп, карайды. От давылдап янады, казанда, аьрув ийисин кокытып, эт кайнайды.

— Казан кайнайды, — деди Кырлув.

— Кайнасын, Кырлув, кайнасын, — деди казаншы, а обзи аьйт деп агашты йонады. — Мине мунавдан шомака этеек боламан. Кайдай болаягын ким биледи? Коьрейик.

Кырлув, сейирге калып, казаншыга карады, сонъ:

— Уьйде менде кайдай аьрув шомака бар, — деди, мактанып, — а мен оны сен эткенинъди билмейтаган эдим.

— Билмеймен, кызым. Белки, мен этпей, баска бирев эткен болар. Дуньяда усталар коьп.

— Ярасык болаятыр, акай.

— Коберемиз, кызым, куьни-бурын буклап не этесинь, — деди Асан эм уййкен агаш шоьмиш пен казандагы этлерди авдарды. Бир кесек этти алып, авызына салып карады.

Кырлуудынъ бурнына пискен эттинъ ийиси сокты.

— Энди де бираз писпеге керек. Оннан сонъ казанды туьсирмеге де болаяк, — деди Асан эм кызга кесек этти узатты. — Кабып караш.

Кырлув исси этти, уьре берип, капты.

— Пискенме, Кырлув?

— Таьп-таьтли, акай.

— Е, Кырлув, е. Мунда этти еген сайын, егинъ келе-таган. Сонынъ уьшин де тавдан авылга кайтканлар кып-кызыл болып, бетлери бийдайдай боьртип кайтатаганлары. Тавдынъ авасы да, сувы да аьруьв. Несин айтасынъ, еннет ер. Аьдемге де, малга да бек ягады.

Кырлув тынълайды. Казаншы куьнге карады эм тынысын авыр алып:

— Тезден уййле болаяк, — деди.

— Кайдан билесиз, акай?

— Куьнге карап, кызым.

— Кайтип?

Казаншы аьжейип этип кызга карады эм: «Сосы сенинъ «кайтип?», «неге?» дегенлеринънинъ сонъы болаяк тувылма?» — деп ойланды.

Кырлув казаншыга карайды: явап саклайды.

«Сага айтпай болаякпа?» — деп ойланып, казаншы явап кайтарды:

— Неге десенъ, тезден куьн туп-туввра тоьбемизге келеек. Эне сол заманда шаншар туьс болганын бил. Оннан сонъ мен буййтип этетаганман. Мине кара.

Казаншы турды эм костынъ янына тирелип салынган бир шетлевик таякты алды, оны ерге кадады, басына кара кийиз боьркин кондырды. Сонъ, кызды касына шақырып, айтып баслады:

— Кобресинъме, соьле коьлетки бираз кыйшык болып туры, а туьсте таяктынъ туврасына келип, туп-туввра болатан. Эне сол заманда уййле болганын бил. Эне сондай куьлыклар, кызым.

— Туьсиндим, — деди кыз. — Мен де соьйтип эте туьрарман.

Асан таякты аькетип коска таяды, сонъ, кызга карап, айтты:

— Мен шоқырактан сув алып келейим. Сен булайда олтырып тур.

— Мен барайым, акай, — деп кыз ушып турагалды.

— Йок, йок, Кырлув. Мен озим барайым. Сокпак мунда кайдай яман.

Кырлув зыранълап барып костынъ касындагы шелекти алды да, сокпакка шапты.

Онынъ артыннан, пыс-пыс этип, казаншы шапты:

— Токта, дейменди де, Кырлув! Йыгыларсынъ!

Аман да казаншы кызга ете алмады. Шелекти дакырдукур эттирип, кыз тик сокпак пан сувга келди эм сув алып, йогарыга коьтерилди.

Асан шелекти кыздынъ колыннан тартып алды.

— Мен аькетейим, акай, — деп тиледи кыз. — Мен уйде де аькелемен сув.

— Ол уйде, а мунда тав-гас. Тик сокпак. Абынып кетпеге болаяк.

— Йок, мен сага сув аькелеекпен, — деди кыз, озиндикин айтып.

— Аруув, аруув, Кырлув, тек тынълавлы бол, даь? Меним айтканымнан шыкпа.

— Даь, акай...

Куьн кыйылып барып уйкен тавлардынъ артына ясырынмага ювыклаган. Оьристен-оьриске яйып, эрек кеткен койшылар да отарларын кослар бетке асыктырадылар. Асыктырадылар аьйт деп сувларын тав шоқыраклары да. Кешки асты аьзир этпеге казаншы ман Кырлув да асыгадылар...

9

*Оьлмес йигит, эш оьлмес,
Оьмирге биткен ол терек,
Халкы мынан Элининъ
Бир куьнине ол керек.*

Коьк, аспа шырактынъ куьмбезиндей болып, тавлардынъ уьстин япкан. Баданадай юлдызлар, куьмбезге быдырап конып, ерге йыйы-йыйы коьз кысадылар. Кеше

ярык. Тавлардынъ тарактай тик баслары юлдызларга эне-мине тиеятыргандай болып сезиледи. Куың узагына шувылдап турган агашлык та, каялар ман бир болып ушып юрген куслар да — баъри де тынганлар. Тыншаядылар.

Койшылар да, уйкен оттынъ тоьгерегин курсап алып олтырып, тыншаядылар. Шетен авлаларда куыйзеп яткан койлар да тыншаядылар. Тек тынмайдылар шорылдап аккан тав сувлары. Арымайдылар, талмайдылар, шоршор этип шорылдайдылар, тоьмен карап асыгадылар.

— Бисмилля, — деп созды кос тамадасы, касындагыларга асымызды ишип баслаягынъыз дегенди билдирип. Коста туратаган аьдемлерде аьлет аьдет бар-ав. Олар оьзлерин бир аьелдинъ аьдемлериндей этип коьредилер. Биреви-биревине эс те, дос та боладылар, керек ерде дем де этедилер. Этеек затларын да бирге келисип, соьйлесип этедилер. Эрис-суьрис болмас оларда. Тиллери, ниетлери бир. Костагы ата-бабалардан калып келеятырган аьдетти бирев де бузбайды. Бузган аьдемди тамада янмаян айыбына йолыктырады. Тамада. Ол костынъ уйкени, басы. Бас болмаган ерде — сыйрак болмас. Ол айтканнан бирев де шыкпайды, ога тынълайды. Мине соьле де, тамада буйырганша, бирев де алдыларына салынган аьзир аска ымтылмады. Ол ызын бергенлей, баьриси де ашап басладылар. Койшылар уьндемей ас ишедилер. Оттагы агашлар тырсылдап давдырама болып янадылар. Тек тамада неге болса да казаншы бетке акыйып карайды. Оьзи, бир ашы зат капкандай болып, йыйырылады. Асан соьзсиз-затсыз тамададынъ буьгуьн ога разы тувыл экенин турысыннан кайзаман сезип кутылган. Кырлув да бир тамадага, бир де Асанга карап алды эм, мине соьле тамада ман баскалар, куыйген баста эткенсинъ деп, казаншыга шамланарлар деп, коркты.

Бирден аьдемлердинъ шыршын Асан кавыфланатан Манъка бузды:

— Эт бурьждай болып пискен эди, еп тойып та боляк тувыл, тек мине...

Кырлувдынъ юреги зув деп туьсти, эм ол суьйкенсиремей Манъкага карады. Манъка десень, манъка бурнын йыйы тартып, сийрек тислери мен этти тарткышлайды.

«Ах сениме-сени. Топал пышак пан кессенъ деш сенинъ кер тилинъди», — деп алды оьзи-оьзине сол Асан, Манъкадынъ соьзди баслаганына ашувы шыгып.

Тамада тамагын кырды, сонъ агаш телпектен ымтылып бир тилим баста алды да:

— Тек мине девинъ, Манъка, баста аз-маз куыйик татыйды девинъ болар, эште? — деди, оьзи бир зат билмеген кисидей болып.

Манъка да тамагын кырды, канъкуж бурнын йыйы-йыйы тартты эм созапа басын, аьше дегенди билдирип, баьленше кайта ийзеди.

— Уьшин айтувынъ, Манъка, баста аз-маз куыйик татыйды. Оьлшемен бизге конак келгенде соьйтип болмаган болса экен, — деп тамада, оькинишин билдирип, Кырлув бетке карады.

Кырлув олтырган ериннен ушып турагалды эм, тартына берип:

— Йок, йок, атай, баста аьруув. Мен бир уйкен кесекти таьвесип, экинши кесекти едим. Энди де еекпен, — деди. Эм агаш телпектен тагы да бир кесек баста алды. — Кайдай таьтли, уйде де еген йокпан мен мундай бастады. Асан акай не аьруув этип писиреди...

Тамада, узын шал мыйыкларынынъ арасына куьлкисин ясырып, йылмайды. Тоьгерегиндегилерге коьз кыса берип, айтты:

— Аьруув, кызым, бек аьруув, эгер сага яраган болса. Бизим Асан кайдай сага. Аьперим ога, оллахый. Аска уста.

Койшылар куьлдилер. Тек Манъка, тап бир алалмаган ашувы бардай болып, кылыйыннан акыйып Асанга карады. Асан да ога, э, колынънан турп та келмедиме дегендей болып, акыйды.

Тамада казаншыга шамланмаганы уьшин, Кырлувдынъ коьнъили коьтерилди, эм ол, куьлей берип, Асанга карады. Коьрдинъме, мен сени соьзден куткардым, мен болмаган болсам, олар сени ер эдилер, дегендей этип карады.

Асан да Кырлувга карады, куванып куьлемсиреди. Коьктеги юлдызлар да буларга йылмайып куьледилер.

От, олтырганлардынъ бетлерин ярыкландырып, ярык ялынын бийик коькке йиберип, давылдап янады. Койшылар асларын ишип болдылар, сонъ уйкен сигаркелер орап иштилер. Тамада уйкен кайкы сап уьлесин бувдакландырады. Асан казан-аякты ювады.

— Э, уьндемейсинъиз де, авызынъызга соьк сугынгандай. Ва, баьленшакай ерден биз деп келген кызымыздынъ эригин ким язаяк, э? — деди бирден, тынлыкты бузып, тамада. — Кала, Каплан, костан домбырады аькелеш.

Карттынъ узын, кат баскан бармаклары, йыбыр-йыбыр этип, домбырады шертедилер. Эм онынъ эки йинъишке шеклери тоьгерекке аьлемет кужыр тавыс шыгарып занъырайдылар.

Кырлув, шыганаklarын тизлерине салып, иегин эки колына таяп олтырган эм тынып тынълайды. Койшылар карттынъ соьзлерин эжуьв этип алып йоьнедилер. Тамада, япалак тери боьркин анав якка, мунав якка шайкап, айтады. Кыз-Кая акында йырды айтады:

...Душпан коьрип, кери кайтпай, ал турган,
Оьшлескенде, огын атпай, кан алган,
Явды коьрип, явын болып ябылып,
Оьтин алмай, богырдактан ян алган,
Сондай эди бизим тулпар кыз баьтир,
И-и-и-и...

Йыр, кешеликтинъ тынлыгын бузып, тоьгерекке занъырайды. Оннан оны бийик каялар, оьзлерине сорып алып, тавларга занъыратадылар:

...Явды коьрип, явын болып ябылып,
Оьтин алмай, богырдактан ян алган...

Йырды Кыз-Кая оьзи де ийилип тынълайды. Тири аьдемдей болып, уйкен муьсирев этип тынълайды. Соьйтип сезиледи Кырлувга.

Мутылмайды екен этилген йигитлик. Дуныяда коьп зат мутылып, йойылып кетпеге болады. Тек халкынъ уьшин эткен йигитлик, сынтастай, оьмирликке эстелик болып калады. Ол зат бир несилден анав бир несилге, бир оьмирден анав бир оьмирге айтылып барады.

...Сондай эди бизим тулпар кыз багтир,
И-и-и...

Сол тав бетке Кырлув да карайды. Эм онынъ тувра тоьбесинде, сылув кыздынъ кулагына алтын сырға илингендей болып, янъы тувган ай ярык яркырап коьринеди.

— Кыз-Кая кулагына сыргасын илди, — деди койшылардынъ биреви, тав бетке сукланып карап.

Калганлар да айга карадылар. Орактай йинъишке ай бийик тавдынъ тоьбесин ярыкландырады.

— Айдынъ уш-доьрт куьни болган, — деди тамада, ай беттен карамын алмай, колларын яйып, — янъы айга бир дува этеегинъиз.

Кырлув карттынъ соьзлерине кулак салды. Неше куьн болганын да кайдан биледи экен деп, аьжейипсинди. Аман карт та, кыздынъ сейирсингенин сезгендей болып, Кырлув бетке энъкее берип:

— Аьше, кызым, уьши-доьрти болган. Эгер яртысы болса, ай ярты калакайдай болады, толса — топтай тоьп-тоьгерекленеди. Коьккес куьндиз куьн, кеше ай ярасады. Оларсыз яшав барма? Аьдем ырувынынъ яшавы да олардынъ яшавындай деп, хабарлайтаган эди атам язык, — деп соьйледи.

Коьп яшаган, коьпти коьрген карт бир кужыр зат айтады энди деп, баьри де тынып тынъладылар. Карт тамагын кырып айтып баслады.

...Эртенъги шак — аьдемнинъ яслык шагы. Эртенъликте ава да тап-таза, куьн де салкын, табиат та яс баладай яп-яс, яп-ярасык. Оннан куьн, коьтерилгеннен коьтериле келип, туп-тувра тоьбенъде токтайды. Куьн юреек йолынынъ капа-яртысын юрген шак. Оьзи де яхшы кыздырады, еруьстинде онынъ таяклары тиймеген кувыс-муьйс калмайды. Бу шаншар уьйле вакыт. Аьдемнинъ тамам орта шагына еткен заманы. Оннан сонъ, кайтип куьн батаяк шагына шалкайып баргандай болып, аьдем де яшавынынъ сонъына асыгады...

Карт бурьлып Кырлув бетке карады. Кыздынъ тынып тынълаганын коьрип, кайтип аьдемлер куьндиз куьн мен, кеше ай эм юлдызлар ман заманды билетаганларын да айтты.

Ай Кыз-Каядыңъ тоьбесиннен йогарыга коьтериледи.

— Сол кыз соьле де тири, кызым, тек коьп яшаганнын себеп, онынъ басы шал болганын коьресинъме?

Кырлув тавдынъ басына карайды эм айдынъ ярыгында тавдынъ ак басы куьмистей шагылысады. Кыз бир талай заман сукланып карап турды. Бирден тав ога тулпар кыз бола койды. Онынъ онъ колында уьйкен оьткир алдаспан, анав бир колында ушы октай биз суьнъги. Явдынъ сансыз аьскери ога оксып-оксып, алалмаган оьши бардай, шабады. Яс кыз алдаспаны ман соккан-сокканын эки ярады, анав бир колындагы оьткир суьнъгиси мен явдынъ ян ерине шаншады. Окталып келген канзепир душпан, таска тийип артына тайган октай, каны шыбырып, кери кайтады. Дав кыз арув-талув билмей, аьйт деп явды капыстадай туврайды. Болса да яв сансыз коьп. Кыз онъга айланып, оксып келгенди согады, солга бурылып, созылып келгенди суьнъги мен согады. Сой-сой болып келген душпан сойылып ятады. Эслемей кетип согыстынъ кызувында кыздынъ басындагы элтири боьрки туьседи эм боьрктинъ ишине йыйып салынган алтын ока эки оьрме шашы коьринеди. Эм кыз, тез болып боьркимди алайым, яв шашларымды коьрмесин деп, тулпарын арт айландырып, ерге ийиледи. Бу шакта явдынъ огы онынъ явырын калагына тиеди. Баьтир кыз ян ерин ыслап, йыгылады. Оьлген кыздынъ илеси де тас тав болып, тар оьзенде явдынъ йолын бувамдай бувады. Яв алдыга баралмайды, кайырылып арт кайтады...

Кырлув коьзлерин ашты, эм эректе, айдынъ тувра астында, ак басы куьмистей йылтырап, Кыз-Кая тавы болат каладай болып туры.

— Ах сени, боьрки туьспеген болса не керек эди, — деди кыз, яны кыйналып.

Коьп кайта Кырлув сол бурынгы йырды атасыннан да, анасыннан да эситкен эди. Эситсе де, тагы да, тагы да эситкиси келетаган эди. Эситип, эсине алып, бирер ерлерин оьзи де айтатаган эди:

...Оьлмес йигит оьмирлер,
Оьркени онынъ оьрилер,
Керек куьннинъ биринде
Халкы уьшин тирилер...

Кешки шав-шув тынады. Алдынгындай болып, агашлык та шувламайды.

Тавларды-тасларды ярыкландырып, бийик коькте ай юзеди. Оьзенлерде тав шоқыраklar шор-шор этип асыгадылар, йыр да тынады, аьдемлер де тынадылар.

От та алдынгындай давылдап янмайды, алавы кетип, агашлар кып-кызыл кызув болганлар.

Тамада отка карай берип, тоьгерекке кулак салады. Эм ишиннен: «Оллахый, буьгеше, кызды юбантамыз деп, коьп олтырдык», — дейди эм кыз бетке карап айтады:

— Уйкынъ келе болар, кызым, хабарласканымыз буьгешеге болаяк. Ясы болды. Мен де ясы намаз кылайым. Алладынь кешеси коьп, эртен кеште де айтармыз. Тыншаймага керек. Бир кесеклер эртен эрте турмага кереклер.

Кырлув уйкысы келмейтаганы акында айтаяк болды. Ама тамада акырын орныннан турды эм, домбырасын колтыгына кысып, кос бетке кетти. Койшылар да, отягада тагы да бирер сигарка тартып болып, бирем-бирем тыншаймага таркап басладылар. Казаншы Асан, эртенге деп аьдуьвлеп, тандырга от бастырады. Тамада да, костынъ янында тери намазлыкты тоьсеп, ясы намаз кылады.

Кырлув, тешкерип коьтересин де карап болып, коска кирди. Аман да уйклялмады, коьпке дейим эсине оьмирлерден калган оьлмес йыр келип турды...

10

*Туьздегилер бал ютар,
уйьдегилер кан ютар.*

Куьннинъ коьзи ясырынган. Тавларды койы туман ныгыз этип баскан. Эки абыт кадер ерде де бир зат коьринмейди. Симсик куьн. Оьзеннинъ ишиннен ийтлердинъ уьргенлери, койлардынъ манъыраганлары, шоқырак сувдынъ шорылдаганы эситилинедилер. Койшылар да бир затлар айтып кышкырадылар. Мундай куьнде койшыларга айлак кыйын эм кавыфлы болады. Койшы, каравылда тургандай, коьзлерин тигип, кулакларын сак

этип турады. Сак болмадынъ — куллыгынъ ямпейди — я койларыньды боьри кыйыр-шыйыр этти, яде озинъ ярдан йыгылдынъ...

— Кыргызхан, буьгуьн де сен отар ман бармай-сынъ, — деди Баубек кызына.

— Неге, акай? — деп кыз ушып кеткендей болды.

Атасы бармаклары ман мыйыкларын сыйпады эм асыкпай айтты:

— Туманды коьрмейсинъме, кызым? Мундай куьнлерде койшыга тынышлык барма? Туман таркаганша, авызы да, аяклары да тынышлык таппайтаган. Солды да, буьгуьн де коста кал. Эртең, куьн ашылса, барарсынъ. Асыкпа, кызым. Куьн энди де коьп.

— Йок, йок, акай. Мен буьгуьн бараман. Мага не бо-лаяк? Тилеймен, акай, барайымтагы.

— Барсын, Баубек. Мен бас-коьз боларман, — деди соьзди тынълап турган карт койшы. — Касымнан айыр-маспан, иншалла.

— Аьруьв, аьше, кызым. Тек сен атайдынъ айтканын-нан шыкпа, касыннан да тайма. Белки, куллыкларымды кутылсам, сизди озим йоклап та аларман. Эситтинъме, кызым?

— Аьруьв, акай. Атайдан айырылмаспан. Сен тек кыйналма, аьруьвме?

— Аьруьв, кызым.

Бойлы, аз-маз куьдирейген ак сакаллы карт, узун ыргагын авада силке берип, шыбырып барган койларга кышкырады:

— Р-райт! Айт!

Койлар юргилери келмей, акырын барадылар.

— Анав Космуьйиздинъ маркында тувыл. Аякларын санап алгандай этип, акырын адымлайтаганын коьрмей-синъме? Туманды ол да сезеди. Йогарыга, тав бетке бар-гысы келмейди. Ашык куьн болса, оны ыслап токтатып та болмас эди, каскы эшкидей тавга тармасар эди, — дейди карт, отардынъ алдына карап.

Кырлув, бу кимди айтады-ав деп, ойлайды эм сейир-синип картка карайды.

Карт койлардынъ алдында бараятырган теке бетке ыргагы ман ымлайды:

— Эне анав текеди айтаман, кызым.

Кыз бойлап карт ымлаган бетке карайды. Койлардынъ алдында, тизилип барган казлардынъ атаманындай болып, уйкен, кос муыйиз сары теке, басын аьжейип этип кайкалатып, аякларын коьтерип алып, акырын адымлайды. Онынъ артыннан, басларын тоьмен ийип, койлар барадылар.

— Эсейген, ясында кайдай шалт эди. Кене де тап бир аьдемдей этип юргистеди отарды. Койшыдынъ онъ колы. Койларды бир де дангылда калдыраак тувыл, тувра коска алып келеек, — деп карт койшы карт текединъ акында хабарлайды.

Кыз сак болып тынълайды.

— Р-райт! Айт!

Карт теке юрисин тезлетеди. Кой отар, толкындай актарылып, касымакка яйылады. Онынъ артыннан эки аьдем асыгады. Биреви курыктай узун, карт, экиншиси кишкей, яп-яс, тал шыбыктай йинъишке кевдели.

— Атай, отарды йогарыга неге айдамайсынъ, э? — деди бирден кыз, йогарыга коьтерилгиси келип.

— Соьле, кызым, туман таркаганша, отарды йогарыга айдамага ярамайды. Уьйкен куслыкка табаган туман таркар, эне сол заманда тавга тармасапа да болармыз.

— Ога шеким неге болмайды, атай?

— Анда, йогарыда тав-гас, ойлы-кырлы, кавыфлы. Койлардынъ коьтересин де коьре алмайсынъ.

— Неге кавыфлы болады, атай?

Карт, кыздынъ басланган соьздинъ тамызлыгына етпей токтамаягын билип, туьсиндирип айтып баслайды.

— Койы туман, кызым, койшыдынъ явы. Ол койшыды койлардан, кара туткыштай этип, айырады. Аьдем савлай отарды коьре алмайды. Бобтен де, ойлы-кырлы ерде. Эне сондай вакытта карыскыр-зат отарга шавып, уйкен кыйыр-шыйыр этпеге болаяк. Сонынъ уьшин мундай шакларда койшыдынъ коьзлери отлыктастай оьтकिр, кулаклары айлак сак болмага кереклер. Туман арасыннан коьрмеге, тырс деген тавысты да эситпеге тийисли. Олай болмаса, кулыгынъ ялпайды. Карыскырлар экев-уьшев болып та шабатаганлар. Кажымайтаган-

лар. Я емек аькететаган олар, яде оьзлери койшыдынъ тузагына туьсетаганлар.

— Атай, — дейди, тынълап турып, Кырлув, — олар сенинъ отарынъа неше кайта шапканлар, э?

— Коьп кайта, кызым. Ким санаган оны?

— А коьп койынъды аькеткенме?

— Аькеткен йоллары да болган, несин ясырасынъ, оьзлерининъ басларын аькете алмаган вакытлары да коьп болганлар.

— Акай, сен олардан коркпайсынъма?

— Йок, кызым, коркпага керек тувыл. Коркакка аьр заманда да кос коьринетаган. Коркканнан яман зат йок. Коркак бир оьлмей, мынъ оьлер деп, халк бос айтама. Солды да, коркак болдынъ — уьйинъ йыгылды.

Кырлув карттынъ япалак боз тери боьркине, уьстиндеги кара ямышысына, сонъ суслы шырайына карайды эм ол, мундай аьдемлер коркпайтаган деп, ойланады. Сонъ, йигерленип, айтады:

— Атай, мен де коркаяк тувылман.

— Аруьв, аруьв, кызым, — деп карт кыздынъ коьнъилин коьтереди, — йигерли бол, кызым...

Отардынъ баска бир шетинде ийт уьреди. Карт, кыздынъ колыннан етип:

— Юр, анав бетке барайык, — дейди, — Каравыз уьреди.

— Мен мунда турайымтагы, акай.

— Йок, йок, мен мунда сени ялгыз калдыраяк тувылман. Юр.

Кырлув, улактай шоршып, карттынъ алдында шабады. Анав бетте уьрген ийт токтайды. Койлар ясыл яс коьгоьленди куьрт-куьрт этип отлайдылар. Карт та, кыз да койларга карайдылар. Сукланып карайдылар. Суьттей ап-ак козы, йинъишке тавысын аямай шыгарып, манъырайды. Эште, анасын излей болар. Анасы да ога явап береди. Кырлув козыды анасы бетке кувады эм эсине анда, уьйде калган Мойнала туьседи. «Не этеди экен язык? Эште, мени излестире болар. Сагынган болар», — деп ойланады. Эм онынъ коьз алдына, йинъишке ала мойнын созып, кара улак келеди. Эм ол, кишкей конъыравын

зынъыр-зынъыр эттирип, Кобаннынъ бийик ягасы ман шабады. Кырлуды излеп шабады. А Кырлув коьринмейди. Улак сувга карайды, оннан тавлар бетке бурылады. Э, Кырлув тавда экентагы. «Келтага, Кырлув, сагынганман сени. Не коьп калдынъ анда, э? Тилеймен сага, келтага. Карап тураман»... «Келермен, Мойнала, асыкпай туртага. Муңда калаяк тувылман да...» — деп кыздынъ эринлери йыбырдайдылар. Соьйтип улак аз-аздан коьктеги ак булыттай коьзден тасаланады. Тагы да онынъ алдында кой отар, тик тавлар коьринедилер.

Кайдан билсин соьле Кырлув Кобаннынъ бийик ягасына Мойнала ялгыз келмейтаганын. Оны ман бирге зыранълап онынъ анасы да келеди. Муннан бийик ер деп, тавлар бетке тигилип карайды. Оннан сонъ тавлар бетке аькететаган йолга карайды. Бирев де коьринмейме экен деп, карайды. Кызын сагынган. Ол кызына не этеди, не этпейди. Оны бийик каядан да ушырады, каты агынлы сувга да йибереди, кайдан билейим, оны аювга да акаштырады, отка куьйдиреди, сувыкка да тонъдырады. Атасы не, ол аьр заманда да оьзининъ кайгысында. Эркекке делхайыр, ога коьре не аьжет. А Кырлув кытымыр, бир ерде карап турайкап? Тавга да, таска да тармасар, сувга да туьсер. Ах, кайдан йибердим детагы, каска басым.

Туьздегилер бал ишер, уьйдегилер ув ишер дегенге усап, Минат окында мезгил асын да ише алмай, кызы акында ойланады. Ойланады, оны карайды, саклайды...

— Атай, — деди бирден, тынлыкты бузып, Кырлув, — коьктем шешекей оьсеме бу ерлерде?

Карт койшы, не деди сосы-ав дегендей этип, кызга карады. Кырлув яна кайтарып сорады.

— Ханым аьей кайдай танъ, кайдай яныплы, тек мине аяклары юрмейдилер. Мен ога, сол шешекейлерди йыйып аькелермен деп, айтканман, атай.

Маштекей кызды сукланып тынълады эм, онынъ коьньилине етейим деп, айтты:

— Айткан затынъды, кызым, этпеге керек болады. Иншалла, буьгуьн экевимиз коьктем йыярмыз. Сен айтканнан сонъ, оны кайтип этпейик. Эне анав бийик сыртты коьресинъме? — деди карт, куьнтувар бетине

ымлап коьрсетип. — Эне сонынъ этегинде коьктемлер йольгадылар.

Карттынъ соьзлерин эситип, Кырлувдынъ юреги телезиди, онынъ шалт болып сол сыртка барып коьктем шешекейлерди йыйгысы келди.

— Кашан бараякпыз, атай?

— Уйле ава, кызым, барармыз.

— Аьруьв, — деди Кырлув, — коьп этип йыярмыз, даь?

— Даь, кызым, йыярмыз. Э, айтаягым, — деди карт бирден, соьзди баска якка бурып, — абанъды сагынмайсынъма, э?

Кырлув уьндемеди. Карт эрекке, тоьмен бетке карап, яна сорады:

— Уйге кайткынъ келмейме?

— Йок, бираз мунда тургым келеди, атай.

— Э, ол заманда сен, кызым, ананъды сагынган йоксынъ-ав, — деп кажавлады карт.

Кырлув тагы да уьндемеди. Не айтаягын билмеди.

— Тур, кызым, яздынъ алты айын да тур. Сен кайтип бизим эригимизди язасынъ.

— Йок, атай, яздынъ алты айын турып боляк тувыл. Тезден мектепке бараякпан.

— Э-э, солай экентагы, — деп карт, коьзлерин шуькирейтип, тавлардынъ тоьбелерине карайды.

— Атай, — деди бирден кыз, — туман сийрексиятыр. Караш. Эне анав эректеги каялар да коьринип баслаятырлар.

Туман уьшини мен де сийрексип, каялар караланып коьринип баслайдылар. Бираз тура тавлардынъ суьлдерлери де сезиледилер.

— Эндигиси, — деди карт койшы, колындагы ыргак таягы ман алды бетке коьрсетип, — отарды эне анав тав бетке айдамага да боляк. Онда отлак аьруьв. Койлар янма-ян тоятаганлар.

Карт, ыргагын коьтере берип, кышкырады:

— Р-райт-айт! Айт!

— Айт-а-айт! — деди кыз да, картты эркелеп.

— Аьперим, кызым, олахый, аьперим, — деди карт койшы, кыздынъ йигерли болып кышкырганына сукланып.

Кой отар, толкындай актарылып, терен оьзен мен ишке кире береди. Барганнан-барган сайын, каялар бийик, тик бола береди. Кырлув сукланып тавларга, шорылдап аккан каты шоқырактарга, таслардынъ уьстинде оьскен тереклерге карайды. Ол тоьгеректеги затларды бас деп коьрип туры.

— Атай, — дейди кыз, сейирсинип, — эне анав тереклер таста кайтип оьседилер, э?

— Оьседилер эне, кызым.

— Тастан азык кайтип табадылар?

Карт уйкен каядынъ тап ушына салпырап биткен яп-ясыл ябыскан терекке тешкерип карайды. Эм кызга явап кайтарады:

— Кызым, каядынъ ярлык ерине ел-зат топырак туьсирген, эне сол топыракта битеди терек. Ябыскан оьзи де арыс терек.

Туман эректен-эрек каша береди, оны кувгандай болып, артыннан отар яйылып барады. Койлардынъ артыннан карт пан кыз да барадылар. Кырлув колындагы шетлевик таягы ман отлап алданып артта калган койларды айдайды:

— Райт-айт!

Карт та кышкырады.

Кырлувга Кыз-Кая юп-ювык болып коьринеди эм ол:

— Атай, биз буьгуьн Кыз-Каядынъ туьбине етеекпиз-бе? — деди.

Карт, неше шақырым экенин оьлшегендей этип, Кыз-Кая бетке тигилип карайды. Оннан сонъ айтады:

— Кызым, ол сага соьле юп-ювык болып коьрингени уьшин, айлак узак ер. Ярым куьнлик йол бар. Биз буьгуьн онда бараяк тувылмыз. Онда ат пан бармага керек, кызым.

— Кашан бармага болар, аьше, атай?

— Аканъ ман барарсынъ. Белки, мен де барарман. Коьрейик.

Кыздынъ онда баргысы келетаганын карт сезеди.
— Мага оьзим ялгыз барып болаяк тувылма, атай?
— Ия сага! Йол кайдай яман. Бирер ерлерде аттан
туьсип, оны етип барасынъ.

— Ах, коьрсем экен, атай.

— Аьруьв, кызым, мунав куьнлерде бир зат этермиз.

Кырлув Кыз-Каяга карайды эм онынъ эсине озган
кеше соьле онынъ касында турган карт йырлаган йыр
туьседди:

...Алты карыс алдаспан,
Явды коьрип эш саспан,
Онъга, солга согарман.
Канзепир кара душпанга
Суьнъгимди тускап сугарман.
Омырткадан йыгарман...

Койлар отлайдылар. Карт койшы ийниннен ямы-
шысын алып, коьгоьленге тоьсейди. Эм, аякларын буь-
клеп олтырып, шаккы ман кувды тутандырып, уьллесин
ягады. Кырлув туьрли-туьрли шешекейлер йыяды. Карт
уьллесин сорады эм Кырлувга карап куванады:

— Тфу, машалла, йигерли кыз.

Куслыкка табаган яйма-шувак куьн болып, тавлар-
ды басып турган туман тым-тыракай болып шашылды.
Ашылган куьннинъ коьзинде яйылып яткан тав яйлагы
дал-йюьгер болып ййнап кетти. Яс коьгоьленлердинъ
уьстинде де тап-таза шыклар йым-йым йылтырадылар.
Сувык кая таслар куьнге бетлерин тутып карадылар.
Тав этеклериндеги агашлыклар, бурма басларын яйып,
коьгердилер. Карт теке, уьйкен тастынъ уьстине минип,
тоьгерекке карайды. Аьр кими де оьз каьрин этеди...

Кеште Кырлув, ерден йылы коян тапкандай болып
суьйинип, коска бир кушак этип коьктем шешекейин
алып кайтты. Коста корынып, оны каерге салаягын бил-
меди. Анав ерге салса да, бирев тиеектей коьрди. Сонъ,
бузав йип пен байлап, костынъ шетенине такты. Энди ога
Ханым аьей сап-сав болаяктай болып сезилди. Бу кеше
ол туьсинде де курткады юрип коьрди...

Кишкой кыздынъ суьйингенине костагылар да коь-
нъиллери коьтерилип кувандылар.

Кызгышта Кырлувдынъ эртенълиги шоқырактан басланатаган эди. Шоқырак ондай уйкен де тувыл, кишкей де тувыл, аьдеттеги тав шоқыракларынынъ бириси. Сувы ап-ак, тап-таза. Оьзи де буздай сувык. Ягалары каялы-таслы. Бирер ерлерде сув уйкен ялпак таслардынъ устилериннен, куьмис конадан аккандай болып, шорылдап агады. Таза сувдынъ ишинде алашоргайлар, йылтырап коьринип, юзедилер. Оьзининъ де кужыр аты бар: Керекшин-шоқырак дейдилер ога. Шоқырак терен оьзен мен, тоьгерекке шав-шувын шашып, агады. Сондай болады да тав шоқыраклардынъ кылыгы. Тарпан атлардай шалт, тап бир билесинъ, етеек ерине кешиге ятыргандай болып асыгады.

Шоқыракка неге Керекшин-шоқырак дейди экенлер деп, сейирсинди Кырлув бас деген куьнлерде. Ол онынъ акында энъ алдын казаншы Асаннан, оннан сонъ тагы да бир-эки койшыдан сорады. Ким биледи оны, неге айтканларын, дедилер олар. Энъ сонъында Кырлув, келис келип, бир куьн тамададан сорады.

Амат карт коьпке дейим уьндемей, шал сакалын сыйпап турды, сонъ, колындагы ыргагын шоқырак бетке созып ымлап алды да, аьр бир соьзин таптап айтып баслады.

– Э-э, кызым, мен де, буьгуьнгиндей эсимде, сендей болып, яс заманымда мунда келгенде, уйкенлерден соьйтип сораганым бар. Эне сол заманда бир карт койшы, токсан тогыз яшаган, азув тиси босаган, токта, токта, аты, эште, мутпаган болсам, Зинадин болар эди деймен, мага булай-булай деп, айтты. Айтканда да аьруьв этип туьсиндирип айтты. Мине онынъ хабары. Тынъла, кызым. Белки, сен де сонъында биревге айтарсынъ. Яшав деген соьйтип барады да, бирев анав биревге коьргенин, баскасы эситкенин айтады. Соьйтип, хабар ерде ятыспайды, айтылады.

...Бурын-бурын заманларда бу ерде аьдем аягы баспаган калын кара агашилыклар болган, дейдилер. Агашилыкта туьрли-туьрли коьп януварлар яшаганлар. Бомтен де бек керекшинлер коьп болганлар, озьлери де кайдай ярасык болганлар, дейдилер. Соьле ондай тукымлар калган йоклар, кырылганлар. Эне сол керекшинлер тек мине бу шоқырактан сув ишип турган экенлер. Олар ога сокпак салганлар. Мунав шоқырак сувы коьтере баска сув. Сув да туьрли-туьрли болады. Даьми де, туьси де. Бир сувды ишсенъ, ишип тойып болмайсынъ, сербеттей татыйды. Мине мунав Керекшин-шоқырактынъ сувы да сербеттей. Керекшинлер тек соны ишип турганлар. Эне сонынъ уьшин бурынгылар шоқыракка Керекшин деп, ат такканлары...

Оннан сонъ карт тав шоқырактардынъ аьдемнинъ савлыгына эм болатаганы акында айтты. Кырлув тынълады.

— Атай, аьше, соьле керекшинлер келмейме шоқыракка? — деп сорады кыз.

Карт, кишкей кысык коьзлерин тагы да бек кыса берип, эрекке, тавлар бетке карады.

— Кызым, — деди ол, карамын алыс тавлардан алмай, — соьле керекшинлер эне андагы коьринетаган тавларга кеткенлер. Аьдем дегенинъ кайдай сага, кырганын кырган, кырмаганын уьрkitкен. Барды да аяв-зат билмейтаган тас юрек аьдемлер. Атып, согып оьлтирип баслаганларында, калганлары эрекке кашканлар. А кайдай ярасык януварлар керекшинлер. Карап коьзинъ тоаяк тувыл. Ыспайы. Аяклары йинъишке, мойынлары узын, туьслери аьлемет ярасык: тегислери де бар, ак-ак тамгалары болып та расадылар. Муьйизлери ша! О, тап биревдинъ шебер коллары каьр этип айбарлап эткен деексинъ, оллахий. Бутак-бутак болып, ярасык биткен яс коз теректей, яйылып турганын коьрсенъ — коьзинънинъ явын алады. Озьлери кайдай юйрик, кус та етпес. Коьз юмып ашканнынъ арасында йок бола коядылар. Дуныяда керекшиндей ярасык, онадай акыллы айван болмас. Ярасыкты билеме тас юрек аьдемлер? Ондайларга ой да, кыр да теп-тегис. Кайдай яхшы януварды да атадылар, согадылар. Тек озьлерининъ опан тамактары тойсын.

Куйиздей коьгоьлен мен ясыл агаштынъ орнына тыр-тыр оьссе де, олардынъ касырлары каврамас эди. Бир хайтесиз януварды оьлтирген аьдем, колайы келсе, аьдем оьлтиргенди де тырнак кадер коьрмес, оллахый.

Карт соьзин койып, тамагын кырды, туьсиндинъме энди дегендей этип, кызга карады. Кырлув, карттынъ бир соьзин де эситпей коймайым дегендей болып, тынып тынълап туры эди. Эм карт токтаганлай, ол, тынысын авыр алып:

— Акай, неге болады экенлер сондай аьдемлер? — деди, яны кыйналып.

Карт уьндемей бираз ойлы болып турды. Сонъ, кыз бетке бурылып, айтты:

— Ким биледи, неге болатаганларын, кызым? Болувын боладылар. Халктынъ коьтереси де бирдей болама, бес бармактынъ оьзлери де бирдей тувылды да.

Кыз, бармакларын тап бугуьн коьрип тургандай болып, йинъишке узын бармакларына карады.

Карт олтырган еринде тынышсызланып кыймылдады. Япалак тери боьркин шешип, таза кетерилген басын сыйпады. Эм, бир зат эсине туьсип, яна соьзин баслады:

— Коьтере мутканман, кызым, айтпага. Тек сен яхшы этип тынъла, даь?

— Аьруьв, акай.

— Айтаягым, кызым, аьдем сондай катылык затка баладан уьйренмеге болады. Бирер балалар мысыкты, кишкенекей куьшелекти каьр этип тас пан согып, яде мойныннан йип пен бугындырып оьлтиредилер. Билип этсин, билмей этсин, этеди, юреги сол затка кыйналмайды, ол аяв деген затты билмейди. Ал, кишкейден соьйтип эткен, уйкен болса не болаяк ол?

Бирден Кырлувдынъ коьнъили бузылып кетти эм коьз алдына капша-карысык болып бир куьн орамда коьрген заты келди.

Арадай кап-кара, батлак коьз бала туьги кундыздай йым-йым йылтырап турган ярасык мысыкты мойныннан юн йип аркан ман суьйреп, орам ман бир болып шанъды коькитип, шавып бараятыр. Мойны бугындырылган мысык юре алмай, доьмбектей суьйретиледи. «Токта!» —

деди янма-ян, бу затты коьрип, Кырлув. Яс токтамай шаба берди. Кыз каарланып, ясты кувып етип, енъиннен тартып ыслады...

— Эситтинъме, кызым? — деп карт, Кырлувдынъ ойын боьлди.

— Акай, — деди сонда Кырлув, — бизим орамдагы анав Шахмелектинъ улы Аскер де бир кайта бир ала мысыкты, мойныннан аркан ман бугындырып, орам ман тартып юри эди. Мен ога соьйтип неге этесинъ дегенде, ол мага, аьше, каймагымызды еген, анам оьлтир деген, деди. Мен онынъ керегин таптым. Мысыкты йиберттирдим, оьзининъ де, оқытувшыга айтаякпан деп, янын алдым.

Карттынъ соьлеге дейим суслы болып турган шырайы ярыкланды эм ол, акыйкатлай да суййинип:

— Аьперим, аьперим сага, кызым, — деди, кыздынъ басыннан сыйпап. — Ондайларга пай бермеге керек тувыл. Тагы да бир айтаягым, кызым, ондайлар оьзлери де онъмайтаганлар. Сол язык януварлардынъ сусы етеме-зат этеме, ким биледи, онъмайдылар. Сага, кызым, багана айткым келмей туры эдим. Тынъла. Эситкен хабарымды айтайым.

Мине сосы шокыфакка аьр куьн туьс сайын бир куьн керекшин сув ишпеге келеди экен. Куьптинъ йол басшысы ярасык дегенде ярасык, сафы туьсине шыбар-шыбар тамгалаф туьскен керекшин болган, дейдилер. Сол тамада керекшин, савлай куьп сув ишкенше, бийик тастынъ уьстине минип, каравыл болып турады экен. Бир кайта, билсе язык янувар оны, куьп сув ишип болганнан сонъ, ол ишейим деп, шокыфакка ийилгенлей, аяв билмеген каты кол оны атып согады. Йолбасшы ярасык керекшинди согаяк болып, коьзи атлыгып сол бирев анъшы коьп заманлар анъылып юрипти. Йолбасшылары оьлтирилген куьннен сонъ, керекшин урлыгы сосы тоьгеректен кашады эм бир керекшин де бу шокыфакка сув ишпеге келмейди. А анав оьлтиретаган анъшыдынъ сол куьннен сонъ онъ колы курып, шолак болады. Ол аз деп, тувган-тувган тувдыгы да шолак болып тувып турды, дейдилер.

— Кызым, бу хабарды мага, мен яс болып, оьзим коьргенмен сол бирев анъшыдынъ яртыян тувдыкларын деп,

ант этип, ув ялап, бир карашай карт койшы айтканы бар. А соyle мине мен сага айтып турыман, кызым. Оьтирикпе, уьшинме, ким биледи оны, тек тас юрек аьдемлерге табиаттынъ ярасык, яхшы януварларынынъ сусы етер деп, мен де ойлайман. Неге десенъ, кызым, табиат ярасык болса — биз де ярасык боламыз. Аьдемнинъ ярасыгын бузган аьдем онъмас.

Карт шал сакалын сыйпады, ыргагына таянып, олтырган ериннен турды:

— Ал, кызым, аьвелгиден-аьлигиден коьп хабарластык, оллахый. Ал, аьше, каьримизди коьрейик.

Кос тамадасынынъ хабары кызды уьйкен ойга калдырды. Ол коьпке дейим эсине бир авылдагы Аскер балады, бир сол ярасык керекшинди аткан анъшыды алды. Анъшы ога батлак кызыл коьзди, танавлары шатлап турган бир кап-кара, домбай аьдем болып коьринди. «Аскер де сондай тас юрек болякпа, аьше?» — деди ол оьзи-оьзине...

Эне сол куьннен баслап, Кырлув, турды дегенлей, сокпак пан Керекшин-шоқыракка барып турды. Сыпсувык сув ман ювынды, завкланып сувын ишти. Эм ога оны ман бирге сувды ярасык керекшин улаклар ишкендей болып сезилди. Шоқырактан сонъ, ол казаншыга ярдамласты. Казан-аякты ювды, отка отын салды. Тек уьйле ас аьзир болятыр дегенде, ол, бираз ойнап келейим деп, казаншыдан тилейтаган эди.

— Эрекке кетпе, Кырлув, — дейди Асан ога аьр заманда да.

Буьгуьн де Кырлув тогайга, шешекей йьймага деп, тилеп кетти. Тогайда бираз юрип болып, шоқыракка туьсти. Сонъ каяларга гармасып баслады. Дорбынларга кирди, туьрли таслар йьйды. Ога дорбын кесерткилери йьлыктылар, бирерде, каяларды занъыратып, уьйкен кара куслар ушадылар. Куваклыклар ишинде канатлылар оьзлерининъ таьвесилмес йьрларын йьрлайдылар. Кырлув аьр бир сеске кулак салды. Оны тоьгеректеги баьри зат та, аьр бир эситилинетаган сес те сукландырды. Ол сак болып тынълады, тоьгерекке сукланып карады. Онынъ тагы да бек бийиктен-бийикке коьтерилгиси келди. Минейтырган тавын авып, эректеги керекшинлер

юретаган тавларды коьреек болды. Асыгып тармасып йоргалады. Бирден оны тоьменнен, тогай беттен шыккан казаншыдынъ тавысы токтатты:

— Кыр-лув-ув, — деп сагыр болып эситилди тавыс ога. Тавыс каяларга согылып кайтарылды.

— Кырлув! Тез болып кайт, уйле асынъды иш! — деп кышкырды яна Асан.

Кырлув тынълады эм артына кайтты. Мунав йол да ол туьри тасларды, туьри шешекейлерди алып кайтты. Оларды авылга аькетеек болып шалысып аьзирлейди. Шешекейлерди кептиреди, тасларды артпакка йыяды. Йолдасларына коьрсетеек, мектепке аькетеек болып ойланды. Ол заманда авылдагы йолдаслары Кырлув тавда боп-бос турмаганын, онда да ол каьр эткенин билерлер. Куры билгенде тувылды да куллык, дерислерге де керееклер олар. Шешекейлерди ботаникадан оқытатаган оқытувшыга берер. Мунав соьле Кырлув йыйган шешекейлердей шешекейлер авылда болмайдылар. А тасларды айтпа да кой. Кайдан келеек эди авылда мундагындай туьри таслар? Куьмиси керекпе, алтыны керекпе, коьтереси де бар ол таслардынъ ишинде.

Казаншы тагы да кыздынъ кушагындагы шешекейлерди эм этегиндеги туьри тасларды коьрип:

— Улсыз пише симекке тоймас деп, кыз, сен де таслар ман шешекейлерге тоймай калдынъ.

Кырлув сарк-сарк этип куьлди.

— Неге куьлейсинъ, туп-туврасын айтаман.

Кырлув шешекейлерди костынъ янына яйып салды, сонъ казаншыдынъ касына келип:

— Куьлейтаганым, акай, абайым да соьле сен айткандай этип айтады мага, — деди.

— Тувра айтады абанъ, Кырлув, не коьп тас ол, не коьп шешекей ол. Косымызды тувра толтырдынъ сен оларга.

Кырлув этегиндеги таслардынъ ишиннен биревин сайлап алып, Асанга узатып:

— Мунавын караш, акай, кайдай тас, — деди. — Караш, караш, ишинде алтынлардынъ йым-йым йыльтырайтаганын.

Асан лал-йобгер болып турган кишкей ярка тасты тоьгерек айландырып, ога битилип карады. Караган

сайын, карагысы келди. «Не аьжейип-ав, — деди обзы-
обзыне, — уышини мен де алтын боларлар деймен мунав
йылтырайтаганлар». Сонъ, сондай ярасык тасларга-
затларга эс те этпейтаганы уышин, обзын соькти. Эм
кызга разы болып айтты:

— Аьперим, оллахый, Кырлув, сага. Ондай таслар би-
зим, уыш уйкласак та, туьсимизге энеек те, эсимизге келе-
ек те тувыл. Бизге коьре не аьжет, коьтересин де бирдей
тас этип коьремиз. Карайсынъма оларга? Обз каьримиз
болмаса, баска зат акында эсимизге де кирип шыкпайды.
Айтувынъ айтув, кызым, алтын да коьктен туьспейди де,
тавлардынъ-таслардынъ ишиннен табылады.

Казаншыдынъ аруув соьзлери Кырлувдынъ коьнъи-
лин коьтердилер:

— Аьше, акай, мен оларды авылга аькетеекпен.

— Аруув, кызым, аруув. Энди кел асынъды иш. Бир
аруув этип май ботка эткенмен.

12

Эстелик эсте калаф.

Кыз-Кая бу бетлерде энъ уйкен, энъ бийик кая.
Ол тар эм ыздандай¹ терен Кызгыш обзеннинъ алдын
бувамдай этип бувып турады. Обзеннинъ иши мен шор-
шор этип арымай-талмай керуув карап зыранълайтаган
Кызгыш сувы тавдынъ этегин айланып агады. Эште, сол
сувдынъ аты берилген болар бу тоьгеректеги тав отла-
кларга да эм обзенге де.

Эректен караган аьдемге тавдынъ турмысы онъ
колына узын оьткир кылышын алып, аз-маз алдыга
ымтылып турган кызга усайды. Аьжейип обнери бар-ав
табиаттынъ. Тав тамам мермер тастан аьдемнинъ колы
ман этилинген эстеликтей болып сезиледи.

¹ Ыздан — зиндан.

Кыз-Кая. Не хабар айтылады, не хабар айтылмайды онынъ акында бу бетлерде. Оны янлы да, янсыз да этедилер. Бирерлердинъ, оны коьрселер, коьзлериннен коьзяс тоьгиледи, баскалардынъ — оьктемсип коьнбилери коьтериледи.

Кырлув, савлай эсин берип, тавга тигилип карайды. Кая ога шынтысы ман да кыздынъ катып калган сынта-сындай болып коьринеди. Ол акырын, тап бир наьзик затты ыслагандай этип, каядынъ тасларын ыслады. Сонъ йолда юлкып аькелген шешекей байламды тавдынъ этегине аьдуьвлеп салды. Оьзи, каядынъ бир тасын да коьрмей калдырмайым дегендей этип, тешкерип тавга карады. Эм бирден тав савытлы-садаклы мазаллы дав кызга айланды: колындагы оьткир кылышын коьтерип, астындагы тулпар атын алдыга шаптырады. Онынъ алдына, табыр аьскерин катар-катар этип каплап, кара душпан келеди. Ер сенькилдейди, тавлар-таслар тарсылдайдылар, коьк гуьрилдейди. Кан Кызгыш сувындай агады. Явды баьтир кыз капыстадай туврайды. Тамам сога-сога, онынъ кылышы топалланады эм зынъырап ерге туьседи...

— Абайым-ав, — деп Кырлув сескенип кетип коьзлерин ашты. Тувра алдында, тавлардынъ арсланындай болып, бийик, тик кая туры. Тавдынъ этегинде биткен мазаллы карагай тереклер акырын ысылдайдылар. Тавдынъ тоьбесиндеги ап-ак кар, куьннинъ коьзине тийип, куьмистей шагылысады. Агашлыктынъ ишиннен кайдай ды бир канатлылардынъ сабыр сарнаганлары кулакка шалынадылар. Кызгыштынъ шорылдаганы канатлылардынъ йырларына эжуьв эткендей болады.

Кыз тоьгерекке кулак салады. Соьле ога баьри де сол баьтир кыздынъ акында йырды айткандай болып сезиледи. Эм онынъ эринлери оьзи-оьзиннен йыбырдайдылар:

...Явды ярды, ян алды
Алты карыс алдаспан,
Айырылды кыз баьтир
Аданас пан, йолдас пан...

Кырлувдынъ юреги коьтериледи. Сол баьтир кыздынъ йигитлиги уьшин, онда кайдай ды бир йигитлик

тувады. Тавдынъ тоѳбесине минсем экен деп, талпынады. Кобзлери, сосы каяга тармасапага болаякпа дегендей этип, тешкерип карайдылар.

— Тас болып катып калган кыз, Кыргызхан. Халк келиспеген затты айтпайды, усап та туры кызга, — деди Баубек, сейирсинип каяга карап. — Эстелик эсте калар дегенге усап, оьмиринъе эсинъде калаяк, оллахый. Шынты оьлмес эстелик болып та туры. Эли, халкы ушин эткен йигитлик мутылмайды. Тувдыктан-тувдыкка айтылып калады-ав...

Кырлув атасынынъ соьзлерине кулак салды.

— Кызым, кетейик энди, кеш болады, — деди атасы, кыйылып бараятырган куьннинъ коьзине карап. — Бир талай ер юрекпиз.

Кырлувдынъ кеткиси келмейди эм ялбарып акасынан тилейди:

— Бираз тураяктагы, акай. Неге асыгасынъ?

Баубек кызын асыктырмады, йигерин йыккысы келмеген болартагы. Кырлув тавдынъ этегиннен увак тасларды йыйды. Баьтир кыздынъ коьзиннен коьреек болып йыйды.

— Не этеексинъ, кызым, ол кадер тасты, болды, — деди Баубек.

— Йок, акай. Авылга аькетеекпен. Тенълериме бирер тас берермен, Кыз-Каядан аькелгенмен деп, берермен. Олар кайтип суьйинерлер. Оннан сонъ Кыз-Кая-дынъ акында койшы акайлардан эситкен йырды йырларман.

— Аьруьв, кызым, аьруьв, — деди атасы, кызынынъ соьзлерине суьйинип.

Атлардынъ наллы туяклары таслы сокпакты дуь-бир-детедилер. Эки атлы уьндемей, бир-бирининъ ызыннан барадылар. Йолдынъ тар ери, сак карап барадылар. Алдыдагы эсли атлы шалт-шалт бурылып артындагына карайды. Артындагысы оны макул коьрмейди.

— Меним уьшин коркпа, акай. Бираз тезлеттагы.

— Йол соьле яман. Туьз ерге шыксак, тезлетермиз.

— Акай, акай, — деди Кырлув, атын атасынынъ атына оькшелендирип, — эште, баьтир кыз да аты ман мунав сокпак пан юрген болар, дия?

Баубек атынынъ басын тартты да кызы бетке бурылып:

— Баьтир кыздынъ минген аты дуьлдуьл болган, дейдилер, кызым, — деди.

— Кайтып, кайтып? — деди сол сабат ок Кырлув.

— Тулпар ат болган, кызым. Онынъ туьси окадай йым-йым йылтыраган йийрен, курсагы йинъишке, аяклары узун, ыспайы болганлар. Кенъ манълайындагы ак юлдызы танъ Шолпанындай яркырап коьринетаган эди, дейдилер. Юйриклиги ша? Койы ялын кардай боратып, шанъ шыгарып шапканын коьрген кус ушама сосы деп сезген, дейдилер. Сонынъ уьшин болар эди, эште, ога Кусетпес деп ат тагылганы. Несин айтасынъ, тулпар болган. Кайда соьле ондай атлар...

Кырлувдынъ коьз алдына алды аякларын созып, кустай ушып бараятырган тулпар ат келди, эм ол ога сукланып карап турды. Эринлери: «Ушады, кустай ушады», — деп йыбырдадылар. Эм, оьзи де билмей кетип, аякларынынъ оькшелери мен атынынъ буйырларына туьртти, йийрен силкинип, йортып алдыга шыкты.

Йолдынъ туьз ерине шыкканлай, артындагы атлы алдындагын етип озды.

— Сак кара, Кыргызхан!

— Йыгылаяк тувылман, бир де коркпа! — деп яваплады Кырлув.

Баубек, аттынъ уьстинде колайлы болып олтырган кызына карап, сукланды:

— Машалла, бирер эр йигитлер олтырмайдылар атта соьйтип.

— Акай! Шаптыр, шаптыр!

Эки атлы, тап бир атшабыстадай болып, шаптылар.

Дабыр-дубыр деп, атлардынъ наллы туяклары таслы ерди тоьбелейдилер.

Кеште уьйкен костынъ алдында тагы да давылдап агаш от янды. Оттынъ тоьгерегин курсап алып, койшылар олтырдылар. Олардынъ арасында Кырлув да олтырды. Мунав йол домбырады Маштекей сокты, калганлар эжуьв этип, йырды созып алып йоьнедилер. Кырлув суьетаган йырды йырладылар. А Кырлув оны кеше де,

куың де тыңъласа да, болды деп айтаяк тувыл, тыңълаяк. Оны койшылар бек арууы биледилер эм сонынъ ушин сол йырды йырлайдылар. Кыз эрикпесин, коынъилин ашсын, дейдилер. От давилдап янады. Уйкен казанда, тоьгерекке ийисин кокытып, кой эт кайнайды. Казаншы, этти шалт писиргиси келетаган болартагы, отка айт деп агашларды салады. Маштекей домбыра согады, калганлар йырлайдылар. Тамада кайкы сап уллесин сорады. Давылдап янган от аьдемлерге кешединъ сувыклатканын да сездирмейди.

— Эт писти, — деп казаншы тынысын енъил алды.

Пискен эттинъ бұвы силекейди шыбыртып, бурынга согады. Асан, этти муьше-муьше этип боьлип, олтырганлардынъ тете-тетесине коьре алдыларына салды. Тамададынъ алдына койдынъ басы ман явырын калагын салды. Калганларга да ясларына коьре тийисли муьшелерди берди.

Койды муьшелеп боьлмеге ногайлардай уста болмас десенъ де, оллахый, оьтирикши болаяк тувылсынъ. Аьр муьшединъ аты бар, тутатаган орны бар. Койды муьшелеп асадылар, муьшелеп боьледилер. Ясы уйкенге уйкен, кишкейге кишкей муьше тиеди. Мага анав ерин салдынъ, мунав ерин салдынъ деп, бирев де оьпкелемейди, атабабалардан калган аьдетти бек арууы биледилер. Басты да кайтип муьшелеп боьледилер. Тамада савлайын онынъ оьзи ялгыз емейди, касындагыларга боьлип береди...

Карт белбавындагы кыныннан уйкен ак муьйиз сап пышагын шыгарды эм асыкпай алдындагы койдынъ басын колына алып:

— Бастынъ сол ягы мине Маштекейдики, е, алал болсын, — деди, басты сол бетинде олтырган Маштекейге узатып. Оннан Кырлув бетке карады, сонъ пышак пан бастан кулакты, оннан тилдинъ ушын кесип алды да:

— Мунавы бизге конак болып келген кызымызга, — деди. — Кулакты есе, кулагы сак болар, тилдинъ ушын есе — тили шешен болар. Аша, кызым, ас болсын. Ал, бисмилля, ашаягынъыз.

Кырлув, куурт-куурт этип киртилдетип, ушени мен де кулагым сак болар деп, койдынъ кулагын йийди. Койшылар да кой этти ашайдылар. Керекшин-шоқырак та айт деп шорылдайды. Тавлар тоьгерекке кулак салып тынълайдылар.

13

Ат – мырат.

Эки атлы таслы тар йол ман акырын йортып барадылар. Кырлув минген сары йийреннинъ туьси, куьнге шагылысып, йым-йым йылтырайды, ялы, явган кардай борап, йинъишке мойнына куйылган. Узун куйрыгы сыпыргышланып асыкларына дейим туьскен. Аякларын сайбаслатып алгандай этип, ярасык этип коьтерип алып адымлайды.

«Мен йийренге минемен, акай», — деди йолланаятырып Кырлув, йийренди яратып, кайсы атка минесинъ деп сораганда. Баубек кан торыга минди. Кыз атка мингенде, койшылар сукланып карадылар. Коьзимиз тийип олтырмасын, атка калай яхшы каптырылып олтырады деп, «машалла» айттылар. А тамада, йийреннинъ касына келип, иердинъ айылларын, аьрув сыгылганма деп, тартып-тартып карады, сонъ атты сыйпап:

— Тфу, машалла, яхшы ат, кызым, а яхшы ат аьдемнинъ не мырадына да еткерер, деген халк. Бир саьат еткерер мунавы сени авылга. Ал, яхшы йолга бар, кызым, — деди.

— Яхшы саьатте калынъыз, атай...

Йол, барган сайын, тоьмнен-тоьмнен сарка берди. Атасы ман кызы, тап бир барабар тенълердей болып, косакласып барадылар. Кырлувдынъ канжыгасына эки коьзди юн артпак тагылган. Артпактынъ бир коьзине кыздынъ затлары салынганлар. Эм Кырлув, ондагы затлары ушин кавыфланып, окын-окында артына бурылып, артпакка карап алады.

Кырлув кыз-тавдан авылына кайтып келеятыр. Аманласаятырып, кызды койшылар кайта-кайта кушакладылар, ога яхшы йол сагындылар. Тагы да келерсинъ деп,

тиледилер. Несин айтасынъ, сол куьнлердинъ ишинде койшылар кызга телиндилер, оны оз кызларындай исси коьрдилер. Эм кыз бан аманласаятырып, аьр бир койшы буга эстелик этип бир зат бергиси келди. Маштекей карт Кырлувга каскы эшкидинъ илгектей болып турган ярасык муьйизлерин берди. Казаншы Асан коьпке дейим кызга не береегин билмей турды. Бермеге зат таппай тувыл, бир яхшы зат берсем экен деп, ойланды. Неге десенъ, Кырлувдынъ энъ ювык досы ол эди. Саьспеклеп, бир аз ойланды, сонъ коска зыранълап кетти. Эм оннан ярасык этилген шوماка ман оьрнек кыйылып ясалган агаш аякты аькелип, кызга берди:

— Маь, Кырлув, мунавлар сага. Шوماка ман шай ишерсинъ, аяк пан соьк ерсинъ.

Кырлув аякка сукланып карады. Оны Асан каьр этип аьдуьвлеп эткен эди улына деп.

— Аьруьв аяк, акай, — деп суьйинди кыз казаншыдынъ савгасына.

Баска бир койшы ога акша узатты:

— Маь, кызым, мунавга китаптар аларсынъ.

Кырлув булардынъ бергенлерин алмаяк та болды, аман да олар бир де коймадылар. Ал, ал деп, тиледилер...

Ийирен мен торы тар тав сокпагы ман йортадылар. Уьйкен йолга тоьте-тоьтеден шыгаяк болып, булар соьле сокпак пан барадылар. Кырлув, артына бурылып, кослар бетке карайды. Анда койшылар, кыздынъ артыннан карап, кол булгалайдылар. Кырлув да кишкей колын йыйы-йыйы булгайды.

— Яхшы йолга бар, кыз! Тагы да келерсинъ бизге! — деп кышкырдылар костынъ касындагылар.

— Яхшы саьатте калынъыз, акайлар. Келермен тагы да!..

Тавдан авып тасага туьскенше, койшылар кыздынъ артыннан карап турдылар. Кырлув да карай-карай барды. Анда, артта тавлар, олар ман бирге койшылар калдылар. Кырлув оларга кайтип уьйренген эди. Олар да уьйренген эдилер ога. Кырлув келеек язда тагы да келер оларга, соьйтип соьз берип кетейтыр ол. Келсе, тагы да казаншы

Асанга ярдам этер, тагы да Кыз-Каяга барар, онынъ баа тасларын оьбер, тавдынъ туьбине бир байлам шешекей салар. Эм онынъ акында йыр йырлар. Йыр тавлар ман, оьзенлер мен ушып кетер, бийик тавдынъ басына етер. Уйкап турган йигит кыз уянып, йырды тынълар. Кырлув йырлар, Кыз-Кая сукланып тынълар. Оны соьлеге дейим де халк мутпаганын, сыйлайтаганын сезер. Куванганнан коьзяслары да шыгарлар. Тек олар ашы болмаслар, тав шокрыак сувындай таза боларлар...

— Акай, ол оьлмеген, дейдилер де. Бизге бир кыйынлык еткен куьн тирилеек, дейдилер. Уьшинме?

Баубек уьндемейди, кайтип яваплагын ойланады.

— Ким айтты соьбитип, кызым?

— Маштекей атай айтты. Оьлген йок, дия?

— Аьше, — дейди акасы, асыкпай айтып, — халк туврасын айтады. Оннан бербетин неше йыллар кеттилер, а халк сол йигит кыздынъ баьтирлигин мутпайды, онынъ атын оьктемсип айтады. Солды да, кызым, ол оьлмеген, ол сап-сав, бизим арамызда яшайды. Онынъ эткен йигитлиги тувдыкларга коьрим болып келеятыр. Ким болса да бирев, элге кыйынлык еткен шакта, онынъ эткен йигитлигиндей йигитлик этпеге болар. Эне сонынъ уьшин ол тири, оьлмеген эм оьлеек те тувыл. Халк пан бирдей болып яшаяк. Туьсиндинъме энди, кызым?

— Аьше, акай, — дейди Кырлув, басын ийзеп.

Баубек атын асыктырады. Кешеге калмай, авылга етпеге керек. Таслы йолды атлардынъ туяклары дабырдубыр этип тоьбелейдилер. Аттынъ уьстинде Кырлувдынъ наьзык кевдеси аз-маз шайкалады. Йолавшылар бараяк ягына, а куьн батаяк ягына асыгадылар. Яшав дегенинъ сондайды да, аьр бир зат та этеек затын этпеге, яде етеек ерине етпеге асыгатаган. Мине соьле куьн де асыгып тыгырады, оны кувып етеектей болып, атлылар да асыгадылар.

— Эситесинъме, кызым, — деди бирден Баубек, — бизим Кобаннынъ шорылдайтаганын? Энди авылга коьп калганы йок.

Кырлув тынълайды, болса да бир зат та эситпейди.

— Сен, кызым, аьруув этип тынъла. Биз барган сайын сувга ювыклай беремиз. Ол эне анав тавлардынъ аргы янындагы йылга ман агады. Аьруув этип тынълаш.

Кырлув тынълады. Эм бирден куванышлы кыш-кырды:

— Эситтим, акай! Эситтим! — эм ол Кобан акында йырды занъыратып айтты:

Томар-томар толкынлар
Топарласып толгайлар...

Сувдынъ шорылдавы ашыктан-ашык эситиледи. Ол эндигиси таслы тар йол созылып барган оьзеннинъ ишин бийлеп алады. Тавлар караланып баслайдылар.

Тавларда каранъа тез туьседиде. Оьзен, ыздандай болып, боп-бос болып сезиледи. Иргедей сирелип турган каялар тынганлар. Ай бир якта, кайдай ды тавлардынъ артында ясырынып юзеди. Тек онынъ сабвлеси аз-маз соккандай болады. Тек бу бослыкты сувдынъ шорылдавы толтырады, ол бир солга, бир онъга бурылып, кыйшайып барады. Онынъ айланышы да, куйланышы да, ойпаты да, кыры да бар. Мундагы аьдемлер де, айванлар да бу йолга уйренип калганлар. Аьжетлерине де келмей юредилер. Соьле соьйтип эки атлы да келеятырлар.

Йол тоьменге, авыл бетке туьсип барады. Тоьстен авылдынъ шыраклары куьнъирт коьринедилер. Авыл аьле яткан йок. Ясы ман аксамнынъ арасы.

— Бизим шырагымыз кала, акай? — деди Кырлув, шырак ярыкларга карап.

Баубек те тешкерип карады, коьлем янган шыраклардынъ ишиннен уйиндикин излестирди. Сонъ, камышысын авыл бетке тускап:

— Энди анав ярбастынъ тувра уьстине караш, — деди. — Анав коьринетаган уьш ярктынъ алды бетиндеги бизики, кызым.

Кырлув акасы ымлап коьрсеткен бетке карады:

— Эне анавыма?

— Аьше, кызым. Ананъ аьле де яткан йок. Тувра кешки астынъ уьстине сып деп туьсеекпиз. Кызым, ийискилеш, бурнынъа согатаган ийисти сезесинъме?

— Кайдай ийис, акай?

Баубек танавларын керип ийискилейди:

— Тезек от ийиси, Кыргызхан. Бурнынъа бурыштынъ ийисиндей болып согатаганын сезбейсинъме?

Кыз да ийискилейди:

— Тувра, акай.

Атлар авылга ювыклаган сайын юрислерин тезлетедилер. Булар озьлерининъ орамларына бурылганлай, алдыларына ярбанълап ийтлери Карабас шавып шыкты.

— Абайым-ав, — деп сейирсинди Кырлув, ийтти коьрип, — кайдан билип шавып келип юри Карабас? Ийисти айлак узактан биледи экен. Аъжейип.

— Аъше, кызым, ийт — айлак сезгир ян, — деди атасы. — Оъзи де акыллы. Аъдемге ян йолдас ол.

Карабас, аттынъ алдыннан-артыннан айланып, йогарыга шоршыйды. Иелерине ярбанълаяк болып шоршыйды. Сагынган болартагы.

— Кырлув, Карабас сени тамам сагынган, коьресинъме шоршыйтаганын?

Ийт бирден уыйлери бетке шавып кетти.

— Карабас бизим келеятырганымызды абанъа билдирмеге кетти, — деди Баубек.

Орамга зыранълап Минат, олардынъ артыннан, коьнъыравын зынъыратып, Мойнала шыктылар. Булардынъ баьриси Кырлувды хош коьрип йолыгып турылар.

Минат кызын кушаклады. Олардынъ тоьгерегинде Мойнала ман Карабас айланадылар. Булар баьриси де кыздынъ аман-эсен келгенине суьйиндилер.

Анасы кызын шырактынъ ярыгына аькетип карады. Мери канмай карады. Ога кызы бираз азгандай болып коьринди. Эм ол кызына не егистеегин билмеди. Сышырага каймак соьк те, талкан да, бал да, шай да салды.

— Азгандай коьремен, — деди, юреги кыйналып, Минат.

— Ия сага! — деп айттыргысы келмеди Баубектинъ, — Ол бой тарткан, сонынъ уьшин сага азгын болып коьринетаганы, анасы. Коьрмейсинъме, кайдай уйкен кыз болганын?

— Коьремен, акасы. Тфу, машалла болсын, — деп Минат, Аллага шуькир этип, юзин кайта-кайта сыйпады. — Аман-эсен кайткан болсанъыз — сол ды.

Отягада тезек от кып-кызыл болып янады. Баубектинъ аьели, уйкен сыпырады курсап алып, машайрап ас ишти.

14

*Бир коьрген таныс,
эки коьрген билис.*

Токтанъыз, язды кетирмей турып, язда болган бир куллыкты эсимизге алаягынъыз. Оны соьле карап шыкпак-сак, сонъында болаяк затларды артык анъалаймаспыз.

Бир исси куьн, аьдетте этетаганындай этип, Кырлув ярбаста елкагарда олтырып, китап оқып туры эди. Мойнала ярга ямпейип биткен яс талдынъ наьзик япыракларын кишкей тислери мен куьрт-куьрт этип кайзайды. Бирден улак уьркти эм, бир аьжейип этип манъырап, Кырлувдынъ касына шавып келди. Кыз, буга не болды экен деп, серпилип тоьгерегине каранды. Караса — карасын, артында, сокпакта бир бойлы-шарклы, кызыл шырайлы, кумар коьзли, басына кара кийиз боьрк кийген яс бу бетке карап туры эди. Кырлув ога караганда да, яс карамын алмады. Соьйтип булар бир-бирлерине бир кесек заман карап турдылар. Ястынъ онъ коьльнда йинъишке тал шыбык бар эди. Эм ол, оны булгалап, кыз бетке карап тура берди. «Ким ди бу? Ким болса да, бизим авыл тувыл», — деп ойланды Кырлув. Сонъ, ястынъ уьндемегенин коьрип, орныннан турды да:

— Меним улагымды неге уьркитесинъ? — деди, ашувлангандай болып айтып.

Яс, кызга явап айтаяктан алдын, шыбыгы ман ерди баьленше кайта сокты эм асыкпай:

— Ким тиеди сенинъ улагынъа? — деди. — Оьзи уьркиш кашты.

«Караш онынъ тартынмай-зат этпей айтатаганын», — деп ойланды кыз эм, яс бетке адым этип:

— Коркар, аьше, уьркитсенъ! — деди.

— Керек эди мага сенинъ улагынъ!

— Копарсыйтаганын каратага онынъ! — деди Кырлув, ашувга ашув деп.

Яс басындагы кара кийиз боёркин шешти, кыз бетке йигерленип адымлады. Онынъ кап-кара шашлары куьннинъ коьзинде кундыздай шагылыстылар. Куьнге куьйген бети йылтырады. Аз-маз кысылып келген тири кара кумар коьзлери бир кызга, бир улакка карап алдылар.

Мойнала кыздынъ тоьгерегинде шоршып айланды. Ол шоршыган сайын, тоьгерекке аьлемет тавысын яйып, кишкей конъырав занъырады. Яс, уйкен сейирге калып, уьндемей бир улакка, бир кызга карай берди.

Бу йол кыз:

— Неге битилип карайсынъ? Коьрмегенинъ барма? Йолынъ ман бара бертагы! — деди, уьшини мен де ашувланып.

Кырлувдынъ соьзлери ястынъ шыкыйына тийдилер эм ол, тавысын коьтерип:

— Меним кайда барганым сага неси калган! — деди.

— Бара бер йолынъ ман. Мунавы бизим ярбас!

— Сатып алгансынъма ярбасты? Алладынъ ярбасы.

Кыз ашувланды эм, юреги коьтерилип, яс бетке барды:

— Мен соьле сени!

Яс та, коькирегин кайкалатып, кыз бетке адымлады.

— Кет, деймен де! — деди Кырлув, ястынъ касына келип.

— Кетеек тувылман!

— Маь, кетпейтаган болсанъ! — деп кыз ясты акырын ийтеди.

Меним яным йокпа, соьйтип неге этесинъ дегендей болып, яс каарланды эм ийтеек болып ымтылды. Ама бу вакытта эсте-туьсте болмаган зат болды. Мойнала, деген куьшин салып, шавып келип кишкей муьйизлери мен ясты артыннан туйди. Артыннан бирев согар деп ойланмаган яс, йыгылаязып, алдыга шайкалды.

— Ха, ха, а, — деп шеги катып куьлди, муны коьрип, Кырлув.

Яс, эсин йыйып алып, артына бурылып карады. Артында, калай аьруьв эттим, бир тийип кара меним иеме, тийсень, тагы да туьермен дегендей болып, басын туййиспеге аьзир этип, улак туры эди.

— Улагынъ да, обзинъ де бобтекей бир затлар экен-сиз, — деди яс, ашувланып.

Сувга келеятырган бир кыскайклы кыз бан ястынъ бир-бирлерине кадалып турганларын коьрип:

— Не этесиз онда, э! Мен соьле сизинъ керегинъизди табайым! — деп кышкырды.

Яс, артына карай-карай, шыбыгын авада булгала-клап, авыл бетке йобнеди. Кырлув артыннан тилин шыгарып карап калды. Сонъ кыз, эрекке кеткен бузавларын кайтармага деп, сувягага туьсти, коллары ман алып, сув ишти. Мойнала да ишти сув...

* * *

Экинши куьн Кырлув, туьнегуьнги ясты сол туьнегуьн турган еринде коьрип, аьжейип этти. Яс, тамам туьнегуьнгиндей болып, бийик ярдынъ басында турагалып, сувдынъ шоршып-актарылып агып барган каты агынларына карап туры эди. Булар бир-бирлерин коьрдилер. Эм Кырлув, туьнегуьнгиндей этпей, акырын айтты:

— Тагы да келдинъме?

Яс та юмсак этип яваплады:

— Аьше. Тагы да келип болаяк тувылма?

Мунав йол Кырлув бир зат та айтпады. Ясты басыннан аягына дери карап алды.

Басында сол туьнегуьнги кара кийиз боьрки, уьстинде моры шыт коьйлек пен кара ыстан, аякларына кара сактыян шарыклар кийген, онъ колында сол баягы тал шыбыгы.

— Калай ярасык улак, — деди яс, улактан коьзлерин алмай.

— Тфу, машалла де, коьзинъ тиер, — деди аьемсип Кырлув.

Яс куьлди, кене де улак бетке карап туькирип:

— Тфу, машалла, — деди. — Аты да бар болар?

— Аьше, Мойнала. Тек ол баска аьдемди унамай-таган.

— Сендей болып, — деди яс, куьлемсирей берип. Кырлув да куьлемсиреди.

— Мен сувягага туьсемен. Юр, Мойнала, — деди, улакка карап, кыз эм сув бетке адымлады.

Яс та тоьменге, сув бетке тартына берип адымлады. Кыз шавып сувягага туьсти, онынъ артыннан, конъыра-вын зынъ-зынъ эттирип, улак туьсти. Олардынъ ызыннан ят яс та туьсти.

Кырлув сувягадан туьрли туьсли таслар излеп баслады. Бирден ол артына, яс бетке карап кышкырды:

— Мине аьлемет кужыр тесик тас таптым! Оьзи кыпкызыл, мойшактай ярасык!

Ят яс кыздынъ касына келди. Кырлув ога колын узатты:

— Мине караш, кайдай ярасык, дия?

Яс тасты алып, тоьгерек айландырып карады.

— Аьлемет тас, дия? — деп Кырлув яна сорады.

— Бир аьлеметлигин де коьрмеймен, тесик тас. Мине бизде бар кужыр таслар. Ахыр-туьрлиси де йолыгадылар: кызылы да, суьттей агы да, карасы да, аласы да. Алтын, куьмис болган таслар да бар. Карасанъ, коьзинъ канмайтаган таслар да бар. Туьсиндинъме, кыз?

— Меним атым Кырлув, — деди сонда кыз. — Се-ники ша?

— Мухтар, — деди яс та.

— Кайсы авылдансынъ?

— Ийне тавды билесинъме? Эне соннанман. Бизде тавлар сиздегиндей кишкей тувылды да, уйкен, оьзлери де тик.

Кырлув ясты сейир этип тынълады.

— Мухтар, сизинъ сувынъыз бизикиннен уйкенме? — деп сорады сонъ бу.

— Бизим сув каты агады, оьзи де сып-сувык.

— Аты кайдайды?

— Буз-сув. Сувы буздай сувык болганы уьшин айтканлар болар.

— Мухтар, бизге коьтере келгенсинъме?

— Мен карт абайыма келгенмен. Тезден кетеекпен.

— Карт абайынъ ким ди?

— Зинап дейтаган куртка. Уйлери Юма-мешиттинъ касында.

— Э, билемен. Ол окында бизге де келетаган. Юр, Мухтар, эне анав тогайга барайык. Онда кайгадер шешкейлер бар.

Энь алдыда Мойнала шапты, онынъ артыннан Мухтар ман Кырлув кеттилер.

Тобгерек тогайда бир кесек балалар ойнап туры эдилер. Булар, Кырлувды коьрип, бир авыздан кышкырдылар:

— Кырлув келди! Кырлув, кел «Аймелек» ойнайык!

Балалар янма-ян эки куьп болып ойнап басладылар.

Бир куьптинъ уйкени Кырлув болды. Мухтар да Кырлувдынъ куьбине кирди.

— Аймелек.

— Ай терек. Ала-кула ким керек?! — деп кышкырды Кырлув, касындагыларды коллары ман бек этип ыслап.

— Ким керек?! — деди анав якта кол ысласып турган балалардынъ атаманы.

— Шалкайып турган Шахмелек керек!

Аты айтылган кыз, колларын берк этип ыслап турган балалардынъ шынжырдай сабын уьзеек мырат пан, деген куьшин салып, шавып келип сокты. Аман да сап уьзилмеди. Кырлув суьйинип кышкырды:

— Шахмелек, бизики болдынъ! Ысла колымыздан!

— Аймелек!

— Ким керек?! —

Балалар, кенъ тогайды шав-шувга толтырып, кызыгып ойнайдылар.

— Колларынъызды берк ысланъыз! Йиберип олтырманъыз! — дейди Кырлув куьбине.

— Бузавлар каталап кеттилер! — деп кышкырды бирден балалардынъ биревии.

Ойнап турган балалар шашылдылар. Бир кесеклер шыбынлап кашып бараятырган бузавлардынъ артыннан шаптылар.

— Кел эндигиси шешкейлер йыяйык, — деди Кырлув Мухтарга.

Тогай лал-йобгер шешкейлерге толы эди.

Мойнала отлайды, Кырлув ман Мухтар шешкейлер йыядылар. Уьйкен байламлар этип, авылга кайттылар.

— Эрген де келеексиньме сувягага, Кырлув? — деди, айырылаятырып, Мухтар.

— Келермен, Мухтар...

Эргенгиси куьн де келди Кырлув сувягага. Мухтар да келди. Кырлув Мухтарды тенъ кызлары ман, яслар ман таныстырды.

Бала дегенинь бир сабат телинип кетеди де ят ерге де, ят аьдемге де. Мухтар да янма-ян Кенъ-Тогайга уй-ренди, балалар ман танысты.

Кырлув ман экевлери, бир коьрген таньыс, эки коьрген билис дегенге усап, танысканларыннан сонъ, оьмирлери бирге оьскендей болып, арын-карын болдылар да кеттилер. Бир-бирлерин изледилер, бир-бирлерине телиндилер.

— Кырлув, Кырлув! — деп кышкырып турды сол куьннен сонъ Мухтар, эректен ок Кырлувды танып.

— Мухтар! Мунда кел! — деп суьйинди Кырлув да, ясты коьрсе.

15

Куьлте туьсти – куьз туьсти.

Йьлы, япак яз Кырлувга коьз ашып юмгандай болды да кетти. Неге соьйтип сезилгенин оьзи де билмей калды. Яде тавга барганы алдандырдыма, я десенъ Мухтар ман алданып шалт кеттима заман, билмеди. Коьгоьленлерди тырс-тырлаган шоьп этип катырып, тереклердинъ япырактарына алтын сув ялатып, куьлтелерди бужакларга салып, куьз кирди. Оьзининъ этетаган кылыкларын этип кирди. Эндигиси Кобан каты агынын алдынгынша каткытып-шоршытып шапшымады, сабырланды, сувы тазаланды. Куьнтувардан кургак бестав ели, каврамага уьлгирмеген оьсимликлерди тез кавратаяктай болып, йьйы эсип баслады. Тереклерди силкти, япырактарын юлкып-юлкып таслады. Кырларда пишен аталар шока наьндуьриктей болып шошайдылар. Аьдемлер, кыска куьтинемиз деп, даьврендилер. Беллери боькшедей беженлерге наьртуьк куйылды. Авыл балалары да, эрген-бирсигуьн мектепке бармага керек деп, аьзирлендилер.

Язды куъреп, куърен куъз кирди.

— Келеек язда тагы да келермен, Кырлув, — деди, аманласаятырып, Мухтар, уйкенлердей этип кишкей колын созып, — тезден мектепке бармага керекти де, соъле кетпей болаяк тувыл.

— Кел, келмей калма, Мухтар, — деп тиледи Кырлув, авылдынъ шетине шежим оны озгарып.

— Аруув, Кырлув. Сав кал, — деди яс, а оззининъ кыздан айырылгысы келмеди, онынъ коъзлерине, мери канмаган аъдемдей, карап тура берди.

Кырлув да яска карады. Неге болса да коънъили тоъмен болды. Бир-бирлериннен айырылгылары келмей турган кишкей яс пан кызга арбадынъ уъстинде олтырган орта ясларындагы киси мен кыскаяклы да сейир этип карадылар. Болды-зат деп, оларды асыктырмадылар. Кайтарасына, яшав деген сондай. Экевлерининъ юректери бир-бирине тартып турылар. Энди бир йолыксалар, коътере айырылгылары келеек тувыллар. Мерлери кансынлар соъле деп, ойландылар.

— Сав кал! — деп кышкырды арбадынъ уъстине мингенде де Мухтар, колын булгап.

Кырлув, кыйшык-шуйрык тар йол ман тав бетке баратаган ат арба тасага туъскенше, колын булгап карап турды. Сонъ авыл бетке бурылды. Уйге ойлы болып кайтты. Юрегинде кайдай ды бир сезим тувды. Бу онынъ яс юрегине туъсип турган биринши сезим эди. Ол оны алай да ойланып, булай да ойланып, маънесин бир де табалмады. Соъле таппага да кыйын эди. Ол сезим яс юректинъ ян тамырыннан энип турган бир зат эди. Эм сол сезим кызга сав куън тынышлык бермеди. Онынъ коъз алдына Мухтар келип турды. Оны ман ойнаган ша- кларын эсине алды.

...Мухтар ман Кырлув экевлери сувягада уйкен тастынъ уъстинде тавлар бетке карап олтырылар. Эртенъги куъннинъ ярык таяклары каяларга тийип шагълысадылар. Тогай лал-йобгерленеди.

— Эне анав, ушы ийнедей болып турган тавды коъресинъме, Кырлув? — деди яс, колы ман алды якка алыска коърсетип.

— Кобремен.

Эне сол тав бизим авылдан узак тувыл. Биз, бир кесек балалар болып, язда онынъ этегине елек йыймага баратаганмыз. О, онда бир елек битеди, кара куймак. Оьзлери де уйкен-уйкен, баданадай.

— Табли болар, Мухтар?

— Аьше, балдай. Еп тойып болмайды. Энди келсем, ала келермен сага, Кырлув.

Кырлув, тамсанышпа-заг этиппе, туькиршигин ютты. Яс, тав бетген карамын алмай, бир талай заман турды.

— Бизим тогайда да битеди елек. Эне анав бетте, Мухтар, — деп кыз эректеги мазбак биткен тогайды коьрсетти.

Яс сол кыз коьрсеткен бетке карады. Сонъ, кызга бурылып:

— Онда елек коьппе, Кырлув? — деп сорады.

— У-ув, кайдай коьп, оьзлери де кып-кызыл. Ийиси ша? Эректен кокып, бурнынъа согады.

— Юр, аьше, йыяйык, Кырлув, — деди яс, кыздынъ колын ыслап, — барайык.

Кырлувдынъ юреги бирден куьлп-куьлп этип сокты, савлай дуьмле муьшеси бир аьжейип болып йыбырдады. Эм ол, колын ястынъ колыннан алмай, бир кесек заман турды. Сонъ, эсин йыйып алып:

— Юр, тек тез кайтармыз, даь, Мухтар? Ол болмаса, абай мени излеек.

— Аьруув, Кырлув.

Кыз бан яс, кол ысласып, тогай ман бир болып шаптылар. Елек тогайга еткенше асыктылар. Кырлув тынысын пысылдап алды.

— Арыдынъма? — деди, шапканын токтатып, яс.

— Еттик. Мине мунав електи караш, — деп Кырлув, ерге ийилип, баданадай кызыл електи юлкты. — Маь, еп караш, Мухтар.

— Оьзинъ етагы, Кырлув.

— Йок, сен е. Сен бизим електи еген йоксынъ да.

— Тап-табли, — деди Мухтар, електи авызына салып.

Кыз бан яс кызыгып аьйт деп елек йыйдылар.

— Бир увыс йыйдым, — деди кыз.

— Мен эки увыс, — деп яваплады яс.

– Уьшев.
– Добртев.
– Болды, Кырлув. Юр бираз олтырайык.
– Мухтар, авылынъды сагынасынъма? – деди кыз, ястынъ тигилип тавлар бетке карадын коьрип.

Яс уьндемеди, тек бурьылып, неге соьйтип сорайсынъ дегендей болып, кызга карады.

– Уьшини мен де айтаман.

– Аьше, – деди Мухтар, тартына берип, – тенъым Ильяс эсиме туьсип турады.

Кыз бан яс, аннан-муннан соьйлесип, тап туьске дейим олтырдылар. Кырлув мунав йол, кетеек-зат деп, асыкпады. Олардынъ экевлерининъ де бир-бирлериннен айырылгылары келмедилер...

Мине буьгуьн де олар соьйтип тегаран бир айырылдылар. Йольгаяк болып мырат эттилер. Энди де олар йольгарларма, яде йолькпасларма, яшай барсак коьрермиз.

* * *

– Кызлар, эситесизбе? – деп токталды орамнынъ ортасында бирден Кырлув.

– Не затгы? – дедилер тенъ кызлары.

– Тынъланъызтагы, – деди Кырлув эм оззи, токтап, коькке карады.

– Не зат тынълайсынъ, Кырлув? – деп тенъ кызлары оны курсап алдылар.

Кырлув, басын артына шалкайтып, бийик коьп-коьмек коькке карап тура берди. Коьк тап-таза, бир сызык булыт та йок эди.

– Кырлувлардынъ тавысларын тынълайман, кызлар. Кала тынълашынъыз. Тек озьлерин коьрмеймен.

Кызлар, ерге сумкаларын салып, кишкей басларын артларына таслап, бийик коькке карадылар. Сонъ бирден:

– Эситтик, эситтик! – деп шувылдадылар.

– Эне, эне озьлери де коьриндилер! – деп суьйинип кышкырды Кырлув, колы ман коькке коьрсетип.

Кырлувлар уьшкиллесип кубылага ушып бараятыр эдилер. Авылдынъ уьстине ювыклаганларында, олардынъ тавыслары аьруьв эситилинип басладылар.

— Коьрдик! Коьрдик! — дедилер кызлар да, кышкырыкласып.

— Кетейтыр биз бетлерден, — деп тынысын авыр алды Кырлув, карамын коьктеги уьшкилшеден алмай.

Кызлар, кырлувлар коьзден тасайганша, коькке карап турдылар. Оннан сонъ, кырлувлардай болып тизилисип, кырлувлар акында йырлап, уйлерине кайттылар:

Сап-сав болып ушарлар
Кырлув-кырлув, кырлувлар,
Билбил болып, коьк бийлеп,
Йырын йырлар аккувлар...

Кырлув авызларынынъ касында тагы да кырлувлардынъ кышкырыкларын эситип токталды. Коькке карады. Тагы да бир янъгы куьп авылдынъ уьсти мен кубылага ушып бараятыр эди.

Кубыла карап, кырлувлар ушадылар. Олар асыгадылар. Кырлув оларга карайды эм акырын сорайды:

— Кайда асыгасыз, анда не затлар алып бараятырсынъыз?

Кырлувлар, канатларын кенъ яйып, бираз тоьмен саркып, кызга явап кайтаргандай, кышкырыстылар:

— Курлы-курлы! Курлув! Курлы!

— Кырлувлар, меним кырлувларым, канатларынъыз талмасын, йолынъыз яйма-шувак болсын! — деп Кырлув кол булгалады. — Тагы да бизге кайтпага мутпанъыз!

Уьйден Минат шыкты эм, кызынынъ авыздынъ касында коькке карап турганын коьрип:

— Шыракшым, не зат карайсынъ? — деп сорады.

— Абай, — деди, тынысын тегаран алып, Кырлув, — эситесинъме кырлувлардынъ тавысларын? Бизден кетип бараятырлар.

Минат та бийик коькке коьзлерин шуьртеитип карады.

— Эне, абай, тувра бизим уьстимизден ушып бараятырлар. Караш, калай ярасык болып тизилискенлер!

— Коьремен, кызым, коьремен, шыракшым. Ярасык болып ушадылар. Бизим халкта олардынъ акында кайдай йыр айтылатаганын тынълаш:

Коькти бийлеп,
Куьзде кеткен кырлувлар
Кайтар язда
Биз бетлерге айланып,
— Келдик мине,
Коьресизбе бизди, — деп
Аьдувленип,
Аьруьв кыздай сайланып...

— Туьсиндинъме, Кырлувым? Олар кетерлер эм келерлер. Яшав дегенинъ сондай. Бу дуныяга бирев келеди, бирев кетеди. Тегершиктей айланып барады дуныя...

Кырлув, ойлы болып шырайланып, йырдынъ соьзурин эсине алаяк болады:

...Аьдувленип,
Аьруьв кыздай сайланып...

— Келерлер, кызым, язлыктынъ басы ман келерлер, Алла буйырткан болса, келерлер.

— Аьруьв, абай, аьруьв. Мен оларды йолыгарман, даь?

— Аьше, шыракшым. Алла буйырткан болса, йолыгарсынъ.

Кырлувлардынъ тавыслары сагырдан-сагыр болып шалынадылар.

— Юр уьйге, шыракшым. Асынъды иш.

Анасы ман кызы, сыпырага олтырып, каймак соьк йийдилер. Сонъ артыннан ногоай шай ишедилер.

— Кызым, мен анав калган наьртуькти аршый кояйым, — деди Минат астан сонъ.

— Мен де аршыйым! — деп суьйинди Кырлув.

Анасы ман кызы эсик алдында бужактай уьйилген наьртуькти аршыйдылар. Мойнала ший, котыр наьртуьклерди куьрт-куьрт этип куьйзейди.

ЭКИНШИ КЕСЕГИ

1

*Кавгалы куьн,
Кан тоьгилген канлы куьн,
Канлы душпан
Оксып-оксып шапканда,
Огын тускап
Бизге карап атканда,
Янды аяп,
Ятып уьйде боларма.*

Бу йыл Кень-Тогайга язлык айлак кенже келди. Аь-бирлидинь алтарыгы да кетти. Болса да куьн ашылмады. Куьнтувардан эскен ашы ел ерди-коькти сувьксыратты. Кар араласып ямгыр явды, ер забын болды.

— Мунав куьнлер баьленшакай ногай байы ялгыз кызын пишенге саткан куьнлер, — дедилер аьдемлер, куьннинь ашылмаганына кыйналып.

— Кайтип, кайтип болган сол, айттагы, абай, — деп тиледи анасыннан Кырымхан.

Минат халк арасында юретаган бурынгы хабарды асыкпай кызына айтты...

Бурын-бурын заманларда бир авьлда малы сансыз коьп болган шифиген бай яшаган экен. Онынь ишкен сувь тамагыннан коьфинген ярасык кызы болган. Бу авьлда бир ярлы яс та яшаган экен. Ярлы яс байдьнь кызын сувьеди. Аман да ярлы яска ол заманларда байдьнь кызын алув кайда эди. Болса да яс уьмитин уьзбейди. Яз сайын аьйт деп пишен шалады эм оны каралдысына ата-ата этип уьеди. «Асыкпай тур, бай, сен меним пишенимди тилеген бир куьн де келер», — деп ойланды оьзи. Ярлыды да Алла ярлыксыган болартагы, онынь бактысына, бир йыл, энди язлык кирди дегенде, куьнлер айланьп, язлыктынь ели болмайма, ярдай аттан йькпасам дегенге усап, уьйкен ел-боранлар эседи. Емсизлердинь маллары ем излеп оькиредилер. Бакыл эткендей, оьлшемен сосы куьнлерде байдьнь да пишени таьвесиледи. Ал не этсин энди бай? Анда да шабады, мунда да шабады, ая-куье болады. Авьлда биревден де пишен

табылмайды. Эм байдынъ эсине сол пишен йыятаган ярлы яс тувьседи. Сат пишенинъди, не десенъ де берейим деп, бай ярлы яска ялбарып тилейди. «Йок, – дейди яс, унамай, – аслахый¹ сатаяк тувьлман. Мага сенинъ акшанъ-затынъ керек тувьл». «Малларым кырылмага туры, яс, тилеймен», – дейди яна бай. «Аьше, меним де сага бир тилегим бар», – дейди яс сол шакта, байдынъ кыстанълы шагы болып турганын сезип эм, не айтсам да, ол этпеге керек деп, ойланып. «Айт, – дейди бай, – не десенъ де этермен». «Кызынъды берсенъ – пишен сеники...»

Бай ашувланады, янады, куьеди. Болса да ясты иманга тувьсуре алмайды. Болмаягын билгенде, бай, малларын кырма ушин, кызын береди. Кыздынъ аты Аьбирли болады экен. Аьбирли ярлы яска кеткенлей, куьн яйма-шувак болып ашылып, куьлтиреп коьгоьлен тувьады. Эм халк эне сол заманда: «Аьбирли кетти абысып, тувар отка ябысып», – дегенди айтады...

— Сондай, кызым, сол бурынгы хабар. Эртегиме, эртеги тувьлма, ким биледи оны? Айлак келисип айтылган зат, келиспеген затты халк айтама?

— Аьжейип хабар, – деди Кырлув, пишенге сатылган кызга юреги ийип.

— Аьше, шыракшым, язлык кайгадер кенже келсе де, сол аьбирлидинъ алтарыгына дейим кешигеди, оннан сонъ сувыктынъ куьши кайтады. Мине быйыл да соьйтип язлык кенже келип туры.

Кенжелиги болса да, кемшилиги болмасын дегенге усап, язлык кенже келсе де, кемшилик этпеди. Аьбирлидинъ алтарыгы кеткенлей, ер-коьк яйнады, куьлтиреп коьгоьлен тувды. Кобан толып тасыды. Тал тереклер шагып боьрттилер. Тоьслерде, яс наьзик япыраklarын яйып, шаьбден тувьртип шыкты. Балалар, вар-шар этип, шаьбден йыйдылар. Шаьбденнинъ акында йыр йырладылар:

...Тоьстен йыйдым бир шаьбден,
Ойдан йыйдым бир шаьбден,
Болды, уйге кайт, деди
Яннан сувйген ян аьптем...

¹ Аслахый – асла.

Авыл сабан шыкты. Дуния буздырып сызгырып, ший майы шыгып яткан кара баразналарга шаавкелер туъстилер. Йылы яклардан куслар кайтып басладылар. Тек неге болса да кырлувлар кешиктилер.

Кырлув, юреги телезип, кырлувлардынъ кайтканларын карап турды.

— Бу йыл язлык кенже келди де, эште, сонынъ уышин болар кешиккенлери, — деди Минат, кызынынъ юрегин авлап. — Келерлер, асыкпа.

А бир куън эртенъликте Минат Кыргызханды айлак эрте уянтты.

— Тур, кызым, — деди ол, асыгып айтып, — аьсирет болып турган кырлувларынъ кайттылар.

Кырлув яткан ериннен янма-ян ушып турагалды эм, шыт шыбасын кийип, ювырып тыска шыкты да, термилип язлыктынъ коьгине карады.

— Курлы, курлы-кур! — деп, уьшкил-уьшкил болып тизилисип, авылдынъ уьсти мен кырлувлар керуьвге ушып бараятыр эдилер. Кыз бийик коькке коьпке дейим карап турды.

Кырлувлар бир куьп, эки куьп, уьш куьп болып ушып кеттилер.

— Келдилер, келдилер! — деп суьйинди Кыргызлув. — Не хабар аькелдилер экен бизге?

Оннан сонъ шавып барып, конъгысы тенъи Маржанды тургыстты. Оны, зор ман шыгаргандай этип, тыска шыгарды эм, коькке колы ман коьрсетип:

— Маржан, — деди, ийлетип айтып, — эне коькке караш, кырлувлар кайтып келеятырлар. Бизге алдын яктан салам алып келеятырлар!

Булардынъ касларына тагы да кызлар йыйылдылар. Баьри де коькте курылдап кышкырып бараятырган кырлувларга карадылар, оларга хош келди айттылар. Кыргызлув, коьнъили коьтерилип, олардынъ акында йырды йырлады:

...Курлы, курлы, кырлувлар,
Канатларын кагарлар,
Уьшкил-уьшкил уьшлесип,
Коькти бийлеп аларлар...

Йырды тенъ кызлары коьтерип алып йоьнедилер:

...Уьшкил-уьшкил уьшлесип,
Коькти бийлеп аларлар...

Яс балалардынъ кырлуварлардынъ кышкырыгына коьсылган кувнак тавыслары занъырап авылга эситилдилер. Йыр эрекке яйылып кетти эм оннан бийик коькке ушты. Эм ол йырды кырлувар эситип, явап кайтардылар:

— Кур-кур-лув. Кур-лув. Кур...

А уйлери беттен Кырлувдынъ кулакларына анасыннынъ юмсак, яныплы тавысы эситилди.

— Кырлув, Кырлув! Мектепке бармага заман болаятыр, уйге кел!..

* * *

— Мектепке кеттик! — деп кышкырады аьр эртенъ сайын Кырлув тенъ кызларына, орам ман бараятырып.

— Кырлув мектепке намаздан барады. Тавыктынъ туьсине тары энер деп, ога да кеше танъ атканша мектеп энип шыгады, болар деймен, — дейдилер конъысы пишелер, Кырлувдынъ тавысын эситип эм онынъ аьр куын са-йын эртенъ мен эрте кышкырганына разы болмай.

Айтса айтсынлартагы олар, ол зат уьшин Кырлувдынъ касыры да каврамады. Ол эртенъ сайын тенълерин эрте тургысты. Мектептен кайтканларында да, дерислерин артык туьсинмеген балаларга да ярдамласты. Колыннан келгенин кызганмады. Бирерде кызыгып, мезгил асын ишеегин де мутгы.

«Сен де, атанъдай болып, анадынъ-мунадынъ каьрин шегесинъ де юресинъ. Заманында асынъды да ишалмайсынъ», — деп шамланатаган эди окында Минат кызына.

«Этсин, анасы, билгенин аьдемнен кызганган яхшы тувыл. Онынъ уьшин неси кемиек, неси кораяк? Баска биревге дем этип билген аьруьв зат. Куры оьзим, оьзимнен сонъ бирев де керек тувыл деген яхшы зат тувыл», — деп атасы кызынынъ эткенин макул коьрди. Кырлув берк

эркли болса да, айлак юмарт, коьнгилшек, хаьтер коьргиш болып оьсти. Бирев, бир буйымды эт деп, тилесе, оны толтырганша яны ятак таппады. Эткен затын оьзи де муктажлы этип эм тындырып этти. Якуьриклеп, не де болсын бир этилген затты аслахый унамайтаган эди. Бир кайта, яздынъ басы ман олардынъ классы, доьрт звенога боьлинип, мектептинъ каралдысында терек экпеге шонъкырлар казды. Калган звенолар аьрли-бирли казып кеттилер. Кырлувдынъ звеносы асыкпады, шонъкырларды терен этип, аьдуввлеп казды. Эртеси куьн Кырлув анав не де болсын бир казган звенолардынъ керегин бир аьруув этип тапты. Оларга кайтадан каздырмай коймады.

Каерде де тенълерининъ басы болып юрди. «Оьмири узак болсын, аман да ондайлар яшамайтаганлар, айлак акыр, еткен кызлардай акыллы», – дедилер онынъ акылын, кылыгын сынаганлар...

Кырлув бу язда, мектептен таркаганлай, тагы да тавга койшыларга барарман, деди анасына. Аман да бу яз онынъ эткен мырады болмады...

Бу куьн кенъгогайшыларга куьндегиндей басланды. Эгиншилер, каранъа намаздан турып, кырга кеттилер. Авыл онъ биткен аслыкты шалып баслаган эди. Карт та, яс та кырга шыкты. Ханийлер калак ыслаган шак эди.

Кырлув, аьдеттегиндей болып, эрте турды, Кобанга барып, сув аькелди, оннан уьйдинъ ишин йыйыстырды. Минат та кырда эди. Уьйде кардашы ман Кырлув экевлери калдылар.

Туьске табаган бирден Кырлувдынъ кулагына бир ашы тавыс шалынды эм ол, коркып, зырылдап уьйден шыкты. Эсик алдында конъгысы Мамый куртка йыламысырап, бир затлар куьбирденип туры эди.

– Каза, кызым, яза, кызым...

Кырлув курткадынъ соьзлериннен бир зат та анъламады. Шавып конъгысыларына барды. Мамый аьейге не болганын билеек болып барды. Барса – барсын, уьйде карт та, яс та, оьли шыккан уьйдедей болып, кавыстырынып туры эдилер.

— Атай, аьейге не болган? — деди, шалт-шалт айтып, Кырлув.

— Баьле, балам, — деди карт, авыр куьрсинип, — кавга басланган, дейдилер. Энди андагы ясларымыздынъ куьни не болар экен, ярабий?

— Не кавга, атай? — деди яна Кырлув, артык зат анъламай.

Карт уьндемеди, авыр ойлы болып олтыра берди. Кырлув шавып тагы да уьйлерине келди эм эситкен затларын кардашына айтты.

Арасы коьп те кетпей, кырдан Минат кайтып келди. Баьриси де, тоьмен болып, бир соравды сорадылар:

— Эндигиси дуньямыз не болар экен?

Не болаягын соьле бирев де билмеди, бирев де бу-кламады. Аьр ким де ойланды. Келип турган кара каза акында ойланды.

Буздай сувык, зилдей авыр хабар аьр бир уьйге де етти, ястынъ да, карттынъ да юрегин кыйнады, кара кайгыга калдырды.

Эртеси куьн, молла минарадан намаз шакырғанлай, элге арыслап яв шапса, арслан эрлер атланар дегенге усап, авылдынъ йигитлери явдынъ алдын бувмага атландылар. Кырлув тешкерип карап турды кетейтырганларга. Аьдемлер ойлы, яслар суслы эдилер. Олардынъ ишиннен биреви айырылып келип, уьйкен коллары ман Кырлувдынъ басын сыйпады:

— Биз кайтканша, уьйкен кыз бол, Кырлув. Биз тезден кайтармыз. Йигиттей бол, оқы.

Бу казаншы Асан эди. Кырлув онынъ колын ыслап:

— Акай, сен де кетейтырсынъма? — деди.

— Аьше, Кырлув. Элге яв шапканда, карап турып болмайды... Яхшы саьатте кал.

Кырлув, алагаз шыт шыбасынынъ кишкей ян кисесиннен шыгарып, бир саргылдым юка тесик тасты Асанга узатты!

— Акай, мунавын алаш. Тесик тас яман заттан саклайды, дейди абам. Алаш.

Асан, не этеегин билмей, кызга карады. Сонъ йигерин йыкпаяк болып:

— Аькел, Кырлув, сен ырым этип бергеннен сонъ, мен оны ян кисемде юргистермен. Алла берип, аман-эсен кайтсам, тасынъды кайтарып берермен. Болсынма, кызым?

— Аьруув, акай.

Асан тесик тасты сактыян калтасына салды.

— Аьперим сага, кызым. Ал, йигиттей бол.

— Яхшы йолга бар, акай. Йолынъ болсын...

Кырлув кетип бараятырганлардынъ артыннан коьпке дейим карап турды. «Кайда барадылар, неге барадылар, коьп юрееклерме анда олар?» — деп ойланды. Оннан ол затты анасыннан да сорады. Анасы уьндемеди. Не айтаяк эди, эгер оьзи де бир зат та билмесе. Ай тураякларма, йыл тураякларма, ким биледи оны?

Кырлув, анасы бир зат айтар деп, саклады. Оны се-зип, Минат акырын айтты:

— Коьп тувыл, кызым. Алла берсе, тезден кайтпага кереклер.

А оьзи ишиннен: «Ким биледи оны, кайгадер созылар сол карасы баткыр кавга?» — деп ойланды.

Ким биледи? Кайтарма олар авылга, кайтпаспа? Коьрерме яна оларды Кырлув? Ким биледи...

Халк каарланды, темир курсап келген нас душпанды кери кайтармага ийнатланды.

2

Товзген тоьс ашаф.

Капилестен келген кавга оьршип, уьстей берди. Онынъ, ийнинънен басканда, явырынынъды ямпейткен, зилдей авырлыгы, аьдемнинъ юрегин ашувтастай ашыткан ашылыгы Кенъ-Тогайга да етти. Аьр бир уйге кирди, авылды селдей сенъкилдетти. Болса да аьдемлер, авыр деп туьнъилип, тизлериннен шоьнъкпедилер, ашы деп, юреклери тутып ятпадылар. Оларда сол затларды енъгендей куьш табылды. Халк кайтарасына катты, кайратланды. Йокты бар этти, авырды енъилдей коьрди. Элге арыслап яв шапканда, явдынъ янын алмага болгандай не

амалды да этпеге керек болады, деди. Колларына савыт алгандайлар яв алдына атландылар, уыйде калганлар уыйди коьрмедилер. Кеше-куьн кырда болдылар, эл уьшин согысатаганларга деп, аслык оьстирдилер, аслык йыйдылар, мал карадылар. Карт курткалардынъ оьзлери де нош деп олтырмадылар. Уый карадылар, казан астылар, юн ийирдилер, кавгада канларын тоьгип юрген аьдемлеримизге деп, йылы уйыклар, колгапшыклар тиктилер. Картлар да кайратландылар. Балаларга, элге кы-йынлык еткенде, эр йигитлердинъ этип келген баьтирликлерин айттылар. Аьдемлерди кайратландыраак болып, йигитлердинъ акында йырларды айттылар.

...Капилестен кан акса,
Элге арыслап яв шапса,
Коркаклар уыйде айланар,
Баьтирлер явга сайланар...

Сондай йырлар аьдемлердинъ басылып турган коьнйиллерин коьтердилер. Яшав дегенинъ юрип йиберип бир шетиннен анав бир шетине шыга койган ййма-шувак йол тувыл-ав, онынъ абынгандай тасы да бар, таярдай тайгагы да бар деп, оьзлерин катырдылар.

Халк сусланды. Куьн сайын кайсы ямагатта болса да бир ямагатта аьдемнинъ юрегин ярган сыйт эситилди. Йыладылар, бозладылар, увандылар. Бир-бирлериннен хабар сорадылар. А хабар коьп болды. Куьн сайын бир туьрлиси эситилди. Кайтип те етеди детагы ол авылга, Алла билсин. Алты аягы бардай, аянълап етип турды. Анавы алай деди, мунавы булай деди. Аьруьв хабар эситселер суййиндилер, яман хабар болса – туьнъилдилер.

Авылга биринши яралылар да келип басладылар. Биреви аспага колын асып, баскасы колтыкларына таяк таяп, кайттылар. Кавгадан алдын авылда, сол колыннынъ уьш бармагы йок болып, Ибрайым деген бир киси бар эди. Савлай авыл ога, атын булай айтпай, «шолок Ибрайым» дейтаган эди, а бираз сылтанълап юретаган Адиске «Адис аксак» дейтаган эдилер. А соьле, кавгадан колсыз, аяксыз аьдемлер келип баслаганларында, олар эш бир минсиз, сап-сав аьдемлер болдылар да кеттилер.

Кавгадан келетаганларга бирев де шолак деп те, аксак деп те айтпады.

Собыйтип, кыстынь бир сувык куьнинде авылга, онъ аягын тизден алдырып, Алакай Асан келди. Аьдемлер, ямагат-ямагат болып, коьзайынга бардылар. «Казаншы акай келген», — деп суйинип, Кырлув да анасы ман бирге Асанды коьрмеге келди. Асаннынъ эки таякка асылып юргенин коьрип, кишкей кыздынъ коьмекейи босады. Бу сол акайма, яде сол акай тувылма дегендей этип, карады ога.

Асан Кырлувды бавырына басты:

— Тфу, машалла, уйкен кыз болгансынъ да, Кырлув, — деди, кара шашларын сыйпап. Эм сары аьскерши коьйлегининъ тоьс кисесиннен калтасын шыгарып, оннан юка тесик тасты алып, кызга узатты:

— Мунавы сен мага кетейтырып берген тасынь. Маь, Кырлув. Мине мен эндигиси кайттым, — деди.

— Керек тувыл, акай. Сенде турсын, — деди кыз.

Оьзи ишиннен: «Ах, сол тас та сени сакляялмады, сап-савлай кайталмадынъ», — деп ойланды.

— Бир зат та тувыл, Кырлув, бир аяксыз да яшармыз, — деди Асан, кыздынъ ойын сезгендей болып.

Тамам мери канганша, карап турды Асаннынъ касында Кырлув сол куьн...

Баубек-алардынъ яшавлары да, халктынъ биревиндикиндей болып, оьте барды. Ол кавгадынъ биринши куьнлериннен алып, баьленше кайта военкоматка, мени кавгага йиберинъиз деп, тиледи. Азыксыз-туьликсиз кавга этип болмайтаган, коьтеремиз де фронтка кетсек, оьтпекти ким табаяк бизге, дедилер ога. Эм ол кавгага кетпей калды. Калган уьшин, бир куьн тынышына тоьсегинде ятпады, уьйи — кыр, ятканы — кара ер болды.

— Болдым, тамам такатым таьвесилди, — деди бирерде ол, куллыкта арып. — Эртен ок кавгага кетемен.

Болса да эртеси куьн тагы да оьз каьрин шекти. Шекпей де боляк тувыл эди. Ким болса да бирев суйтип юрмеге керекти де.

Энъ алдын аслыкты йыйдылар. Кими орак алды, кими шалгы ман шалды. «Кавга», «оьтпек» — эне сол эки соьз айтылды кайсы авылда да.

Шыбасынынъ этеклерин бел шалып, орак ыслады Минат та. Керек шакта кеше де кырда калды. Куьндиз орак ордылар кыскаяклылар, кешелер мен аслыкты бастырдылар, шелтедилер. Минат кыр куллыгын да, уй куллыгын да этти. Баладан алып не затка да тоьзимли болып оьскен Минат коьтересин де коьтерди, тоьзди.

Авыр шакларда атасынынъ: «Авырда да, кыйында да аьр затка да тоьзбеге керек болады аьдем. Халкта «тоьзген тоьс ашар» деген соьз бар», — деген соьзлери эсине туьстилер.

Минат-алар аьелде бес кыз болатан эдилер. Энь кенжепайлары ол эди. «Не эттим мен сага, сыйлы Аллах, бир ул авьлет берсенъ», — деп тиледи экидинъ бириңде Арсланбек. Болса да ул авьлет тапшады онынъ пишеси. Эм энь кенжепай болып Минат тувганда, Арсланбектинъ сеними коьтере сувга кетти. «Улданма хайыр, кызданма хайыр, атасы, Аллага шуькир эт», — деп байынынъ коьнъилин авляк болды пишеси. Болса да Арсланбектинъ кызлары нош деп, аталарына асылып олтырмадылар. Олар уйде, атасынынъ ялгызлыгын билдирмеек болып, айт деп шалыстылар, колларыннан келгенлеринше ярдамластылар. Кыр куллыкларын да, уй куллыкларын да эттилер. Аналары Асылбек, кызлары шебер болсынлар, басларына пайда деп, юн аялатып, ийиртип уйьретти, шепкен соктырды, ис тиктирди. Кишкейлери Минат, яс балалардай болып, кой бакты, бузавды карады. «Арсланбектинъ кызлары улы йок экенин де сездирмейдилер, айлак битпир. Аталарынынъ не керегине де етедилер», — дедилер, онынъ кызларына сукланып, авыл аьдемлери.

Арсланбектинъ аьелинде куллык уйькен сый болып саналды. «Аьрекетте — берекет» деген, каьрсиз аьдемди аьдемге санайсынъма», — деп уйьретти кызларын аталары.

Арсланбектинъ кызлары диреги мен оьсип еттилер, диреги мен уяларыннан ушып кеттилер. Тек кенжепайы Минат уйьден кетпеди. Карт Арсланбектинъ отягасында от соьнмеди, давылдап яңды. Онынъ уйьине янувылга киев келди. Киев деп те коьрмедилер, ясларындай болды.

Собйтип, карт пан куртка оьмирлерин кишкей кызлары ман бир отягада озгардылар...

«Он бармагы — он алтын Минаттынъ», — дедилер коньысылар. Уьшин эди олардынъ айтувлары. Не этетаган, не этпейтаган эди Минат. Шепкен согар эди, оьрнек салып, кийиз этер эди, баслык басар эди. А онынъ эткен ямышысы тоьгерекке белгили эди, ярасык, каты, кайдай ямгырда да тамшы йибермес, эр йигитке турган бир уьй эди. Коньысы кыскайклылар юн бастыраяк болсалар, талакага бас деп Минатты шақыратаган эдилер.

Минат Кырлувды да шеберликке уьйретти. Биелей тиктирди, шалув шалдырды, юн ийиртти, ис тиктирди.

— Билгеннинъ зарары йок, не затты да билсенъ, биревге де тилемессинъ, биревге де кор болмассынъ, — деди Минат кызына. Аьр затты да кайтип этпеге керегин эринмей оьзи коьрсетип турды. Мектептен бос заманында, Кырлув колына кишкей уршык алар эди, яде тарак пан юн тарар эди. Минат, сездирмей, кызынынъ эткенин карап туратаган эди.

Тек кызынынъ бир затты эткенин макул коьрмеди ол: атка мингенин, колына кармак алып, балык ысланын, яслар ман шаькуьж ойнаганын. Эр балалардынъ каьрлери ол, а кызга неден керек олар деп, унамады. Болса да Кырлув атка минмеге тапса — туьсеегин де мутты. «Бурынларда атка минмеген аз кыскайклы болган, анасы. Ол зат соьле аькис коьринип туры. Минсин, билгеннинъ зарары барма, бир куьн керекпесе, бир куьн керегер», — деп Баубек кызынынъ ягы болды. Минат оьзи де бек аьруьв билетаган эди, ол заттынъ пайдасы болмаса, зарары йок экенин. Ясында оьзи де минетаган эди атка. Неше кайта ол ат пан атасынынъ адасып кеткен оьгизлерин излеп тапкан йолы бар эди. Кайтип бир суйинетаган эди ондай вакытларда кызынынъ онъ колы болганына атасы. А соьле собйткен Минат кызын атта коьрсе, туьсиргенше асыгады. Аьдемлер эркекшора дейдилер деп, тартынады.

— Сага бирев де айтпайтаган эди де, анасы, — деп яваплады, сондай соъз шыкканда, кажавлап соъйлеп Баубек.

Балалардынъ оъзлери де ойынларын муттылар, оъзлерин уйкенлердей этип сездилер эм колларынан келгенлерин кызганмадылар, янларын аямай, аър бир куллыкта да яндавыр болдылар.

Язгы каникулда Кырлув да уйде олтырмады, анасы ман бирге кырда юрди. Колынан келгенин этти. Ындырда туъек бастырган оьгизлерди айдады. Керек ерде атка да минди. Онынъ акырлыгына, сезгирлигине аьдемлер суьйиндилер. Бир кайта, бир бек кысталанъ ис болганда, онынъ эткен заты аьдемлердинъ эслериннен калмады.

Уйкен куслык болмага туры, а ындырда егилетаган, сув тасыйтаган оьгизлер табылмайдылар. Куьнде ындырдынъ тоьгерегинде отлап туратаган айванлар буьгуьн уштылар, куьйдилер, тас болдылар. Оларды егетаган кыскаяклылар кес-кеслеп анда-мунда шаптылар. Йок, коьзге де илинмедилер. Сонда Кырлув, яйдак атка каткыш минип, излеп йоьнеди. Эм арасы сабат те кетпей, оьгизлерди ол Шегерей мажадагы наьртуьклерден айдап алып келди. Кыскаяклылар не суьйиндилер, кызга дунья ман бир тилек тиледилер.

— Э, атка минесинъ деп, шамланатаган эдинъ де, Минат, а соьле кайтип кереккенин коьресинъме? — деди сонда бир кыскаяклы. — А буьгуьн, ол болмаган болса, куллыгымыз сав куьн калып эди...

Кырлув, тап бир эр балалардай болып, атларды айдады, оьгиз арба ман орак заманда ындырга куьлте тасыды. Кыздынъ «соп», «сабе» деген коньырав тавысы заньырап, даньылды бийлеп эситилетаган эди.

Кыйынлык аьдемди катырады деп, халк бос айтпайды. Яс та, карт та, белин каты буюьп, катты. Кавга деп, кара басып олтырмай, аьйт деп аьрекет этти. Элди явдан саклап, кан тоьгетаган кардаш-кавымларымызга деп, оьтпек этти, кийим тикти... Кан туьтеген кавга куьнлер Кень-Тогайда соьйтип оза бардылар.

*Явын коьрсенъ – ямышы ал,
Явды коьрсенъ – камышы ал.*

Куьп-куьп болып аьдемлер де, топар-топар маллар да тавлар бетке асыгадылар. Аьдемлердинъ кими атлы болып, кими авыр коьшкен арбаларда, кими яяв барадылар. Тар тав йолы сымма-сык. Яв да, ерди ялап, коькти увлап, касарткыдай ябысып, тавларга тармасады. Тап бир билесинъ, онда аталарынынъ баслары калган. Топар-топар маллар да, куьп-куьп аьдемлер де, отар-отар койлар да барадылар. Аьдемлер малларды айт-айтлап асыктырадылар. Халктынъ манълай терин бес тоьгип йыйган карзынасын явга калдырмаяк болып асыгадылар.

Отар койдынъ артыннан, аласасын асыктырып, Баубек те барады. Ол, колындагы узун сыбырткысын силкип-силкип, койларды айдайды. Ога эм тагы да уьш аьдемге райкомда, ортак малларды явга калдырмай, тав артына оьткермеге, а оьткерип болганнан сонъ, партизан отрядка кайтпага деп, борыш берилген эди.

Баубектинъ янында, ян саклавындай болып, йийрен атка минип, кызы барады. Баубек, йыйы-йыйы бурылып, кызына карай барды. Кыз, тап бир билесинъ, эрдей болып, йигерленип бараятыр. Аьжети де йок. А бараятырганлар, бир куьнненме, яде эки куьнненме, ким биледи онысын, яв ман бетпе-бет распага, канды сувдай тоьгип согыспага болаяклар. А Кырлув ша? Аягын, колын байлаяк та тураяк атасынынъ. Кайтип те айт, кыз бала. Яс болган болса, бир йорык эди. Ах, Баубек, Баубек, не айтайык сага, оны анасы ман калдырмай, оьзинъ мен алып бараятырсынъ!..

Баубек басын тоьмен салып эм ойлы болып барады. Авыр ойлар ога бир де тынышлык бермейдилер.

— Ал, аман-эсен коьрисейик, — деди Баубек аьелине, атланаятырып. — Йигиттей болынъыз. Кыйынлык савлай халкка етип туры, не этеексинъ? Уьй де, аьел де сага аманат, анасы. Биз, белки, малларды тез оьткерсек, тез кайтармыз. Ким биледи, куьни-бурын буклаганнан маьне йок.

Баубек созын де кутылмады, тынълап турган Кырлув шавып барып атасын кушаклады:

— Акай, акай, сеннен айырылаак тувылман. Эсите-синъме, акай? Сени мен бараякпан.

Баубек сасып кетти, тынысын авыр алды, юреги куылп-куылп этип тепти. Кызы соытип айтар деп, ол эш ойланган йок эди. Сонъ, эсин йыйып алып, айтты:

— Йок, кызым, мен эригип кыдырып бармайман. Былтыр тавга баргандай коьресинъме яде? Йок, бу йол коьтере баска ис. Кавга, кешеси-куьндизи биз малларды айдаакпыз...

Болса да кызы ол соьзлерди эситпеди. Атасына ябысып, айырылмады. Оьзининъ айтканыннан кайтпады.

— Айлак бек телинген сага, коьрейим керек-керексиз ерге оьзинъ мен бирге алып уйьретсень, — деди Минат, байына тутып.

— Хайыр, — деди болмаганда таьвекел этип Баубек. — Барсын. Малларды тав артына оьткергенлей, кайтармыз.

Минаттынъ шырайы ак айрандай агарды, эм ол бир зат та айталмады, кансыз эринлери йыбыр-йыбыр этип, термилип карап калды атланып бараятырган кызы ман байына.

— Яхшы саьатте кал, абай, — деди кызы, кишкей колын булгап.

— Йолынъ яйма-шувак болсын...

— Акай, — деди бу вакытта Кырлув, атынынъ басын тартып. — Не зат ойланасынъ?

Баубек серпилип кызы бетке карады:

— Оьзим булай, кызым, — деди, сыр билдирмей.

— Акай, мен сага орав болмаспан. Сен коркпа, — деди Кырлув, тап атасынынъ ойларын сезгендей болып.

Атасы, бу меним ойымды кайтип билди дегендей этип, кызына сейирсинди.

А Кырлув так-так этип соьйледи:

— Туврасын айтаман, акай. Орав болаяк тувылман.

— Аьруьв, кызым, аьруьв, — деди, бираз коьнъили коьтерилип, атасы, — тез юрейик, асыкпасак болаяк тувыл. Малларды тав артына авдырмага керек. Ол болмаса болаяк тувыл. Оннан сонъ тыншаймага да болармыз.

Баубек йолдасларын кайратландырады:

— Эй, маърже! Бираз тезлетинъыз!

Тар йол тавлар арасы ман айланышшы-куйланышшы болып барады. Йолдынъ уьсти кара куймак. Маллар да, аьдемлер де, арбалар да барадылар. Баратаганлар окында шокырак коьрген ерлеринде аз-маз токтап, аз-маз тыныс алып, сув ишедилер. Ондай ерлерде туьрли тиллерде соьз эситиледи. Олар бир-бирлерининъ тиллерин туьсинмеселер де, ниетлерин туьсинедилер. Олардынъ ниетлери бир — ябып келген явга тувган тавларды бийлеттирмеске. Коьплер, явын коьрсенъ — ямышы ал, явды коьрсенъ — камышы ал дегенге усап, тапкан савыт-садакларын такканлар. Бирерлер анъшы мылтыклар алганлар, баскалар беллерине тек камалар такканлар.

«Маъ, туьгин ишесинъме, йолдас?» — дейди бирев касында бараятырган анав биревге, куржынын созып. Баска бирев еп турган атыгын боьлип береди: «Кайдай таьтли, кардаш, уьйдеги аьруув этип май ман ийлеп салган. Еп караш».

— Анав кыз кайда барады экен, аьше? — дейди бирев, аттынъ уьстинде шошайып бараятырган Кырлув бетке ымлап коьрсетип. — Кишкенекей, кайда барады экен? Не коьреек экен?

Кырлув сол биревдинъ соьзин эситеди эм, ога кылыьыннан карап, ишиннен: «Сен кайда баратаган болсанъ, мен де сонда бара ман, — деди. — Онынъ сага неси калган? Бара бертагы йолынъ ман».

Аьдемлер асыгадылар. Йол бирден эки айырым болып, эки оьзен мен кетеди. Алдыда — эки оьзен, эки сув. Баубек-алардынъ куьби куьнбатар-куьбыла бетке аькететаган оьзенге бурылды. Бу оьзен мен агатаган Буз-сув тик каяларга урынып-беринип согады. Сувдынъ туьси коьп-коьмек, буздай, оьзи де сувык. Эште, сонынъ уьшин де болар ога Буз-сув деп айтатаганлары.

Кырлув тешкерип сувга карайды эм онынъ эсине Мухтардынъ: «Бизим сувымыз сувык дегенде сувык, тап буздай. Неге десенъ, ол оьзининъ сувын тавдагы бузлардан алады. А ягаларында кайдай туьрли-туьрли таслар бар. Оларга карасанъ — коьзинънинъ явын алады», — деген соьзлери туьседилер. Эм онынъ коьз алдына узын,

бойлы-шарклы яс келеди. Эринлери: «Мухтар», — деп йыбырдайдылар.

— Кызым, караш, эне сувдынъ аргы ягындагы анав авылды коьресинъме? Караш.

Кырлув эрекке, сувдынъ аргы бетине тигилип карайды. Эректе, уйкен эм ийнедей болып турган тик тавдынъ туьбинде кунысып-кунысып, карлыгаштынъ уяларындай болып, кишкей уйлер коьринедилер.

«Мухтар бу йыл язда бизге келеек болган эди. Болатаган куллыкты коьмейсинъме, — деп ойланды кыз. — Бу, эште, онынъ авылы болар. Ярабий, онынъ уйи кайсы экен?»

Атасы кызына карайды.

— Акай, — деп сорады Кырлув, — сувдынъ аргы ягына оьтеек тувылмызба?

— Йок, кызым. Бизим йолымыз сувдынъ яны ман бараяк.

Кырлув термилип авылга карайды. Онынъ соьле сол авылда болгысы келеди. Онда Мухтарды коьргиси, оны ман тавларда юргиси, каты агынлы Буз-сувдынъ ягасында шапкысы келеди.

— Бираз тез, маьрже, маьрже! — деп Баубек йолдасларын асыктырады. — Кешке дейим биз Морыхка етпеге керкепиз.

Аьдемлер асыгадылар.

Эректен, арт беттен сагыр болып гуьрилдевлер эситиледилер. Сонъ олар, каяларга согылып, занъырайдылар. Ол гуьрилдевлер коькте явдынъ аэропланларынынъ гуьрилдевлери. Явдынъ тавларга ювыклай беретаганын билдиредилер. Аьдемлер барадылар. Оьз ери мен барадылар, яв да биревдинъ ери мен барады, биревдинъ байлыгына сукланып, ерининъ ярасыклыгына коьзи кызып барады. Не керек эди ога мунда? Калдырган заты барма? Не керек ога? Аьдемлер соьйтип ойланадылар. Аман да бирев де ога явап берип болалмайды. Аьр ким де ишиннен ойланады. Тек олар бир затты биледилер: ахыр-аьвел тувралык, туьзлик енъеек. Ахыр-аьвел кыйыр-шыйыр этип келген яв япырылаяк. Сол сеним соьле баратаганларды кайратландырады, арыганларын-талганларын да сездирмей юргистеди.

Буз-сув ѳзени мен аьдемлер де, маллар да, ськма-сык болып асыгып, тавларга тармасадылар. Солардынъ араларындагы Кырлув да йийрен аласасын асыктырады. Баратаганлардынъ шав-шувын енъеектей болып, ѳзен мен агатаган сув да эптен шыгып шувылдайды. Кара каялар кабакларын туыйип, салпырап салынганлар.

Ян-януварды обадай ишине опкан терен тав ѳзен, каппа-карысык болып тавысланып, шувылдайды.

4

Оьнерли оьрге оьрлер.

Буз-сув ѳзени бу якларда анъардай терен ѳзен. Карасанъ – басынъ айланган тик каялар. Басларында тек тав карагуслар сарккан болмаса, ян-янувар аяк баспаган бийик тавлар. Сол тик каяларга кысылып, тар йол сув бойы ман тавларга тармасады. Бу йол ман атлы, яде эки тегершикли ногай арбалары юрге боладылар. Ол арбалар сосындай йолга деп этилингенлер. Маштак бойлы, берк туяклы тав атлар мундай ерлерде яхшы юредилер. Йол барганнан-барган сайын тар эм тик бола береди. А Таравыз деген ерде йол сондай бир тар болады, эки тегершикли ногай арбадынъ да бир тегершиги йолга сыймай, ярдынъ тувра япсарына тиер-тиймес болып тыгырады. Мунав ерден арбады ѳткерер уьшин де эбин билмеге керек. Ол болмаса, арбанъ ман, затынъ ман ызданга атылып кетпеге боляк. А тавлылар эслерине де келмей ѳткередилер. Оннан калса, тап туьздеги ялпак йол ман бараятыргандай болып, йыр йырлап барадылар:

...Арайдай, айдай, арайдай,
Сакласын бизди бир Кудай...

Бийик шал тавлар коькке тирев болып тургандай, шардайып коьринедилер. Олардынъ тоьбелери ак шалмаларын алты айландырып ораганлар. ѳзен мен, шав-шув этип, Буз-сув тоьмен карап асыгады. Онынъ шувылдавынынъ тавысы каяларга согылып, ѳзен мен бир болып занъырайды.

Таравызды ыткенлериннен сонъ, аьдемлер конмага токталдылар. Кеше тынык. Кырлув тап анда, Кызгышта болгандагындай, кеше. Бийик тавлардынъ уьстилеринде юлдызлар куьнъирт янган аспа шырактардай болып коьринедилер. Кешединъ тынлыгын арымай-талмай агатаган шокырактардынъ шорылдалары бузадылар.

Терен дорбыннынъ алдында от янады. Онынъ тоьгерегин курсап алып, баьленше аьдем олтырган. Олардынъ арасында кишкей Кырлув да олтыры. Ол окын-окында отка куры агаш кесеклерин салады. Агашлар тырсылдап янадылар, таганга илинген уьйкен кара казан кайнайды. Писип бараятырган эттинъ ийиси дорбыннынъ ишин бийлеп алган. Бир киси уьйкен агаш шوماка ман казанды булгай турады.

— Эт бир аьруьв болып пискен, — деди булгайтаган аьдем. — Асымызды ишеегинъиз.

— Эх, эх, — деди, тынысын авыр алып, сакаман киси, — эгер куьн сайын бир кой ашаяк болсак, мен оьзимиз дикилерге не еткереекпен?

— Аягын сындырган эди де, Карадав агай, сонынъ уьшин сойдык та, — деди карт койшыдынъ касында олтырган яс. — Уьшини де солайтга.

— Акт этпеге керек эди, Караяс. Ол болмаса... — деди сол карт, ястынъ соьзин макул коьрмей.

— Етеек еримизге еткенде, этермиз, агай, — деп яваплады яс.

— Йок, — деди Карадав, — сен, Караяс, бу затлардынъ коьтересин де тептеринъе язып бар. Сонъында ол бизге керегер. Мине туьнегуьн красноармеецлерге доьрт кой бердик те. Расписка алып бергенимизди калай аьруьв эттик. Неге десенъ, койлар меним атамнынъ койлары тувыл, а колхоздыкы. Сонъында кайтип отчет этеексинъ? Уят тувылма, уьйинъ соьнмегир?

Баубек карт койшыдынъ хабарын аьжейип этип тынълады эм ойланды. Ол карттынъ ахыр-аьвел яв енъилип, тагы да коьтереси де сол баягындай орын-орнына келеегине сенетаганына оьктемсиди. «Мундай шакта да коьнъили тоьмен болмай, халктынъ малынынъ каьрин шегеди-ав», — деп ойланды.

— Кавга кутылып, Алла айтса, уйге кайтсань — коьтереси де аьруьв болар. Отчет та этерсинь, зат та этерсинь, — деди олтырганлардынъ биреви.

Карт койшы ога тешкерип карады эм акырын айтты:

— Этермиз, Алла буйырткан болса. Эне туьнегуьн бир яс красноармеец мага: «Акам, олардынъ коьтересин де кавга списать этер», — дейди. А мен ога эрисип айтаман: «Э, кавга баратаган болса, биз обзимиздинъ манълай теримиз бен йыйган малымызды-муьлкимизди сакламага керек тувылмызба? Кайтип мундай заманда бек сакламага керек. Тек мине сиз коьптен бери эт еген йоксыз деймен, а емеге керек. Эне сонынъ уьшин мен сизге соьле доьрт кой берейим, тек сиз мага расписка беринъиз. Неге десенъ, уйде турганда да биз кыралга эт беремиз де. Сиз де кыралдынъ аьдемлерисиз, тек распискада обзинъиздинъ атынъызды, тукумынъызды коьрсетип язынъыз, даь?» «Аьруьв, агайымыз, — дейди олардынъ уйкенлери, куьлемсирей берип, — сиз туптувра айтасыз. Язармыз».

Эм яздылар. Ким биледи, мен тувра эттимме, терис эттимме. Заман сондай. Оларга бермей де боляк тувыл эди. Бизим уьшин кан тоьгип юрген аьдемлер олар.

— Олардай атлары, тукумлары болган аз аьдем бар эди, — деп куьлейди баска бирев. — Кужыр аьдемсинъ сен, Карадав.

— Неге кужыр болады-ав? Алганмыз деп, кагыт берселер, не басыма таз керек?

— Сонъында олардынъ ким экенлерин кайдан билесинъ? — деди яна сол киси, куьлеп.

Карт ашувланды эм кесип айтты:

— Ол куьнге бир еткей эдик, табувын табар эдик!

— Оллахый, аьруьв айттынъ, агамыз, — деди ога Баубек.

— Аьруьви аьруьв эди, кардаш, тек мине тез болып отарды тавдан авдырмага керек болады, — деп яваплады карт койшы, авыр куьрсинип.

Агаш аякларда, кыр соганы ман коькып, исси сорпачынъ бувы шыгады. Аьдемлер уьндемей эт йийдилер, сорпа ишедилер. Кырлув да ашайды. Соьйтип анав за-

манда да Кызгышта этти ашайтаган эдилер аьдемлер. Тек олар ол заманда соьлегиндей тоьмен тувыл эдилер. Аьйт деп соьйлейтаган эдилер, йыр йырлайтаган эдилер, Кырлуды юбантатаган эдилер. Соьле ша? Соьле коьтере баска заман. Кырлуд наьртуьк оьгпекти тилип, аьдемлерге уьлестиреди.

— Бизим арамызда кыздынъ болганы да аьруьвтагы, биз буйтип аьруьв этип кесеек эдикпе оьгпекти? — дейди Карадав.

Матакай, аьше дегенди билдирип, басын ийзейди. Астан сонъ карт пан яс койшы отарларына кетедилер. Кырлуд казан-аякты ювады, отка шай иледи...

Калганлар, тувра отягадынъ касына ямышыларын тоьсеп, янтаядылар. Баубек ойлы. Ол, отка кысыла берип олтырып, туьтинин тартады.

— Тыншаймага керек, Баубек, танъда турмага керек, — дейди Карадав, отягага кайтип келип.

— Сен оьзинъ ша, агай?

— Мен де мызгарман. Тыншайынъыз.

Карт койшы олтырган еринде мызгайды. Мызгаса да, онынъ кулаклары сак, тырс деп шыккан сести де эситип, элесленип ян-янына карай турады. Тав кешеси тынып, оьз йолы ман барады...

Эртенъ мен эрте аьдемлер, отарды алып, сокпакка туьстилер. Коьбинше, йолсыз ерлерден юргеге керек болды. Неге десенъ, авыска аькететаган тар йол ман аьскер коьшеди, оьзи де кавыфлы. Куьн узагына токтамай юргеге керек болады. Тек каранъалык тавларды бийлеп алса, отар да, аьдемлер де токтайдылар, тагы да танъ сес берер-бермес йол шыгадылар. Куьннен-куьн авыска ювыклай бердилер. Куьннен-куьн кемий барды отардынъ саны. Карт Карадавдынъ кисесиндеги распискалардынъ саны да оьсти. Элбетте, олар еткен-еткенге бермедилер койларды. Коьтере азыклары йок болган красноармеецлер йолыгатаган эдилер. Эне соларга береттаган эдилер. Онда да карт койшы ана койларды эш бермес эди, осал деп ойланган коьшкарларды сайлап береттаган эди. Бир ана кой, Алла буйырттып, дунья аьруьв болса, бир йылда эки кой болаяк деп, ойланды ол.

А отардынъ ишиндеги уйкен ак шпан кошкарды янындай этип саклады. Ога карай калган аьдемге шамланды, онынъ касына да ювытпады. Ол кайдай тукым деп, онынъ юнли экенин де, этли экенин де айтып, авызынынъ сувы курыды. О, ол карзына, карзына мал, оннан тувган козылар берк, шыдамлы, озьлери де уйкен боладылар, деди.

Атылулардынъ сеслери бирерде ювыклап, бирерде эрек болып эситиледилер. Буларга эндигиси мылтыготтынъ ийиси этип баслады. А бир кайта туьс вакытта тувра булардынъ уьстинде немецлердинъ «Рама» дейтаган самолеты коьринди. Ол, эште, авыска аькететаган йолды карайтаган болар эди. Эм бирден тоьмен саркып келип, пулеметтан йолга ядыра себелеп баслады. Койшылар янма-ян каядынъ астына кирдилер. Кырлув, дорбыннан басын шыгарып, сол кувалдыдай болып ушкан самолетка караяк болды. Баубек оны ямышысынынъ астына тартты. Арасы ярым саьат те кетпеди, коькте баска бир самолет коьринди эм, анавдай болып тоьмен саркып, пулемет пан аткышламады, булардан узак болмаган ерге йогарыдан югин таслады. Бомбалар тарсылдадылар. Кырлувга савлай тавлар гуьрилдеп, асты-уьстине актарылгандай болып сезилди. Самолет, атып болып, артына октай ушып кетти.

— Эне сол, кызым, кавга деген — каза зат, — деди, терен этип тынысын алып, Баубек.

— Кеттима, акай? — деди Кырлув эм дорбыннан шыгып, коькке карады.

Коьк таза эди. Не кувалды, не самолет коьринмейди. Тек каерде ди бир ерде ювык болып гуьрилдевлер эситиледилер.

Сол куьннен сонъ Кырлув коькке йьйы карап баслады. Самолетлардынъ гуьрилдеген тавысларыннан бизикилер мен явдыкын айырып билип те баслады. Отар авыска асыгып тармасты. Тавларга яв да асыкты. Кырлув басына кара кийиз боьрк, уьстине япыраклы шыт шыба кийген. Колына узын шетлевик шыбыкты алып, аьйт деп койларды айдайды:

— Р-айт, айт!

Онынъ «ррайтына» явап кайтаргандай болып, обзеннинъ иши мен аккан сувдынъ тавысы эситиледи:

— Шор-шор!

Тоьмен беттен каты, юректи ашыткан тавыслар шыгадылар:

— Та-та, тах!

Кырлув, токтала берип, сол тавыска кулак салады. А тавыслар ашыктан-ашык эситиле береди.

— Кавга бизи мен бирге келеди, кызым, — дейди Баубек.

Аьдемлер эм отар авыстан авып барадылар. Акырын, сак болып барадылар. Тик ерлер, айланышлыкуйланышлы сокыр сокпаклар. Койлар да, аьдемлер де суьринедилер. Отардынъ алдында, йол коьрсетип, койшы Карадав карт пан кулаштай муьйизли карт кара теке барадылар. Оларсыз не койларга, не бу баратаган аьдемлерге йол йок. Артта, койларды айдап, койшылар Караяс пан Матакай келедилер. Олар ман бирге Кырлув эм онынъ атасы келедилер. Кырлув, улактай болып, тастан-таска каткыйды. Тереклердинъ бутакларынанн ыслайды. Акырын йырлайды:

...Таралып турган тав басы,
Тав басына тармастым,
Туры кызыл шешекей
Тап уьстинде ярбастынъ...

Сонъ Кырлув тувра тастынъ янына кысылып оьскен наьзик кызгылт шешекейди юлкады эм оны койшы Караяска коьрсетип, айтады:

— Агай, мунав ярасык шешекейге караш. Аты не зат экен?

Шешекейден миним калганма дегендей болып, ол кыздынъ колындагы шешекейге мисетсинмей карады эм, бурныннан алдырып:

— Кырлув, ол затларды сен Карадав акайдан сора, — деди. — Ол оьмир бойы койлар ман, коьгоьлен мен келютыр. Не туьрли коьгоьленнинъ атын да биледи ол.

Кыз, кустай еп-енъил болып каткып-шоршып, алдыга, карт койшыга шавып келип, сол сорадын берди.

Карадав кыздынъ колыннан шешекейди алды эм оны тоьгерек айландырып карады. Сонъ, шешекейди кызга узатып, айтты:

— Кызым, аьр бир шешекейдинъ объзининъ заманы бар. Биревлери, айлак марка болып, язлык кирер-кирмес шешекей атадылар, баскалары язда, уьшиншилери куьз басында атадылар. Табиат объзине керекли затты бек аьруув биледи. Эгер коьтере шешекейлер де бир шакта шешекей атып, сонъ курый койсалар, табиатта не ярасык болар эди? Бир ярасык та болмас эди, оллахый. Солды да, кызым, мине соьле сенинъ колынъдагы шешекей де куьзде ататаган агаш шешекейи. Ога ботагоьз шешекей дейдилер. Аьруув этип караш, тамам туьединъ ботасынынъ коьзиндей шешекей.

Кыз тешкерип карайды:

— Ярасык шешекей, акай.

— Аьше, кызым. Бираз юре берейик, — деп юрисин тезлетти.

Койлар, аякларын йьйы-йьйы алып, тикке тар-масадылар. Аьдемлер, суьринип йьгылган койларды, токлыларды тургыстып, алдыга ымтыладылар.

— Етпеймизбе сол биревдинъ тоьбесине? Тоьбе шашымыз да туьсеек, тоьбесине еткенше, — деди эки аягынынъ бувынлары кьркылган Матакай.

Карадав ога суьйкенсиремей карады. Сонъ асыкпай, Матакай, сага айтаман, калганлар, сиз де тынъланъыз дегендей этип, таптап айтты:

— Айхай сени, Матакай, аьр бир заттынъ да тоьбесине тып-тынышынъа ете койылатаган болса, не керек эди? Оьрге оьрлемеклик аьнше-минше зат тувыл-ав. Оьрге де оьнерли оьрлейтаган, халкта «оьнерли оьрге оьрлер» деген соьз бар, иним. Эсинъде болсын.

Матакай, айтканына оькиндиме-зат эттимае, ким биледи, кызыл шувылдырдай кызарды.

Карт койшы акыл соьзин айтып болып, енъил муьшесин алдыга ымтылтты. Тагы да аьдемлер де, койлар да йогарыга тармастылар.

Бирден кара теке токталды да, уьйкен муьйизли басын созып, алдыга карады.

— Неге токтадынь, Кара? — деди карт, эшкидинь бирден токталганына сейир этип. — Яде бир зат коьрдиньме?

Теке, карттынь давазын аньлап, артына бурылды. Карт та, тынысын авыр алып, текединь касына келди. Келсе — келсин, теке авыстынь тувра тоьбесине шыгыпты экен.

— Акыллым, — деди, юреги кувнап, Карадав, — авысты авдык деп, билдирип туры экенсинтагы.

Аьдемлер, тыныс алмага деп, бир талай заманды тав артынынь оьзенлерине, каладай каяларына карап олтырдылар...

Кырлув, уйкен сейирге калып, тав артына карайды. Аьжейип тувылма-ав, бала шагында ол мине соьле оьзи турган ерге коьктинь ушы тийип, анав якта зат та йоктай этип билетаган эди. Ама тавлардынь артлары да уйкен дериядай ер экентагы. Агашлыклары да, каялары да, оьзенлери, тавлары, туьзликлери де бар. Дуныядынь ушы-кыйыры йок экен... Оннан Кырлув келген бетлерине бурылып карайды. Ол бетте — онынь авылы, халкы, аданаслары-кардашлары, анасы. Коьрселер деш олар соьле Кырлувдынь тувра тавлардынь басында олтырып турганын. А булытлар мунда тувра каялардынь уьстилерине яйылып ятып турадылар.

— А-абай-ай! — деп кышкыргысы келип кетти бирден онынь, тоьмен бетке карап...

— Ал, каьримизди коьреегиньиз, — деген акасынынь тавысы боьлди Кырлувдынь ойларын.

Аксам авып отар авыстан авды. Бу кеше аьдемлер коьпке дейим уйкламай, соьйлесип турдылар. Ким биледи дуныядынь аьлин, кан тоьгилген кавга, коьрисерлерме олар яна бир-бирлери мен, яде коьрисеспелерме? Мерлери канмай соьйлестилер, бир-бирлерине аманатларын айттылар.

Бир куьп болып келгенлер таньда, бир-бирлерине аманшылык сагынып, экиге боьлиндилер. Уьш койшы отарды алып, тав артына авып кетти. Калган уьшевлери авыс пан ызларына кайттылар.

Эки куьп эки йолга туьсти. Кайдай болар экен йоллары, кайда аькетип туьгер экен оларды бу йоллар...

Козь коржак та, кол баътир.

Авыстан кайтканлары экинши куьн дегенде, Баубеклар «Эл уьшин» деп аталган партизан отрядына косылдылар. Отрядтынъ орынласкан ери кавыфсыз эди. Тик каялар, калын кара агашлыклар. Мунда бир йол да, зат аькелмейди. Тек токсан тогыз сыры болган сокыр сокпак пан келмеге болады бу ерге. Аьдемлер тик каядынъ туьбиндеги эки дорбынга ерлескенлер. Дорбынлардынъ алды калын шырмавыклар ман шырматылган йоьке, ерик тереклер мен ябылган. Несин айтасынъ, таса, аьдем аягы баспаган ер. Ондай ерди тапкан да тыныш зат тувыл. Кистяктынъ отряды да, каьрлерин баслаяктан алдын, сондай ерди излестирди. Отрядтынъ комиссары Абанов бес аьдемге: «Тез больш мундай-мундай ер таппага керек», — деди. Куьптинъ ишинде Кази деп бир карашай бар эди. Ол оьзи Марух авылыннан эди эм бу ерлердинъ кувис-муьйисин де яхшы биледи. «Кази, сага сенемиз, — деди комиссар, уьйкен сенимин билдирип. — Кайдай ер керегин оьзинъ билесинъ. Таса да, кавыфсыз да болсын. Экинши ягыннан, авыска баратаган йоллардан да айлак узак болмага керек тувыл. Неге десенъ, йоллар бизим каьр этеек ерлеримиз...»

Кази тавды, тасты кезди. Таппай кайтпады. Баьриси де мекан тутпага сайланган ерге разы болдылар...

Кырлув бас деген куьнлерде ятсырап турды. Коьтере затты да тешкерди, тоьгерекке коьз салды. Кулагына, узак болмай аккан шоқырактынъ шорылдавы ман аьдемлердинъ соьзлери карысып, бир кужыр болып шалынды. Ол бу кадер туьрли тилде соьйленген соьзлерди соьлеге дейим бир де эситкени йок. Мине анавлар — шеркешлер. А анавлар ша, олар кимлер ди? Биревлерининъ тиллерин ол туьсинеди. Олар карашайлар, соьзлери тамам ногайлардыкына усайды. Кырлув карашайлардынъ соьзлерине кулак салды.

— Таравыздан бир яв да оьте алмас, Алла берсе, — деди, кызып соьйлеп, олардынъ бираз эсли коьринетаганлары.

Калганлары тынълайдылар. Кырлув атасынынъ карашайлар мине мунав тавлардынъ ишинде туратаганлары эм олар аьр бир сокпакты да, тасты да билетаганлары акында соьзлерин эсине алды.

Бирев келип, карашайлардынъ биревиннен биршии сорайды. Узын бурынлы, уйкен электей япалак тери боьрк кийген эсли киси, тавлар бетке колы ман ымлап, бир затлар айтады. Эште, тоьгеректеги ерлерди туьсиндире болар.

— Таравыздан бу бетке бир яв да оьте алмас, — деп ант этеди сол соьйлейтаган киси.

Аьдемлер яв ман согысувга аьзирленедилер. Мундагылардынъ арасында кавгадан яралы болып кайтканлар да бар, кавгадынъ отын коьрмегенлер де бар. Болса да олардынъ кайсылары да соьле бир ойда, бир ниетте. Явды авыслардан тав артына авдырмаска деп, кан тоьгисетаган бизим аьскерлерге колдан келген ярдамды кызганмай этпеге, оны аьр тастынъ артыннан турып сокпага керек. Булайдан анав якка йол йок, анав ягы — иргеден тик тав. Тар эм тик аяк сокпаклар тав артына аькетедилер. А оларды явга бийлетип болаяк тувыл!

Кырлув аьдемлерге карайды. Карт та бар, яс та бар. Эне, шал сакалы дорбадай болып, кызыл шырайлы, мазаллы кевдели эсли киси, карагай терекке аркасын таяп, таска уйкен кара муьйиз сап пышагын кайрайды. Ога отрядтагылар «Азрет агай» дейдилер. Танъ, аьдемди ярып ишине салаяк, Кырлувды баьленше кайта басыннан сыйпап суьйди. Артпагыннан шыгарып, бир уйкен тоьгерек матакоя да берди.

Дорбыннынъ алдында, бир кишкей картага ийилип, отрядтынъ командири Кистяк олтырып туры. Окынокында ол касындагы эки аьдемге карап, бир затлар айтады. Командир орта ясларына келген, узын бойлы, сарысымал шырайлы киси. Уьстинде сары китель, басында туьси авган фуражка. Оьзи де кавга исин яхшы биледи, алдын, кавга басланмай турып, военкоматта куллык эткен, дейдилер. Онынъ янындагы узын як, кара шилли киси уйкен оьткир коьзлерин картага тигип карайды. Ол отрядтынъ комиссары. Оьзи, коьбинше, яланъбас юреди. Боьрктинъ кереги де йок ога, шашы калын, кара,

буйра, тап боьрктей болып турады. Комиссар оьзи айлак тири, йыбыр-йыбыр этип, шалт кыймылдайтаган аьдем. Айлак илмили, алдын бир районда энъ уыйкен куллыкта болган, дейдилер.

Акасынынъ касында, коьгоьленге ямышысын тоьсеп, Атой янтайган. Тири, оьткир коьзлери эрекке карайдылар. Айлак йигерли, коркып-зат этип билмейтаган аьдем. Ол Кырлувдынъ акасынынъ тенъи. Оьзи кайдай мергин, аткан огы ерге туьспейди. Партизанлар бир кайта онынъ эткенин айтып кутылалмайдылар. Бир-эки деп санап, оьзи ялсыз он немецти оьлтирген, эки танкеткады ярдан йиберген. Бир немецтинъ, дейдилер, каскасына эки кайта согады. Соккан сайын, немец коркып йыгылады экен. Уьшинши кайта мергин Атой, тускап атып, тувра елкесине тийгистеди...

Кырлув, сол затларды эситип, Атойдан немецлердинъ эки танкеткасын коркпай ярдан кайтип ызданга ушырганынъызды айттагы деп, тиледи. Атой баска аьдемге оьзининъ эткенин, мактанады деп ойланар деп, айтпас эди. А кишкей кызга, немецлердинъ оьзлери де, машинлери де, бир кесеклер ойлангандай, аьдемнинъ куыши етпеген зат тувыл, олардынъ машинлерин бузбага, шашпага болаяк, тек оьзинъ йигиттей болмага керексинъ — эне соны билсин, билсе коркпас, коьнъили коьтерилер деп, хабарын асыкпай айтты. Кырлув сукланып, кара коьзлери оттай йылтырап, тынълады.

...Ети аьдем болып йолдан бираз ерде бугып, не эситилер экен деп, тынълаймыз. Аьдеттегинше, немецлер бу ерлерде куьндиз эртерек коьшетаган эдилер. Каранъа туьскенлей, олар, партизанларга болып, тав йолларга баспага да коркадылар. Заман уыйкен куслыкка келген эди. Ятып сак болып тынълаймыз. Ол огырсызлар оьзлери де кавыфланып, артык шав-шувсыз юредилер. Болса да машинлерининъ гуьрилдегенлери янма-ян билдиреди. Тавларда тавыс занъырап эрекке эситиледи де. Бирден кулагымызга таска согылып зынъырдаган темир тавысы шалынгандай болды.

— Тынълаш, — деп сыбырдады меннен узак болмай яткан шеркеш Алим.

Баъримиз де кулак салдык. Сес аз-аздан уйкен бола берди. Арасы бир он такыйка да кетпей, йолды карамага йиберилген Женя Кравцов тынысын тегаран алып келди де:

— Эки-уыш ябык машин, алдыларында эки танкетка келеятырлар. Машинлердинъ акырын юрислерине коьре, оларга бир авыр юк тиелген, демеге болаяк. Узак тувыллар. Ушкыр айланышлардан шыкканлар, — деди.

Мен янма-ян йолдасларымды кенъеспеге йййдым. Эки аьдем эки танкеткага, калган бесевимиз машинлерге атпага деп, токтастык. Алим экевимиз танкеткаларды алдык. Эм сол сабатлей йолга ювык келип, атыска аьпме-аьзир болып буктык. Энди танкеткалардынъ темир шынжырларынынъ таслы йолга тийип зынъырдавы бектен-бек эситилип баслады. Бирден йолдынъ ойпат ериннен, кубирткейлидей болып, бийиклевге тармасып алды да, танкетка шыкты. Онынъ артыннан, бир отыз абыт ерди аралатып, экиншиси коьринди. «Алим, сен булайда кал, а мен бир отыз абыт кадер алдыга кеттим», — дедим мен эм шоьнькип алдыга асыктым. Соьйлескенимизше, биринши танкеткады йолдасларым мага йибердилер. Мен йол ягадагы тастынъ тасасыннан коьтерилдим де, танкеткага карап артлы-артыннан эки гранатады былактырдым. Дуныя буздырып келеятырган темир машин оксып барып токтады. А экинши танкетка, артка бурыламан деп, ызданга тымалады. Калган йолдасларымыз ядыралар тиелген машинлердинъ биревин де калдырмай йок этилер.

А анав немецти согатаганым булай болды. Бир мазаллы немец, эште, уйкенлери болар эди деймен, янма-ян агашка синъип кутълаяк болып, кашып баслады. Мен сол сабат артына туьстим. Колай келип бир аттым, ядырам каскасына тийип, немецти коркыстып ерге яткарды. Ол тураман дегенде, тагы да аттым, тагы да каскасына соктым, тагы да ятты. Оьлген йок экентагы, уьшинши кайта каскасыннан тоьмен тускап, энди турсанъ коьрейим деп, тувра елке шоьнькырына соктым. Эне сондай, кызым, куллыклар. Коьз коркак та, кол баьтир

деп, ногай билмей айтпайды. Эгер биз, вай-вай явдынъ эки танкеткасын, доьрт-бес машинин ети аьдем болып кайтип йок этеексинъ деп, ойланган болсак, бир зат та этпеген болар эдик.

А биз соьйтип ойланмадык. Йибермеспиз биз сизди деп, каарландык. Биз озьмизди олардан куьшли коьрдик. Ойынсыз да, Кырлув, тавларда биз олардан куьшлимиз. Таьвекеллиге нур явар деп, йолымыз болды. Солды да, коркпага керек тувыл...

Сол куьннен сонъ, Кырлув Атойга Баьтир акай деп айтты. Оьзининъ де сондай болгысы келди.

Сондай хабарларды партизанлар Кырлувга коьп айтатаган эдилер. Эште, бу затларды олар кыздынъ юрегин коьтереек болып, оьзин йигерлендиреек болып айтатаган болар эдилер.

Шеркеш Алим Атойдынъ янында олтырып, автоматын тазалап туры. Ол орта ясларына келген аьдем. Япалак тери боьркин койы кара касларына басып кийген. Атой экевлери бир-бирлериннен айырылмайдылар. Ятканлары турганлары да бир. Явга да бирге барадылар.

Ййни мен терекке таянып, орыс яс турагалып туры. Онынъ коьзлери коьктинъ юзиндей коьп-коьмек, оьзи яп-яс. Бир он алты-он ети ясларында болар. Кырлувдан бираз уьйкен. Оьзи де Кырлувды коьрсе, оьлип кеткендей болады. Куьлеп саламласады. Ога отрядта коьтереси де суьйип «бизим разведчик Женя» дейдилер.

Уьйкен тастынъ янында, калганлардан эрек болып, окытувшы Арун олтыры. Ол энъкейип эски куба туьсли тептерге бир затлар язады. «Ол бизим тарихши, аьле тарихи болмаган отрядтынъ тарихин язады», — дейдилер онынъ акында. Ол азгын, оьзи де сабыр. Кырлув ман коьп соьйлеседи. Эште, балаларды суьйгени уьшин болар. Эситкен хабарын, тап бир тенъине айткандай этип, ясырмай айтады.

Таганга илинген уьйкен кара казаннынъ янында казаншы Шопак бир затлар каьрлейди. Белиндеги уьйкен кынлы кама да анав якка, мунав якка былк-былк этеди. «Шештагы сол каманъды, орав этпейме?» — дейдилер ога аьдемлер, кажавлап.

Эм ол асыкпай яваплайды: «Партизан савытыннан бир такыйкага да айырылмага керек тувыл, оны билесизбе сиз? Кайдан билесинь, мунда яв кайдан шыгаягын. Сага мунавы фронт болган йокты да. Фронтта ис баска, яв я алдынъда, яде артынъда экенин бек аьруьв билесинь. А мунда тоьгерегинь яв. Азраилдей, янынъды аларман деп, шыга калса, не этеексинь? Солды да, савыттан оьлмек бар, айырылуьв йок. Онынъ уьшин бир айып та этпенъиз».

— О, кыска каманъ ман явды кырар да коьрмей каларсынъ, — деп куьлейди бирев. Ол заманда Шопак, кулыгын-затын таслап, камасын кыныннан сувырып шыгарады эм яланъаш камады анав якка, мунав якка булгалаклап:

— Э, сен мунав кама ман ойнама, — дейди. — Анав йыл тавда, оллахый-билляхий, арсландай уьйкен куба аюьвды бир сермегени мен янын алган зат ол.

— Аюьв болмас эди, Шопак, ол. Борсык-зат болар эди, — дейди баскасы, оны тагы да бек козып.

Мунав йол казаншы уьшини мен де ашувланды эм, камасын кынына салып:

— Элбетте, аюьв ман борсыкты айырып билмеген сендейлерге борсык та болар, — деди.

— Ха-ха-ха! — деп куьлейдилер тынълап турганлар.

— Куьлинъиз, куьлинъиз, токтанъыз, мен сизге, иншалла, онынъ кайтип керек болганын коьрсетермен.

— Ашувланма, Шопак, ойнап айтамыз, — дейдилер тенълери, казаншыдынъ акыйкатлай оьпкелегенин коьрип. — Савыттынъ уьйкени-кишкейи барма? Пышактынъ оьзи де савыт.

— Аьше, — дейди, ашувланганы кайтып, казаншы. — Кой энди каьримди коьрейим, ас аьзир болмаса, сиз тагы да бир затлар айтарсыз.

Шопак айлак ойыншылы, кувнак киси. Кавгадан алдын койшы болган. Эште, сонынъ уьшин болар аска-сувга уста болганы. Не зат этсе де, еп тойып болмайды...

Бийик субай биткен карагай теректинъ тоьбесине, онда бир зат коьреектей, бир орта карарлы, сарысы-мал шырайлы, тобан туьсли мыйыклы киси карайды. Коьрген аьдем, ярабий, онда бу не коьреди экен деп,

ойланаягына союз де йок. А соьле аьдемлер ога эс те этпейдилер. Онынъ соьйтип этетаганына уьйренгенлер. Кырлув да биледи онынъ соьйтип бос заманында тереклерге карайтаганын. Тап бир билесинъ, олар ман соьйлескендей болып, аьри-бери кезеди. Соьле де эне соьйтип туры. Ога отрядта коьтереси де «бизим агаш каравылшымыз» дейдилер. Аты онынъ Василий, оьзи Преградный станицасыннан. Кавгадан алдын да Теберда заповеднигинде агаш каравылшы болып куллык эткен. Немецлер заповедниктеги яхшы агашты кеседилер деп эситкенинде, тап бир колы кесилгендей сезип, кайгырды. Агаштынъ акында ол айтпаган хабар барма? Аьдемнинъ уьстиннен айткандай болып айтады. Япыраklarдынъ уьстиннен онынъ айткан хабары Кырлувдынъ эсиннен оьмирде кетеек тувыл. Соьйтип ботаникадан окыткан окытувшы айтып та эситкени йок.

— Агашлык, суьйсенъиз ынанынъыз, суьйсенъиз ынанманъыз, аьдемлердей яшайды. Ондагы аьр бир теректинъ, аьр бир аьдемдикиндей, оьз кылыгы бар. Бир терек кыс уйкысыннан эрте уянады, боьртип болып, агашлыкты шешекейи мен ярасыкландырганша асыгады. Онынъ артыннан калган тереклер де шерет пен шешекей атадылар. Яз — агашлыктынъ коьрки. Яп-ясыл, коп-койы. Куьзде де тереклер коьтереси де бирден япыраklarыннан бир шакта айырыла коймайдылар. Шерет пен яланъашланадылар. Тереклер оьзлери бир-бирлерине де эс боладылар, дем этедилер. Айтпага, уйкен япалак йоькелер наьзик кайынларга ык боладылар, сувык язлыкта оларды ашыга-сувыкка шалдырмайдылар. О, несин ай-тасынъ онынъ, аьр бир теректинъ сыры-сыбыры бар. А соьле коьресинъме сен болатаган куллыкты, огырсызлар кесип, яндырып та юрилер...

Кырлувдынъ тувра янында яс абаза кыскаяклы ис ислеп олтыры. Кырлувга аьр дайым да эс болып турады. Керек ерде бавырына басады. Анавын эт, мунавын эт деп, уьйретеди. Анамдай, онынъ болганы да аьруьвтагы деп, суьйинеди Кырлув. Оьзи де Шегерейден, Кырлув-алардынъ авылыннан узак тувыл. Соьле де ол уйкен аьскерши коьйлекти соьгип, Кырлувга коьйлек уйтып туры.

Калганларын Кырлув уйтип артык танымайды. Олардынъ да аьр бири бир каьрде. Биреви савытын суьр-

теди, баскасы кийимининъ бир соьгилген ерин тигеди. Аьдем каьрсиз турама? Бир зат этип юбанады...

Кызга булардынъ баьриси де бир авылдынъ аьдемлериндей эм олар бир-бирлерин оьмирлери танып келгендей болып сезиледи. Биреви биревине эс те, дем де болады, не аьжетине де етеди. Аьжейип тувылма, мундай татымлыкты ол авылда туруп та коьргени йок эди. Олар авыр деп те, кыйын деп те, аш болдык, ток болдык деп айтпайдылар, оьз каьрлерин этедилер. А каьрлери коьп, кыйын. Кезуьв-кезуьв, биревлериннен сонъ анав биревлери кутырган яв ман ягаласпага барадылар. Барадылар, оьшлерин аладылар. Кырлув олардынъ аьр бирин де шынты баьгир деп санады. Явдан эш коркпайтаганлары эм эткен йигитликлери уьшин оьктемсийди. Солардынъ эткен затларынынъ бир ушкынын да этсем экен деп, ойлайды. Соьйтип-соьйтип этсем экен деп, окында атасына да айтып алады. «Етер заман, келер шак, этерсинъ, кызым, этерсинъ», – дейди атасы, кызынынъ коьнъилин коьтерип.

6

*Ядыфасыз мылтык та
йылда бир кере атылатаган.*

Эртенълик... Тавлар кабакларын каты туьйип карайдылар. Олар туьймей, ким туьйсин, эгер канзепир яв олардынъ тасларын янышып, таза сувларын кирлеп, тоьбелерине минеек болып оьрмекшендей оьршисе? Куьздинъ иссилиги кайткан куьни тонъазыган тав басларын йылыталмайды.

Бир карагус, бийикке коьтерилмеге корккандай болып, каяларга кысылып ушады. Коькте, бийикте баска кус – темир кара кус гуьрилдейди. Э, сол экентагы карагустынъ тоьмен карап саркатаганы. Соьле онынъ коьгин явдынъ кувалдысы бийлеп туры. Бу не таьжел явды-ав! Коькте эркин ушпага сага пай бермейди, ерде аьдемлерди коймайды.

– Кувай, кувай!

Кырлувдынъ коьз алдына каралдылары келеди. Анав тавык, дуныя буздырып кыткытлап, коькке шапшыйды. Шипийлер шыйк-шыйк этип, таса ер излеп, анда-мунда шабадылар. Кара кувалды таьжелдей болып тоьбелеринде айланады.

— Кувай! Кувай! — деп кышкырып, Кырлув ювырып уьйден шыкты.

Тоьмен саркып келген йьрткыш канатлы кыздынъ бакырыгыннан коркып, йогары коьтерилип кашты. Болса да ол коьтере кетпеди. Арасы бираз озып, тагы да кайтты эм ерге октай атылды. Тавык яна кыткытлады. Кыз тагы да уьйден шыгып:

— Кувай! Кувай! — деп кышкырды.

Сол куьн кувалды шипий акашаяк болып, неше кере кайтип келди. Аман да Кырлув онынъ мырсатын мырсатка бермеди.

— Тамам аш кувалдыдай экенлер фашист самолетлары, бир кувганы ман кете коймайдылар, кайтып келе бердилер, — деди Кырлув, бийик тав коьгинде авыс бетке ушып бараятырган явдынъ самолетын коьрип.

Кырлув эндигиси бизим самолетлар ман явдынъ самолетларын гуьрилдевлериннен айырып билетаган эди. Бизики болса, суьйинип касындагыларга айтады: «Акай, бизим самолет, авыстагы аьдемлерге уша болар, сол бетке кетти». Ондай заманда аьдемлер куванып: «Яхшы, кызым, яхшы. Коьп болып ушса экенлер бизикилер», — дейдилер.

Соьле ол бир талай заманды сол самолет кеткен бетке уьндемей карап турды. Бираздан сонъ авыс беттен сагыр болып шыккан гуьрилдевлер эситиледилер. «Соьле кашар, бизикилер аткышладылар», — деп ойланды ол. Эм, айтканы келсин, арасы коьп кетпей, баягы самолет кеткен йол ман асыгып ызына кайтты. Кырлув ога, кувай, кувай деп, кышкырайым деп те ойланды. Сонъ, булайда да акырын, сес-зат шыгармага керек тувыл экени эсине туьсип, оьзин тыйды эм онынъ артыннан ашувлы болып тоьмен бетке карады. Онда онынъ тувган-оьскен авылы, уьйи, янындай коьрген анасы, авылдастары бар. Эм кыздынъ эринлери: «Ярабий, не болады экен соьле

онда? Абай, абайым, не этесинъ онда? — деп йыбырдадылар. — Яв алек-шаылек эткен болар онынъ ший бавдай авылын. Онда яв. Ах, кайтип бир сагынганман, абайым, мен сени. Бир билсенъ деш. Кеше туьсимде де коьремен. А куьндиз коьз алдымда турасынъ. Абай, абайым-ав, мен-сиз кайтесинъ анда, э? Сагынмайсынъма мени?»

Анасы термилип кызына карайды, кушакларын яйып, ол бетке ымтылады. Болса да экевлерининъ аралары эрек, туткыш пан ябылынгандай, куьнъирт коьринеди.

«Токта, токта, абай, кетпей тураш, кайтип бир сагынганман сени, бираз бир-биримизге карайыктагы. Бираз соьйлесейиктагы...»

«Э, сенсинъме, Кырлувым, яным, коьзим, айнанып кеттигим? Сен йок болдынъ деп, яным шыгаязды да. Яраткан Кудайга яным мынъ кайта курман болсын, сени сап-сав коьргеним уьшин. Тек мине бираз азгандай коьремен, шыракшым».

«Йок, йок, абайым, азган йокпан, мен бираз куьнге куйьгенмен. Йолда коьп юрдик. Оьзинъ ша, оьзинъ не этесинъ?...»

Кырлудынъ ойларын авыслар беттен шыккан гуьрилдев тавыслар боьледилер. Олар бир тынадылар, бир тагы да янланып шыгадылар. «Буьгуьн бек атысадылар, эште, яв алдыга шапшый болар», — деп ойланды Кырлув эм, орныннан турып, атасынынъ касына барды:

— Акай, мен шокрыактан сув алып келейим, — деди.

— Сак кара, кызым, шокрыакка баратаган сокпак тик. Йыгылып олтырма, — деп тиледи Баубек.

Кырлув, шелекти алып, шавып шокрыакка кетти. Атасы кызынынъ артыннан карап калды. Мине ол бир уьйкен тастан каткыды эм яна шапты. Эне аягынынъ астыннан бир тас тымалады. Мине энди, шокрыакка етип, шелекти сувга батырды. «Мундай кавыфлы заманда соьйтип сездирип шаппага керек тувыл, ким биледи дуньядынъ аьлин? Душпан ер-ерде юреди, эситпеге де болар», — деп кавыфланды Баубек.

Кырлув аькелген сувын отягага салды. Агаш аяк пан муьлдирем этип атасына сув берди:

– Ишеш, акай. Сып-сувык.

Баубек, лык-лык эттирип, таза шоқырак сувын ишти.

– Оьх-оьх, калай яхшы сув ды, – деди рахатланып Баубек.

– Тамам Керекшин-шоқырактынъ сувындай, акай.

– Кызым, оны эндиге шеким муткан йоксынъма?

– Ия сага! Кайдай аьрувь шоқырак эди, дия?

– Аьше, кызым. Тав шоқыраклардынъ коьтереси де сондай.

– Акай, мен энди казаншыга ярдам этейим. Ералмазат тазаламага керек.

– Эт, кызым, эт.

Кырлув казаншыга ярдамласып баслады. Казаншы узын койы мыйыкларынынъ арасыннан бир затлар куьбирденеди. Кыз, сейирге калып, ога карай турады: «Бу нелер соьйлениди экен?» Казаншы, кыздынъ ойын сезгендей болып:

– Кызым, – деди – мырылдайтаганым, эригимди язаяк болып, бир затлар айтаман. Бир затлар айтсанъ, заман да артык сезилмей кетеди.

– Йыр айтасынъма, акай, аьше? – деп сорады кыз.

– Йок, – деди казаншы, наьртуьк унды тавлап, – тек йыр айткан киси боламыз. Айткан уьшин не пайда?

– Неге, акай, соьйтип неге айтасынъ?

– Йырды да йырлап билмеге керек. Даваз керек. Куры оьгиздей оькиргеннен не маьне?

– Кайдай йырды айтасынъ, акай?

– Йырды да йырлап болаяк тувыл соьле, кызым. Давысынъды шыгармага коркасынъ. Кавга деген аьнше-минше затпа?

– Уьери¹ бар. Кайсы йырды айтасыз?

– Кыз-Кая дейтаган йыр, кызым.

¹ Уьери – сол ери.

— Оны мен билемен, акай, — деп Кырлув ушып турагалды. — Оны озган йыл мага койшылар йырлаган эдилер. Кайдай аьруув йыр.

— Аьруувлиги де бар, а шынты тулпардынъ акында этилинген йыр. Кайзаманда шыгарылган йыр, а соьлеге дейим де халктынъ авызыннан туьспейди. Соьле де аьдемлерди явга кайратландырады.

— Акай, — деди Кырлув, — ол заманда сол йырды баьри казаншылар да билеме?

Шопак, кой коьзлерин суьзилтип, кызга карады:

— Ким биледи ол ерин, кызым? Биле де боларлар. Казаншы кавымы бир ерде олтырып турады да. Эригин язаяк уьшин, йырлай турады. А меним, кызым, айтып оздым да, йырга ондай усталыгым йок. Не де болсын бир йырлайман. Бобтен де, бу йырды мундай шакта йырагым келеди. Мундай вакытта ол коьнъилинъди коьтереди.

— Аьруув йыр, акай. Бираз йырланъызтагы.

— Ой-ой, кызым, — деди Шопак, — йыр дегенинъ — аьдемнинъ ян йолдасы. Аьдем оны куванышта да, кыйынлыкта да йырлайды. Авыр заманда авыр йыр, куваныш заманда — кувнак йыр шыгарады.

Кырлув тынып тынълады. Казан кайнады. Казаншы йырлады:

Тарсылдады тав-таслар,
Ерге ятты яс яслар,
Кайырылмас, камсымас,
Явды согып эр баслар...

Йыр акырын йырланса да, бир ерде ятып калмады, ол шувлап оьзенлер мен, тавлар ман саркып кетти. Оны анда, авылда калган картлар да, соьле авыста алысатаган аьскершилер де йырладылар. Оны соьле атасы Баубек те ишиннен айтты. Оны Кырлув оьзи де йырлады:

...Кайырылмас, камсымас,
Явды согып эр баслар...

Кыздынъ йинъишке ярасык тавысы Шопакка билдинъ сесиндей болып шалынды. Ол савлай эсин берип тынълады. Ога соьле тоьгерегиндеги кара агашлык

уйкен, ярасык, шешекейленип турган бавдай, а кыз эртенъликтен кешке дейим арымай сарнап турган билбил кустай болып сезилдилер. Эм йырды тереклер де тоьмен ийилип, ян-януварлар да тынып тынъладылар...

— Тфу, машалла, кызым, — деди казаншы, — сен шынты билбил экенсинъ. Алла-Таала оьмиринъди узак этсин.

— Кой, асты кешиктиремиз, — деп Кырлув ералма аршып баслады.

— Мине, кызым, — деди Шопак, завкланып, — кавга кутылса, сен окумага барарсынъ. Уста йыршы боларсынъ, иншалла.

— Йок, акай, — деди кыз, — мен геологка окыякпан. Аьр заманда да, байлык излеп, тавларда юргим келеди.

Казаншы кызга сейирсинип карайды:

— Аьперим, оллахый, аьперим. Тек коркак тувылсынъма?

— Неге, Шопак акай? Эне Сидакай ман Атой акай-алар кеше-куьн демей, коркпай-зат этпей, фашистлерди согадылар да. Коркпайдылар. Мен де коркак тувылман, акай.

— Аьперим, аьперим, кызым, тувра айтасынъ. Коркпага керек тувыл. Коркактынъ коьзине кос коьринер, деген халк. Коркак бир оьлмей, мынъ оьлетаган, — деди, кыздынъ явабына суьйинип, казаншы.

От кызып янады, таганга илинген казан боркылдап кайнайды. Куьн батаяк ягына асыгады.

— Эриншек авып бараятыр, — деди казаншы, куьнге карап. — Асты болдырмага керек.

— Мен акайдынъ касына барып келейим: не этеди экен? — деди Кырлув.

— Бар, кызым, бар. Тезден эт те писер. Ас ишеек-пиз. Бар.

Кырлув акасына асыкты.

— Тфу, машалла, тфу, — деп калды Шопак, кыздынъ сезгирлигине сейир этип.

Кырлув атасынынъ касында, аякларын астына салып, уйкенлердей олтырды. Баубек кызынынъ коьнъилин тоьмендей сезди эм, оны аьруув этеек болып:

— Бир зат та тувыл, кызым, коьтереси де яхшы болар, — деди.

— Бу куьнлер де кешер басымыздан. Аьдем дегенинь авырды да, тынышты да коьтермеге керек болады. Авырды авыр деп, туьнгилсенъ, яшавдынъ не маьнеси бар? Шынты аьдем халкка келген кыйынлыкты халк пан бирге коьтермеге, басыннан кеширмеге керек. Сондай заманда эткен зат оьмирде мутылмайтаган, халктынъ эсинде туратаган.

Кырлуw, атасынынъ соьзлерин тынглап, оьзи керуw беттеги тавга карады. Ога, тувра тавды авганлай, анасы тургандай болып сезилди. Ах, кайтип бир сагынган ол анасын. Соьз бен айтпага да кыйын. Кайтип бир коьргиси келеди. Шалтган коьреекпе экен анасын? Оны атасыннан да сорап алды.

— Мине тавлардан явды кувсак, сол заманда коьтересин де коьбермиз, кызым, — деди атасы, ойлы болып.

— Кайзаман куваякпыз, аьше? — деди кыз.

Атасы уьндемеди. Не деп айтсын, аьше, эгер оьзи де билмесе онынъ шалтын-кешин. Кайтип уьстей береди огырсыз кавга. Бир заманда Баубек терен куьрсинип алды да:

— Шалт болмага керек, кызым, яв соьле эптен шыгып шапшыйды, шапшыган сайын, карувын-куьшин йоя береди, — деди. — Ногайда «алды айгыр болса, сонъы бие болар» деген аьруwв соьз бар.

Кырлуw да, атасындай этип, терен куьрсинди.

Кишкенекей кызынынъ буйтип куьрсингенине атасынынъ юреги кыйналды. Эм оьзи: «Огырсыз, наьлет яв, яны кашан шыгар? Анады баладан, балады анадан айырган канзепир яв, сенинь кос тамырынъды уьзсенъ деш, оьзегинъе сис шаншсанъ деш», — деп авыр ойланды.

Баубек, савытын коллары ман сыйпап, ога тешкерип карады. Эм оьктемсимей де калмай:

— Абаза Сидакай берди, кызым, — деди. — Оллахый, кос юрек ол. Неместен тартып алдым деп, аькелип берди. Мине соьле мен оны уьйренип турыман.

— Кайтип тартып алган экен?

— Фашистти оьлтирип, кызым. Мага аькелип: «Ал, кардаш, тешкерип кара, кайтип кулланмага керегин уьйрен, ярар», — деди. Мен алдым. Эне солай, Кырлув.

— Акай, мен бир ыслап карайымтагы.

— Маь, тек сак бол.

— Патронлары йокты да, кайтип атылаяк?

— Патронлары йок. Тек ногай: «Ядырасыз мылтык та йылда бир атылатаган», — деп айтады, кызым.

— Ядырасыз оьзи-оьзиннен кайтип атыла койсын экен?

— Халк бос соьзди бир де айтпас. Сак бол.

Кырлув автоматты тоьгерек айландырып карады:

— Авыр экен, — деди.

Баубек куьлемсиреди эм, кызына карап, ойланды: «Мине сен де колынъа савыт алмага керекли болдынъ. А сен соьле каншы ысламага керек эдинъ...»

Кырлув дорбыннан шыгып, казаншыдынъ касына келди де:

— Руки вверх! — деп орысша кышкырды.

Шопак сескенип кыз бетке карады. Караса, мунынъ алдында, буга автоматын тускап, кыз туры. Ол, зат анъламай, коьзин бир юмды, бир ашты. Сонъ, эсин йыйып алып:

— Кырлув, кой, савыт пан ойнамайтаган, — деди тутлыгып.

Кырлув куьлемсиреди:

— Коркпа, акай, онынъ ядырасы йок.

— Болсынтагы, кызым. Ядырасыз мылтык та йылында бир атылатаган, дейдилер. Кой, ойнама.

— Ол бурынгылар, балалар савыт пан оинамасынлар деп, айтканлар, акай!

Шопак эринлерин кымды эм ойланды: «Астопиралла, кишкенекей болып, мунынъ билмейтаганы йок экен. Машалла!» Сонъ турагалды эм, кызга аьруьвин айтып, савытты алаяк болды:

— Қала, Кырлув, береш мага, коьрейим.

— Йок, йок, меники тувыл ол, акамдыкы. Оны ога абаза Сидакай берген. Соьле аькетип берейим, — деп кыз дорбынга шавып йоьнеди.

Онынъ артыннан Шопак келди эм баъри затты да Баубекке айтты. Эки созынинъ биринде: «Ядыра салынмаган мылтык та йылына бир атылатаган, дейди халк. Солды да, савытты тускап ойнаган аруув тувыл», — деди.

Баубек даяналмай куълди. Куълди Кырлув да. Баубек, аьдет этип, кызына шамлангансыды.

— Шышканга оylim, мысыкка куълки деп, кызым, сен бос куълме. Савыт пан ойнаган аруув тувыл, Шопак туврасын айтады. Буьгуьннен сонъ соьбитип этпе. Эситтинъме?

Кырлув уьндемеди. Тек кызарып, тынысын тез-тез алды.

Шопак, авыр адымлап, отягага келип олтырды эм оьзи-оьзине куьбирденди. «Оллахый-билляхий, каза кыз Баубектинъ кызы — бир коьзине карамай явды атаяк. Оллахый, атаяк, пушыгына да санаяк тувыл...»

Уьшин. Кырлув коркпас, атар...

7

Дуныя коьрки — яслык.

Оьзеннинъ ишине енъил, мамыктай акшыл туман тоьселген. Тек сийрексип баслаган агашлык аз-маз караланып коьринеди. Саргайып келеятырган коьгоьленлер де, тоьгеректеги кувакыклар да дымлы.

Куьзги сувыксыраткан куьнди йылытаяктай болып, дорбыннынъ алдында агаш от давдырап янады. Таганга уьйкен кара казан илинген. Оннан бувдакланып був шыгады. Кешки ас кайнайды. Оттынъ тоьгерегин алып, баьленше аьдем олтырган. Писеятырган эттинъ ийиси янган карагай агашлардынъ ийисине карысып, бурынга согады, тамакты кутыклап алады. Дорбыннынъ ишиндегилер де, йыбыр-йыбыр этип, оьз каьрлерин этедилер.

Кырлув, оттынъ ялынына колларын яйып, тувра алдында оьскен бийик, мазаллы шынар терекке карайды. Онынъ саргайган кертлеж япырактлары акырын калтырайдылар. Бирден япырактлардынъ биревин уьзилеп

кетип, акырын ерге саркты эм келип кара ерди кушаклап ятты. Онынъ артыннан экиншиси, ушиншиси туъстилер. Ер оларды, келинъиз, келинъиз, мени ябынъыз, соьлеге дери теректи коьрнеклендирип турганынъыз болаяк дегендей этип, озьине тартты.

«Япырақлары соьйтип куйылып тураяк болсалар, язык тереклер бираздан коьтере де яланъашланаяклар», – деп ойланды кыз, теректен карамын алмай. Онынъ эсине сосындай куьз шагында, япырақлары бирем-бирем туьскен алма терекке карап, Ханым аьейдинъ айткан хабары туьсти.

...Аьдемлердинъ яшавы да, кызым, сол япырақлардай. Япырақлар да ясында яп-ясыл, ярасык, берк боладылар. Оларды колынъ ман да тегаран юлкып аласынъ, яз узагын яшап картайсалар, савдырап куйыладылар. Аьдем де сондай. Ясында берк, шыдамлы, коьрки, картайды десе – коьрки де кетеди, куьши де кетеди, кавраган япырақтай, кара ерге ятпага аьзирленип турады. Яслык – не заттынъ да коьрки. Оннан сонъ, кызым, ахыретте бир уьйкен дегенде уьйкен, япалак бир терек бар, дейдилер. Онынъ касына олтырып, бир маьлек, колына тептерин алып, аьр бир туьскен япырақты язып турады, дейдилер. Дуныяда не шаклы аьдем бар болса, сол теректе сол шаклы япырақ бар. Аьдем оьлди десе, сол теректеги япырагы да каврап туьседи, дейдилер...

– Аьжейип эртеги, – деди Кырлув эм онынъ коьз алдына аз-маз куьдирейип, йыбыр-йыбыр этип шалт кыймылдап юретаган Ханым куртка келди. Онынъ танъ, яныплы тавысы кулагына шалынды. «Айттагы, аьей, тагы да бир зат...» Ханым аьей айтады. Кырлув тынълайды. «Кайдан да табады детагы ол кадер такпакты».

– Не ойланасынъ, Кырлув? – деди бирден касында олтырган Асият, кыздынъ ойлы экенин коьрип.

Кырлув серпилип кыскаяклыга карады:

– Оьзим, аьптей.

– Тонъасынъма? Маь, мунав шинелге оран.

– Йок, тонъмайман. Оьзим отягады суьйип олтыраман. Тонъган деген эсиме де келмейди.

Экевлери де ундемей отка карап бир кесек олтырдылар. Отыга аыр бир аьдемди де оьзине тартады да. Бобтен де, кыскаяклыды. Ол оьмир яшавын отыгадынъ касында йыбырдап озгарады да. Отыгасында оты давылдап янса, кыскаяклыдынъ яшавы да аьруув, коьнъили де ток болады. Оты пысылдап янса, яшавы авыр, коьнъили тоьмен болады.

Агаш от тарсылдап янады. Асият пан Кырлув ойлы болып олтыра бердилер. Бирден тынлыкты Асият бузды.

— Сен, Кырлув, коьп ойланма. Бир зат та тувыл, аман-эсен барып келермиз. Мине мен неше кайта явдынъ кыршылдаган ишине барып кайттым. Соьлеге дейим бир зат та болганы йок. Сен коркпа. Бас дегенде ол соьбитип кавыфлы болатоган, оннан сонъ аьдем уьйренеди, коркув онынъ эсине кирип те шыкпайды.

— Йок, аьптей, мен онынъ акында коьтере ойланмайман, — деди Кырлув, артык зат сездирмей. А оьзи ойланды. Ойланмай да болама? Канды куйган канзепир явга ол бас деп бармага керекли болып туры. Кайтип болар экен, кайтип барар экен? Ким биледи...

Асият шалаларды йыйыстырады:

— Аьдем эсине коьп алмага керек тувыл. Коьтере зат та аьруув болар.

— Солай, аьптей. Мен багана бир аьруув пискен агаш кертпелер йыйып келдим, йийсинъме? — дейди Кырлув, орныннан турып. — Кап-кара болып, ылбырап пискенлер. Соьле аькелейим. Дорбында.

Кырлув этеги мен бир этип пискен агаш кертпелерди аькелди:

— Маь, еш, аьптей. Маь, агай, ешинъыз.

— Таьп-таьтли кертпелер, — деп отыгадагылар кертпе йийдилер.

— Комиссар келеятыр, — деп туьртти Кырлувды Асият.

Абанов неге болса да суслы эди, артык коьп зат айтпады, тек казаншыдан, асынъ болама деп, сорады да, баскалардынъ касына кетти.

— Тоьмен, неге болса да, — деди казаншы, ойлы болып бараытырган комиссардынъ артыннан карап.

— Туьнегуьн кеткен Василий Колесник пен шеркеш Шабан кайткан йоклар. Эште, оларды ойлана болар, — деди Асият.

— Бир казага ыласпаган болгай эдилер языклар, — деди, яны кыйналып, Шопак.

Аьле де кайтпаган йолдаслары уьшин стандагылардынъ аьр кимининъ де соьйтип янлары кыйналды. Явга кетип, кайтаяк шагында кайтпаган аьдем баскаларды кайгыландыратаган эди. Буьгуьн де эртенъликтен алып, аьдемлердинъ эслери-дертлери Василий мен Шабан болдылар. Коьзлери сокпакка карап турдылар.

— Ас болды, — деген казаншыдынъ тавысы партизанларды отягадынъ тоьгерегине йыйды. Аьр кими де оьз уьлисин алып, еп баслады. Аьдемлер асларын ашап та кутылмай, биревдинъ:

— Келеятырлар, — деген кувнак тавысы баьрин де тоьмненнелетаган сокыр сокпак бетке бурды.

Эки аьдем, уьстилери-баслары кара курым болып, арып-самсып, салпырап, от ягага келип йыгылдылар. Аьдемлер булардынъ тоьгереклерин курсап алдылар. Не болды, не болды деп, сорадылар. Олардынъ кап-кара курым баскан бетлерине карап алдылар, булар, явдынъ бир затын ягамыз деп, соьйтип баткан боларлар деп, ойландылар. Эки аьдем сораьлардынъ биревине де явап бермедилер. Калганлардан тартынып, бир-бирлерине карап турдылар. Эслерин-басларын йыйганнан сонъ, экевлери де, аякларын авыр алып, командирдинъ дорбынына кирдилер. «Оллахый, оларга бир зат болган, уьндемейтаганларын эм тоьмен экенлерин коьрмейсинъме? Ярабий, не экен?» — деп аьдемлер, анаьлар командирден шыкканша, юреклери телезип турдылар. Биревлери алай деп буклады, баскалары булай деп балады. Тамам аьдемлердинъ ишлерин пытлатып болып, Василий мен Шабан, басларын тоьмен салып, шыктылар. Эм сол сабат олардынъ эткен кулыклары сыпсын ман биревден-биревге етти. Аьдемлердинъ биревлери куьлдилер, биревлери эткенлерин макул коьрдилер, баскалары коьрмедилер.

— Мен, янмаса соьнсин деп, эс те этпей, оьз йолым ман кетеек эдим. Тынълаятырма айтканынъды Василий?

— Айт, айт, — деп тиледилер аьдемлер, эм Шабан йолдасынынъ эткенин айтты.

...Куллыгымызды аьруув битирип, эндигиси таньга юртымызга етермиз деп, келеятыр эдик. Бирден алдымызда давылдап янган бир от ялыны коьринди. Биревлер от яга боларлар деп ойланып, бугып тынълап турдык. Йок, аьдем тавысы эситилмеди. Ювык барып тынълаяк деп, Василий мени сол бетке тартты. Кой, бу ярамаган ис, бир затка ыласып олтырармыз, дедим мен. Аслахый унамады. Ювык келип, ятып тынъладык. Бирев де йок, агашлык давдырап янады.

— Ах, анасын! — деди, обкинип, Василий. — Куьндиз огырсыз бирев от ягып калдырган, соннан агаш янып кеткен болар. Эх, не этпеге керек?

Мен коьп ойланып турмадым да:

— Юр, Василий, кетейик, юреек йолымыз узак, — дедим.

Ол мага акыйып карады эм ашувлы болып:

— Агашлыкты буйтип калдырып кайтип кетеек синь, акылынъ барма сенинъ! — деди.

Мен де ашувландым:

— Калдырмаганда, не этеек боласынъ, аьше?

Василий уьндемей шонтыгын шешти эм кавраган кавдан ман уьстеп барган оьртенди соьндирип баслады. Мен: «Ал энди, бир уьйкен агашлыктан шыккан отты шонтык пан соьндирип болаякпа экен», — деп ойланып, мунынъ касына келип, кетейик деп, яна тиледим.

— Кет, мага карама! — деди ол кыскасыннан.

Мен, не этеегимди билмей, саьспеклеп, бир кесек турдым, сонъ оны коркыстаяк болып:

— Булайы йолдан узак тувыл, Василий, — дедим, — солды да, бизди немецлер коьрмеге боларлар. Соьндиме ол заманда уьйимиз?

Ол меним соьзимди эситкен де этпеди, анав якка, мунав якка шавып, оьртенди соьндируьвде болды. Болмаганда, мен де коьп туралмадым эм ога ярдамласып басладым. Мен бир ерин соьндиргенше, Василий баьленше ерин соьндирмеге уьлгирди. Ол оьмири сондай затларды коьрип келген аьдемди де. А мен... мен трактор

юргисткенмен, аькелеш мага соьле тракторды, пушыгын айландырып юргистейим. Айтаягым, суьйте-суьйте, кешиктик те калдык. Арып-талып, отты туьн ортасы авганда тегаран бир соьндирдик.

«Берли экенсиз, сып деп, колга туьскен болсангыз, не этеек эдингиз?» — дедилер бир кесеклер. А бирерлер олардынъ эткенлерин макул коьрдилер. Эм баьрисининъ де, командир Василийди шуьшлеп, ога айыплав салмагай эди деп, янлары авырдылар.

Командир оларды айыплавсыз калдырмады. «Сиз партизанлар болмай, баска бир аьдемлер болган болсангыз, бир ис эди. Сол шакта явдынъ колына туьскен болсангыз, не болып эди? Ол затты ойланасызба, э?» — деди ол, каты этип айтып.

Кырлув Василийге, бир уьйкен йигитлик эткен аьдемге карагандай болып, йылы карады. Мен шешекейлерди суьйгендей болып, ол да агашлыкты суьеди экен деп, ойланды...

— Заман болады, — деди Асият, Кырлувды асыктырып.

Эки кыскааяклы, биреви кишкенекей, наьзик, анав биреви — орта бойлы, колтыгында туьйиншиги мен, экинли кыйылып асыгыслы тар сокыр сокпакка туьстилер.

— Йолынъ болсын, Кырлув! — дедилер станда калганлар, кишкенекей кызды бас деген борышына озгарып.

8

*Исти баслаган кыйын,
баслаганнан сонъ таслаган кыйын.*

Кас каралганда, Асият пан Кырлув Марух оззениндеги тар йолга шыктылар. Еткенимизге шуькир деп, йолга сонда ок туьспедилер. Калын куваклыкларга бугып, бир талай заман тынълап турдылар.

— Мине мунавы оззен мен авысларга аькететаган йол, — деди Асият, алды бетке коьрсетип.

Оззен мен агатаган сувдынъ каты агынларынынъ шорылдавы болмаса, баска бир зат та эситилмеди. Кене

де Асият орныннан козгалмады, ятып тынълай берди. Аьруув эситеек болып, ягыннан алып байланган явлыгын да шешти. Эм, Кырлув бетке йылысып, акырын сыбырдады:

— Эне буйтип тав сувы каты шорылдаган заманларда, баска тавысты бирден эсите коймайтагансынъ. Солды да, эринмей бираз тынълап ятпага керек. Ол болмаса, ким биледи дуныядынъ аьлин, тувра явдынъ уьстине шыгып калмага болар.

Кырлув, тоьгерекке сак кулак сала турып, Асият айткан соьзлердинъ акында ойланды. Бир ишки тавыс ога: «Не коьп уьйретесинъ сосы сен, йол бойынша басымды единъ, ондай затларды да билмей, меним яным йокпа?» — деп шалынды.

Асият десенъ, уясыннан янъы шыгып, ушып баслаган балапанды анасы уьйреткендей этип, йол бойы кызга аягынъды буйтип бас, аьнийтип бас деп, келди. Агаштынъ ишинде яде туьзликте партизан оьзин кайтип тутпага, кайтип юргеге керегин айтты. Айтпага, уьйретпеге меним борышым, деди. Билген, юрген сокпаklarын коьрсетти.

Асият кыздынъ коьнъилин не шаклы коьтерсе де, Кырлув неге болса да кавыфланды, онынъ юреги аьдеттегиннен баска болып тепти. Кене де оны Асиятка билдиргиси келмеди, ама Асият сизди эм сонынъ уьшинде, оны катыраак болып:

— Бас дегенде не куллык та аьдемге кыйын болып коьринетаган. Халк айткандай, исти баслаган кыйын, баслаганнан сонъ таслаган кыйын. Элбетте, явдынъ инине барган демеклик тынъш зат тувыл, ама бармага болады. Корккан деген зат керек тувыл. Коркактынъ коьзине кос коьринер, дейдилер.

Бираз уьндемей турганнан сонъ, Асият бирден коьтерилди де:

— Турдык, — деди. — Ятарга дейим Капшагай яйлагда конган косларга етпеге керек.

Булар сак болып ян-ягына каранып, тар тав йольна туьстилер. Йол ман олар коьп бармага керек тувыл эдилер. Ашы дейтаган шокыракка еткенлей, сонынъ бойы ман тоьте-тоьтеден яйлагда коьтерилмеге керек эдилер.

Тавларда кешлик айлак каранѣа болады. Агашлык этеме, яде сирелип-сирелип турган тик куба каялар этеме, туыздегиннен эсе каранѣа болувы болады. Буйгуын де сондай коьз туьрткисиз каранѣа эди.

Тавлардынъ арасыннан коьктинъ тек тувра тоьбенъдеги кесеги коьринеди. Бир-эки куьнъирт янган юлдызлар, эне-мине соьнеектей болып, куьлпилдейдилер. Олар да окында, кесек-кесек болып коьшкен булытларга ясырынып, коьтере де йогаладылар.

— Кеше каранѣа, бизим юретаган кешемиз, — деп сыбырдайды кыскааяклы.

Экевлери артлы-артыннан, аякларын сак этип алып, адымлайдылар. Тас-зат тыгыртып олтырмаяк деп, кавыфланадылар. Тав ерде бир тас тымаламасын, тымаласа, дунья буздырып тымаламайым. Булар, ким биледи, бир зат болса, агашлыкка синъмеге колайлы деп, йолдынъ сув бетке япсарланган бети мен бармай, тавлар бетке янаскан ягы ман бардылар. Неменцлердинъ кешелерде тав йоллар ман бирер-экисер болып юрмейтаганларын, юрселер де уйкен куьп болып коьшетаганларын Асият аьруьв билетаган эди. Болса да олар сакланып юрдилер. Ашы шоқыракка еткенлей, йолдан шыктылар эм бираз дем алдылар.

— Энди йогарыга тармасаякпыз. Йол-зат йок, тарпан сокпаклары ман бараякпыз, — деди Асият, каранѣада йогарыга, калын кара агашлык каплаган тар йылгага карап.

Тавга тармасканда, Кырлув акында Асият ойлангандай болмады. Ол Асияттан да шалт юрди, бирер ерде алдына да шыкты. Кишкенекей енъил кевдеси шырмавыклардынъ арасыннан кесерткидей оьтти, бир де суьринмеди, алдыга бара берди. Тастан-таска каскы эшкидинъ улагындай каткыды.

— Ва, Кырлув, сен тавга-таска каскы эшкидей йоргалайсынъ да, — деди, сейир этип, Асият.

— Мен тавда тувганман. Тав кызы болсам, тавга кайтип йоргаламайым? — деп куьлди Кырлув.

— Кайтип — тавда тувгаман?

Марух авылынынъ койшыларынынъ косында Кырлув оьзининъ кайтип тавда тувганы акында хабарды айтты...

Кеше Асият Оштарай деген кужыр аты болган койшы ман коьп соьйлесип олтырды. Оштарай Кырлувга да кужыр болып сезилди. Ол, тап бирев асыктыргандай этип тезлетип, баьри билген затын айтты: туьнегуьн йол ман тав бетке де, тав беттен де коьп немец машинлер юргенлер, Марухта да катырлары ман, атлары ман душпан баьленше куьп болып токтаган.

— Тавларда машинлери юре алмайдылар, сонынъ ушин катырлар ман йоргалайк боладылар, катып калгырлар, — деди куьлемсиреп Асият.

Эргенъ мен Оштарай, конакларына яхшы йол йорап:

— Сораганга, костан кайтаятырмыз, денъиз, — деди.

Кужыр атлы койшы эки кыскайкыдынь артыннан карап алды, эм ишиннен: «Кужыр-ав, оллахый, — деп ойланды, аьжейипсинип. — Уьйкени юрсе юрсин, а анав биреви ша? Кишкенекей кыз бала». Бир ягыннан ол кишкей кызды аяды, экинши ягыннан онынъ ушин юреги коьтерилди, халкымызда сондайлар бар деп, оьктемсиди.

Асият пан Кырлув сыртлыктан авып, тар мал сокпак пан авылга карап йобнедилер. Ян-якларына сак карай бардылар. Болса да йолда буларга коьп зат распады: кавга заманында ызыгыюв болып ким юрсин? Юргендей эр кисилер уйде калган йоклар, барлары да пысып олтырадылар. Тек авылга ювыкляйтырганларында, бир эки ерде тоьске яйылган аз-аз куьп койлар ман эшкилер растылар. Бир куьптинъ касында койлар багып турган балады коьргенинде, Кырлув ога коьзлери йыртылып кеткендей болып карады. Асият кыздынъ юрегинде кайдай сезим тувганын билди, тек уьндемедди. Кайтарасына, карап мери кансын деп, биразга токталды. Сонъ, соьзди баска якка бурып:

— Аьруьв койлар, дия, Кырлув? — деди.

— Аьше, аьптей, аьше, — деди Кырлув, эси ала-кайда кетип.

— Эне авыл коьринди, — деди бирден Асият, тоьменге карап.

Авылды Кырлув да коьрди.

Анда, ойпатлыкта, айланып аккан сувдынъ ягасында сийрек конган кишкей дыран уьйлер туры эдилер. Уьй-

лердинъ бирерлериннен бувдакланып туьтин шыгады. Авылдынъ кыйшык-шуйрык орамлары боп-бос.

— Мунавыма, аьптей, Марух авылы? — деп сорады Кырлув.

— Аьше, Кырлув. Юр эне анав коьгемликлердинъ тасасыннан карайык.

Эм булар коьгемликлердинъ тасасыннан авылдынъ аьр бир ямагатын коьзлери мен тинтип шыктылар. Кавыфлангандай зат коьрмедилер. Уьн де, туьн де йок. Тек бирер уьйлердинъ алдында карт-курткалар йыбырдайдылар. А булар излейтаган немецлердинъ ушкынлары да йок. Оьзлери тувыл да, машинлери, атлары, катырлары да коьзге илинмедилер. «Не аьжейипти-ав. Авылда немецлер бар, деди де Оштарай, а олардынъ мунда ушкынлары да коьринмейди», — деп ойланды Асият. Артынсыра кызга карап:

— Немецлер коьринмейдилер, — деди.

Кырлув уьндемей Асиятка карады. Сонъ бирден эси-не кужыр атлы кужыр койшыдынъ соьзлери туьсип:

— Аьптей, — деди, — олар соьле, эште, авылдынъ шетиндеги фермада боларлар. Алдынгы мал фермада соьле олардынъ складлары бар, деди де койшы акай.

Асият, колын манълайына куьндик этип салып, фермады излестирди.

Авылдынъ куьнбатар шетиндеги ярдынъ туьбине конган фермадынъ тек бир яртысы коьринди. Мунда эки- уьш ат арба туры эди.

— Дурыс, — деди Асият, — фермада экенлер. Савыт-садакларын тиейдилер. Энди биз авылдынъ ол шети мен туьспей, анав шети мен туьспеге керекпиз.

Кыскааяклы ман кыз, биревининъ артыннан биреви, мал сокпак пан авылга туьстилер. Оларга бирев де эс этпеди. Тек авылдынъ шетиндеги уьйдинъ орамында, корадынъ янында олтырган карт, коьзлерин шуькирейтип, буларга карап калды. Авылдынъ ортасына етпей туьрып, булар айырылдылар. Кырлув, колына шыбык алып, ферма бетке кетти. Асият мектеп бетке йоьнеди. «Бирев раса калса, бузав-зат излеген киси бол, — деди, айырылысаятырып, Асият, — мешиттинъ касында йолыгысармыз. Тек фермага бек ювык барма».

Кырлувдынъ наъсибине, фермадынъ ювыгындагы тогайлыкта баъленше бузав отлап туры эди. Кырлув, фермадан коьзин алмай, сол бузавларга карап кетти.

Тоъбесине дыран ябылган узун фермадынъ уыш уйкен эсиги бар. Алдында ат арбалар турылар. Аьдемлер сарайдан бир затлар шыгарып, соларга тиейдилер. Мылтыклы бир немец сарайдынъ иргесин бойлап кезеди. Кырлув отлап турган бузавларды авыл бетке айдамай, котан бетке айдады. Бузавлар, куйрыкларын туърип, ян-якка шашырадылар. Таздынъ таппаганы кара шаш дегенге усап, биреви котан бетке кашты. Кыз, бузав, бузав деп, дунья буздырып, артыннан шапты. Бузавдынъ кутырып сарайга келеятырганын коьрип, мылтык алып кезип юрген немец, авызы от-ялын болып, бир затлар айтып кышкырды. Алагаз бузав токтады.

Кышкырыкты эситип, фермадынъ ишиннен баъленше аьскерши ювырып шыкты. Бузав ман кишкей кызды коьрип, вар-вар этип, немецлер кайтарамнан артларына кирдилер. Кырлув бузавды айдап авыл бетке кайтты...

Асият Кырлувды мешиттинъ касында, яны тырнагына сыйынып, саклап турды. Ялгыз йибергенине оькинди, оьзин-оьзи соькти. Биразга кайтпаган болса, ферма бетке бараак болып та ойланды.

Бир заманда Кырлув келди эм Асият ога атылып:

— Кырлув, яным-коьзим, — деп кушаклады. — Юр эндигиси бир зат кабынайык, мен мунда бир оьксиз пише тапканман. Эне анав кишкей уйде.

Пише буларга бар затын кызганмай салды. Оьзи ишиннен: «Кавгада оьлген байымнынъ янына Алла тийдирсин», — деп тилек тиледи. Ас-сув ишип болып эм уйкен муьсирев этип, Асият пан Кырлув уйдинъ иеси мен аманластылар. «Кешке табаган эл тасламайтаган, коньнъыз», — деп тиледи кыскаяклы. Аман да олар, кас каралмай турып, тоьменнен тавларга аькелетаган уйкен шаша йолды карамага, явдынъ аьскерининъ, савытсадагынынъ коьшуьвин билмеге керек эдилер...

Асият пан Кырлув отрядка, тавларды ярып куьннинъ таяклары оьзенге тийип баслаганларында, кайттылар. Аман-эсен кайткан кишкей кызды коьрип, партизанлар аяклары ер баспай суьйиндилер. Онынъ тоьгерегин

курсап алып, калай болды, кайтип болды деп, сорап басладылар. Хайырлы-огырлы сабатке басла деп, тилек тиледилер. Кырлудынъ юреги коьтерилди эм ол оьзин уйкенлердей этип сезди. Коьрген затларын тизип айтты. Кесерткидей коьк коьз немецти кайтип алдандырганын айтканында, коьтереси де шеклери катып куьлдилер.

— Марух авылындагы мектепте туратаган немецлердинъ аьлин билмеге керек эди. Мен мектептен узак болмай орамда топ ойнап турган кишкей кызды коьрдим. Эм ога, кел бирге ойнайык деп, тиледим. Ол разы болды. Мен бираз ойнай турдым да, билмеген киси болып, топты мектептинъ каралдысына былактырып йибердим. Топтынъ артыннан каралдыга оьзим де кирдим. Топ тап мектептинъ алдына дейим тымалап барды. Алдыма, бир затлар мыртылдап, бир домбай немец шыкты. Мен, топты ыслаялмаган киси болып, тыгырта бердим. Немец те бир затлар айтып кышкырады. Мен топты тыгырта бердим...

Отрядтынъ уйкени Кисляк Кырлудынъ басыннан сыйпады.

— Аьперим бизим кишкенекей Кырымханга! — деди ол. — Буьгуннен баслап, биз ога «отрядтынъ конъыравы» деп айтпага боламыз. Занъыраган конъыравдай болып, ол бизге аьр бир затты билдирип турар деп, сенемиз.

9

Йигитлик – йигерде.

Буьгун отрядта эсте-туьсте болмаган зат болды. Аьдемлер сейирсиндилер. Бирерлер алай дедилер, баскалары булай дедилер. Давдырама агаш отка илинген уйкен кулаклы казаннынъ касында йыбыр-йыбыр этип бир затлар этип турган казаншыга йыйы карадылар. Аьдемлердинъ оьзи бетке караганларын сезиппе, яде баска зат этиппе, ким биледи, казаншы, билеклерин туьрип, казаннынъ тоьгерегинде кайкалап айлана берди. Окын-окында белиндеги куьмис сап камасын, коьресизбе мунадынъ эткенин, а сиз алай-пулай дейтаган эдинъиз дегендей этип, ыслап алды.

— Коьрейим эндигиси Шопакка, каманънан ятсанъ да, турсанъ да айырылмайсынъ деп, селеке этетаган болсанъыз, — деди Асият, дорбыннынъ алдында, асты кашан болдыраяк экен бу деп, казаншы бетке карап олтырып турган баьленше аьдемге. — А буюгуьн белинде камасы болмаган болса, не этип колыннан келеек эди?

— Карашынъыз, карашынъыз, — деди мунынъ арасында, касындагын туьртип, олтырганлардынъ биреви, — камасын кыныннан шыгарып карайтаганын. Буюгуьн болган куллыктан сонъ, тот баскандай коьреме экен?

— Соьле мине, коьрмеге сав болынъыз, ол оны, кынына салаяктан алдын, кайракка баьленше кайта янымайтаган болса, — деди яралы колы аспага асылган киси.

— Ха-ха-а, — деп калганлар куьлдилер.

Шопак камасын куьн бетке тутып, асты-уьстине айландырып карады. Сонъ, доьрткил агаш янъырыкта турган кайрак тасты алып, камасын баьленше кайта яныды. Янып болып, сол колынынъ бас бармагы ман юзине тийип карады. Оннан сонъ аьдуювлеп асыкпай кынына салды.

— Обырынъ бар экен, Межит, оллахый, онынъ сол кылыгын билетаган.

— Билмей, куьн сайын коьрип турсанъ. Яралы болганлы сонынъ касында айланаман, — деди сол Межит дейтаган. — Буюгуьн де ол, явды елтиретип алдына салып аькелеектинъ алдында да, соьйтип этти. Камасын шыгарып, асыкпай асты-уьстин авдарып карады, сонъ кайракка, буюгуьнгиндей этип, баьленше кайта яныды, сонъ меним касыма келип: «Межит, мен тапкан еримнен барып тав шай йыйып келейим, шай таьвесилген, а шайсыз не яшав оьзи», — деди де, агашлыкка синъип кетти.

— Кайтип, кайтип болган сол куллык? — деп тамызыклап сорадылар казаншыдынъ явды кайтип ыслаганынынъ хабарын толы эситпегенлер.

Кайтип болганын, окувшы, биз де эситкен йокпыз. Келинъиз, тынълаягынъыз.

Шопак уйле астан сонъ, сары элтири боьркин манълайына басып кийип, бир кесек заман отягада ойлы болып олтырды. Йик-йигиннен алып авырган басым би-

раз аьруьв болмаспа экен деп, олтырды. Болса да уыйткен басы колай болмады, эм ол ушып турагалып: «Шай ишкен йокпан буйгуьн, сонынъ ушин ярылып ятыр, адавыс болгырдынъ басы. Нош деп, олтырып турганнан не маьне шыгаяк? Оннан эсе де эрдей барып тав шай йыйып келмеге керек. Мендей болып, бир нешевдинъ де баслары авырый болар. А мен, олардынъ куьналарына калып, олтырып тураман», — деди оьзи-оьзине. Сонъ кыныннан шыгарып, камасынынъ юзин бармагы ман ыслап карады, оннан оны, топалангандай коьрип, янгырыктынъ уьстинде турган кайракты алып, баьленше кайта яныды, эм юзине бармагы ман тийип карады. Оннан сонъ кынына салды. Энди мен бир заттан да кавыфланмайман, янымда мундай савытым бар дегендей этип, онъ колы ман камасынынъ сабыннан ыслап, агашлыкка тав шай йыймага зыранълап кетти. Йол бойы неге болса да бурнына койы болып боьртенке туьскен ногай шайдынъ ийиси соккандай болып сезилди эм ол, шонтык бурнынынъ кенъ танавларын тагы да бек яйып, агашлыктынъ таза авасын ютланып солып барды. Коьз алдына шайсыз куьни туьн болатаган карт анасы келди. «Кайтеди экен язык абайым? Ах, мундай каза заманда кайдан табаяк эди-ав такта шайды. Патраш куврай ише болар язык», — деп ойланды. Оннан эсине бир кайта, бердазидинъ берлисиген куьнинде, шайы таьвесилип басы тутып яткан анасын аяп, яявлап конъысы Коьшкен авылга барганы туьсти.

Кишкей бака туькеннен сав шайды, ерден йылы коян тапкандай этип, алып кайтаятырганда, ала буркасын болып, боран коьтерилди. Туьтеген боран йолды япты, данъылды дувылдатты.

Шопака коьз ашпага пай бермеди. Олтырсам буйыгып каларман деп, боран ман алысып юрди. «Анда бол да, мунда бол, бердазиде уьйде бол» деп, халк билмей айтканма, ах, сениме-сени, мундай куьнде йол шыгатаганма, — деп оьзин соькти. Бердазидинъ куьни кыйканъке кыздынъ кырк кылыгындай, кырк туьрленмейме? Бирден басланган боран бирден токталды. Шопака, каерге еткенмен сосы-ав деп, токталып, ян-ягына каранды.

Караса, тувра алдында сенькилдеп сел коышип турган Кобан туры эди. Энди бир уыш-доьрт адым эткен болса, тувра йылуwга атылаяк эди. Боьртенке этип, шай ишип, анасынынъ басы язылганында, Шопак, кыйналганын да мутып, суйинди...

Казаншы бу йол мунынъ алдында йыйган ягына бармады. Алдынгы йол ол беттен, адыр-будыр кезип, тегаран бир эки-уыш салгандай шай алып кайткан эди. Сонынъ уышин де бу йол ол баска якка, коьтере бармаган ягына кетти. Эште, эне анав тоьс бавырдынъ этегинде болмага керек деп, эректен карап, бир ерди буклады. Неге десенъ, тав шайдынъ агашлыклардынъ этеклеринде, куьн тийген ерлерде оьсетаганын ол яхшы билетаган эди. Эм тоьте-тоьтеден, ой-кыр деп карамай, сол бетке йоьнеди. Шыр-мавыкларга шырмалып, йыгылып-турып, пыс-пыс этип етти келеек ерине. Келсе – келсин, анда-мунда бир-эки туып тав шайы болмаса, баска таппады. Соьйтип кыйналып келип бир зат та таппаганына ашувланып, тагы да агашлыктынъ теренине синъип кетти.

Бирден алды бетиннен буга куры бутактынъ тырсылдаганы шалынды. Шопак тырс тынды да кулак салды. Болса да бир сес те шыкпады. Эм ол ал энди алдыга адымлайым дегенлей, яна сол баягындай болып, бутактынъ тырсылдаганы эситилди. Мунав йол ювыктан эситилди. «Э, эхе, алдымда бир зат бар», – деп казаншы уйкен карагай теректинъ тасасына шоьнькти. Тынып тынълап, алдына карады. Караса – карасын, оьзининъ коьзлерине оьзи ынанмай, янма-ян коьзлерин суьртип, яна карады. Аякларын, санап алгандай этип, сак этип алып, тувра бу бетке карап бирев келеятыр эди. «Ким болса да, кырлы тувыл. Не этпеге керек?» – деди ол сол сабат ок оьзи-оьзине, карамын сол беттен алмай. Эндигиси ол келеятырганды тереклердинъ арасыннан аьруьв этип коьрди.

Орта бойлы, кеселтек кевдели, орта карар киси, уьстине эски шонтык кийген, басында тери кулакшын боьрк. Шырайы сары шиллидей болып сезилди.

«Токта, токта, — деди ол оьзи-оьзине, келеятырганнан карамын алмай, — алдыга йиберейим, а оьзим сездирмей артыннан ызларман. Кайда бараяк экен, коьре-йим.» «Йок, — деди баска бир ой, басында айтканын макул коьрмей, — уьйтсень, оннан айырылмага боларсынъ. Оннан эсе де, касынънан озаятырганда, таьвекелленип уьстине атылсанъ колай».

Ят аьдем буга етпей турып токталды, терекке суьелип, бир кесек заман тоьгерегине, бир зат излестирген аьдемдей болып, каранды. Шопак, сезип олтырмагай эди огырсыз деп, тынысын тынып алып, бугып карап турды. Бирден суьелип турган силкинип алды да, сол бетине бурьлып, адымлады. Казаншы, коьзден тасаланып олтырмасын деп кавыфланып, аз-маз басын коьгерип карады. Сол бирев узак бармады, алдындагы каядынъ касына келип токталды, тагы да ян-ягына каранды. Тоьгеречи тып-тынык экенин сезип, аркасындагы артпагын шешип алды да, оннан бир затлар шыгарып, каядынъ кувысына ясырып баслады.

«Эх, эхе, бу бирев уьшини мен де кырлы аьдем тувыл экен, — деди казаншы, каны кайнап. — Кайтип этпеге керек?» Эм онынъ басында туьрли ойлар бир-бирлерин асыктырып авыстырдылар. «Коьп ойлангандай заман йок. Неге турасынъ карап, коьмик? Ол алданып турганда, этпеге керек этеек затынъды. Оннан сонъ соьлегиндей тап вакыт тапшасынъ, — деди ол оьзин-оьзи катырып. — Тек сак болып, сездирмей бармага керек. Арамыз ол кадер коьп те тувылды да. Коьп болса, бир йьрма абыт кадер. Ал, заманды бос йиберме». Эм ол таьвекелленип орныннан турды, аякларын сак этип алып, кая бетке адымлады. Сес шыгарып олтырмайым деп, юрди. Ят аьдем, ясыраяк затларын каядынъ кувысына тыгып болып, тесиктинъ алдына таслар салып баслады. «Эй, маьрже, йигиттей бол, — деди Шопак ювыклап келгенде эм, арсландай болып акырып, тизлериннен шоьнъкип тесиктинъ авызын кымтап турганга атылды. Сол бирев, савытын аламан деп, кисесине ымтылганы да бир болды, Шопактынъ оьткир камасы онынъ колын билектен алып ярды.

— Колларынъды кобтер, карнынъды ярдырмаяк болсанъ! — деди казаншы, камасын сол биревдинъ карнына созып.

Ят киси кыршынып сав колы ман яраланган билегин ыслады.

— Колларынъды кобтер, дейменди де! Яранъды сонъында байларман, а соье мен савытынъды алмага керекпен, ол болмаса, сен меним янымды аламан деп, ойланарсынъ! Бол тез!

Киси колларын, зилди кобтереятыргандай этип, тегаран бир кобтерди.

— Кобтер! Кобтер! Кобтермесенъ, кобсилтермен! — деди екирип Шопак эм артыннан келип, онъ колы ман камадынъ ушын, мунав Азраилди кобресинъме, алайпулай десенъ, янынъды алаяк дегендей этип, аркасына тиреп, сол колын сол биревдинъ ыстанынынъ кисесине тыкты. Бу вакытта киси янма-ян силкинип, сав колы ман Шопактынъ камады ыслаган колына каты этип сокты. Камасы зынъырап таслы ерге туъсти.

— Сулыплы шошка, — деди, ашуву ашувтастай кайнап, казаншы эм сол сабат ок эки колыннан ыслады. — Ети атанъ ийт болгай эди, мен сеннен айырылатаган болсам.

Коллары ман бир зат та эталмаганнан сонъ, ят аъдем, аягы ман согып йыгаяк болып, айт деп ботинка кийген аяклары ман тепкиленип баслады. Шопак, деген куъшин салып, колларын бурады. Ярасы янына тийген болартага, эште, киси энъ алдын тизлериннен шоънъкти, оннан таслы ерге ятты. Шопак уъстиннен басып, кисесиннен пыштавын шыгарып алды да:

— Тур энди! — деп, оъзи шоршып турагалып, сол биревдинъ пыштавын оъзине тускады. — Яранъды байла, ол болмаса, бараяк еринъе еталмассынъ!

— Мен еткенмен етеек ериме, — деди яралы, яткан еринде, мырылдап.

Шопак ерден камасын алды. Эм ятканга акыйып:

— Сага болып, мундай камадан айырылаяздым, — деди.

Бирден яткан ушып турагалды эм, енъил-енъил соыйлеп, айтты:

— Сосы сен мага неге тийдинъ, э? Мен яв тувылманды да. Мен обзимиздинъ аьдемимен. Йол таппай, адасып юрген биревмен. А сен мага шуьп-шуьшсизден тийдинъ. Меним сага не хаьтем тийген эди, э?

— Ким тийген сага? Мен сенинъ пыштавынъды алаяк болганда, озинъ тийдинъ. Эриспей, зат этпей, савытынъды бере койган болсанъ, бир зат та йок эди. Озинъди де кыйнадынъ, мени де кыйнадынъ.

— Уьшини мен айтаман. Мен обзимиздикимен. Адасып юримен. Эндигиси алай-пулайды кой да йолды коьрсетеш мага.

— Солай да болар, ким биледи? Оны сонъында коьрермиз. А соьле яранъды байла да алдыма туьс. Йолга шыгарайым мен сени. Тек йолда кылыксызланмай юр. Уьйле аска мезгил болятыр. Мен сендей эрикпеймен. Казан аспага керек! — деди Шопак, асыктырып. — Э, анав ясырган затларыньды аласынъма?

Киси дирдей туьсти, аланъ-аланъ этип, каядынъ кувысы бетке карады.

— Кой соны, — деди ойланып турып казаншы. Оларды сонъында келип аькетермиз. Соьле юр кетейик. Бир якка да кашпас. Сен аьруьв этип ясыргансынъ оларды, дия?

Ят киси, бу бирев не дейди-ав дегендей этип, авызын ашып Шопакка карады.

— Юр, юре бер! Адавыс бол сен, сага болып шай йыялмадым. Маь, тагы да бас авырмаса коьрейим...

Тав шай йыймага кеткен Шопак, эриншек кыйылып, шай орнына отрядка, яланъаш кама ман кан сорпасын шыгарып, ят аьдемди алдына салып айдап келди.

— Шопак келди. Шопак келди. Шай аькелмеди, аьдем аькелди. Аьдемде де кайдай аьдем — бир уйкен шпион. Куры кама ман савыты-мавыты ман явды елтиретип аькелген демеклик не муьшкил, — дедилер партизанлар бир-бирлерине, казаншыдынъ эткен йигитлигине оьктемсимей де калмай.

Сол куьннен сонъ Шопакка бирев де, казан асканда, белинъдеги каманъ, былк-былк этип, орав этпейме,

демеди. Казаншыдынъ эткени Кырлудынъ да эсиннен калмады. Кешелерде ога сол заттынъ кайтип-кайтип болганын айттага деп, тиледи. «Болды, оьзим де билмей калдым кайтип болганын, — деди Шопак, айтып мактангысы келмей. — Мен оннан эсе, кызым, сага кавгадынъ алдында анав уййкен куба аюв ман йолыкканымды айтайым». Эм аюв ман алысканын айтканда, бирев де: «Аюв болмас эди, аюв дегенинъ бир туьги туьлеген борсык болар эди», — деп айтпады. Коьтереси де коьнъиллери коьтерилип тынъладылар.

10

Элде эрлер болса.

Кырлув, бармага керек ерине эки-уьш шакырым кадер калганда, уьстиндеги эр бала кийимлерин шешип, кыз кийимин кийди.

— Ярасама, акайлар?— деди Кырлув, шыбар шыт шыбады кийип эм таргыл явлык байлап, буга карап турган эки кисиге.

— Алла-алла, — деди кисилердинъ бираз эслиси, — кап пан кептей болып, тамам оьзинъе пишилип тигилген.

— Мине буьйтип кийинип юргеге керек эди соьлеги шагында ол. Ах, огырсыз кавга! — деди кисилердинъ баскасы.

Кызды авылга озгарып:

— Сак бол, Кырлув, яхшы йолга, — дедилер йолдаслары. Кыранакка тармасып конган Актоьбе авылы эректен экинли мен аксам арасында Кырлувга туманласып коьринди. Ол авылдынъ ишиннен мешитти излестирди. Кырлув энъ алдын мешиттинъ касына бармага керек эди. Сонъ, онъ колдагы орамга бурылып, ярбастан ойга туьсеек. Туьскен ерде шоқырак агады эм онынъ бойы ман тоьмен барса, Сулейменнинъ кишкей сув терменин табаяк. Тапканлай, сонда ок кирмей, онда ят аьдем барынйогын тешкереек. Кавыфлык йогын билсе, терменшиди коьрип: «Мени йиенинъиз йиберген, нагашакай», — деп айтпага керек...

Ога отрядта соьйтип айтылган эди.

Кас каралып, аьдем аьдемди танымастай шакта, Кырлув авылга кирди. Шеттеги уьйдинь тас корасынынь янына кысылып, кайтип бараягын буклады. Орамда биревден де сорап болаяк тувыл эди — ят аьдем экенинтьди янма-ян билееклер. Аьруув бар, яман бар, кыйналсань да, оьзинь тапшага керексинь.

Кырлув, таьвекеллиге нур явар деп, орам ман мешит бетке йобнеди.

Авыл шав-шувлы болса да, шак каранья эди. Бир терезеден де ярык коьринмейди. Кавга — сак болмага керек. Тек каралдыларда койлар маньырайдылар, бузавлар муьнъирейдилер, бат-сатта ийтлер уьредилер. Бир эки кайта олардынь бирерлери Кырлувдынь алдына да уьрип шыктылар.

— Куьшик, кой, яным, — деди ол заманда Кырлув.

Ийтлер, аьруув айтканды сезип, уьрувлерин койып, артларына тайдылар. Кызга баьленше кыскаяклы да йо-лыкты. Аман да биреви де бир зат та сорамады, оьз йолы ман кетти. Бек аьруув!

Ярбастагы мешиттинь касына келип, Кырлув токтады. Тастан салынган мешит бийик минарасын каранья коькке сиреп туры. Кыз бир кесек заман минарага карап турды. Бийик, ярасык. Авылда оннан бийик зат болмас. Мунав минара Кырлув-алардынь авылларындагы мешитикиннен де бийик. Онынь басына минип карасань, эште, авыл аядадай болып коьрине болар. Кырлувдынь авылындагы мешиттинь минарасына кайтип бир мингиси келетаган эди. Оннан карап, тоьгеректе не барын, не йогын коьрсе экен. Окында ол, дуньяды коьрип бир завк этеди деп, азаншыга да сукланатаган эди... «Кой, туратаганымды каратагы!» — деп кыз карамын мешит беттен алды эм тоьгерекке кулак салды.

Ой беттен кулагына шоқырактынь сагыр шорылдаганы шалынды. Кырлув, бирден бурьылып, онь колы бетиндеги орамга карады. «Э, эхе, — деди ишиннен ол. — Мунав орам ман ойга туьсеекпен». Эм оньга карап йобнеди. Шоқырактынь касына келип токтады. Тешкерип оньына-солына карап баслады. Сонь шоқырактынь

ягасы ман тоьмен карап зыранълады. Йолсыз-затсыз, увак таллыклардынъ, когалыклардынъ иши мен барды. Бир ерде, эслемей кетип, тизлерине шеким сазлыкка кирип шыкты. Бирден сув шорылдап аккандай болып шалынды, эм Кырлув тырс тынып токтады. Тувра алдында, бежендей конъкайып, шетеннен этилген кишкей термен караланып коьринди. Сувдынъ бек шорылдаганы сол экен. Терменнинъ тегершигине согатаган сувдынъ тавысы экен. Кырлув, камыслыктынъ арасына бугып, термен бетке карап тынълады.

Сув айт деп шорылдайды. Сол тавыстынъ арасынан термен таслардынъ зыгырдаганы эситиледи.

«Ун тартады», — деди обзи-обзине кыз эм, тоьмен ийилип, термен бетке адымлады. Ювык келип, тагы да токтады. Терменде, терменшиден баска, аьдем барын-йогын билеек болып тынълады. Тек термен таслардынъ дыгырдаганы болмаса, баска сес эситилмеди. Кыз, аякларын сак басып, терменнинъ тувра каршыгасына келди, онынъ кишкей терезесиннен ишине карады.

Терменнинъ бир муьйисинде сыпырадай бир заттынъ уьстинде топтынъ ядырасынынъ гильзасыннан этилинген майшырак туьтеп янып туры. Кырлув терменнинъ ишин коьзи мен карап шыкты. Тоьгерек термен тас токтамай айланады. Эсик бетте авызлары байланган шуваллар бир-бирлерине таянып салынганлар. Тартылаяк наьртуьклер болса ярайды. «Терменши коьринмейди», — деди кыз. Сол арада, Кырлув терезеден карамын алар-алмас, мунынъ этегиннен бирев ыслай калды.

— Не атангны башы калган булайда? — деди юван карт тавыс, карашайша соьйлеп.

Кырлув, сыпырылып, эрек тайды.

— Не этип айланаса булайда бу заманда, ким эсенда? — деди яна сол тавыс, ашувлы болып. — Бу сагаттан шкокну шыгарып, марлайым сени.

— Мен, мен Сулеймен акайга келгенмен, — деди Кырлув, тили бырыгып.

Киси кыздынъ карашай тувыл экенин соьзлериннен анълады эм, кыз бетке адымлап:

— Сулеймен менме, не этерик эдинг аны? — деди.

— Мен, нагашакай, сизге келгенмен. Йиенинъиз йиберген, — деди Кырлув, яны таласып.

— М-м, — деди терменши, ойлы болып. Сонъ, эсин йыйып алып:

— Алай эсе, терменге кир, кызым, — деди.

Кырлувды карт капшыклардынъ янына олтыртты. Оъзи терменге бир капшык наьртуък куйды, уьстин кагып болып, кыздынъ касына келип олтырды.

— Коркма, кызым, бу заманда мени термениме шайтанны кеси де келалмас, — деди терменши, унга баткан мыйыклары ман сакалын сыйпай берип. — Айт энди, кызым, хапарынъ, тынълайма.

Кырлув этилмеге керек куллыкты тизип айтты.

Куьнъирт янган майшырактынъ ярыгында эки аьдем бир талай заман кенъесип олтырдылар. Сонъында карт куьрсинди эм, тынысын авыр алып:

— Что аманды дейсе азык бла? — деди.

«Шот деп неге айтады-ав?» — деп ойланды Кырлув. Сонъ, артык сыр билдирмей, яваплады:

— Аьше, нагашакай, йиенинъиз йолдасы ман Кызыл-ярднынъ касында карап турады.

Сулеймен «йиенин» де, отрядтан тагы да уьш-доьрт аьдемди бек аьруув билетаган эди. Азыкка кыт болганларында, партизанлар карттан баьленше кайта ун аькеткен эдилер. Карт авылда биревде шек-зат тувдырган аьдем тувыл эди. Оъзи карт, оъзи аксак, соьз-саз йок, оъз каьри мен яшаган тынъш бир ян. Коьплер авылда ога кадетинъ де, советскийинъ де бир деп, ойланатаган эдилер. Оьмир бойы кишкей сув термен мен келеятыр. Кеше де, куьн де сонда. Термен таслардынъ тыкырдаганы болмаса, баска сести эситкиси де келмейди. Немецлер келгенде, авылга коьтере киргиси келмеди, тек окында бир уьйине келип, курткасын коьрип кетти. Немецлер де артык эс этпедилер онынъ терменине. Тав шокыракларда ондай аз термен барма, бир шокырактынъ бойында алты-ети де йольгады. Карттынъ шыршын, кими эшек пен, кими ат пан, кими яяв, ун тарттырмага келген аьдемлер бузатаган эдилер. Олар ман да ол соьйтип коьп соьйлемейди.

Дуныядынъ аблин сорап болар да, оъз каърин шегип баслайды. Эгер хабар яраса, ол: «Авызынъа май туъссин», — дер эди, ярамаса: «Ай, медет сени», — деп оъкинер эди. Оннан баска бир соъз де коспас эди. Соъйтип, карттынъ, янмаса-куъйсин деп, акырын барган яшавы бирден бузылды. Ол да сосы карысык заманга косылып кетти.

Бир каранъа кеше эди. Эски терменнинъ тамам едилген таслары сагыр дыгырдайдылар. Карт терменши де, эски тонына оранып, янтайып мызгайды. Бирден онынъ кулагына эректен ат туякларынынъ тавысы шалынды.

— Ярабий Алла, бу вакытта, бу шакта мага келетаган да ким экен? — деп яткан ериннен турды эм эсик бетке барып, тыска кулак салды. Энди ат туякларынынъ тувыл, а биревдинъ аяк тавыслары эситилдилер. Сол аяк тавыслар терменнинъ эсигине етер-етпес, карт эсикти ашты да, терменши уйкамайтаганын билдирип:

— Бу келген ким ди ол? — деди.

— Менме, акка, — деди, акырын айтып, келген аъдем таза карашай тилинде.

Карт, бирев кеш, эрте келди деп, артык тартынмайтаган эди. Мунав ясыма келгенмен де, кимге керекпен деп, ойлайтаган эди.

— Салам аълейкум, акка, — деди келген аъдем, карттынъ касына ювык келип.

Карт саламды алды, келгенди терменге киргистти.

Кишкой майшырактынъ ярыгында олар бир-бирлерине карап бираз алдылар. «Сакалы-заты бек оъскенди, не болса да бир джуншып келген адамды», — деп ойланды карт терменши. «Огурлу шырайы барды. Аныча адамла адамга аманлык эте билмейле», — деп ойланды келген киси де, картка тешкерип карап.

— Бизде келген конакка бир джук каптырмай, хабар сормайла, бир ийги айраным бар ды, иш, — деди карт, уйкен агаш аякка тулуктынъ пушкагыннан айранды агыстып.

Астан сонъ конак ясырмай коьтере затты да айтты: оъзининъ партизан экенин, терменнен узак болмай, оны эки ат пан йолдасы саклап туратаганын, соъле ога бир-эки кашык ун керегин.

— Билеме, акка, сен бизни сатмазлыгынгы. Суйсенг бизге болуш, суйсенг — болушма. А биз сеннен бир аяк унны да тартып аллык тюлбюз, — деди ахырында ол.

Карт коьпке дейим уьндемей, ойланып олтырды. Сонъ, басын коьгерип, конагына карады:

— Кимледенсе кесинъ? Карачай джаш болганынгы коьрип турыма.

— Батчаладанма, атым Ханафийди. Учкуланнанма.

— Бир джук эте аламысыз немцалага? — деди карт, сынап сорагандай болып.

Ханафий, артык та мактанмай, колларынан келген затты этетаганларын айтты.

— Ой, сыйлы Аллах, — деп карт тынысын авыр алды. — Мени джангыз джашым да бир джерде алай кыйналып айлана болармы?

— Аьскердемиди джашынг, акка?

Карт аьскердеги улы акында, юреги кыйналып, хабарлады. Оннан сонъ Ханафий барып йолдастарын алып кайтты.

— Келигиз, бар затымы кызганмасма, — деди карт, келгенлерге эки капшык унды берип. — Бир джук табылар. Джашла, Аллах джолугузну этсин...

Сол куьннен сонъ карттынъ терменин, кыстанъ туьскенде, партизан отрядтан ким болса да бирев йоклап турды. Терменши Сулеймен де ак юреги мен колыннан келгенин этти...

«Карашай Сулеймен сенимли аьдем, ердинъ йыртыгыннан шыгарса да, бир-эки капшык ун табар бизге» — деп мырат этип келди буьгуьн де буга отрядтан уьш аьдем.

— Ач болганмыса, кызым? — деди бираздан сонъ карт. — Бир джук кабын, джаным.

Кырлув уьндемеди.

Терменши, иргеге илинип турган тулыктынъ пушкагын шешип, уьйкен агаш аякка муьлдирем этип айран куйды эм оны, бир уьйкен кесек наьртуьк оьтпек пен аькелип, кыздынъ алдына салды.

— Аша, кызым. Бу гиржин, а бу айран. Экиси да карачайны суйген ашларыдыла.

Кырлув касык пан айранды увьртлайды. Терменши кызга ойлы болып карады. Ишиннен кыйналып ойланды:

«Ал сагыш этип кара, уллула джюрсинле партизанда, ол зат кулакка киреди, а мунга, бармакча сабийге, не керекти? Ах, заман, заман. Ох деп, бусагатда уйде олтырарга керек эди ол, а бу эр кишилеча джюри. Атасы, анасы да не деп турады, дейсе?.. Кой, алай нек айтама? — деди баска бир тавыс, юрегиннен алып. — Элге, эземен деп, джав чабса — Элни бютев адамлары да эр болурга керек тюлмюдю?»

— Аша, бошап аша, — деп тиледи карт.

— Ашадым, акай, савболынъыз, — деп Кырлув берекет берсин айтты.

— Кызым, мен эшекке эки капчык ун джюклеим. Сен ногерлеринге джеткерерсе. Алайда эшегни эл бетке кыстагыз да ийигиз. Ол кеси келе биледи юйге. Англадынмы, кызым?

— Англадым, — деди Кырлув.

Ятар шакта, авыр юкли эшекти етип, Кырлув йолсыз ерлер мен Кызыл-яр бетке йол алды...

11

*Йыгылаягын ойланган
куфреспейтаган, оьлеегин
ойланган согыспайтаган.*

Тамам арыган-самсыган бир куьп аьдем йолсыз, сокпаксыз, таслы, агашлы таса ерлер мен куьнтувар-кубыла карап барады. Куьп коьлем тувыл, ети аьдем. Олар туьнегуьн таньда кайтпага керек эдилер. Кайталмадылар. Не ойланады дейсинь соьле олардынь акында отрядта калганлар. Оьлтирген де, пленге туьсирген де боларлар. А олар мине сап-сав кайтып келеятырлар. Тек бираз кешиккенлер, ама куллыкты битиргенлер. Куллыкта да кайдай куллык. Марух оьзенин от пан ялын этип, явдынь янын алып кайтаятырлар мине соьле ети аьдем.

Ети аьдемнинь экеви — кыскаяклы. Бар айтып караш кыскаяклы деп. Эрлердей болып, этеклерин бел

туърип, адымлайдылар. Алдыларында мазаллы битимли, баъленше савыт тагынган шеркеш Алим барады. Онынъ артыннан, аз-маз сылтанълай берип, Баубек эм онынъ кызы Кырлув адымлайдылар. Кыздынъ янында, анасын-дай болып, абаза кыскажкы Асият барады. Кыскажкы ман кыз да, эрлердей болып, басларына кырпув тери боърклер, устилерине кыска шонтыклар кийгенлер.

— Арыдынъма, Кырлув? — дейди Асият окында.

— Йок, Асият аьптей, арыган йокпан, — дейди йигитсип Кырлув.

— Асыкпа, Кырлув, йыгыларсынъ, сак бол. Тик ер, — дейди Асият эм мери канмай кызга карайды. Бир ягыннан ол Кырлувдынъ тириликке, йигерликке куваннады, а бир ягыннан коьнъили тоьмен болады. «Ах, соьле онынъ ойнажк-куьлеек заманы эди, а ол от пан ялыннынъ ишинде эрлердей юри. Юргенде де кайтип юреди, аьншеминше эр аьдем де юре алажк тувыл соьйтип», — дейди ол оьзи-оьзине, эм онынъ коьз алдына туьнегуьн болган затлар, суьвреттедей болып, келедилер.

...Эки аьдем, биреве уьйкен, анав биреве бала, бирде бавырлап, бирде турагалып, алдыга ымтыладылар. Коьгемликлер устилерин-басларын йьрткышлайдылар, бетлерин тырнайдылар, аяклары, ярка тасларга тийип, авырайдылар. Кене де олар токтамайдылар. Ол экевине, не айттып келер экенлер деп, агаш ишинде бес аьдем карап турады. «Асият, Кырлув, кызым, сак каранъыз, сак»... — деди бес аьдем, оларды Дарсыз деген агаш пышатаган заводта йьйылган явдынъ сырын-сыбырын билмеге озгаражтырып...

«Арыдынъма, Кырлув?» — деп сорайды бирерде Асият тынысын авыр алып бараяжтырган кыздан. «Йок, аьптей, артымызга кайтажтырганда тыншаймыз», — деп Кырлув токтамага унамайды. Тавга тармасадылар, ойпатлыкка зырганайдылар, явга сезилмес уьшин, йолсыз, сокпаксыз ерлерден барадылар. Бутак экеш, бутактынъ оьзин де кыймылдатпайдылар. Алдыдагы ыслаган бутагын артындагына узатады. Капилистен тас тымаласа яде япыраклар сыбырдаса, тырс тынадылар. Эректе шорылдажтаган Марух сувынынъ тавысына кулак

салып барадылар. Онынъ шорылдавы барганнан-барган сайын бектен-бек эсители береди. Бирден булардынъ кулакларына алды бетлериннен балта тавыс шалынды. Асият пан Кырлув токталдылар эм тынып алдыларына карадылар: анда, бак деп ашылып, анъардай терен Марух оьзени коьринип туры эди.

«Еткенмизди де, Кырлув, — деди Асият, сыбырдап соьйлеп. — Эндигиси боьтен де сак болмага керек. Эситилген балта тавыс, эште, немецлердики болар».

Эм олар, алдыга адым эткен сайын, ян-ягына карандылар, сак болып энъкейип йылыстылар. Бир уьйкен тастынъ артына бугып, тоьменге, оьзендеги кишкей тоьгерек тогайга карадылар. Тогайда, агашлыкка тасаланып, баьленше машин эм олардынъ касында турган аьдемлер коьриндилер. Машинлерден эректеги бир уьйкен теректинъ астыннан туьтин шыгады.

«Бир затлар этедилер», — деди Кырлув, карамын тогайдан алмай.

Асият уьндемей тогайга карап турды, сонъ, Кырлув бетке йылысып, сыбырдады:

«Не этеек эдилер огырсызлар, — деди Асият, — машинлерден бизди тоьбелемеге снарядлар тоьгедилер. Туьтин шыгатаган ерде казан асадылар. Аьруув этип караш...».

Булар бир талай заман тоьменге карап турдылар. Бираздан сонъ Асият Кырлувга, юр бираз алдыга йылысаяк дегенди билдирип, басы ман ымлап, алды бетти коьрсетти...

— Не дединъ, Асият? — деди сонда онынъ артында бараятырган киси.

— Бир зат та, Ягапир, — деди ога Асият. — Оьзим булай куьбирденип эдим. — Кулагынъ сондай сак болса, явдынъ сыртына аьр заманда да сени йибермеге керек экен.

— Кулагынъ сак болмаса, партизан болмага кыйын, — деди Ягапир, тынысын авыр алып.

— Ол айтувынъ да тувра.

— Аьптей, мине кып-кызыл болып пискен агаш еле-клер. Маь, еш, — деди Кырлув, Асиятка кишкей увысы ман ылбырап пискен елеклерди узатып.

Асият ютланып елеклерди йийди. Эм боблинген оылары тагы да оьзи-оьзиннен эсине келедилер.

...«Кайда барасынъ, Кырлув, токта. Коьрип олтырарлар», — деди Асият, алдыга бара берген кишкей кызды токтатаяк болып. «Асыкпай тур, аьптей, мен эне анав ерден карайым. Снарядларды кайсы ерге тасыйтаганларын туп-тувра билмеге керекти де», — деди Кырлув эм, аякларын сак юрген балмысыктай этип алып, алдыга адымлады.

Кырлув кайтканша, Асияттынъ яны тырнагына сыйынып турды.

«Складларын да, коьтере затларын да коьрдим, аьптей, — деп, тынысын тегаран алып, кайтты бир заманда Кырлув. — Айтаягым, бир аьжейип зат болды. Часовойлардынъ биреви бир кесек заман мен бетке, агашлыкка битилип карап турды. Мен де ога уьйкен карагай теректинъ артыннан карап турдым. Тап бир билесинъ, экевимиз де бир-бирлеримизди марлап тургандай сезилди мага. Аьлемет тувылма? Сонъ ол, мен беттен карамын алып, артына бурылды. Анав беттен бирев оны шақырды болар деймен...».

«Ах, сениме-сени! Сак бол, дейменди де мен сага. Кыза-кыза, айлак ювык барган боларсынъ. Немецтинъ кулаклары айлак сак болар эдилер. Эште, сенинъ аяк тавысынъды эситкен болар. Эне сонынъ уьшин ол сен бетке карап турганы. Наьсип бар, артык абайламаганына. Сак болмага керек, Кырлув», — деп ашувлы этип айтты Асият эм кызды, тамам сагынган ана баласын бавырына баскандай этип, кушаклады...

Сол куьннинъ кешесинде Дарсыздан давилдап от шыкты. Каяларды-гасларды шатлатып, ядыралар ярылдылар, тавлар тарс-турс этип гуьрилдедилер. «Партизан, партизан!» — деп немецлер, алабуркасын болып, калын агашка сасык куьзендей синъдилер...

— Туратаган бетимизге соьле бармага керек тувылмыз. Яв бизди ызламага болар, — деди куьптинъ уьйкени Алим. — Куьнтувар карап бараягынъыз. Ыз бермеге керек тувыл...

— Тек соъле мине кайтып келеятырмыз, — деп Асият, ойларынан айырылып, куызги агашлыкка карады.

Агашлык сийрексиген. Ертеги сары куыйизленип яткан япырактар баскан сайын тырсылдайдылар. Куызги куыннинъ коъзи агашлыкка тийсе де, артык кыздырмайды.

Кырлув тоьгерекке кулак салып барады. Куьптинъ аьр бириси де соьйтип этеди. Бир кишкей тастынъ ты-малаган тавысы да аьдемлерди тык деп токтатады, эм олар бир кесек заман тынълап турадылар. Сонъ, тасты аьдем тувыл, кайдай ды бир канъкып кашкан янувар тымалатканын билип, алдыга козгаладылар. Бирден Кырлувдынъ кулагына, ерге согылган кийиз топтынъ тавысындай болып, топ-топ деп, бир тавыс шалынды. Кыз сейирсинип тоьгерегине карады.

— Кырлув, эне анав янынъа караш, теректен пискен алмалар куйыладылар, — деди акасы.

Ала кызыл болып пискен агаш алмалар ерге топ-топ этип туьседилер. Кырлув оларды койнын толтырып йыйды. Оьзи де еди, атасына да, калганларга да берди.

— Уьйкен кыз бол, — дедилер аьдемлер, алмалар уьшин кызга разы болып.

Баубектинъ акылы бирден Кенъ-Тогайга кетти.

«Ондагы алмалар да пискен болар соъле. Кайдай уьйкен эм таьтли уьйдинъ артында битетаган уьш теректинъ алмалары. А ийислери ша? Каралдыга кирген аьдем емей тояды...»

Баубек колындагы агаш алмады тоьгерек айландырып карады. Ол кишкенекей, даьми де ашы. Болса да алма, алма даьми бар. Бавда оьсетаган уьйкен алмалардынъ асылы-ав. Аьдем неше юз йыллар каьр эткен болар, мине сосы кишкенекей емисти уьйкен таьтли алма этер уьшин. Эм онынъ каьри бос кетпеди. Ол оьзиндикин этти. Дуныяда аьдем этпеек зат барма? Тек... Тек мине соъле... соъле бир-бирлерин, йьрткыш януварлардай, йьртып та юрилер. Соъле мине бу бараятырганлар йьрткыштан сескенген де этпейдилер, явдынъ аьдемлериннен ясырынадылар. Олар соъле бир-бирлери мен

раса калсалар, йырткышлар таласкандай таласарлар. Ал, каратагы акыллы аьдемди. Кайда кетти детагы онынъ акылы, кайдан келди детагы ога соьлегиндей тентеклик, намартлык, канзепирлик...

— Акай, — деп боьлди Баубекти ойларыннан кызы, — маь, тагы да еш.

— Оьзинъ е, кызым.

Баубек теректинъ бутакларын кайырып барады. Эм оьзин соьле оьз бавында юргендей этип сезип кетти. Партизанлар уьнсиз-туьнсиз тик таслы ерлер мен барадылар. Аьр бир сеске тынълап адымлайдылар. Арыганлар, болса да бармага керек. Бирден йогарыдан бир тас тымалаган сес эситилди. Партизанлар токталдылар, тырс тынып тынъладылар. Баска сес шыкпады. Булар тагы да тизилип йоьнедилер. Бираз барып, тагы да токталдылар. Мунав йол куры бутактынъ тырсылдап сынганы эситилди. «Йок, бу янувар-зат тувыл эндигиси, а эки аяклы янувар болар», — деп ойланды алдыда бараятырган Алим эм артында келеятырганларга, бугынъыз деп, ымлады. Сонъ эки аьдемди йолды карамага йиберди. Калганлар бугып яттылар. Бирден «тра-та-та» деген атылувар тын оьзеннинъ шыршын буздылар.

— Ызымызды тапкан экенлер, огырсызлар, — деди кыршынып Асият эм Кырлуьвга кысылып.

Бу вакытта, авыр яралы йолдасын аркасына коьтерип, кара терге туьсип, йолды карамага кеткен Шабан коьринди.

— Яв йолымызды буган, — деди ол, сыбырдап. — Тез болып Якыптынъ ярасын байланъыз.

Аман да Якыптынъ ярасын байламага керек болмады. Ол ян берип кутылган эди.

— Эне анав Коьк-Кая бетке бармага керек, — деди Азамат.

Атысувар йыйы эм ювык болып басладылар.

— Ай, маьрже! — деп асыктырды партизанлар бирбирлерин. — Тез болып мунав ерден авсак — кавыфсыз болып эдик.

— Мунав якка, меннен калма, — деди, эринлерин каты кымып, Асият касында бараятырган Кырлуга. — Бираз тез. Атыс куышлене береди.

Эндигиси яв буларды йогарыдан аьруьв коьрди, эм ядыралар ямгырдай себелеп басладылар. Партизанлар явдынъ олардан баьленше кайта коьп экенин сездилер, тез болып алдыларындагы тавдан авмага шалыстылар. Булар бетке яв да йылыса берди.

— Курсаяк боладылар. Тирилей алаяк боладылар, огырсызлар. Басындагындай болып, ядыраларды явдырмайтаганын сезесинъме? Алай оьлгенинъиз ийт болгай эди, биз тирилей сизинъ колынъызга туьсетаган болсак, — деп кыршынды Алим, янындагы Баубекке сыбырдап. Сонъ оьзи, басын коьтерип, яв бетке карады. Бир зат та коьре алмады. Тек бирден басы коргайдай авырланды, дымлы ерге ийилди, коллары босадылар.

— Алим, не болды, Алим? — деп Баубек йыгылган йолдасына етти.

Алим бир зат та айталмады, коьзлери карамыгып, тувра янларында каладай турган кая бетке карады эм, колын тегаран бир созып, кая бетке ымлады. Партизанлар, яралыды коьтерип, кая бетке зыранъладылар.

Бийик, тик эм биз баслы кая булардынъ алдыларында иргедей болып туры эди. Каптырылып мингендей ери коьринмейди. Анав ягына тек кус болып ушып шыга койсанъ билмеймен.

Баьри де, силтидей тынып, каяга карадылар. Не болса да, бир амал этпеге керек эди. Я алдыга, яде артка, а баска мадар йок экенин коьтереси де коьрип туры эдилер. Булар каяды тагы да басыннан туьбине дейим карап шыктылар.

— Токта, токта, — деди сонынъ арасында, тынлыкты бузып, карашай Ханафий, колы ман каядынъ ортасы бетин коьрсетип, — каядынъ анав еринде уьндириктей болып баратаган ерди коьресизбе?

Уьшинлей де, тик каядынъ ортасы ман уьндириктей тар ер онынъ мунав бетиннен анав бетине шежим барады.

— Айхай, — деп куьрсинди Баубек, — соьле аьдем болмай, каскы эшки бола койсанъ, оьгер эдик. Оллахый, ондай ерге аьдем аяк басар деп, билмеймен.

— Э, кардашлар, — деди Ханафий, — аркан ша?

— Арканды анав ягына оыткерип, бир затка беркитпеге керекти де. Ким оытип беркитеек оны, ойланасынъма? — дедилер буга баскалар.

Кырлув бирден акасынынъ касына келди эм:

— Акай, разылык берсенъ, мен оытейим, — деди.

Баубек туъсинмей кызына карады.

— Мен оытейим, деймен. Мен каяга тармаспага уый-ренгенмен. Арканнынъ бир ушын белиме байланъыз, а бир ушын ыслап турынъыз. Мен кишкеймен де, бир кыйналмай оытермен. Куран акына, оытермен.

Баъри де бир кесек заманды оылы болып, бир тик каядынъ белиндеги тар, тек каскы эшки баскандай уындирикке, бир каядынъ астындагы ыздандай теренликке, онда агатаган каты тав сувына, бир де арыкай, юка битимли, караборан, уыйкен кара коъзли кызга карап турдылар. «Иыгылаягын оыланган куъреспейтаган, оыле-егин оыланган согыспайтаган», — деди Баубек оызи-оызине эм кызынынъ басыннан баъленше кайта сыйпады да:

— Аъперим, Кырлув, аъперим! Сак карап юр, даъ? Тоъменге карама, басынъ айланар.

Кырлув аякларындагы баъпишлерин, уъстиндеги шонтыгын шешти.

— Яланъаяк аъруъв, таймаспан, — деди.

Ханафий онынъ йинъишке белине эки айландырып арканнынъ бир ушын берк этип байлады.

Кырлув, арканшыдай шоршып, каядынъ уындиригине минди. Баъри де силтидей тындылар. Юреклери каты согып, бийик каядынъ белине ябысып адымлайтаган кишкей кызга, тап бир сийрат коъпирден оытеятырган аъдемге карагандай болып, карадылар. Бирерлер, коърмейим соны дегендей, юреклери авырып, коъзлерин юмдылар. «Ай, ай, Кырлув, йигиттей бол, энди де бираз», — деп, яны тырнагына сыйынып, куъбирденди Асият. Ердигилер Кырлувдынъ бир адымы сайын тынысларын алдылар, а эгер ол аз-маз токталса — тынысларын алмай, кая оларга шайкалгандай, туъбинде шорылдаган сув токталгандай коъринди. Кайдан шайкалаяк эди шардайып

турган каладай кая, кайтип токтаяк эди эптен шыгып аккан тав сувы. Кыздынъ коллары каяды кыскыш болып ысладылар. Ол алдыга ымтылды. Уьндириктинъ тувра яртысына еткенде, каядагы уясыннан бир уйкен карагус, канатларын кенъ яйып, кыздынъ тоьбеси мен саркып ушты. Кырлуw, куска карайман деп, аз-маз тентирекшигендей болды. Бу вакытта ердегилер де шайкалдылар, юреклери зув деп туьстилер. Ама кыз, каты каптырылып, алдыга адымлады.

Кырлуw уьндирикти оьткенде, Шопак:

— Ура! Аьперим Кырлуwга, аьперим! — деп басындагы япалак тери боьркин коькке былактырды.

Кырлуw анаw бетте арканнынъ ушын япыракалары сийрексиген эмен терекке байлады. Мунав беттеги ушын Баубек беркитти. Ер мен коьктинъ арасындадай, тувра бийик каядынъ белиннен алып, аркан тартылды...

— Кырлуwдынъ сокпагы, — деп карадылар бийик каядынъ белиндеги уьндирикке оннан анаw ягына оьткен аьдемлер...

Курыктай узын немец, каяга карайман деп, басын артына шалкайтканлай, басындагы фашист знаклы, калакайдай тоьгерек уйкен фуражжасы домп эттирип ерге туьсти де, тегершиктей тыгырып, тоьменге, терен ызданга тымалады. Офицер, яланъбас басында от яная тырган аьдемдей:

— Керек болса, огырсыз партизанларга канатлар да бите болар, деймен, — деп тислерин кыршылдатты.

Кайдан билеек эди соьле офицер боьрки мен бирге онынъ дуньясы терен йылуwга кетип бараятырганын? Билмесе де, коьнъилине кавыфлык энди, дуьмле муьше-си, тонъган аьдемдикиндей болып, калтырады. Коьрмей-им сосы коьк каяды да, ыздандай йылгады да дегендей этип, артына айланды.

Партизанларды ызлап келген немец отрядтынъ кырылганнан калганлары, сосы ерден тез болып басымызды алып кетейик, ол болмаса, казага кабамыз деп, янлары шыгып коркып, артларына бурылдылар...

*Тенъ тенъи мен,
теке муьйизи мен.*

Куьн булытлы, аз-маз сувыксыратады. Тавлардынъ баслары туьгейдилер. Куьн кабагын туьйген.

Баубек те кабагын каты туьйип, отка кысылып олтыры. Карагай агашлар давылдап янадьлар. Баубектинъ юреги де давылдап янады. «Не болды экен, ярабий?» — деген сорав онынъ мыйын кемиреди. Алай да, булай да ойландырады.

Туьнегуьн явдынъ сырын-сыбырын билмеге кеткен Атой ман Карасай экевлери соьлеге дейим кайткан йоклар.

Баубектинъ уьйкен тоьгерек басы кенъ омыравына зилдей авыр болып ийилди. Елде ярылган эринлери: «Ярабий, не болды экен-ав Атой-аларга? Бир хаьтеге ушырап олтырмагай эдилер», — деп йыбыр-йыбыр эттилер. Юреги сарсылды, коьз алдына тенъи Атой келди.

Атой экевлери бир авылда тувдылар, тенъ тенъи мен, теке муьйизи мен дегенге усап, бирге, бир ямагатта тенъ болып обстилер. Тенъде де кайдай тенъ эдилер — алап, ялантоьс. Бир-бирлерининъ ийгилигине де, кыйынлыгына да еттилер, колыннан келгенлерин кызганмадылар. Басына анав уьйкен каза келген йыл ша? Оны мутса Баубек — озининъ аьдемлигин де мутар.

...Баубек эртенъ мен эрте кешеги куьзеттен эки оьгизди айдап келеятыр эди. Капшагай йылгадынъ ишине кирер-кормес, коьктен туьскендей, ерден шыккандай болып, алдына савыт-садак тагынган бир атлы расты.

— Ат керек, яс! — деди ол, Азраилдей екирип, кан баскан батлак коьзлери мен бир атка, бир онынъ уьстиндеги яска карап.

Баубек сасып, не айтаягын билмей, уьндемей тура берди.

— Эситпейсинъме!

«Э, бандит дейтаган мине мунавы экен. Сып деп келип, колына калай яман туьстим», — деп ойланды Баубек.

Эм алдында турган атлыга сездирмей карап алды. Юкалак бетли, сарысымал шырайлы, сакалы кирпичинь тегенегиндей терейген, уйкен тери боьрк кийген басын йиньишке, кутан мойны кайтип ыслайды деп, сейир-синеексинь. Сол ийниннен алынып мылтык илинген, белиндеги ялпак белбавында кынлы узын кылыш. Кылыштан сонъ да белине тагы да бир затлар тагылганлар. Оларды яс эслеялмады.

— Туьс, дейменди де, аьруьвлик пен! Яде янынъды алып туьсирмеге керекпе? — деп бандит колын пыштавына ювьртты.

Баубек, уьн де йок, туьн де йок, Алла соккан кулдай болып, аттан туьсти. Туьссе де, аттан эрек кетпей, онынъ ялына колын салып, сирелип токталды. «Мунавын сулайтпай боляк тувыл болар деймен», — деп ойланды бандит. Эм яска кышкырды:

— Тизгинди аьпер мунда!

Яс аттынъ тизгинин, тап янынынъ яртысыннан айыраытыргандай сезип, кабакларына кан явып турганга узатты. Ногай аьдемге аттан баа мал барма? Ат — мырат деп, бос айтама халк? Аты бардынъ канаты бардай, каерге де етеди, не аьжетин де битиреди. Эне соны ойланып, басын тоьмен салып, кайгырып туры эди Баубек. Бандит кумырыннан алып, яланъаш пыштавды, мунав Азраилди коьресинъме, янма-ян янынъды аларман дегенди билдирип, анав якка, мунав якка кыймылдатты да:

— Эндигиси мунав аттан иерди алып, анавга сал, — деди.

Баубек, бандиттинъ атыннан иерди алып, оьзининъ атына салып болып, ах, аттан айырылдык дегени де бир болды, йылгадынъ ишин ярып мылтык атылды. Баубек, касындагы атты деп, бир янына кашты, ама бу вакытта, кесилген теректей болып, тегенек сакаллы бандит дуьрсилдеп йыгылды. Баубек оьзининъ коьзлерине оьзи ынанмай, бир уьрккен атларга, бир де ян десписи мен тыпырдап яткан бандитке карады. Сонъ эсин йыйып алып, тоьгерегине каранды. Коьзлерин бир ашты, бир юмды, тагы да карады. Онъ колына анъшы мылтык алып, онъ яктагы тоьс беттен туьсип бир яс келеятыр эди.

«Ярабий, мени казадан куткарган бу бирев ким экен?» — деген ой келди Баубекке. Эм ол сол бирев бетке тешкерип карады. Караса — карасын, бу бетке зыранылап тенъи Атой келеятыр эди.

— Апатынъды алдыма наьлет? — деди ол, Баубектинъ касына келип.

— Токта бир, коьшпеген болса да билмейсинъ, уьш коьпкир, — деди Баубек, ерде яткан бандит бетке ымлап коьрсетип.

— Коьпкен. Бир де коркпа. Атынъа да иер салдынъ, каерге суьйсень, сонда бармага болаяк, — деп куьлем-сиреди Атой.

— Кайтип-кайтип болды? — деп сорады Баубек.

Тенъи болган затты тизип айтты.

...Йылгадынъ ишинде бандиттинъ Баубекке каныгып турганын койларын кырдынъ басына яйып турган Атой коьрип, тешкерип карады. Сонъ, куллыктынъ осал экенин сезип, бир тастан анав бир тастынъ артына ясырынып, булардынъ касларына ювыклады. Мылтыгына ядыра салып, колай вакытты саклап ятты. Баубек, атка иерди салып эм тизгинди бандитке узатып, эрек тайган шакта, ол тускап атты...

— Аллам-ав деп айттырмадынъ, бир атканлай йыктынъ, колынъ калай туврады, — деп аьжейип этти Баубек...

Баубек, ойларынан айырылып, кызына карады.

Кырлув отягада олтыры. Оьзи ойлы, коьзлери эрек карайдылар. «Аьдемнинъ коьзлери эрек карасалар, сагынганын коьретаган», — деген анасынынъ соьзлери эсине туьседи. Кимди коьреек мунда, аьдем аягы тега-ран бир басатаган ерде? Ондай ер болмаса да болаяк тувыл. Булар бетпе-бет яв ман, фронтагындай болып, бир-бирлерине коьринип кавга этпейдилер де. Булар коьринмей, таса-тасадан явды согып юретаган биревлер. Оларга мине соьлегиндей ер керек. Яв как ярылса да, табалаяк тувыл булардынъ орынласкан ерин. Тек бир билген аьдем коьрсетпесе...

Кырлув, ойлы болып, эрекке карайды. Анда, эне анав тавларды авганлай, Авыста деген тав авылы бар, оннан узак болмай, бир-эки сабатлик йол кадер ерде Бузлы авылы конган. Онда онынъ йолдасы Мухтар яшайды. Не этеди экен соьле ол? Бу йыл язда ол Кенъ-Тогайга, Кырлув-аларга келеек болган эди. Аман да болмады. Мырадынъды берейтырма бу огырсыз яв. Эште, Мухтар оны, Кырлувды, муткан болмас. Белки, окында эсине ала болар. Ах, ол билсе деш соьле Кырлувдынъ мунав тавларда туратаганын. Билсе, кайтип болса да оны табар эди. Кобрисселер, соьйлеп, соьзлерин таьвесалмас эдилер. Белки, Мухтар да бир ерде яв ман куьресетаган болар. Ол коркаклардан, йигерсизлерден тувыл. Ондай яслар нош деп карап турмаслар, бир затлар этерлер. Тек коркаклар соьле уьйде олтыратаганлар.

...Баьтирлер явга сайланар,
Коркаклар уьйде айланар, —

деп халк билмей айтканы йок.

Кырлувдынъ коьз алдына Мухтар келеди. Олар уьндемей бир-бирлерине карайдылар. Кырлув даяналмай сораьды:

«Мухтар, неге уьндемейсинъ? Яде мени танымайсынъма? Бир зат айттага. Мени коьресинъме, мен кайдай болганымды? Мен фашистлерди согаман...»

Мухтар, аьперим дегендей этип, басын тоьмен иеди...

Бирден кыз сескенди эм атасы бетке карады. Баубек элсленип орныннан турды да, зыранълап сокыр сокпак бетке адымлады. Эки аьдем салдай этип Атойды алып келеятыр эдилер.

— Не болды? — деп бакырды Баубек, юреги дирдей туьсип.

Алып келеятырганлар бир зат та айтпадылар. Тоьмен ийген басларын йогары коьтермей, Атойдынъ илесин аькелип дорбыннынъ ортасына салдылар.

— Яны йолда калды, мунда еткералмадык, — деди алып келгенлердинъ биревлери, тынысын авыр алып.

Кырлув, бир кайгылы зат барын сезип, дорбынга зыранълады:

— Не болган, акай, э? — деди Кырлув, атасынынъ касына келип.

Баубек уьндемей, бир аягыннан анав бир аягына авысып турды. Сонъ акырын, тап бир уйклаганды уянтып олтырмайым деп кавыфлангандай болып, сыбырдады:

— Кызым, отягага бар.

— Неге, акай? — деди Кырлув. — Мен Атой акайды коьргим келеди.

— Токтап тур.

— Йок, коьргим келеди.

Баубек, оьлген Атойды кызы коьрсе, сескенер деп, коркты.

Кара ямышыдынъ уьстинде Атойдынъ илеси ятып эди. Онынъ бети сары кагыттай саргайган, коьзлери азмаз ашык. Кырлув, оны коьргенлей, силкинип артына тайды. Сонъ, эсин йыйып алып, илеске тагы да бир карады. Кыздынъ боьртип турган увыртларына мойшактай болып ашы коьзяслар тыгырдылар. Онынъ бала юреги сыгылып алды эм эринлери тегаран бир йыбырдадылар:

— Атой акай...

— Явды оьзи излеп табып, ярмай оьтин алган Атой эди, — дедилер аьдемлер, отрядтагы тулпарлардынъ бири оьлгенине кайгырып-кавысып.

— Дол душпаннан оьшинъди оькшелетип етип аларман, тенъым, — деди Баубек, ант этип.

Кешке табаган партизанлар уйкен оьрмет пен бийик тавдынъ туьбиндеги кишкей тогайлыкта уйкен карагай теректинъ астына Атойды коьмдилер. Баубек авылдасын кара коьрге оьзи коьтерип салды... Эмен теректен кесип, аруув этип келбаклап, басказык этти. Басказыкка, ким биледи дуныядынъ аьлин, кавга кутылса, таппага тыныш болар деп, ойланып, Атой-алардынъ тамгаларын салды.

Сол куьннен сонъ, Баубек оьзин бир канаты сынган кустай этип сзди.

*Тав тавга йолькпас,
аьдем аьдемге йольгаф.*

Кырлув авылга эне-мине киремен деп турганнынъ уьстинде, алдында бир куьп немец коьринди. Немец аьскершилер, савыт-садак тагынып, тар сокпак пан асыгыслы тавга тармасып келеятыр эдилер. «Не этпеге керек? — деди кыз оьзи-оьзине, ян-ягына каранып. — Артка, яде сокпактан бир янына таяр эдинъ, яв, бу бирев не болса да кырлы зат тувыл деп, шекленип, кувгын этпеге болар. Алдыга, тувра оларга карап барсанъ, сонгы не болаягын ким биледи? Олар каратель отрядка усайды. Ал, бир огырсызы тинтип басласа, ямпейдиме куллыгынъ? Яде койнымдагы пыштавды таслайымма экен? Ол заманда тинте берсинлер. Ах, сениме-сени, Кырлув, тувра явдынъ уьстине шыгып калмасанъ болмадыма? Ондай да эссизлик болатанма?..»

Аьскершилер ювыклай бердилер. Кыз, пыштавымды таслайым деп, койнына ымтылганы да бир болды, сол бетиннен улактынъ манъыраганы эситилди. Эм Кырлув сол бетке карады. Караса, тоьгерек тогайлыкта бир талай койлар ман эшкилер отлай туры эдилер. Кыздынъ коьнъили коьтерилди, ерден йылы коян тапкандай суйинди. Эм ол, эбин табып, койларга:

— Р-райт-айт! Айт! — деп кышкырды.

Аргынсыра Кырлув, колындагы бик таягын булгалаклап, адаскан койларын излеп тапкан аьдемдей, койлар бетке шапты. Кышкырыкты эситип, немецлер кулакларын туьрдилер. Ювыклап келгенлеринде, токтала берип, бир кызга, бир койларга карап алдылар. Алдыда бараятырган кутан мойынлы немец, кыз бетке ымлап:

— Койшы кыз, — деди.

— Азиатлардынъ баласы-бакасы да кой багадылар, — деди баска биреви эм, койларга коьз атып: — Аьруев сислик болаяк эдилер, — деп косты.

— Шнел, шнел! — деди кутан мойынлы, асыктырып. Эште, ол уйкенлери болар эди.

Немецлер, темир куьпленген авыр этиклери мен тас-лы ерди дуьмбирдетип, тавлар бетке тармасып кеттилер. Кырлув тынысын енйил алды эм бир талай заман явдынъ артыннан карап турды. Яв кыранактан авып тасага туьскенлей, ланъкага ыласпай кутылдым, кой, эндигиси мен де озъ йолым ман кетейим дегенининъ арасында, биревдинъ аяк тавыслары шыкты. Караса — карасын, артында бир бойлы-шарклы, кызыл шырайлы, басына кара кийиз боьрк кийген яс Кырлув бетке карап туры эди. Кыз да ога тешкерип карады. Событип олар бир-бирлерине бир талай заман карап турдылар. «Бу ким-ав? Ким болса да, бизим авыл тувыл», — деп ойланды яс. Сонъ йигерленип кыз бетке адымлады да:

— Меним койларымды неге уьркитесинъ? — деди, ашувлангандай болып айтып.

Кыз не айтаягын билмеди, шуьшлимен дегендей болып, тоьмен карап, колындагы бик таягынынъ ушы ман ерди туьрткишледи.

— Авызынъа соьк сугынгансынъма? — деди яс, кыз бетке тагы да адым этип.

— Ким тиеди сенинъ койларынъа, эне калай аьруув отлайдылар, — деди Кырлув эм, басын коьтерип, яска карады. Бирден онынъ юреги зув деп туьсти, уйкен кара кирпиклери озби-оззиннен кагылдылар. Коьз алдына озган йыл язда анда, авылларынынъ ярбасында болган зат келди.

Кырлув ярбаста сувга карап олтырып туры эди. Бирден буга биревдинъ аяк тавысы шалынды. Тувра сокпакта, тал шыбыкты булгалаклап, бир бойлы-шарклы яс бу бетке карап туры эди. «Меним улагымды неге уьркитесинъ?» — деди Кырлув, ашувланмай да калмай. «Ким тиеди сенинъ улагынъа?..»

— Сакавсынъма сосы сен? — деп яс, кызды ойларыннан боьлди.

Кырлув, аьруув ойларымнан айырдынъ деп, разы болмай, яска карады. Энди Кырлув ога тешкерип карады. Сонъ коьзлерин бир юмды, бир ашты. Ойлы болды. «Ва, абайым-ав, Мухтарга не бек усайды», — деди озби-озбине. Яс та кыздынъ юзине битилип карады. «Ярабий, мунав

коьзлерди бир ерде коьргендей боламан», — деди ол. Сонъ эсине озган язда Кенъ-Тогайда болганы туьсти. «Токта, токта, Кырлувга, андагы Кырлувга не бек усайды».

— Туратаганымды каратагы, кой, кетейим, — деди бирден Кырлув эм сокпак бетке бурылды.

Яс Кырлув бетке адым этти де:

— Токта, бираз токтас.

«Сол оьзи! Сып деп, уьстине туьскенмен, — деп ойланды кыз. — Сол, тили бираз таьтли, ш-дынъ орнына сол с-ды ай-татаганын коьрмейсиньме? Сол, куьннинъ акына, сол».

— Токтас, Кырлув! Кырлув! — деп кышкырып ий-берди яс.

— Мухтар!

— Кырлув!

Эки кишкей кол каптырылып, бир-бирлерин сык-тылар, эки яс юрек, суьйингенлериннен коьтерилип, аттай тептилер. Эки яс юз яйма-шувак болып яйнады. Бир-бирлерин ярып ишлерине салаяктай болып, кувна-дылар...

— Кырлув, — деди яс, кыздынъ колын йибермей.

— Не зат, Мухтар? — деди Кырлув, ястынъ уьйкен кумар коьзлерине мери канмай карап.

— Не этип юрсинъ, Кырлув? Кайдан да таптынъ мени?

Кырлув не этип юргенининъ туврасын айтпады. Со-нынъда айтарман, соьле неден керек деп, ойланды. Баска затты сылтавлалды. Сылтавласа да, оьтирик айтатаганына оьзи уялды, соьзлери келиспеди.

— Абама экевимиз, немецлер келмей турып, тав бетлер-ге келген эдик. Эне соннан бербетин тентиреп юремиз.

Яс оны сайын тамызлыклап сорай берди:

— Кырлув, соьле абанъ кайда, аьше?

Кырлув, соравды эситпегенсип, баска якка карады. Яс яна бир сорады.

Бу йол Кырлув тутлыкты, сонъ, эсин йыйып:

— Эне анав сувдынъ анав ягынъдагы авылга бара-ман. Онда ювыкларымыз бар. Абай Ак-Кала авылында калды, — деди.

Мухтар дирдей туьсти эм, колы ман сувдынъ анав бетинде шашырап конган авылды коьрсетип:

— Ва, Элтарганга барасынъма? — деп сорады.

— Аьше, Мухтар!

— Коьп тураяксынъма, Кырлув?

— Йок, бир-эки куьннен кайтаякпан.

— Кырлув, сени мен йолыгаягымды куьни-бурын сезип туры эдим. Туьнегуьннен бербетин сол кабагым тартады. Абам, бир сагынган биревинъди коьреексинъ деп, ырымлады. Мине соьле сени коьрип турыман. Аьжейип тувылма? — деп суьйинди Мухтар.

— Аьше, — деди кыз да суьйинип, — тав тавга йолыкпас, аьдем аьдемге йолыгар деп, халк билмей айтама?

— Аьдемнинъ кабагы да аьлемет билгиш экен, — деп яс озиндикин соьйлей берди.

— Аьжейип...

— Ээ, айтаягым, Кырлув, буьгуьн туьске дейим ушып кеткен кырлувларды коьрдинъме?

Кыз ястынъ экевлерининъ йолыкканларына ак юреги мен куванып турганын сезди де, кувнак болып:

— Коьрдим, баьленше куьп болып кеттилер.

— Йырладынъма, Кырлув?

Эм озси занъыратып айтты:

...Куьзде кеткен кырлувлар,
Язлык келсе кайтарлар...

Кырлув соьле оззининъ ойын коьтере мутты, оззин кавгадан алдын яс пан бир кайгысыз соьйлесип тургандай сезди эм йырла деп, тиледи.

Яс йырлады:

Аьруьвсизбе сизлер деп,
Салам бизге айтарлар...

— Аьруьв йыр дия, Мухтар? — деди, тынысын авыр алып, Кырлув.

— Кенъ-Тогайда оны мен сеннен уьйренген эдим де.

Бирден булардынъ соьзлерин эки улактынъ туьйискенлери боьлди.

— Мухтар, караш, анавларга караш!

Буздай коьк улак пан суьттей ак улак, бир артларына тайып, сонъ алдыга шавып, туьйисип турулар. Олардынъ кишкей, аьли де яс муьйизлери, бир-бирлерине согылып, так-тук эттирип такылдайдылар. Улаклар оны сайын туьйисе бердилер.

— Ва, не болган буларга? — деп яс, соьзлери боьлингенине разы болмады.

— Токташ, — деди Кырлук, улаклар бетке тигилип карап. Бирден онынъ эсине озган язда авылларында тогайда болган зат туьсти.

Сол арада Мухтар:

— Меники енъеятыр! Меники! — деп кышкырды.

— Йок, — деп эристи Кырлук, — бос копарсымай тур. Соьле меним Мойналам сенинъ Алабасынъа коьрсетер! Эне, эне, караш, караш кайтип сокканын!

Так-тук, так-тук эттирип туьйиседилер яс улаклар, а Кырлук ман Мухтар, булардынъ тоьгерегинде айланып, кышкырадылар:

— Сок, Алабас!

— Айда, Мойнала!

— Сок! Со-ок!..

— Сок, Мойнала!

Иесининъ тавысын эситип йигерлениппе-зат этиппе, Мойнала ийги кесек артка тайды, сонъ, деген куьшин салып, Алабасты сокты. Алабас, тентирекший берип, артына йыгылды.

— Ура, ура! Мойнала йыкты! Йыкты! — деп балалар шипийдей шувылдастылар.

Кырлукдынъ эси ала кайда кетип турганын сезип, Мухтар, оны ойларынан айыраяк болып:

— Кырлук, караш, ак улак енъди, — деди.

— Не дединъ, Мухтар? — деп кыз серпилип улакларга карады.

— Ак улак даянтпады.

Кыз тынысын авыр алды эм ушып турагалып:

— Ал, Мухтар, мен кетейим, — деди. — Экинлиге ювыклап бараятыр. Кеш болса, немецлер коьпирден йибермеслер.

— Бир де коркпа, мен озгарарман, Кырлук, мен немецлерден коркпайтаганман.

«Ах, мени олардан корккандай коьреди, — деп кайгылы ойланды Кырлув. Меним не этип юретаганымды билсе, оьзи коркар эди».

Сонь Мухтарга карап:

— Коркканда тувыл ис, Мухтар, — деди. — Каранъа болса, олар коьпирге аягымызды да бастырмаслар. Мен олардынъ ол аьдетлерин аьруув билемен.

— Ол ерин билмеймен. А куьндиз биз коьпирден оьтемиз. Немецлер оьзлеринше бир затлар мыртылдайдылар, а биз, эс те этпей, оьтип кетемиз.

— Кеттим, аьше, Мухтар.

— Йок, йок. Мен сени, бир де болмаса, коьпирге шеким озтарайым.

— Койларынъ ша?

— Оларды авылдынъ шетине туьсирейим, оьзлери отлайтаганлар шетте.

Кырлув ойланды. «Кайтип этпеге керек? Сырымды соьледен-соьле айтып болаяк тувыл. Куллыгынъ аьнше-минше куллык тувыл. Кайтип болса да ястан тез айырылмага керек», — деди оьзи-оьзине кыз.

— Озгарайым, онсыз коьтере болаяк тувыл, — деди яс, аслахый унамай.

— Аьруув, аьше, — деди кыз. — Тек тез болаяк. Кеш болмай, мага авылга етпеге керек.

— Юр, аьше...

— Райт, айт! — деп эки занъыраган тавыс койларды асыктырып кырдан туьсирдилер.

— Эне анав уый бизим уыймиз, юр бизге киректагы, — деп Мухтар бир дыран бас узын уйди коьрсетти. — Орам беттеги каршыгасындагы узын ак тереклерди коьресиньме?

— Аьруув, Мухтар. Кайтсам, белки, кирермен. Соьле бек асыгаман. Болсынма?

Мухтар, тоьмен болып, кызга карады.

— Бир зат та тувыл, Мухтар. Соьле меним куллыкларым бек асыгыслы. Энди бир йолыксак, мен сага коьтересин де айтарман. А соьле барайым.

— Озгарайым, дедим де.

— Мухтар, сага бир тилегим бар. Этерсиньме?

— Неге этпейди экен.
— Кобпирге дейим озгар да кайт, даь?
— Кобпирден озгарарман, дедим де. Омаса немец-лер сага каныгып олтырарлар. А мен мунав авылданман. Мага не.

«Тувра айтады. Ол ери де бар», — деп ойланды Кыр-лув эм, ястынъ кулагына ийиле берип, сорады:

— Кобпирде немецлер кеше-куьн де турама?

— Бирерде казыктай сирелип турадылар, бирерде коьринмейдилер. Бизим мектепте яшайтаган немецлер кезуьв мен турады болар деймен.

— Коьппе олар?

— Ким биледи оларды? Бир отыз-кырк боларлар, эште. Кетип-келип турадылар болар деймен.

— Аруьв, — деди кыз. Сонъ, эсине баска зат туьсип, косты:

— Мухтар, айтаягым, эгер немецлер бизден сорай калсалар, сен мени озгарасынъ, мен эне анав авылданман, а сен мунав яктагыннан. Кардаш пан карындаспыз. Собылестикпе?

Мухтар сейирсинди, болса да бир зат та айтпады. Кыз бан бирге, кол ысласып, коьпир бетке йоьнеди.

Тогерекке куьзги кешлик асыгыслы туьсип келеятыр эди. Куьннинъ иссилиги кайткан кыя таяклары тереклердеги калтырап турган сийрек япырактарды сонъгы кере ярыкландырадылар. Тогайдагы кавраган кавданды сув беттен соккан енъил елемик сезилер-сезилмес шайкалтты. Аналарынынъ кайтаяк мезгили ювыкляятырганын сезиппе-зат этиппе, тогайдагы бузавлар авыл бетке карап муьнъирейдилер. Шаша йолда, кыз бан яс экевлери болмаса, бирев де коьринмейди.

— Юре бер, — деди Кырлув, ясты асыктырып.

Бирден коьпирдинъ уьстине, савытын ийнине тагып, бир мазаллы, домбай немец коьтерилди эм, аланъ-аланъ этип, кыз бан яс бетке карады. «Бар экен», — деди ишиннен Кырлув, эм яска карап:

— Эне шыкты, Азраилдей болып, немец, — деди.

Немец мылтыгын ийниннен алды да:

— Хальт! — деди юван тавысы ман.

— Мунавы меним карындасым, анав авылдан, а мен мунав авылдан, — деп Мухтар бир арттагы авылды, бир алдыдагы авылды коьрсетти.

— Токта, не бек дырылдайсынъ! — деди немец.

— Мен оны озгарып келгенмен. Соьле мен артка кетемен, а ол оззининъ авылына...

Кырлув бир зат та айтпады, сездирмей коьпирди эм онынъ тоьгерегин карап шыкты. Оьзи яска тиледи:

— Соьйле, соьйле, Мухтар, — деди.

— Майне швестер, — деди яс, немецше эки соьз айтканына суьйинип. Энди, эште, немец мени туьсинер дегендей этип, эм эсине мектепте немец тилден окытатаган толы кевдели сары шырайлы орыс кыскаяклы туьсти. Онынъ юмсак, яныплы тавысы кулакарына шалынды: «Тил билгеннинъ зарары йок. Бир керекпесе, бир керегер. Соьле сиз меним айтканымды кулагынъызга да аспайсыз, а сонъында оькинерсиз...»

Домбай немец балаларды бастан-аяк карап шыкты. Олардан бир кавыфлык та коьрмеди.

— Шнел, шнел! — деди аьскерши яска, коьп басымды авыртып тербеме дегендей этип.

Кыз бан яс, таздынъ таппаганы кара шаш дегенге усап, сол сабат ок шавып коьпирден оьгтилер.

— Болды энди, Мухтар, кайт, — деп Кырлув колын яска узатты. — Мен энди оьзим барарман.

— Яхшы йолга, Кырлув. Келмей калма!

— Яхшы сабатте кал, Мухтар. Келермен, буьгуьн йолыккан ерде йолыгармыз.

Кырлув токталып, карама ман ясты озгарган аьдемдей болып, коьпирдинъ тоьгерегин яна бир тешкерип карап шыкты. Мухтар, баьленше кайта артына бурылып, колын булгады:

— Келмей калма, Кырлув!

— Ке-е-лер-мен!

Эки якка айырылып бараятырган эки кишкей аьдем, араларына каранъалык туьскенше, токталып, бир-бирлерине карап бардылар.

«Баьле Кырлув, коркып-нетип билмейди», — деди Мухтар оьзи-оьзине, кыздынъ мундай кавыфлы вакытлар-

да тартынмай юретаганына сейирсинип. «Сенмегендей болып, не этип юргенимди ясырдым сеннен, Мухтар, айып этпе. Сойтип этпесем де болаяк тувыл эди. Энди бир коьриссек, коьтере затты да айтарман», — деп кетти Кырлув оьз йолы ман оьз куллыгын этпеге.

14

Саклаган сагынганын коьреф.

«Оьлшемен Кырлув буюгуьн кайтпага керек заманда, болатан куллыкты каратагы. Эндигиси ол суварыакта калды», — деп яман каты оькинди Мухтар, кеше партизанлар Бузлыдынъ коьпирин бузганлар деп, эситип. Сонъ ол, аьдемлердинъ соьзине ынанмай, коьпир бетке оьзи барып карады. Бузлыдынъ уйкен агаш коьпири, куьлпарасы шыгып, бузылып ятыр эди.

— Партизан! Партизан! — деп немецлер, кабакларына кан явып, бузылган коьпирдинъ касында ызыгыповласып юри эдилер. Мухтар тоьмен болып кайтты коьпир беттен. Энди Кырлув ман йолыгув кайда мага деп, уьмити сувга кетти. Коьз алдына кыз келди эм онынъ юмсак соьзлери кулакларына шалындылар:

«Мухтар, сени коьрермен деп, оьмирде эсимде де йок эди», — деди Кырлув, яска мери канмай карап. «Меним де, Кырлув». «Мени кайзаман муткан болар эдинъ, э? Эсинъе де кирип шыккан болмаспан?»

Мухтар бир зат та айталмады, кызга карап тура берди...

«Ах, кайтип эсиме туьсип туратаганын-затын неге айтпадым, тартыншак бир затпан», — деп ол сонъында оьзин-оьзи соькти.

Мухтар Кырлувды муткан йок эди. Коьз алдына онынъ юрисин-турысын аькелип турды. Кайдай ашык, кайдай йигерли, тувра аьдемди ярып ишине салаяк деп, оны эсине алды. Аьдемнинъ мырадын мырсатка берейтырма кавга деген каза зат. Эгер ол болмаган болса, озган язда ол Кенъ-Тогайга бараяк та болган эди. Келалмады.

Халктынъ басына кыйынлык келди. Мухтардынъ атасы эм уйкен кардашы кавгага кеттилер. Уйдинъ кабрин анасы ман Мухтар шектилер. Мухтар агаштан отын абкелди, мал карады, пишен шалды. Колхоздынъ куллыгына да барды. Авыр демеди, ензил демеди, тоьзди. Тек ол тувылды да кыйналып турган. Юмле халкка келип туры авыр вакыт. Балалар, шаклары етпей, оьзлерин уйкенге санадылар, ойын-куьлкилерин койдылар.

Мухтар да оьзин бир еткен ястай коьрди. Анасы ман кишкей карындастарын кешиндирер уьшин, ямагаттынъ койлары ман эшкилерин бакты. Авылдан эрте кетти, кеш кайтты.

А мунав Кырлув ман йолыгаяк куьнди онынъ юреги куьни-бурын сезип кутылган эди.

— Абай, — деди Мухтар шай катып турган анасына, — сол кабагым тартады. Туьнегуьн де соьйтип турды.

— Хайыр де, улым. Ол аьруьв, бир сагынган аьдеминъди коьреексинъ. Атанъ келмеспе экен, ярыгым?

— Сосы абай аьлемет, немецлер мунда турганлай, акай кайтип келеек эди?

— Оьзим сымарлап айтаман. Шайынъды иш, аьдемлери койларын шыгарганы кайзамаан, кешигесинъ, ярыгым, — деп анасы сыпырага уйкен шоьлмек аяк пан бир этип шай салды...

Кишкей отарын асыктырып яйлавга айдап бараятырган яс тып-тымалдан бирден токталды да, бийик коькке карады. Оннан, бийик коьктен, ястынъ кулакларына бир таныс тавыслар шалындылар.

«Токта, токта, — деди ол, юреги телезип, эм коькке битилип карап, — кырлувлар болар деймен».

«Кур-лы, кур», — деп мунав йол ога коьктен ашык болып эситилдилер тавыслар.

Бирден Мухтар:

— Кырлувлар! Кырлувлар! — деп суьйинип кышкырды, тап бир аьсирет болып турган затын коьргендей этип.

Куьздинъ коьгинде уьшкиллесип тизилип, бир куьп кырлувлар кубылага ушып бараятыр эдилер. Бирден онынъ эсине Кырлув, онынъ кырлувларды суьетаганы эм

олардың акында занғыратып йыр йырлайтаганы туысти.
Эринлери оьзи-оьзиннен йыбырдадылар:

...Куьзде кеткен кырлулар
Язлык келсе кайтарлар,
Аруьвсизбе сизлер деп,
Салам бизге айтарлар...

Бийик коькте ушып бараятырган куслар, оьзле-
рининь акында йырды эситкендей болып, ерге карап
кышкырыстылар:

— Кур-лы! Курлы! Кур!..

Мухтар бир кесек заман колын коькке булгап турды.
Бирден ога ушкылше саптынь алдында канатларын кень
ййып бараятырган ак кырлул ап-ак шыба кийип шавып,
ясты калдырып кетятырган Кырлул-кыз бола койды.

«Кыр-лул! Эситесиньме, Кырлул! — деп яс мунав йол
коькке эки колын да булгалаклап кышкырды. — Токтата-
гы, Кырлул! Неге асыгасынь?!»

«Асыгаман, Мухтар! Кайтарман! Тагы да коьри-
сермиз!..»

Мухтар коьзлерин ашып коькке карады. Онда бирев
де йок эди. Кырлуллардың оьзлери де кайзаман ушып
коьзден тасага туьскен эдилер...

«Кеттилер язык куслар. Кырлул да коьрген болар
оларды, олардың йоллары Кырлул-алардың авылла-
рынынь уьстиннен озады да».

Мухтар алданганнын арасында шал бас теке отарды
баска сокпакка бурып алып бараятыр эди. Мухтар деген
куьшин салып кышкырды:

— Шал бас! Токта!

Зыраньлап бараятырган теке, ястын тавысын эси-
тип, катып токтады эм басын артына бурып карады.

— Терис якка кайда барасынь?! Сол бетке бурыл!

Теке, яс айтканды этип, сол бетке бурылды. Отар да
онын артыннан отлай-отлай йоьнеди. Онын артын-
нан, таягын суьйретип, Мухтар кетти. Бираз барганлай,
коьктен тагы да буга сол баягы тавыслар эситилдилер.
Тагы да яс термилип йогарыга карады. Коькте тагы да

бир куьп кырлув коьринди. Онынъ артыннан экинши, уьшинши кеттилер.

Куслар тап шаншар туьске шеким коьштилер. Оннан сонъ олар коьринмедилер. Олардынъ орнына уьйле авып, коьктен туьскендей, ерден шыккандай, Кырлув келди...

«Кайтпага керек эди. Коьресинъме болатаган куллыкты», — деди, тынысын авыр алып, Мухтар эм эректе сезилер-сезилмес болып коьринетаган Элтарган авыл бетке тоьмен болып карады. Сонъ карамын коьпир бетке тикти эм эринлери оьзи-оьзиннен: «Каза затлар экен партизанлар. Немецлерге пай бермейдилер, оьзлери де, аьдемлерге-затка коьринмей, кайтип юреди экенлер?» — деп йыбырдадылар. Ястынъ коьз алдына мылтык та, автомат та, гранаталар да тагынып, сакаллары дорбадай оьсип, давлардай мазаллы-мазаллы кисилер келдилер. «Оларга коьре не, эки немецти биреви, пушыгына да санамай, алып былактыраяк. Анав бизим авылдагы Маулт кайдай мазаллы эди. Бес пуд шувалды ерден бир колы ман коьтеретаган эди, дейдилер. Ол да соьле партизанды да. Даянтаякларма ондайлар? Сонынъ уьшин олардан немецлердинъ бек коркатаганлары», — деп ойланды.

Тек бир затты ойланмады ол: кишкенекей, юкалак, наьзик битимли Кырлув партизан болар деп, онынъ уьш уйкласа туьсине де энмеди, эсине де келмеди.

15

*Ант эттилер шешекейдей яс яслаф,
Оьтирмейин явдынъ оьтин алмага,
Ант эттилер янсыз яткан тав-таслаф,
Явды ягып, ялын болып янмага.*

Кырлув уьйкен тасты тегаран бир коьтерип, астына салаягын ясырып болып, оны яна орнына тоьнътерди. Бираз эрек тайып турып, бирев де коьрмедиме сосы

мени дегендей этип, ян-ягына каранды, сонъ тешкерип андай-мундайын ясырган тастынъ тоьгерегине коьз салды. «Эне анав япыраклары тамам сийрексиген япалак ябыскан туьбиндеги ялпак тас. Эсимде болаяк, беп-белгили ер», — деди эм асыгып оьз йолы ман кетти. Бираз барып, ол белине байланган кыл арканын шешти де колына алды. Эндигиси йолыккан аьдем йолыга берсин. Авылдынъ тоьгерегиндеги агашлыклардан аз бала отын йыяма? Ол да эне солардынъ биреви болып юри. Немецлер йолыгып, тинте калсалар, янында бир заты да йок. Суьйгенлери кадер тинтсинлер. Кишкой кыз, колыннан келгенше, отын йыйып алып бараятыр.

Авылга ювыклаган сайын, агашлык сийрексип, уьйкен тереклердинъ орнына куваклыклар йолыгып басладылар. Бирден, уясыннан уьркип кыткытлаган тавыктай болып, узын куйрыклы савыскан, йол бойындагы тереклердинъ биревиннен анав биревине ушып конып, кышкырады. Эректен, ога яваплагандай этип, баска бир кызгыш кустынъ тавысы шыкты. Кырлув ян-ягына сак болып каранды. Неге болса да савыскан тынышлыгын йойган, не зат болса да бир зат оны орныннан козгаган деп, ойланды кыз эм, колындагы арканын авада айландырып, тоьмен бетке карап зыранълады.

— Эне анав тоьс бавырда йолыккан эдим Мухтардынъ койлары ман эшкилерин алдынгы йол, а соьле бир зат та коьринмейди, — деп Кырлув токталды эм битилип Капшагай тоьс бавырга карады. Сонъ, сокпактан шыгып, сол бетине юрди. Белки, алдындагы сыртлыклардынъ артында болар деп, ойланып юрди. Куваклыклардынъ туьплериннен отын йыйган киси болып, кургак шырпыларды алды эм, кой отарды излеп, ойпатлыкка туьсти, сыртлыкка шыкты. Йок, бир зат та коьрмедиди. «Аьр заманда да булайларда багатаганман, дейтаган эди, а буьгуьн, оьлшемен мен излеген заманда, не бола койды?» — деп тынышсызланып ойланды. Яна сол ягында созылатаган терен йылгага карады. Йок, бир зат та коьринмедиди, сол баягындай болып, боп-бос. Оннан авыл бетке карады.

Авылдынъ керуув-куунтуварында, ийнедей биз басын бийик коькке коьтерип, Ийне тавы туры. Эм кыздынъ эсине сол сабат ок Кенъ-Тогайда йолкканда Мухтардынъ: «Бизим авылымыздынъ касында тоьбеси бийик, ийнедей йинъишке тав бар. Бир коьрсенъ деш сен оны, Кырлув, тамам ийнедей», — деген соьзлери туьстилер. «Мине, Мухтар, коьрип те турыман Ийне тавды. Уьшин айтувынъ, ярасык, ийнедей болып та туры», — деди ол оьзи-оьзине, тавга карап сукланып.

Излеген затын таппаганы уьшинме, яде арыппа, неге болса да Кырлувдынъ аякларынынъ бувынлары босап кеттилер эм ол, кой, бираз тынысымды алайым деп, кавданга аякларын коьсип олтырды.

Тоьменде тувра алдында, терен тав оьзеннинъ ишиндеги тогайлыкта сув бойы ман шашырап конган авыл аясындадай болып коьринди. Кырлув тешкерип авылга карады. Дыран баслы, кишкей бирдей уьйлер. Эректен карасанъ, оларды бир-бирлериннен айырмага да кыйын.

— Мухтар-алардынъ уьйлери кайсы экен? — деди Кырлув оьзи-оьзине, карамын авылдан алмай. Эм мунынъ коьз алдында бирдей дыран бас уьйлер алдыр-булдыр болып коьринип кеттилер. Коьзлери оьзи-оьзиннен юмылдылар. Соьйтип бир кесек турды, сонъ, сескенип кетип, оьзин-оьзи соькти. Эсине Асияттынъ: «Партизан, Кырлув, эсли болмага керек. Ога бир коьрген затын мутпага ярамайды. Солды да, эсте тутпага керек затка аруув этип эслеп карамага керек болады», — деп уьйретип айтатаган соьзлери туьстилер. Эм мунав йол ол, савлай эсин берип, авылга карады.

— Э, — деди бирден ол, — эне анав шеттеги орамда болар деймен уьйлери. Анав йол Мухтар сол орамды коьргистти де. Орам беттеги каршыгасына субай болып биткен уьш актерек бар, деди. Ол заманда эне анав уьй болады. Каршыгасындагы тереклерди коьрмейсинъме? Сол, сол...

Бирден кызды ойларынан автомат атылынгандай бир тавыс айырды эм ол, ушып турагалып, ян-ягына каранды.

— Та-та-та, — деген тавыс буга мунав кайта алыс болмаган ерден сагыр болып шалынды.

— Э, адавыс болмагыр, агаш тавык экентага, — деди кыз, тувра онъ ягындагы бийиклевдеги уйкен карт эмен теректинъ яйпы бутакларына карап.

— Та-та-та, — деп агаш тавык узун бурны ман карт эмен теректи айт деп тоьбелевде болды.

Кырлув бир кесек заман сейирсинип тынълады эм, кусты коьреек болып, терекке тешкерип карады.

— Эне, эне, — деди бирден суьйинип, — аьжейип кус экен. Бурны да не катыды-ав, агашты, шоькиш пен сок-кандай этип, токылдатады. Аьжейип.

Оннан тагы да авылга карады. Кыйшык-шуйрык орамлары ман тав авылы тармасып туры. «Эне анав уй болмага керек. Сол, тувра сога карап бармага керекпен», — деди Кырлув таьвекелленип. Эм зыранълап авылга карап йоьнеди.

Анда-мунда бармады. Туп-тувра, бу Мухтар-алардынъ уйлері болар деп, ойланган уйге салып келди. Тартына берип каралдыга кирди. Ийт те, зат та уьрмеди, бирев де алдына шыкпады. Каралды, йота соккандай, тып-тынык эди. Тавык экеш, тавыктынъ оьзи де коьринмеди. Эм ол уйге кирейимме, яде кайтип этейим экен дегендей болып, бираз эки акыл болып турды. Сонъ, таьвекелленип, аят уйге кирди. Киргенлей, бир заттан уьрккен заттай, янма-ян артына тайды. Отягадынъ касында кара шыба, кара явлык кийген куртка, лакшынга илинген кара казан-дай кап-кара болып, кишкей шатта шонъкайып олтырып туры эди. Ол кыздынъ киргенин коьрдиме, коьрмедиме, ким биледи, эсик бетке караган да этпеди, сол турысындай болып олтыра берди. Кырлув, не этеегин билмей, саьспеклеп, бир аягыннан анав бир аягына авысты, сосы мени эслемеспе экен дегендей этип, баьленше кайта тамагын кырды. Куртка бирден кара явлык оранган басын эсик бетке бурды эм ишке уьгьирейген кара коьзлери мен кызды бастан аякка карап шыкты.

Юокалак, битимли кишкенекей кыз. Басына авган, эски куба тубсли явлык байлаган, уьстине юка шонтык, аякларына сактыян шарыклар кийген.

— Оьксиз бирев болар язык, садака тилеп юри, — деп куьбирденди куртка оьзи-оьзине эм акырын орныннан турды. Тагы да кызга карады. Сонъ, колы ман олтыр дегенди билдирип, отягада турган кишкей шатгы коьрсетип ымлады. Кырлув, туьсинмеген кисидей болып, турагалып тура берди. Куртка иргедеги уьндириктен барып ярты наьртуьк оьтпекти алып, бир уьйкен кесегин сындырып, кызга узатты.

— Маь, кызым, оьтпек, соьле мен сага айран берейим. Олтыр, ас ишип кет.

Кырлув, таьтли наьртуьк оьтпекти ишине туврап, бир уьйкен агаш аяк айранды ишти.

— Савболынъыз, аьей.

— Ас болсын, балам, — деди куртка эм онынъ тиссиз арыкай яклары бир-бирлерине киргендей болып сезилдилер.

Кырлув, куртка оьзи соьз басласа соьйлермен деп, артык зат айтпады. Аман да уьйткен куртка да, аша, иш деген болмаса, баска зат коспады.

— Кой, кетейим, аьей, — деди бираз турып.

— Кайсы яктансынъ, балам? — деди куртка мунав йол, кыздынъ йогарыга турганын эслеп.

— Мен ногай кызбан, аьей. Сувдынъ анав ягындагы авылда кардашларымыз бар, соларга бараятырман.

Ногайман дегенди эситип, куртка кызга битилип карады, шатын аз-маз ол бетке йылыстырды.

— Язык саьбий, тентиреп юрисинъ деш. Алла тентиреткей эди ол иймансызларды, — деди кызды аяп соьйлеп. — Бизим де ногайда ювыкларымыз бар эди, балам. Не болдылар, не калдылар, ким биледи оларды? Бу каппа-карысык дуньяды коьрмейсинъме?

«Мухтар-алардынъ уьйи болады ол заманда бу, курткадынъ ногайда кардашымыз бар эди дегенин эситпейсинъме?» — деди янма-ян Кырлув оьзи-оьзине.

— Ай, язык саьбий. Яман дуньядынъ аьдемлери болдык. Сосы куьнлерди коьргенше, оьлип кеткен болсам, не керек эди? Йок, Алла аьжел бермейди. Кавгада йойтылган языгымнынъ тунгышын тек туьнегуьнлерде, Кудайым-Таала атларын ататпагырлар, немеслер атып оьлтирдилер. Наьсип барма менде? Ах, каска басым...

Куртка, коьмекейи босап, соьйлеялмай, соьзин боьлди. Тамам тыртайган увыртларына коьзяслар тамдылар.

Бирден Кырлув олтырган ериннен ушып турагалды эм юреги аттай тепти:

— Мухтардыма? — деп кышкырып йиберди.

Куртка, оьлген йиенининъ атын эситип, ушып турагалды эм, арыкай колларын созып, кыз бетке тен-тирекшип адымлады. Кырлув курткадынъ колларынан ыслады. Йыгылып олтырмасын деп, етип аькетип олтыргышына олтыртты. Бираз заман экевлери де уьндемей олтырдылар. Оннан сонъ, юреги сыгылып, куртка немецлер кайтип йиенин оьлтиргенлерин айтты.

— Оьзимиз де артык туврасын билмеймиз, балам. Анав Эдиш шокрыактынъ касында аткан, дедилер. Бабленше немец койларынан бир нешевин айырып айдаймыз дегенлеринде, язык бала, бермеек болып, олар ман эриседи экен. Адавыс болсынтага сол койлар. Ал, оьзи дуныядан кетти, сендей болар эди, балам, топырагы кадер яша онынъ...

Куртка, куьдирейип олтырып, авыр хабарды айтты. Кырлув эндигиси онынъ бир соьзин эситти, биревин эситпеди. Коьзлери коьзяска толып, тоьмен салган басын йогары алмай олтырды. Бирден ол, уйкыдан уянган аьдемдей болып силкинип, басын коьтерди. «Сен партизансынъды да, алдыдагы куллыкларынъ ша?» — деди юрегининъ туьбиннен алып бир каты тавыс. Эм курткага карап каарланып:

— Аьей, оьшин калдырмаспыз. Бизикилер тезден оларды, артларына каратпай, тызыктырарлар. Мухтардынъ оьшин алмага ант этемиз, — деди.

— Авызынъа май туьскей эди, балам, — деп куртка арыкай коллары ман юзин кайта-кайта сыйпады.

— Тезден келерлер, аьей, коьрмеге сав болынъыз.

«Оьш, оьш, оьш», — деп оьршести Кырлувдынъ каны эм ол, куртка ман аманласып, оьзи айткан антын ютпас уьшин, оьз каьрин этпеге кетти.

Кисляктынъ партизан отрядына, Марух авыстагы бизим аьскершилерге тав артыннан ярдамга куьш келгенше, явдынъ авыс бетке барувына тыйдажлык этпеге деп, буйырылган эди. Партизанлардынъ куьби, Марух оьзендеги йолдынъ тар ерин сайлап алып, агашлыкка букты. Йол булайда, айлана келип, тикке тармасатаган эди, соннан себеп бу ерде машин де, яав да акырынлайтаган эди. Йолдынъ онъ ягы калын агашлык пан кая тас, сол ягы — тав сувы аккан терен йылга.

— Тап ер. Йигиттей болсак, булайдан явды бир кесек заманга йибермей турмага болаякпыз, — деди, аьдемлерди кайратландырып, комиссар Абанов.

Разведкага кеткенлер йолда бек те узак болмай явдынъ аьдемлери коьрингенин келип билдирдилер. Отряд сол саьат ок согыспага аьзирленди. Партизанлар тав йолларда немецлердинъ этетаган аьдетлерин тамам билип калган эдилер. Энь алдын олар коьшетаган аьскердинъ алдында кишкей тав танкетка, яде бир неше мотоциклистлер йиберетаган эдилер. Бу йол да олар соьйтип эттилер: экисер аьскерши олтырган эки мотоцикл коьринди.

— Мотоцикллерди йиберинъиз, тийменъиз, — деди бас деген куьптинъ уйкени. — Оларды йогарыдагы куьплер йок этерлер.

Мотоцикллердинъ артыннан баьленше машин коьринди. Олар, авыр гуьрилдеп, йолдынъ тигине тармасканлайына, куьшли атылувлар эситилиндилер. Тавлар-таслар тарсылдадылар, яв аьскершилери, сав калганлары, саьспеклеп, ызданга атыламыз деп коркып, бугып турган партизанлар бетке оьзлери шаптылар. Партизанларга кереги де сол эди. Ядырадан кашаман дегени ызданга атылды, ызданнан кашаман дегени мергин ушкан окка ушырады. Ярым саьат кадердинъ ишинде яндырып келеятырган немец колонна янды да соьнди...

Партизанлар эки куьннен бербетин бизим авыска баратаган савытымызды, аьдемлеримизди аьлек-шаьлек этедилер деп, немецлердинь штабында ала-буркасын болды. Экинши куьн партизан отряды турган ердинь уьстиннен явдынь самолеты баьленше кайта карап ушты. Туьстен сонь йол беттен де эм партизанлар эш ойланмаган яктан да немецлердинь карательный отрядлары шыктылар. Сокпакты олар оьмирде де билеек болмас эдилер, бир саткын бирев табылганга усайды. Туп-тувра уьстимизге туьгилип келгенлерин коьресиньме деп, партизанлар каарландылар.

Яв партизан отрядты эки яклап аткышлап баслады. Ядыралардынь ярылувлары, оклардынь атылувлары тавларды заньыраттылар, тасларды тарсылдаттылар.

— Авыс бетке таймага керек, — деди аьдемлерине Кисляк.

Отряд, бирде ятып, бирде энькейип, командир коьрсеткен бетке йылысты. Бирден тувра алды якларыннан токтавсыз атылув шыкты. Алдыда бараятырган абаза Азамат таслы ерге дуьрсилдеп йыгылды.

— Азамат! — деди Баубек, онынь басын коьтерип.

Азамат, коьзлери кан басып, Баубекке карады, тили куьрмелеп, бир зат та айталмады. Баубек яралыды бир уьйкен тастынь касына аькетти эм сувып бараятырган маньлайын сыйпады, онынь коьзлери ясландылар.

Азамат отрядтынь орта аркалыгы эди. Коркув деген онынь эсине де кирип шыкпайтаган эди. Явдынь етпей янын алады бизим Азамат деп, мактанатаган эдилер партизанлар...

— Алдымызда явдынь пулеметы пай бермейди. Солга каты агынлы сув йибермейди. Кайтип болса да пулеметты токтатпай, бизге йол йок, — деп шыкты бу вакытта, Баубектинь ойларын боьлип, командирдинь тавысы.

— Мен барайым, — деди кеселтек бойлы, аьр заманда да куьлемсиреп туратаган орыс яс Максим, Кисляктынь касына йылысып.

Командир сак кара деп айтып та уьлгирмеди, Максим агашка синьди. Тастынь артына буккан Кырлув бир

атасына, бир Асиятка, бир алдыга карап алды. Командир, бир тастан бир таска шавып, аьдемлерин алдыга ымтылтты. Болса да явдынъ пулеметы артык алдыга бармага пай бермедди. Кисляк ашувлаып анда, Максим кеткен бетке юреги телезип карады. Йок, яс та кайтпайды, явдынъ пулеметы да авызын токтатпайды. Бирден Кисляктынъ онъ ийни силкинди де тоьмен ийилди.

— Ийтлер, — деп кыршынды командир эм алдыга басы ман ымлап: — Тагы да бирев бармага керек анда, — деди.

— Кеттим мен, — деди Баубек эм, белине тагылган гранаталарын ыслап карады да, алдыга зыранълады.

Кырлув акасынынъ артыннан тоьмен болып карады. Баубек бир он-он бес адым да этип уьлгирмедди, бир аьжейип болып шайкалды эм артына, кызы калган бетке термилип карады да акырын тастынъ янына, арыган аьдемдей болып, шоьнъкти.

— Акай! — деп кышкырды Кырлув эм янма-ян атасынынъ касына етти.

Баубек бир уьйкен тастынъ янында, тыншаймага олтырган аьдемдей болып, уьнсиз-туьнсиз янтайып туры эди.

— Акай, акай, не болды сага? — деп Кырлув атасынынъ ийниннен ыслап тартты.

Баубек, коькирегин ыслап, кызына мери канмаган коьзлери мен карады. Кырлувдынъ тоьгерек кызыл увыртларына уьйкен ала коьзлериннен тыгырыптыгырып ашы коьзяслар шыбырдылар. Ол атасын кушаклап бираз турды. Сонъ, силкинип атасыннан айырылды да, коьз-ясларын суьрти, кыршынды эм, атасынынъ белиннен гранаталарды алып, йогарыга, алдындагы каядынъ басына карады.

— Кырлув, токта, мен барайым, — деди бу вакытта Асият, кыздынъ не этпеге аьзирленгенин сезип.

— Йок! — деди кыз. — Мен кишкеймен, сезилмеспен. Эне анав тик кая бетген шыгарман. Ол наьлетлер ойланмаган ерден шыгарман. Тек сен, Асият аьптей, акайдынъ ярасын аьруув этип байла, даь?

Кыскаяклы, тоьмен болып, кызга карады.

Кырлув, бирде ятып, бирде шоьнькип, алдыга, иргедей болып турган кая бетке йылысты, «Каяга етсем, яв сезеек тувыл эди. Тек каяга шежим», — деп, тастан-таска ясырынып, алдыга сак болып, эш бир бутак тырсылдап, яде тас тымалап тавыс шыгарып олтырмасын деп, барды. Окында токтап, каядынъ басына, немец пулеметы бетке карады. Анда онынъ атасын авыр яралаган, бир неше партизан акайларды оьлтирген яв буккан. Алдыга, тынысымды бек этип алсам да эситилип олтырар деп, кавыфланып йылысты. Кыз каядынъ туьбине еткенлей, шонтыгын шешип таслады. Тик каяга йоргаламага енъил болар деп, ойланды. Эм янма-ян, тав эшкидей, тик каяга, аяк баскандай ерлерин излеп, тармасты. «Ай, энди де бираз, бираз», — деп оьзин-оьзи йигерлендирди. Окында токтап, тоьгерекке кулак салды. Огырсыз пулемет айыт деп тырылдавда. «Токта сен бир», — деп ашувланды кыз. Тармасып бараятырган каясы бирден иргедей тик болды, аяк баскандай ер коьринмеди. «Абайым-ав, оьлшемен аз калганда, болатаган куллыкты каратагы», — деп кыз, юргендей ер излеп, тоьгерегине карады. «Токта, токта, эне бираз тоьмен туьсип болып, сонъ онъ бетке бармага керек», — деди суьйинип. Эм ол бир он абыт кадер ерди тоьменге артына кайтты. Сонъ, сол бетке йол алып, тагы да йогарыга ымтылды. Тармасапага кыйын болса да, бу йол ман каядынъ тоьбесине шыкпага болаяк деп, ойланды. Кырлувдынъ аяклары ман коллары каяга, мысыктынъ тырнаклары терекке каптырылгандай, каптырылдылар. Бармаклары кызардылар, бетлерин шоькир коьгемликлер тырнадылар, а ол токтамай алдыга тармасты. Онынъ эси-дерти анда, йогарыда болды. Енъил болып шыкпага керек, ол болмаса куллык коьтере ялпайды. Анда калган яралы атасы да, агайлар да, Асият аьптей де ялпайдылар. «Тез, тез, Кырлув! Йигиттей бол!» — деди ол арып токталса, оьзин-оьзи асыктырып. Тагы да тармасты. Тагы да, тагы да... Бирден юреги енъил сокты. Ол каядынъ басына шыкты эм, тынысын алып, бираз тынълап ятты. Бу вакытта ят соьзлер эситилдилер. Немецлер тувра алдында экенлер. Мине пулемет яна тырылдады. Кырлув тастынъ янына йылысты эм ятып алдына карады.

Бир йырма адым кадер ерде яв айт деп аткышлайды. «Э, эхе, — деди кыз обзи-обзине, — тувра уьстине шыккан экенмен». Сонъ алдыга улактай шоршыды. Бир он, он бес абыт кадер ерден артлы-артыннан эки гранатады таслады.

Ер сенъкилдеди, коьк гуьрилдеди, тавлар тарсылда дылар.

— Э-э-эй, акайлар! Мунав бетке! Йол ашык! — деп кышкырды, тоьменге карап, Кырлув.

— Кыр-лув, — деген сагыр сес шалынды ога тоьменнен, обьз беттен. Сонынъ арасында ер мен коьк актарылып асты-уьстине туьсеятыргандай болып сезилди кызга. Бас деп ол аз-маз тентирекшиди, эринлери сезилер-сезилмес: «Абай, абайым-ав...» — деп йыбырдадылар. Оннан сонъ сол атыс шыккан бетке карады. Ол беттен де ога, кутыгыннан шыгаятырган болып, эки коьк коьзлер карадылар. Кыз тентирекшип алдыга адымлады. Ерде яткан аьдем, авыр яраларыннан туралмай, коркып артына йылысты. Кыз, деген куьшин салып, тагы да алдыга адымлады. Ерде яткан коьк коьз немец те артына йылысты Эм бирден, тасланган тастай болып, бийик ярдан тымалады.

— А...а...а! — деген онынъ облим алдындагы кышкырыгы Кырлувга шалынды эм кыз да оннан сонъ дуьрс деп, таслы ерге йыгылды.

Тоьменнен тар сокпак пан аьдемлер йогарыга асыктылар.

Кырлув эт бетиннен ятыр эди, янында басыннан туьскен тери боьрки. Кара шашлары, батаятырган куьннинъ таяклары тийип, окадай шагылысып турылар. Бирден Кырлув кыймылдады, биревди коьреектей болып, басын коьтерип, тоьгерегине карады. Сонъ карамын бийик куьз коьгине тикти эм эринлери тегаран бир йыбырдадылар:

— Кыр-лув... Кыр-лув-лар, — дедилер.

Кыздынъ тоьгерегинде, басларын тоьмен салып, партизанлар турагалганлар. А бийикте, тувра кыздынъ тоьбесинде, уьшкыл-уьшкыл болып тизилисип, алды якка кырлувлар ушып бараятыр эдилер. Олар бирден тоьменлеп бизарзга тавлардынъ уьстинде токталгандай

болдылар эм, ерде яткан кыз бан аманласкандай этип, кышкырдылар:

— Курлы-кур-лы... Кур-лы!..

Кырлув онъ колын янына таслады, эм колы солып бараятырган тав шешекейине тийди. Шешекей шайкалды, япыраклары тоьмен ийилдилер.

Сосы арада оьзеннинъ аргы ягыннан куьшли «ура» шалынувы эситилди. Бу явды япырып, буларга ярдамга келеятырган баска партизан отрядынынъ ура шалганы эди.

— Абай, абай, — деди тегаран бир сыгып кыз эм, туьсиндедей болып, касына анасы келди, эм анасы юмсак колы ман кызынынъ шашларын акырын сыйпады, онынъ суьетаган йырын айтып сыйпады:

...Кызым, кызым, кыз тана,
Кызыма берер юз тана,
Юз танасы ак тана,
Атасы келер мактана...

Эм кырлув-кыз анасынынъ сол йыры ман оьмирге уйклап кетти.

* * *

Кырлувдынъ илеси, командирдинъ кара ямышысына оралып, бийик каядынъ уьстинде салынган. Коькирегинде галстук кызыл оттай янады. Оьликтинъ янында савытлары ман эки яс аьдем, сынтастай, катып турылар. Авыр яралы Баубек, ямышыда ятып, кызына карайды, тегаран бир кыймылдаган колы ман кызынынъ басын сыйпайды. Коьмекейи босап, эринлери тегаран бир: «Кызым, Кырлувым, саклаялмадым мен сени, ананънынъ аманатын толтыраялмадым»... — деп йыбырдадылар. Онынъ кайгырган заманда кабыргасы кайысты, юреги телезип, ишке уьнъилген коьзлериннен, тып-тып деп, кара ерге коьзяслары тамдылар. Аьдемнинъ юреги коьтералмаган коьзясларды кара ер коьтерди.

О, кара ер! Не затты да коьтересинъ-ав. Не затты да оьзинънинъ бавырынъа басасынъ. Мине соьле киш-

кенекей Кырлувды да, акасыннан айырып алып, оыз бавырынъа кыстынъ. Улпа тоьсектей бол ога, даь...

— Эрликти аьжел енъмес. Эрдей эрки болган бизим Кырлувдынъ да эрлиги аьжелсиз! Халкы уьшин, эли уьшин омыравын окка туьсеп, дуньядан кешти. Солды да, эли оны мутпас, атын авызыннан туьсирмес. Бизим Партизан конъырав», — деди, коьмекейи босап, Кисляк.

Басларын тоьмен ийип, сап-сап болып турган партизанлар силтидей тындылар.

Тавларды, тасларды занъыратып, мылтыклар атылдылар. Сол атылув тавысларга явап бергендей, мунар коьктинъ куьмбези де ярылаятыргандай болып тарсылдады. Айындырык ярк-юрк этип яркырады. Тав-таслар гуьрилдедилер. Койы булытлар ийилип келип, каты ямгыр явып баслады.

Коьк те йылады, ер де йылады. Тавлар да, таслар да, партизанлар да Кырлув кызлары ман сонъгы кайта аманластылар...

17

Йигит оьлсе де аты калар.

Узын кара шыба кийген, уйкен кара явлык оранган арыкай битимли, узын бойлы куртка, тамырлары шатлап турган колын йол-йол болып тыртайган манълайына куьндик этип салып, тамам оьткирликлери кайткан кумар коьзлерин шуькирейтип, бийикке, коьп-коьмек куьз коьгине термилип карайды. Муны коьрген аьдемге ол оьмирлерден нарт басып калган кара сынтастай болып сезиледи. Онынъ ишке уьнъылген коьзлери ясланадылар. Ол коьзясларын суьртпейди, тигилип коькке карайды. Йогарыдан, коьк куьмбезиннен онынъ кулакларына сагыр болып: «Курлы-курлы, кур», — деп шыккан тавыслар шалынадылар.

— Э, кала-кала, коьрмейменди де, — деп куртка, басын тагы да бек артына шалкайтып, бийикке карайды.

Коьк беттен сол баягы сеслер эситилинедилер:

— Курлы-курлы, курлы, кур...

Болса да курткадынъ сонъгы заманларда бобтен де бек ясланып баслаган коьзлери артык алалмадылар. Тек бийикте бир кишкей-кишкей карашыклар коьргендей болды. Коьрмесе де, эндигиси онынъ кулаклары кырлувлардынъ кышкырыкларын аьруув эситтилер:

— Кур-лы-курлы!

— Кырлувлар, — деп ушып кеткендей болды Минат куртка. Эм ога суьлдердей уьшкылше болып тизилип бараятырган куслардынъ саплары сезилди.

— Кайда барасыз, янларым, коьзлерим? Асыкпай турынъызтагы, — деп йыбырдадылар курткадынъ кургаксыган эринлери, тап коьктеги ушып бараятырган куслар онынъ айтканларын эситееклердей коьрип. Сонъ, токтанъызтагы, токтанъызтагы дегендей этип, колы ман коькке булгалады.

Ушып бараятырган кырлувлар курылдап кышкырыстылар. Куьптинъ алдындагы кырлув, канатларын кенъ таслап, тоьмен саркты. Онынъ артыннан калганлары да бурылдылар. Кырлувлардынъ уьйири авылдынъ уьсти мен бир кайта айланды. Тап оларга термилип карап турган курткага салам бергендей, уьйирилдилер эм оьз йолларына туьстилер. Мине сосы шакта карт Минат куьп канатлыларды аьруув этип коьрди эм кайгы баскан юреги коьтерилди, оьзининъ ялгыз Кырлувын коьргендей болып, суьйинди. Бирден курткага коьк пен ер лал йобгер шешекей болып кетти. Еннет деген мунавы экен деп, йыбырдадылар онынъ тыртайган эринлери. Эм сол яйнап турган гуьл шешекейлердинъ арасыннан, ап-ак, юп-юка даьрий шыба кийип, басына коьктинъ юзиндей коьп-коьмек куьлмели буьркенип, кызы коьринди... Минат, юреги аттай тебип, шырайы яйма-шувак болды, эм ол, кушагын кенъ яйып, коьзлери тоймай, кызы бетке карады. Кырлув да анасы бетке карады. «Мен бетке келтагы, шыракшым, бавырыма басайым, кайзаман мен сени коьрмегенли, сагынганман», — деп тиледи куртка. Бу вакытта коькшил коькте яна куьп-куьп болып, ап-ак кырлувлар коьриндилер. Олардынъ бир куьби, саркып келип, Кырлувдынъ тувра тоьбесинде айланды. Кыз, бир затлар айтып, кишкей колын кусларга булгап баслады.

Токта, токта, кызым не дейди-ав деп, Минат сак болып тынълады. Бирден онынъ кулакларына Кырлувынынъ ярасык йинъишке тавысы шалынды:

— Абай, абай, кырлувлар ушып бараятырлар. Коьресинъме?

— Коьремен, шыракшым.

— Олар тагы да кайтаякларма, абайым?

Курткадынъ эринлери, сол сорава явап бергендей этип, йыбырдадылар:

...Куьзде кеткен
Уьшкиллесип кырлувлар
Келер язда
Асыгыслы айланып,
Коьресизбе,
Келдик мине биз де деп,
Йырлар йырлап,
Аьдуйвленип, сайланып...

— Абай-ав, тагы да айттагы, — деп шалынды эрек болып сол баягы йинъишке тавыс.

Минаттынъ бетлерине йылмаюв энди. Анадынъ баласын суьйгенде куванатаган суьйиниши сезилди:

— Куьним, айым, Кырлувым, соьле-аьле айтайым. Тек сен аьруув этип тынъла, даь?..

Язда кеткен
Яным, кызым, Кырлувым,
Келмединъ-ав,
Яз келгенде айланып,
«Аьруувсинъме,
Яным, каным, абай», — деп,
Аьдуйвленип,
Йырлар йырлап, сайланып...

Куртка коьзяс толган коьзлерин суьртти эм, басын коьтерип, бийик коькке карады. Авылдынъ уьстиннен саркып айланган кырлувлардынъ куьби кайзаман коьзден тасаланганы. Болса да Минат орныннан коьзгалмады, сынтастай сирелип, бийик коькке карап тура берди. Ол куслардынъ бир-эки куьби ушып кетселер де, тагы да,

тагы да артларыннан баскалар ушып келееклерин билетаган эди. Эм, айтканы болсын, тагы да коькте янгы куьп кырлувар коьриндилер. Куртка оларды да озгарды, олар ман да аманласты. Оларга да, язлыкта аман-эсен кайтынъыз деп, тиледи. Сонъ серпилип, сосы меним оьзи-оьзим мен соьйлескенимди бирев де коьрмедиме экен дегендей этип, орам бетке карады.

Орамда, басын артына шалкайтып, мойнындагы галстугы оттай янып, коькке карап бир кишкенекей кыз бир затлар айтып туры эди.

Минат, не дейди кызалак дегендей этип, савлай эсин берип тынълады. Эм онынъ кулаklarына зангырап айтылган йырдынъ соьзлери эситилдилер:

...Кырлув кыздынъ
Шыктай таза суюви
Калды оьмир
Кырлуварда, кырларда,
Авылдастар
Кеше-куьндиз йырлаган
Зангыраган
Оьлмес яшав йырларда...

Карт Минаттынъ авырган юреги каты сокты. Ол басындагы кара явлыгын туьзетип байлады эм коьнъили коьтерилип айтты:

— Йок, йок, меним Кырлувым оьлген йок экен, сапсав, ол яшайды экен. Аллага мынъ кере шуькир, карт басым Арапа тавга етти, муткан йок экен халкы ялгызымды. Аты айтылса, ол аьдемди оьлген деп болама...

Йыр, канат кагып коьтерилип, ушып кетти. Энь алдын ол авылды бийледи, оннан бийик коькке коьтерилди. Уьшкиллесип ушып бараятырган куслардынъ артыннан кувып етти. Эм олар оны оьзлери мен алыс якка алып кеттилер.

Оьмири оьлмес кыздынъ акында оьлмес йырды ушырып алып кеттилер.

Черкесск, 1971–1972 й.й.

НОГАЙСКИЙ ДОМ

Иллюстрация художника
Ю. Б. Карасова

ОТ АВТОРА

Ас салам алейкум!

Прими мой салам, дорогой читатель, а потом я начну свое повествование.

Мысль о том, что я обязан написать эту книгу, преследовала меня долгие годы. Что бы я ни писал, что бы ни замышлял, мечта об этой книге, которую я давно уже назвал «Ногайский дом», не покидала меня никогда. Ведь уйдет из жизни мое поколение, и потомки наши никогда не узнают о *ногай адет*, прекрасном ногайском образе жизни.

Ногайский народ был богат своими обычаями, обрядами, нравственными воззрениями, истоки которых уходят вглубь веков. Одной из главных черт ногай адет было и остается слово «намыс», честь. Намыс был превыше всего в жизни ногайца. Благодаря чести у человека всегда были достоинство, отвага, смелость. Эти качества помогали ногайцам показывать примеры мужества, уважать старших, почитать женщин, любить труд.

Семьдесят с лишним лет партийные руководители говорили народу: «Ваши обычаи и традиции — пережитки прогнившего прошлого, они мешают нашей жизни». И не только говорили, но и тех немногих, кто доказывал, что у нас есть прекрасные традиции, преследовали, снимая с должностей, высылая из родных мест. Никто не смел усомниться в правильности их действий, никто не мог им противостоять. Потому и забылись многие наши обычаи и традиции.

Несколько поколений выросло на искусственных, выгодных коммунистам обычаях, которые так и не привились в народе. Новая власть издавала указы, объявляла комсомольские свадьбы, но народ отвергал эти новшества. Невежественные люди, вставшие во главе народа, привели его к пропасти. Уже никто не думал о скромности, нравственность вышла из

моды. Стало страшно поминать имя Аллаха. Молодежь перестала уважать старость. А что отличает человека, не знающего приличий, поправшего мораль, от животного? О таких у нас в народе издревле говорят: «Скотине подобный». И даже бессловесную скотину можно обидеть таким сравнением.

Появились наркоманы и пьяницы. На свадьбах народную музыку подменила чужая, появилось пренебрежение к народным танцам. Усопших боялись хоронить по своему обычаю. Некоторые перестали говорить на своем языке. В школах преподавание родного языка стало необязательным. Не только ногайцам, но и другим малочисленным народам внушали: «Забудьте свои обычаи и традиции, оставьте свой язык и ремесла, скоро будет коммунизм, тогда все будем говорить на одном языке, жить одинаково». Такое вытравливание к добру не приводит. Они ведь знали: народ, забывший свой язык, поправший обычаи предков, скоро забудет и имя своё, и управлять им будет совсем несложно...

Но этого не случилось, хотя много прекрасных традиций погубили. И теперь молодежь думает, что ничего хорошего у нас никогда и не было. Перенимает не самое лучшее у других народов.

Вот эти мысли жгли меня все эти годы, не давали покоя. Ведь мой народ имеет свою многовековую историю, прекрасную древнюю поэзию, ремесла со своими тайнами, передававшимися из поколения в поколение, со своими секретами изготовления. Это сейчас мы — всего лишь малочисленная народность, о которой еще недавно говорили, что у нее до революции не было ни истории, ни культуры, ни письменности. Большинство людей, живущих в бывшем СССР, до сих пор не знает, что есть такой народ — ногайцы. А ведь еще шесть веков назад у моего народа была своя государственность, Ногайская Орда, созданная великим, воспетым в эпосе Эдиге-батыром. Это не сказка, а реальность. Великие певцы моего народа — Шал-Кийиз Тилениш-улы, Казтуган, Досмамбет Азавлы донесли до наших дней свидетельства об истории и культуре ногайцев.

Сейчас, когда всё потеряно, было бы легче жить с мыслью, что ничего этого у нас не было. Но генетическая память бьет нас словами — было! все было! — и от этого еще более сознавать, как легко мы все утратили.

Потому и жила во мне эта боль, тоска по книге о моём народе. И поехал я в степь — колыбель ногайского народа. Объездил Ногайский, Нефтекумский, Шелковской районы, был в Астрахани, везде, где сейчас живут ногайцы, говорил со стариками, восстанавливал по крупицам память о старинных обычаях и традициях. То, что находил за долгие годы, сразу просилось в рукопись. Сначала я записывал всё без разбора, всё, что слышал о давно забытых обычаях. Спешил записать, лишь бы не забылось, не пропало! Лишь потом, разобрав свои записи, привёл их в упорядоченный вид. А как мне это удалось, судить уже тебе, мой дорогой читатель.

Я поставил себе цель — рассказать о ногайском доме, о его жизни, заботах, радостях и печалях, одежде, еде и питье. Скажут точнее — я хочу раскрыть душу ногайского дома. Не откажись и ты понять её, мой друг.

Ногайский дом — мой дом. Нет в мире человека, который не любил бы свой дом, свою колыбель. «Тот, кто порочит свой дом — умрёт на чужбине», — говорят ногайцы. Потому и я, рассказывая о своем доме, старался показать его во всей красе. Но не скрыл и неприглядные углы. Ведь у ногайцев есть и другая пословица: «Скрывающий свою бедность никогда не разбогатеет». Если мы сами не скажем о своих недостатках, кто-то чужой покажет на них пальцем.

И вот эта книга у тебя в руках, мой читатель. Если она хоть немного согреет твоё сердце, хоть ненадолго вернёт тебя в прошлое, — это будет самой дорогой наградой за мой труд.

Ну что ж, теперь, я от всей души говорю тебе, мой читатель:

— Добро пожаловать в Ногайский дом, его дверь всегда открыта для тебя. Не откажись отведать его хлеба-соли, увидеть его житьё-бытьё.

НОГАЙСКОЕ ЖИЛИЩЕ

1. ЮРТА

Старинный ногайский дом был похож на синий купол вечного неба. Дом был словно половина мяча, выделывали его из войлока. Кубанские ногайцы называли его войлочным домом, а степные ногайцы говорили — «терме» — юрта¹. Войлочный дом — юрта — был самым удобным для народов, бесконечно кочевавших по бескрайней степи. Некоторые народы до сих пор живут в юртах. Еще Геродот оставил нам свидетельства о том, что древние скифы жили в войлочных юртах. Видите, с каких достопамятных времен юрта была жилищем нашего народа-кочевника?

Вечно кочевавший ногаец в нужное время быстро собирал свое жилище и гнал скот дальше. Надо сказать, что для кочевника невозможно представить другого жилья, более удобного, чем юрта. Потому-то он и был верен своему дому многие века. Круглая юрта надежна, она всегда спасала ногайца и от степного ветра, и от проливного дождя, и от жгучего зимнего мороза. Плотный и толстый войлок выдерживал все натиски стихии. Войлочная юрта была обычно или черного, или коричневого цвета. Были и белые юрты. Их делали для богатых.

Кереге, сыкырлавык, увык, шангырак, — это составные части юрты. Кереге — это решетки стены, на которые

¹ Юрты у ногайцев были двух видов: разборная терме и неразборная малая отав, которую ставили поверх повозки, как современный трейлер. Ногайские терме отличались от казахских и киргизских, но были сходны с юртами алтайских народов, обладали прямыми увыками, сохраняя наиболее древнюю форму, очевидно унаследованы от половцев — прямых предков ногайцев.

опирается юрта, растягивается войлок. Сыкырлавык — крепления. Увык — тонкие прямые потолочные прутья, на которые войлок накидывался и закреплялся. Некоторые большие юрты насчитывали до девяноста таких прутьев. Шангырак — это купол юрты, место её сбора. О куполе юрты сказано даже в нашем великом эпосе «Эдиге».

На шангырак поднимется Кубы-ул,
Через купол юрты исчезнет Кубы-ул...

Кроме этого, были ещё веревки, завязки для скрепления юрты. Маленький войлочный коврик назывался *табандыфык*. Видимо, это слово пошло от слова *табан* — ступня. Коврик у порога — первое, на что ступала нога человека, вошедшего в ногайский дом.

Дверь юрты тоже была войлочной и всегда смотрела только на юг. Верх юрты делился на 12 частей. И это неспроста. Юпитер — по-ногайски он называется еще Звездой, погубившей ишаков, — один раз в 12 лет оборачивается вокруг земли. Год делится на 12 месяцев. И в эти двенадцать месяцев года и свет, и тьма одинаково струились в купол юрты.

Теперь вы видите, что предки наши никогда ничего не делали зря. Все их деяния следовали законам природы. Если бы народ наш не был талантлив, он никогда не додумался бы до таких тонкостей.

Там, наверху, где потолочные жерди юрты соединялись в купол, их никогда не скрепляли наглухо, а оставляли круглое отверстие. В него заглядывало солнце и освещало юрту, через него же выходил и дым очага. Юрты, как и нынешние дома, были большие и маленькие, красивые и невзрачные. Хозяева-умельцы украшали свои юрты различными узорами, обвешивали внутренние стены коврами.

Люди из одного рода ставили юрты неподалеку, чтобы быть друг другу опорой. Никогда ногаец не отдалялся от родственников, не обособлялся. Так они были близки и в горе, и в радости. Вместе легче было отразить набег неприятелей, а их у ногайцев было немало.

Хоть, на первый взгляд, круглая юрта и кажется маленькой и тесной, зайдя внутрь, вы увидите, как она просторна. Пол её устлан узорчатым войлоком. На почетном месте напротив входа всегда сидел старший, по обе стороны от него садились родственники, строго соблюдая старшинство и близость к хозяину до самой двери юрты.

Круглая юрта, посреди её — очаг, над очагом — большой круглый казан. Людям, тесно сидящим вокруг очага, через отверстие купола всегда было видно небо. У нас издревле говорят «...не покачнув отверстия купола». Что это значит? Мудрые предки ценили дом, чей купол был ровен и крепок, ведь в его отверстие и дым выходил ровно, и такую юрту почитали благословенной. А там, где отверстие расплывчато, столбики качаются от ветра, и самой юрте упасть недолго, то люди видели, что нет в этом доме согласия.

Степные ногайцы еще до двадцатых годов XX века ставили юрты. Сейчас у ачикулакских и дагестанских ногайцев ещё можно встретить людей, рожденных в юрте. А кубанские ногайцы теперь уже и слова такого не знают. Я еще успел услышать от своего отца, что предки наши «жили в войлочных домах».

Юрта — колыбель нашего народа. Потому-то, вспоминая предков, мы не можем не вспомнить о юрте. Круглая юрта, круглое небо, круглая земля, круглый очаг, круглый хлеб. Именно эти понятия во все века были и остаются основой жизни.

2. ТУРЛУЧНЫЙ ДОМ

Турлучные дома я ещё застал, да и сам родился и вырос в таком доме. В детстве моего отца стены этих домов плелись из ивовых прутьев, потому их и называли плетенками. Плетёные стены снаружи и внутри тщательно обмазывались глиной. Крышу дома накрывали ябу. Это растение, растущее у воды в ивняках наподобие камыша, только оно немного мягче, чем камыш. Крыши из ябу никогда не пропускали воду. Чтобы её не унесло сильным ветром, крышу туго стягивали и перевязывали

в нескольких местах. Перевязки плели, как аркан, из мягкой травы. А самое удивительное — эти дома строились без единого гвоздя. Всё — от подпорок до завязок — было пригнано вручную.

У крытых домов-плетёнок окна и двери делались маленькими, да и сами они были низенькие. Сначала их делали круглыми, похожими на юрту. Постепенно они стали прямоугольными длинными, поделенными на несколько комнат. Средняя комната служила кухней.

«Когда я был маленьким, — говорил мой отец, вспоминая детство, — я часто поднимался на косогор и смотрел вниз, на свой аул. И тогда крытые ябу домики казались мне маленькими копнами сена»

Турлучные дома исчезли как-то внезапно, в одно время. Их заменили дома из саманных кирпичей. Вначале их крыши тоже были покрыты ябу, но позже ябу заменила черепица.

В те времена на дверях ногайского дома ни внутри, ни снаружи не было никаких замков. Двери затворяли деревянными щеколдами. И никогда чужой человек не входил в дом без приглашения, никогда ничего из домов не пропадало. Воровство считалось самым большим позором. Пойманного на воровстве человека судил не только род, но и весь аул.

И суд был беспощадный. Укрывшего, дав ему в руки то, что он украл, или приторочив ворованное к спине похитителя, водили туда-сюда по главной улице аула. Не только водили, но и кричали, чтобы весь аул слышал: «Слышите, ямагат. Этот человек украл у такого-то то-то! Слушайте, ямагат! И не только слушайте, но и запоминайте! Такой позор на наш аул!» И аул запоминал, и показывал пальцем на вора при любом удобном случае. Некоторые, не выдержав такого позора, уходили, убегали, куда глаза глядят.

Но вернемся к ногайскому дому. Каждый строил свой дом по средствам. У богатых и в далеком прошлом были каменные дома. Но мы говорим о народе. В годы моего детства турлучные дома встречались уже редко. Хотя крыши ещё были покрыты ябу, саманные дома были больше, просторнее и их стали покрывать камышом.

Наш дом, крытый камышом, делился на три комнаты. Большая комната посередине служила кухней. Окна были маленькие. Как я сейчас понимаю, наш дом был одним из многих, не лучше и не хуже других в ауле. Затем появились дома из красного и белого кирпича, покрытые черепицей и шифером.

Снаружи дома были похожи на известные хаты. А теперь давайте войдем во двор и окинем взором ногайское подворье.

3. НОГАЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ

В былые времена ногайский двор (*каралды, азбар*) тоже сильно отличался от нынешних дворов. Постройки на подворье не были, как сейчас, выстроены из кирпича или железа. Тогда большинство заборов было сплетено из ивовых прутьев, но были ограды и из колючего кустарника. Но мне нравились ивовые плетни. Они украшали подворье, радовали глаз. На плетнях ногайцы вешали черепа лошадей. «А почему они тут висят?» — спрашивал я в детстве у матери. Только потом, повзрослев, я понял, зачем это было нужно. Конские черепа хранили от сглаза дом, подворье и ребенка, играющего во дворе, хорошую упитанную скотину. Рассказывали много прибауток о сглазе. Этот обычай еще сохранился у астраханских ногайцев. Чтобы отвести глаз от хорошего урожая овощей, они ставят у оград своих бахчей длинные жести с привязанными к ним цветными тряпочками. Проходящий человек, заглядевшись на цветные ленточки, уже не обращает внимания на отменный урожай. Интересный обычай, правда?

Раньше люди большое внимание уделяли оберегу от сглаза¹. В годы советской власти сглаз называли шарлатанством и пережитком, а теперь даже официальная

¹ Пережиток шаманизма, доисламских верований ногайцев. Мусульманская религия к талисманам и приметам относится негативно.

медицина признаёт существование подобного явления. Это еще раз доказывает, что народ никогда ничего не выдумывает. Все обычаи основаны на природных явлениях и отношении к ним людей.

...Не успеешь войти в ногайский двор, как, оповещая о приходе гостя, залает собака. В прежние времена ни один двор не обходился без собаки. Не потому, что боялись воров, просто ногайцы во все времена любили собак и почитали их, как верных друзей и спутников. Собака охраняла от дикого зверя скот, да и самому ногайцу была опорой. Человек всегда выбирал породистую собаку. За породистого щенка давали даже скот. Ногайцы знали толк в породах, различали овчарок, охотничьих собак, борзых, мосек. И клички им давали по породе и цвету шерсти: Долай – Широкого нрава, Добар – Крепыш, Борибасар – Волкодав, Тарпан – Увертливый, Карабас – Черноголовый, Шонтык – Коротышка, Сары – Желтый, Алагаз – Рябой. Так испокон веков называли ногайцы своих верных друзей, их клички есть и в богатырских эпосах, и в каждом дворе обязательно можно было увидеть собачью миску.

Ни днем, ни ночью не гас огонь в очаге ногайского дома. И золу от очага никогда не высыпали куда попало. В укромном уголке двора определялось место для золы. С каждым днем кучка из золы росла, поднималась до размеров бугра. По этому бугру аульчане многое могли узнать о хозяине дома и его семействе. У многодетных семей и бугор из золы был больше других. Слышал я, что в прежние времена по бугру из золы даже выбирали невест. Если в чьем-то дворе кучки из золы были рассыпаны как попало, говорили, что девушка неряха. А если бугор был аккуратный, значит, и женщины в доме опрятные, экономные, любящие чистоту.

Удивительно простая истина. Ведь если вдуматься, чистоplotная, трудолюбивая девушка никогда не раскидает золу по всему двору, а грязнуля уж точно сделает все абы как, лишь бы быстрее управиться.

А еще в каждом дворе был свой «каракшы» (чучело-пугало), отпугивающее птиц-воров. Ведь хозяйка дома всегда найдет, что разложить на крыше подворья — копченый сыр, мясо для сушки, мало ли что. А чтобы ворона не унесла чего, из дерева делали куклу, надевали на нее старую рубашку, рваную шапку и ставили возле амбаров, загонов для скота. «Каракшы» был своего рода сторожем подворья.

Разумеется, ни одно ногайское хозяйство не обходилось без орудий труда в поле и в доме. Здесь были косилка, плуг, борона, ручная мельница, свои катки для молотбы зерна.

Тук — каток. Каток был каменный. Брели большой камень, обрабатывали его наподобие железного катка, посередине делали отверстие и вставляли в него деревянную ось. Запряженные быки крутили каток и так молотили зерно. В некоторых дворах еще и сейчас можно увидеть части этой молотилки — круглый камень или деревянную ось.

Бежен — сапетка. Слово сапетка используется у казаков. Бежен — ёмкость, корзина, сплетённая из прутьев в рост человека. Бежен был в каждом дворе. Его плели из ивовых прутьев круглым и высоким, крыли ябу или камышом. Обычно туда складывали собранные кукурузные початки. Если же надо было сыпать просо, овес или пшеницу, бежен и снаружи, и внутри тщательно обмазывали глиной.

В начале весны, как только прогремит первый гром, ногаец стучал по бежену куском деревяшки и просил Аллаха: «О Аллах, ниспошли нам хороший урожай, наполни этот бежен». Во дворах некоторых зажиточных ногайцев были и свои амбары.

Раньше в каждом дворе был колодец, потому что скотину ногайцы поили колодезной водой. Рылись колодцы глубиной в пять-шесть аршинов. И вода в этих колодцах была чистой и несоленой. В те времена люди знали, в каком месте надо вырыть колодец, чтобы в нём была хорошая вода. Возле каждого колодца было свое корыто для водопоя, из него поили скот.

В тридцать третьем году, когда разразился страшный голод, и много домов опустело, эти глубокие колодцы

остались без присмотра. Позже, чтобы в открытые колодцы не проваливался скот, их засыпали. Так в ногайских аулах не стало многих колодцев, как будто их и не было вовсе.

В те годы ногайцы особенно не пользовались огородами, мало сажали. Люди держали много скота, основной их пищей было мясо и молочные продукты, овощам большого значения не придавали. В одном конце двора стояла конюшня, в другом — загон для крупного скота, в третьем месте — закутки для птицы. Ногайцы сотнями разводили индюшек. Индейка — нежная и капризная птица, поэтому за ней требуется очень хороший уход. В те времена ногайцы хорошо знали все секреты разведения и выращивания индюшек. Среди домашней птицы индейки занимали привилегированное положение.

В каждом дворе гоготали гуси, кудахтали куры, кричали петухи. Петух у ногайцев считался приметной птицей. Его кукареканье никогда не оставляли без внимания. Если петух подошёл к порогу дома и закричал, говорили — гость на пороге. В ночное время по петушиным крикам определяли время. Ночь делилась на три петушиных крика, и называли их: петушиный крик ко времени сна, полуночные петухи и ранние петухи. Если же петух кричал совсем не вовремя, это тоже считалось приметой. Кто-то отпраплялся в закуток и трогал кричавшего петуха за ноги. Если его правая нога была теплой, значит добрая весть, если же холодной — плохая весть, говорили...

В те времена соседи не отгораживались друг от друга высокими заборами. Не было ни ссор, ни драк. А нынешние соседи строят высокие кирпичные заборы, лишь бы не видеть и не слышать друг друга. Но и эти высокие заборы не ограждают их от неприязни и ссор. Почему так? А потому, говорят старики, что вкус добрососедства человек должен познать в своем доме, в своей семье... В прежние времена во дворе ногайского дома слышалось ржанье коней, мычание коров и бляение овец, клеток индюшек, гоготание гусей, двор был полон прекрасного живого гомона...

Ну что ж, вот мы увидели и ногайский дом, и его подворье. Пора в него войти и пожелать мира. Мой читатель, заходи.

4. МИР ВАШЕМУ ДОМУ

Дверь ногайского дома открыта. Надо только повернуть маленькую деревянную щеколду — и она распахнется. Без всякого стука и прочих хлопот. Никто у тебя не спросит: что надо, зачем пришел.

Войдя, поздоровайся с хозяевами:

— Ас салам алейкум — мир вашему дому.

Кто бы ни был хозяин дома, старый или молодой, он встанет, встречая гостя, и со словами:

— Алейкум салам — Вам тоже мир. Добро пожаловать, — и сопроводит в дом на почетное место.

Исстари наши предки говорили: «Когда шестилетний приходит издалека, шестидесятилетний должен встать и приветствовать его». На улице или в дороге старший первым приветствует младшего, так как с некоторыми старший имеет право и не здороваться. И когда младший хвастливо, как ровне, протянет ему руку, он может отвернуться. Конный, независимо от возраста, первым здоровается с пешим. Младшие по возрасту уважительно берут протянутую руку старшего обеими руками.

Ну, а теперь вернемся в ногайский дом. Гость вошел, хозяева провели его на почетное место. Не поставив перед ним своего хлеба туздама, никто не спросит у гостя, что его привело к ним в дом. Отведав хозяйского угощения, он сам поведаст о своих проблемах. А уж хозяева будут бесконечно рады помочь, чем могут. И пришедший со словами благодарности покинет гостеприимный дом.

В старину выполнить чью-то просьбу считалось богоугодным делом. Никто не оценивал свою помощь деньгами, как сейчас. И богатый, и бедный старались быть милосердным и помогать ближнему. И это милосердие очищало души наших предков, делало их жизнь светлее.

Ногайцы всегда были гостеприимными людьми широкой, открытой души. Поэтому их дом всегда был полон гостей. В таком доме хозяева редко садились за

стол без гостя, такую еду и едой не считали. Открытого, радушного хозяина и люди уважали и почитали. В долгие зимние вечера соседи и родственники собирались в таком доме, садились тесно вокруг очага, беседовали, рассказывали истории, сказки, загадывали загадки, пели. Хозяйева ставили перед гостями угощение, всё, что было вкусного в доме.

Ногаец и пришедшего в дом, и проходящего по улице человека звал к столу, просил: «Зайди, отведай моего *туздама*». И пришедший, как бы сыт он ни был, никогда не отказывается от туздама, хоть чуть-чуть, да отведает. Отведав, много раз благодарил хозяина. Ведь туздам — не просто пища, это честь хозяина и лицо гостя, это душа народа.

Рядом с хлебом ногайцы всегда ставят соль, и чтят её так же, как хлеб. Рассыпать, тем более наступить на соль всегда считалось большим грехом. Хлеб-соль — неотделимы друг от друга. Только с хлебом можно понять настоящий вкус соли, а что за хлеб без соли?

Есть ли что-нибудь ценнее и ближе, чем человек, искренне отведавший твоего туздама?

Гостя издалека, вошедшего в дом с миром и отведавшего туздама, просили отдохнуть. А уж человека, пришедшего издалека после полудня, обязательно оставляли на ночь. Ведь не зря говорили наши предки: «После экинли — третьей молитвы между полуднем и вечером — никто не должен покидать аул». Оставшегося на ночь гостя угощали лучшими блюдами. «Ко мне гость пришел издалека, ты тоже приходи, побеседуем», — звал обычно хозяин близкого соседа. За трапезой хозяин никогда не заканчивал есть раньше гостя. «Гость — послан от Аллаха» — говорили в народе и выставляли лучшее угощение. Человеку, готовящемуся в дальний путь, собирали еду в дорогу.

Гость, отведав угощение, просит у Аллаха благополучия этому дому. У ногайцев нет почтеннее пожелания. Наверное, Всевышний на небесах благосклоннее внимал молитве человека, от души благодарившего за угощение и потому в таком доме никогда не иссякала пища.

Вот мы и вошли в ногайский дом, пожелали ему мира, ощутили его тепло, отведали хлеба-соли и попросили Всевышнего послать этому дому берекет — благоденствие. А теперь подойдем поближе к очагу — источнику тепла.

5. ОЧАГ НОГАЙСКОГО ДОМА

У того, чей очаг ярко разгорелся,
И казан с едой кипит, клокочет,
У того, чей казан с едой кипит-клокочет,
И дети веселы, здоровы и довольны...

Подстрочный перевод.

Распахнув низенькую дверь, входим в казан-пеш — кухню, комнату, где готовят еду. Сразу при входе можно увидеть широкое место для очага. Здесь возле огня стоит сыпыра — низенький круглый столик для еды, вокруг него низкие стулья, щипцы для лучины, кочерга, отливающий серебром кумган и маленький медный тазик.

Над очагом сплетенный из ивовых прутьев и обмазанный глиной конусообразный круглый дымоход. Вокруг дымохода, как бы деля его на несколько частей, прибиты круглые жерди — белагашы. На эти жерди мать ставила свежий сыр для сушки. Круглый сыр — матакуя — делался из неснятого молока. Его сушили на очаге, т. е. коптили. Матакуя ели зимой с мамалыгой. Этот сыр очень подходил для дороги — не тает, не прокисает, хранится и месяц, и год.

С потолка на очаг свисала цепь, её у нас называют лакшын. На эту цепь вешали большой круглый черный казан с двумя ушками-ручками. Под казаном и днем и ночью ярко горел огонь. Был у ногайцев такой обычай: если кто-то кому-нибудь стал врагом, но желал примирения, обычно приходил к очагу дома обиженного и, низко склонив голову, держал очажную цепь. Это означало, что обидчик просит прощения.

В холодные дни очаг согревал весь дом. Возле очага, вокруг круглого столика тесным кружком сидели люди. И старые, и молодые, с ними их дети. Это картинка из воспоминаний о моем детстве. Людей было много потому, что раньше, женившись, сыновья не сразу уходили

из отчего дома. Они жили с родителями много лет, заводили детей, но и тогда не спешили покинуть родной очаг. Уж слишком дорог он был им. А сейчас, сами знаете: не успеют молодые пожениться, так и норовят уйти из-под родительского крыла. По-разному можно объяснить такое поведение, жизнь сейчас совсем другая. Нынешнюю жизнь можно сравнить с бурно кипящим kazanom. Меняется время — меняются поколения, они хотят быть хозяевами своей жизни, поэтому, наверное, и спешат вылететь из-под родительской опеки. Как их не понять?

У ногайцев всегда была молитва: «Да не разлучит Кудай (*Всевышний*) с родным очагом». Очаг люди называли еще тандыр, отабай¹. С очагом связаны многие ногайские обычаи. В старину человек, собиравшийся в дальнюю дорогу, перед уходом наступает ногой на очаг — была такая примета, чтобы снова вернуться домой.

Соседи делились огнем. К врагу никогда не ходили за огнем и не давали огонь. У древних шумеров одним из почитаемых богов был Таммуз — хранитель огня, бог огня. От имени Таммуз у ногайцев осталось слово «тамызлык» — дающий огонь, огниво, огненный. Видите, как глубоки корни этих слов «тамызлык» и «тандыр»?

Тамызлык — это сердцевина огня, без него не загорится ни один костер. Люди всегда старались сохранить тамызлык сухим, потому что помнили, что от него каждый день надо зажигать огонь. Тамызлык всегда должен быть в очаге, очаг должен гореть всегда. Потому что очаг — символ жизни, символ благополучия. «Погаснет очаг — померкнет и жизнь» — говорили ногайцы. «Да погаснет огонь в твоём очаге», «Да померкнет твой отабай» — эти проклятия в народе считаются самыми жестокими. Как бы далеко ни уехал человек, в каких бы краях ни оказался, он всегда торопится к родному очагу.

В хорошем доме огонь в очаге всегда горит дружно, весело, а в несчастливой семье и очаг долго не горит, и огонь не успеет затеплиться, подымит-подымит, да и потухнет.

¹ Отабай — хозяин огня (*мифологический термин*).

Да и не только в нашем доме, во всех домах в ауле очаги были центром притяжения. Вся жизнь ногайской семьи проходила вокруг этого места. Чтобы огонь в очаге не потух, хозяйка на ночь горящие угли бережно укрывали золой, а рано утром, еще до рассвета, от тлеющих угольков разводили новый огонь. Вот так и поддерживали огонь в очаге, днем и ночью, годами, веками.

Если сын женился и отделялся от отцовского дома самостоятельным хозяином, то первый огонь в новом доме обычно зажигали отец или мать. Это означало пожелание — пусть очаг их рода имеет продолжение.

В нашей кухне не было печек и горелок. В большой комнате над очагом спускалась цепь — лакшын, на цепь был повешен большой черный казан. Раньше ногайцы топили кизяком (тезек). Сейчас уже кизяк никто не делает, дети даже не знают, что это такое. Кизяк делали из навоза, вырезали кетменем. Кетмень — древнее орудие труда, напоминающее большой топор. Весной отец рубил хорошо утоптаный за зиму навоз огромным кетменем, высоко засучив рукава и широко размахиваясь. Еще кизяк делали формовкой из дерева. Сначала навоз разводили водой, как глину, потом хорошенько размешивали эту жижу вилами, и только после этого резали навоз деревянной формой, как глиняный саман.

Во времена моего детства кетмень уже начинал выходить из употребления. Сам я много кизяка нарезал деревянной формовкой. В степи, где нет дров, чем еще можно разводить очаг, кроме кизяка? Кизяк был лучшим топливом. Выходит, что скотина служила для ногайцев всем — и пищей, и одеждой, и топливом. Кизяком топили и в домах, и в степи. Там, где паслась скотина, собирали сухой кизяк, а в домах из кизяка сбивали япаша — небольшие плоские кругляши из навоза. Женщины месили жидкий навоз и лепили к плетням, чтобы он быстрее высох. Моя мать месила япаша с сенной или соломенной половой, потому и горели они зимой так же ярко, как сухие дрова. Каждый вечер я сидел возле очага, глядя, как в нём огнем горят сделанные доброй маминной рукой япаша, и слушал рассказы отца. А он рассказывал

о табунах лошадей, которые игриво скачут по степи и издалека напоминают накатывающие морские волны. Запах горящих сухих кругляшей ударяет в нос. В этом запахе — вкус полыни.

— На зиму заготовила большую кучу япаша, слышишь, отец Шоратая, — тихо говорит мать, увидев, как отец смотрит на горящий огонь.

— Хорошо, мать, кизяки тоже есть. Только вот еще арбу дров хорошо бы запасти. Даст Аллах, на той неделе придется поехать в Карамурзинский лес. Ты заготовила япаша — считай, выполнила свой долг, только я ещё своего не выполнил, — говорит отец, с наслаждением вдыхая тепло огня.

Иногда в воспоминаниях перед моими глазами предстает мать, с самого раннего утра до возвращения скотины копошащаяся во дворе с кругляшами кизяка. Она складывает высушенные кругляши в кучу, да как складывает! Точно снопы в стог, широкой пирамидой, и издалека куча кизяка казалась стогом сена. Мать месила кругляши кизяка до самой поздней осени, пока не похолодает.

— Да хватит месить тебе, дочь Кыдырали. Когда они теперь высохнут? — сокрушались соседки.

— Высохнут... А не высохнут — все равно нужно скотный баз от навоза вычистить. Я сразу две работы делаю — и за скотиной чищу, и топливо заготовливаю, — отвечала мать соседкам, улыбаясь...

Если вдруг всё же погасало пламя в очаге, у соседей брали огонь. Я сам сколько раз бегал к соседям, взяв в руки совок для углей. Брать огонь, отдавать огонь — было одним из лучших ногайских обычаев. Потому люди, жившие с соседями дружно, говорили в старину: «Мы были соседями, бравшими и дававшими друг другу огонь». И сейчас эти слова остались поговоркой в народе.

— Никому, кто бы он ни был, нельзя отказывать в огне для очага. Не дать огня — большой грех, — говорила, как завещала, наша мать детям. Откуда нам было знать, что вскоре этот обычай — брать друг у друга огонь — совсем забудется в ауле? В каждом доме появятся коробки спичек, и газовые и электрические печи.

Мы ужинали, сидя возле очага, и только его свет освещал комнату. Лампа зажигалась, только когда были гости. По вечерам отец с матерью при свете горящего очага делали свою нехитрую работу, никогда не сидели без дела. Мать мыла посуду, делала сыр, сбивала масло, пряла шерсть. Отец катал или мял кожу. У меня тоже было свое дело: сидя вечерами возле очага, я подсчитывал, сколько альчииков выиграл или проиграл днем или обжигал в огне вылепленных днем из желтой глины лошадок и овечек. Без дела не сидел никто. Ярко горел огонь в очаге, при его отсветах мы занимались каждый своей работой...

Я уже говорил, что у нас был длинный крытый дом. Даже сейчас у меня перед глазами с летнего утра до ночи чирикают, играют между камышинками на крыше воробьи. Они придавали особую прелесть тем старым, крытым камышом домам. Кроме чириканья на крыше воробьев, во дворе перед домом кудахтали куры и гоготали гуси, на скотном дворе мычали телята и овцы, двор был полон веселого шума и гама.

В солнечный день, открыв двери дома и выйдя на крыльцо, мы видели двуглавую вершину Эльбруса — Карлы-Тау¹ — Снежная гора, так называют её ногайцы. Гора казалась совсем близкой. Отец, выйдя рано утром во двор и глядя на гору, говорил:

— Сегодня вершина Карлы-тау открыта, даст Аллах, будет хороший день.

Но если тучи покрывали двуглавую вершину горы, отец заранее предсказывал непогоду. Так что Эльбрус для живущих у его подножья людей был своеобразным барометром.

Наш дом стоял прямо на вершине обрыва. Под обрывом, не смолкая ни днем, ни ночью, шумно текла Кубань. Шум текущей реки и сейчас слышится мне, как припев песни. Мы привыкли к нему, как к самой жизни.

¹ Существует еще одно ногайское название этой горы — Аскар-тау, оно часто встречается в фольклоре, произведении ногайского классика 15 в. Шал-Кийиза: / «Аскар, Аскар, Аскартау, нету выше этой горы на свете...»

Кунацкая. Посредине нашего длинного дома была окаянная комната, а по бокам от нее были еще две комнаты: в одной мы спали, а другая — комната для гостей. В те времена дом без кунацкой и за дом не считали, так были почетны гости в доме.

«Гость старше отца», «Гость — послан от Аллаха», «Если издалека придет шестилетний, шестидесятилетний стоя приветствует его», — я специально повторяюсь. Эти пословицы из поколения в поколение воспитывали в ногайских детях уважение к гостю. Но и этот добрый обычай забывается. Сидящие на улице люди уже не встают при виде пришедшего издалека гостя, а только делают вид, что здороваются, слегка качнув головой, даже не приподнимаясь с места, как будто их пришили к скамье. Уважение к гостю — для них незнакомое понятие.

Мой отец, увидев гостя, радовался ему, как родному брату. Рассыпался в любезностях, не зная, как приветить, чем угостить. Мать, глядя, как суетится отец, сокрушалась:

— Ну почему ты такой простодушный? Про таких, как ты, говорят: «Из-под себя коня отдаст, изо рта вынет и поделится». Или думаешь, что люди уважают тебя за твою широкую душу? Наоборот, тебя глупым, а себя умными считают.

Но отец никогда не придавал значения этим словам.

— Надо в каждом видеть себя, почему я должен стесняться, что оказываю внимание человеку? — отвечал он.

Ногайцы говорят, что гости бывают трех видов: званный, незванный и посланный Богом — путешествующий, с дороги. Ну, что такое званный и незванный гость, без пояснения понятно. Тот, кто пришел к очагу по воле Аллаха, застигнутый в дороге путник, просящий ночлега — этих называли путешествующими гостями. Каждый гость видел, как живет хозяин дома, и соответственно ждал к себе внимания. Воспитанный гость не злоупотреблял вниманием хозяев, не задерживался долго, не надоедал. И об этом наши предки оставили поговорку. «Если гость гостит один день — радость, если два дня — досада, три дня — тягость».

А один мудрец, будучи в гостях у кого-то, так сказал:

«Если гость твой добрый — буду его рабом,
Если гость твой знаменит — восславлю его в песне,
Но если гость твой шайтан — прогоно его и сам останусь
в гостях...»

Эти слова остались в поколениях крылатым выражением.

В детстве я редко видел, чтобы в нашем доме не было гостей. Особенно перед воскресением из разных аулов едущие в Невинномысск на базар родственники останавливались у нас. Наш аул среди был самый близкий к Невинномыску. Можно сказать, на дороге стоял. Потому и дяди с маминой стороны из Тохтамыса и родственники отца из аулов Алакая и Шабазы никогда не проезжали мимо нашего дома, не переночевав. Двери нашего дома, как и сердца моих родителей, были всегда открыты для гостей. Вспоминая это, я написал стихотворение: «Ногаец всегда достойно приветит гостя». В нём есть такие строки: «Увидев гостя, ногаец радуется, как малый ребенок, «Праздник пришел в мой дом», — скажет и оденется, как на свадьбу»...

И потом никогда не надо забывать, что ногайцы очень ценили родственные связи. Ногайцы знали всех родственников до седьмого колена. «Мы с ними из одного рода, казаны поделив, вышли, мы родственники», — хвалились они. Когда говорят: «Мы с ними казаны поделившие родственники», это не значит, что родственники поделили казаны и разошлись. Здесь под словом «казан» подразумевается жизнь под одной крышей, очаг, дом, хлеб-соль.

Ну, вот мы и у ногайского очага погрелись. А теперь посмотрим, что ещё можно увидеть в ногайском доме.

6. УБРАНСТВО НОГАЙСКОГО ДОМА

Когда я был маленьким, в нашем доме не было богатого убранства. Мебели было немного, а ненужных вещей и всякой чепухи для красоты, как сейчас принято, не было вовсе. Каждая вещь имела свое место и назна-

чение. Если вдруг кто-то из аульчан покупал на базаре какую-то непривычную для ногайцев вещь из новой жизни, весь ямагат, общество квартала, собирался к нему в дом, чтобы поглядеть на диковинку, и еще долго люди говорили и удивлялись: «Ва, такой-то недавно привез с базара железную кровать, надо же такое!»

Большинство из бытовавших в доме вещей было столь немногочисленно, что их можно запросто перечислить. Это намазлык — коврик для совершения молитвы, деревянная чашка, мялка для выделывания кожи, кадушка, люлька, кумган — кувшин, тазик, деревянные ложки, плоски, шумовка, половник, ручная маслобойка, деревянная лопатка для размешивания пшенной каши, деревянная кровать, циновка, сито, ведро, пестик, сыпыра — столик для еды, кожаный бурдюк, ковшик, большая миска, деревянная миска. Я знал людей, которые, живя в ауле, не знали другой домашней утвари, кроме этой.

Скажу и о тех вещах, без которых в то время нельзя было представить ногайский дом, и которые сейчас уже почти забыты. Но нынешняя молодежь должна знать, какими предметами пользовались их предки в не таком уж далеком прошлом.

Коран. Это священная книга всех мусульман. В те времена не было дома, где не читали бы Коран. Его клали на специально сделанную полку на самом почетном месте в доме. Коран — это совесть дома, его счастье и жизнь, говорили ногайцы. Никто не смел коснуться Корана, не вымыв руки. Стар и млад, все в доме перед сном читали молитву и утром молитвой благодарили Аллаха Таала за то, что он благополучно дал им дожить до нового рассвета.

У некоторых ученых людей, кроме Корана, были другие священные книги, написанные на арабском языке. Их тоже бережно хранили.

Намазлык — коврик для молитвы. Его стелили на пол и на нем совершали молитвенный обряд. Он считался одним из самых дорогих вещей в доме. Коврик ткали из козьей шерсти, катали, валяли или вязали из

бараньей шерсти, иногда шили из бухарского ковра. Очень ценились коврики с выделанными узорами или с бахромой.

Казан — котел. У моей матери было два казана: круглый казан с ручками-ушками и большой чугунный, которым пользовались для приготовления еды на свадьбах или поминках.

В те времена было много утвари, которой ямагат пользовался по надобности, ведь не каждый день нужен был одной семье большой казан. Кроме этого по домам ходили мялка, ручная мельница, ступка, сито. Никто не считал постыдным пойти и попросить какую-либо утварь для временного пользования. До сих пор в нашем народе сохранилась легенда, как люди одного аула передрались из-за сита. Даже указывают место, где это произошло. На берегу Малого Зеленчука чуть западнее черкесского аула Кош-Хабль, неподалеку от дороги можно увидеть множество мелких холмов. Вот и говорят люди, что это не просто холмики, а могилы тех, кто передрался из-за сита. И живущие в тех местах черкесы, показывая на холмики, поговаривают: «Видите, это место, где из-за одного сита целый ногайский аул передрался».

Никто не знает, правда это или вымысел, но легенда передавалась из поколения в поколение, да и место это до сих пор называется Элек-Кырган, что дословно означает Сито-Перебило.

...Казан никогда не снимался с очажной цепи. Гость, вошедший в дом, увидев, что в казане варится еда, говорил моей матери: «Пусть казан будет твой благодатным, кипит бурно, дочь Кыдырали». Это одно из лучших ногайских пожеланий, а если кто скажет: «Пусть казан твой, не закипев, остынет», то это жестокое проклятие.

О том, как кипел казан, в нашем народе и такой хабар ходит: в древние времена жил в одном ауле очень скупец. Каждый раз перед приготовлением еды он сам отмеривал жене нужные продукты. Однажды поставил он казан, чтобы сварить похлебку из кукурузной крупы и, сказав жене: «Эй, женщина, пока казан не закипит, я быстренько сбегая к соседу на свадьбу, спляшу пару раз», — ушел. Но почему-то задержался.

Казан давно кипит-бурлит, вода в нём убывает, а жена ждет хозяина. В конце концов, не выдержав, она отправляется к соседу на свадьбу, чтобы привести загулявшего мужа. Приходит, а там муж её пляшет орада как ни в чем ни бывало. Жена некоторое время стоит в замешательстве, потом приходит в себя, и хлопая танцующему мужу, покрикивает: «Ой, кипит мой казан! Ой, пляшет мой казак!»

Муж сразу же, конечно, смекнул, что жена имеет в виду, сделав круг, подходит к ней и кричит: «Эй, пригоршня!» А потом, сделав еще один круг, добавляет: «Если не хватит, ещё пригоршню». Жена сразу догадывается, что сказал муж и, придя домой, бросает в кипящий казан пригоршню крупы, увидев, что этого мало, добавляет еще пригоршню. Тогда похлебка получается в самый раз. А люди, собравшиеся на свадьбу, глядя, как весело хлопает жена своему мужу, думают: вот счастливая женщина, и казан у нее кипит, и хозяин доволен, пляшет, значит, и жизнь у нее хорошая.

Сыпыра — низенький столик для еды. Среди утва-ри ногайского дома сыпыра — один из самых почетных предметов быта. Его делали из букового дерева с тремя круглыми, гнутыми ножками. А столешницу украшали узорами. Все это делалось, чтобы человеку, садящемуся за сыпыра, поднять настроение и аппетит.

Семья садилась за круглый, как солнце, столик-сыпыра, и ели степенно, не торопясь, никто не вскакивал из-за стола раньше времени. Принятие пищи было своего рода священнодействием. Столик был всегда чистым. Дом, в котором сыпыра не был вычищен до блеска, характеризовал обитателей дома неопрятными грязнулями. Потому в нашем народе ходит пословица: «Глядя на сыпыра — ешь угощения, глядя на мать, бери в жены дочку».

Сыпыра в ногайском доме всегда был накрыт для еды и заставлен угощением — это считалось признаком благополучия, богатства и благоденствия семьи. Ногаец, знающий обычаи народа, никогда не сядет за стол как

попало. В семье у каждого есть свое место за столом: старшие садятся на самом почетном месте, так же, как и гости, какого бы возраста они не были.

Бесик — детская люлька, колыбель всегда считалась у ногайцев признаком счастья. Колыбель была в каждом доме, независимо от того, есть в нём дети или нет их. Молодые ставили люльку в надежде, что Всевышний даст им потомство, старики берегли колыбель для внуков. Люльки были двух видов: колыбель и зыбка. Зыбка прикреплялась крепкой веревкой на крюк, прибитый к потолку. Ногайцы редко пользовались зыбкой, чаще в доме можно было увидеть бесик-колыбель.

Бесик ногайцы делали с резными узорами, любовно отделывая каждый завиток, ведь колыбель придавала особую прелесть дому. Когда ребенок подрастал, никто не спешил избавиться от бесика. Люди говорили: «Ещё пригодится» и бережно хранили люльку. И, конечно, в скором времени она была нужна снова. Если не этой семье, так кому-нибудь из родственников. Я видел колыбели, в которых выросло несколько поколений детей. «О, в этой люльке лежал я, потом мои дети, а теперь и внуки. Много качалась эта колыбель», — с гордостью говорили старики в нашем ауле. В некоторых домах была даже не одна, а несколько колыбелей. В больших семьях несколько невесток, а когда невесток много, то и колыбелей надо много.

Дом, в котором в колыбели лежал запеленатый ребенок, считался местом счастья. А там, где не качалась колыбель — было только горе. «Чтобы в твоём доме никогда колыбель не качалась», — это жестокое проклятие.

Ногайская люлька качалась и руками, и ногами. Качая ребенка, мать успокаивала своего малыша пела колыбельные песни. В те времена было много талантливых женщин, которые своими искусными колыбельными до сих пор удивляют, восхищают народ.

Спи мой, маленький, закрой глазки,
Закрой глазки, моя звездочка.
Все уже уснули, ну и усни и ты,
Усни и ты, единственный мой.

Айди-айди, мой хороший,
Днем — мое солнышко, ночью — мой месяц.
Айди-айди, мой прекрасный,
Ты в моем сердце всегда...

Подстрочный перевод.

Мелодии этих песен успокаивали. Даже сквозь сладкий сон ребенок слышал голос своей матери, и этот голос давал ему силы. Эти прекрасные песни, слышанные ребенком в колыбели, оставляли в его жизни и судьбе неизгладимый след. Ведь говорят, что талант к певцам и поэтам приходит с молоком матери, а, значит, и с колыбельной песней.

Пустую люльку не раскачивали считая плохой приметой. И никогда не держали люльку у дверей, её место всегда было у дальней стены, которая считалась почетной.

Когда-то, вспоминая свою колыбель, я написал стихи:

Не усохла моя колыбель,
Сделанная руками отца,
Её яркие ленты были натянуты
Ласковыми руками матери.
На боку колыбели осталась луна,
Вырезанная отцовской рукой.
Теперь она на почетном месте в моем доме,
Качается, как и в древние времена.
В моих видениях качается колыбель,
Чтобы по жизни шел мой ребенок,
Что бы не было у него врагов,
Чтобы не сжигала его ложь.
Качается, качается колыбель,
Чтобы в нем лежали мои внуки,
Если будет качаться моя колыбель —
Не закроются двери моего дома.

Подстрочный перевод.

Кумган и тазик. Кумган — кувшин для умывания и тазик — самая необходимая утварь в доме. Без них нет ни

дома, ни семьи. У нас есть такие мудрые слова: «Кумган — чистота дома». Ногайцу очень близок и понятен смысл этих слов. Заботливая хозяйка всегда держит кумган начищенным до блеска, потому что по чистоте кумгана судили о её чистоплотности. Каждый человек прежде, чем сесть за стол, мыл руки из кумгана, то же он делал и после еды. В некоторых домах в комнатах для гостей стояли отдельно кумган и тазик. Так наши предки ценили чистоту, называя её основой здоровья, основой жизни.

Полка для посуды. На кухне, к той стене, что была ближе всех к очагу, была прибитая специальная деревянная полка для посуды. На ней стояли глиняные чашки, плошки и деревянные чашки, большая миска для ногайского чая, глубокие деревянные ложки, ковшики с гнутыми ручками, солонка, сделанная из выбитой тыквы, ступка, потерявшие цвет от долгого пользования большие деревянные крымские миски.

Я поясню вам, что собой представляли ступка, ковшик-шомака и крымская миска.

Ступа — авенкели. Это ручная ступка. Её называли «авен-кели» от слова «аввен» — старинная, древняя, «кели» — ступка. Хотели сказать, что ручная ступка более древняя, чем нынешние большие ступы. И, действительно, ручная ступка считается у нас одним из первых инструментов. Делали её из железа или из меди. Медной ступкой мать толкла красный перец. Эту нашу медную ступку я помню хорошо, она была у нас до самой войны. В голодные годы, особенно в 33-м, мать приносила откуда-то маленькие пригоршни кукурузных семян, толкла их в ступке и из этой крупы варила нам похлебку. В самые трудные годы спасала нас ступка. В древние времена, когда еще не было мельниц, кочующий по степи народ молот в ступке зерна пшеницы, проса, кукурузы и так готовил себе еду. О ступке есть у ногайцев пословица: «Невестка, попавшая в хороший дом — невестка, а невестка, попавшая в бедный дом — ручка от ступы» потому что невестка, попавшая в бедную семью, все время проводила со ступой в руках, молотла, что находила в доме съестного.

Крымская чашка. Разукрашенная яркими узорами большая деревянная чашка очень ценилась в ногайском доме. Делали такие чашки в Крыму, потому и называли их крымскими.

Чашки украшали полку с посудой. Они были разных размеров: и маленькие пиалки, и большие чашки. В маленькие наливали сметану, мед, а из больших ели кашу со сметаной.

Шын аяк. Чашка Шына, китайская чашка. Она была очень нужной в хозяйстве. Эти фарфоровые чашки и сейчас ценятся. Ногаец пьет чай только из этой чашки. Да и на свадьбах ногайцы дарят такие чашки. Эти чашки тоже бывают большие и маленькие. Маленькие называют «тостакай», из них наши предки пили хмельную бузу. Иногда мне приходит в голову такая мысль: «А что, если именно от слова «тост-акай» пошло слово «тост», «сказать тост»: ведь, подняв маленький тостакай с бузой, наши предки говорили пожелания и здравицы. Ведь в современном русском языке много слов, пришедших из тюркских языков, ими пользуются веками... И потом, слово «шын аяк» — «чашка шын» — это не просто глиняная чашка, а чашка, сделанная в Китае. Потому что китайцы называют себя «син», «чин», а ногайцы вместо «син» произносят «шын», — вон какие параллели¹.

«Сауыт-кабак» — «посуда-тыква». Это был овощ, похожий на тыкву, но немного вытянутый, не такой круглый, как тыква. Ногайцы специально выращивали его, чтобы делать посуду. Вытянутую тыкву долго сушили, высохнув, она становилась полой. Потом срезали верхушку и насыпали в полученную посуду соль, перец, гвоздику. Эту посуду использовали также в древности для переправы на воде. Две такие тыквы удерживали человека на воде при любом течении. Во времена моего детства ребята с такими тыквами учились плавать. Я тоже много раз купался, взяв с собой посудину-тыкву.

¹ Вернее, на арабском священном для мусульман языке слово «Китай» звучит как Син: в тюркской традиции Чин –Мачин.

Шомака — ковшик для ногайского чая был одним из самых красивых предметов на полке для посуды. Сейчас этот ковшик давно не используют, люди даже начали забывать, как он назывался. А раньше, увидев в доме украшенный узорами ковшик с изогнутой ручкой, гости удивлялись: «Это кто же так мастерски вырезал и украсил ковшик?» Мне он очень нравился, а теперь я даже не могу объяснить, как он выглядел. Из ковшика-шомака пили только ногайский чай. Шомака вырезали знатные мастера из дерева яблони или груши. Такого ковша я не видел больше ни в одном народе. А сейчас его нет, как будто и вовсе не было. Только когда сажусь пить чай, сразу перед глазами предстает тот удивительной красоты ковш с изогнутой ручкой.

Что делать, жизнь такова, что-то уходит бесследно, а на его место приходит что-то новое, так катится время.

На кухне ещё остались маслобойка кубы — в ней делали масло, несколько низеньких табуреток, они и сейчас сохранились в домах, и потому не буду докучать вам рассказом о них.

Тахтамет — широкие деревянные нары располагались во всю стену ногайского дома. Сейчас их уже не встретишь в домах кубанских и астраханских ногайцев. А вот степные ногайцы остались верны тахтамету, или, как они их ещё называют «тахтабану», и трудно встретить в степи ногайский дом без тахты. Тахтамет сбивали из крепких ровных досок и устанавливали на деревянные козлы. Сверху накрывали доски сначала полотняным покрывалом, потом стелили войлочный ковер. На тахтамете отдыхали стар и мал, он был очень удобен. На нём часто вечерами дремал мой отец в ожидании ужина. И я кувыркался на нём, переворачивая в своих играх всё вверх дном.

На кухне было много разных кувшинов, в которых хранилось масло, сыр, чесночная приправа, простокваша, вода. Встречая сейчас в больших музеях эти древние кувшины, я вспоминаю те, что стояли у нас на кухне, и как будто снова возвращаюсь в детство.

Тулук — бурдюк, сделанный из кожи. Бурдюки были разные, большие и маленькие, в них также наливали айран, масло, кислое молоко — ювырт, в другие бурдюки насыпали кукурузную муку, пшено, сушеный сыр. Делали бурдюки из козьей или бараньей шкуры. Её снимали целиком, не разрезая, и аккуратно отделяли шерсть от шкуры. Потом долго мяли. Бурдюк никогда не шили иголкой и нитками. Кожу на передних и задних лодыжках связывали узкими полосками кожи, а там, где была шея барана или козы, оставляли это отверстие, как горлышко бурдюка. Были и специальные бурдюки для зерна. Их делали из шкур крупных баранов или козлов и называли кап.

У нас на кухне, на стене, расположенной ближе к очагу, висели на гвоздике два-три бурдюка, сделанные из шкуры молодых козлят. В них хранился сёк, пшено и сушеный сыр. Также был бурдюк с топлёным коровьим маслом. В детстве я слышал такую присказку:

На кухне на гвоздике
Висит бурдюк, полный масла,
Это лекарство для моего желудка,
Ай, какая это улада...

Подстрочный перевод.

Возле плетеного и обмазанного глиной дымового отверстия к стенке была прибитая доска, на которой висели деревянный ковш, шумовка, бастабалак для басты, скалка. Они были наиважнейшими орудиями труда моей матери. Здесь я должен сказать несколько слов о бастабалаке.

Бастабалак — деревянная лопатка для перемешивания басты. Баста — густая каша из просяной или кукурузной крупы, которую с древних времен ели ногайцы. Еще несколько веков назад кипчаки-половцы сеяли просо. Из него делали муку, крупу, а из крупы варили кашу — баста и ботка. Археологи, делающие раскопки Золотой Орды, между Волгой и Уралом, на развалинах древних городов находят в сосудах красные просяные зерна. Ведь просо может веками лежать в земле, не пропадая, не разлага-

ясь. Находки еще раз подтверждают, что просо было одним из главных злаков, употреблявшихся кипчаками. О том, что ногайцы наравне со скотоводством занимались земледелием, тоже много исторических сведений. А некоторые «знатоки» теперь пытаются сказать, что баста — это не ногайское блюдо, а заимствованное. Конечно, живя по соседству с другими народами, нельзя не заимствовать чего-то друг у друга. Но если в фольклоре, языке есть прямые свидетельства того, что это древнее ногайское кушанье, куда от этого денешься? Одно из них — прикипевшее к нашему быту слово «бастабалак» — лопатка, делающая кашу.

Дунк — медный кувшин для ношения воды. Многие теперь даже не знают, что это такое, и название это ничего им не говорит. А раньше ногайские женщины носили в этих медных кувшинах воду. Сейчас такие кувшины можно встретить у народностей Дагестана, там они еще сохранились. В прежние времена эти сосуды были очень удобны для хранения воды. Кочевавшие ногайцы приторачивали их к лошадям, складывали в арбу. Тесное горлышко кувшина закрывалось крышкой.

Сейчас молодые люди даже не представляют, что ногайцы пользовались такими кувшинами, считают их утварью горских народов Дагестана. Такой медный кувшин я не раз видел в своем родном ауле Эркин-Юрт. «Наша бабушка хранила в нём воду, он нам очень дорог» — говорил мне Магомед Курмансеитов, сын Махсуда, показывая на бережно хранимый огромный медный кувшин. Я с восхищением смотрел на красивую семейную реликвию, и опять перед глазами представала мама, которая наливала из медного кувшина воду в маленький ковшик и ласковым голосом говорила: «Холодная, сынок, выпей». Япил вкусную холодную воду и, утолив жажду, прыгая, как козленок, выбегал на улицу играть...

Шыпта — циновка. Её плели из ши. Ши напоминает мелкий камыш. Раньше такие циновки можно было увидеть в каждом доме. Их стелили на пол, как сейчас паласы, покрывали им тахту вместо войлока. Тогда ведь не было разных ковров и дорожек, циновка придавала больше уюта дому, служила ему украшением. В народе осталось присказка:

Да, твой дом — это дом,
И украшение его — циновка...

В аулах были мастера, плетущие эти циновки. Их умели плести и мужчины, и женщины. Ши косили, хорошо вычищали, и только потом принимались за плетение. Были специальные приспособления для плетения циновок. В нашем ауле был мастер по имени Халил. Я сам видел его прекрасные циновки, в жаркие летние дни отдыхал на них, постелив на землю. Сейчас нигде не встретишь тех циновок, но название «шыпта» осталось. Иногда в наших магазинах можно встретить вьетнамские циновки, которые смутно напоминают те, что плелись раньше ногайцами.

Талкы — мялка. Трудно представить старинный ногайский дом без этого инструмента. В старину ногайцы не покупали себе обувь в магазинах, да тогда и магазинов-то не было. И лишь какой-нибудь франт мог себе купить на базаре обувь, или богач покупал дочерям сапожки на каблуках. Денег у людей было мало, и простые люди сами шили себе и одежду, и обувь, мастерили нехитрую мебель: всё из подручного материала, всё своими руками.

А вот для того, чтобы сшить добротную обувь, нужна была хорошая кожа — сактыян (от этого слова пошло название «сафьян», «сафьяновые сапоги») и крепкая подошва. Всё это ногайцы выделывали из шкур животных. Чтобы кожа была мягкой и в то же время прочной, её нужно было долго и упорно мять. Это был адский труд. И мяли кожу именно мялкой — талкы.

Мялку делали из дерева крепкой породы — бука, дуба, ясеня. По форме она напоминала ступу. Брали брусок длиной около двух метров, хорошо обтесывали и выскребали в нем отверстие для ручки. К ручке делались специальные крепления, и вот этой полученной мялкой мяли шкуры. Мялка была тяжелой, а работа трудоемкой. Из шкурок овец, коз, молодого рогатого скота получалась хорошая кожа-сактыян, а из шкуры крупного рогатого скота делали кожу на подошвы.

О самом процессе шитья обуви я расскажу в главе «В труде — изобилие». А сейчас продолжим знакомство с утварью и мебелью ногайского дома.

В комнате для гостей стояла высокая кровать с резными ножками, четыре стула. На стене вдоль кровати висел пестрый ковер, сотканный матерью. Вошедшему в комнату гостю сразу бросался в глаза висевший на ковре кинжал в серебряных ножнах. Это было любимое оружие отца. «Он часто стирал с него пыль, не находил себе места, пока не брал его в руки и не любовался им», — вспоминала мать. Я сам не раз слышал, как отец говорил: «Этот кинжал сделан из багдадского булата, куда нынешним до него!»

Кинжал отец надевал по праздникам. А в будние дни он не расставался с большим ножом в ножнах. Отец считал кинжал и нож самым необходимым оружием мужчины.

На стенах комнаты для развешивания одежды были прибиты несколько деревянных гвоздей. Возле кровати стоял большой деревянный сундук, а у двери — медный кумган и медный тазик. В комнате, где мы спали, стояли две кровати, несколько низких табуреток, висело зеркало. На стенах комнаты на деревянных гвоздях висела одежда родителей.

Во времена моего детства не было дома без сундука.

Сундук — по-ногайски произносится как «сандык», от слова «салдык» — «положили». И неспроста, ведь многие тюркские народы и сейчас говорят не «сандык», а «салдык». Наш сундук был такой же, как у всех в ауле, четырехугольный, по углам обитый белой жестью. Мама говорила, что он достался нам от моей бабушки. Забегая вперед, скажу, что после матери им еще долго пользовалась сестра. Ей было жалко выбрасывать старый бабушкин сундук, пока его окончательно не изъели черви. И то выбросила она его после долгого брюзжания своего мужа, нашего зятя: «Скоро весь дом зачервивеет, что ты трясешься над этим барахлом», — надоедал он ей.

В те времена сундук служил шифоньером. В него складывали обновки и самые дорогие вещи. Женщины хранили в сундуке свои сокровища, а ключ всегда носили

с собой. Я никогда не видел замков на дверях, а вот сундуки закрывались на ключ. Про скрытного, молчаливого в народе говорили: «Это же просто сундук на замке». О добродушных, чистосердечных людях говорили и так: «Душа хорошего человека как золотой сундук». Эти поговорки появились тогда, когда сундук имел большую цену.

Чего только не было в нашем сундуке! Он всегда был набит до отказа. Видя, как мать складывает вещи в сундук, соседки говорили: «Дочь Кыдыралаи такая бережливая, у нее ничего не пропадет даром». На что мать им отвечала пословицей: «Если не уберешь ненужную вещь, не найдешь её, когда понадобится».

Самыми ценными вещами в сундуке, которыми мать очень дорожила, можно назвать старинную женскую крымскую шапочку, красное вельветовое платье с выбитыми узорами, серебряный амулет – *мойтумар* (мониста), женское серебряное нагрудное украшение, женские башмачки на каблучках, шапка моего дяди и его позолоченные карманные часы, несколько арабских книг. Мать берегла вельветовое платье, крымскую шапочку и украшения для дочери и внучек, только не то, что внучки, даже дочь не надела этих нарядов, совсем в других уборах вышла замуж. Откуда же бедной матери было знать, что каждое новое поколение будет ходить в других одеждах, да и мысли у потомков будут совсем другие. Она бережно хранила свое добро для внучек. А внучки – дочери моей сестры и мои дочери, увидев бабушкины вещи, чего там греха таить, сочли их скорее музейными экспонатами, чем нарядами, которые можно надеть.

А папаху, часы и книги мать берегла для меня. «Вот солнышко мое, мой единственный сынок вырастет, даст Аллах, наденет эту папаху, положит часы в нагрудный карман, возьмёт книги под мышку и пойдет в мектеб (школу). Неучёный человек глупый, тёмный, а учёный – талантливый, вон твой дядя каким толковым был, и ты будь таким», – говорила мне мать, вытаскивая из сундука книги и, бережно смахнув с них пыль, укладывала обратно.

Может быть, именно эти мамины слова, как завет, и запали мне в душу? Когда я пошел учиться, то учился с удовольствием. Но мне, к сожалению, так и не пришлось надеть дядину шапку, носить его часы и прочесть старинные книги. В начале тридцатых годов мать, услышав от людей, что новая власть не любит тех, кто держит дома книги на арабском языке, половину раздала, а остальные сожгла. Папаха тоже пропала в голодные годы. Так бесследно исчезло все, что хранилось в сундуке для меня. Но не исчезли из памяти слова моего дяди: «Вот вырастет племянник, прочтёт эти книги», — они всегда жили во мне, как завещание. Именно они вели меня к знаниям, помогали в трудную минуту, не давали остановиться на полпути.

А ещё в сундуке хранили свои небольшие сбережения, отрезки тканей, сахар, сладости. Меня в те времена больше всего интересовали большие куски сахара, лежавшие в сундуке. Я канючил: «Мамочка, дай кусочек сахара», — и тянул её за подол в сторону той комнаты, где стоял сундук. А потом, взяв кусок сахара, выбегал на улицу и дразнил детей: «А у меня вот что есть, а у меня сахар есть!» Ребята смотрели на меня, разинув рты и глотая слюнки, не отрывая глаз от сахара в моей руке. Но иногда кто-нибудь из старших ребят дурачил меня, дав какую-нибудь игрушку, и отнимал сахар. Тогда я, плача, бежал жаловаться к матери, но никогда я не видел, чтобы она вышла на улицу и сказала хоть слово ребятам, отнявшим мой сахар. «Дети сейчас посорятся, через минуту помирятся, что с них возьмёшь», — говорила она в такие моменты.

Мамины украшения, серебряные браслеты, амулет и пояс в голодный 33-й год сестра отнесла в горы и поменяла на зерно, и этим спасла нас от голодной смерти. Из всех вещей, которые мама берегла в сундуке, остались только позолоченные дядины часы. Сначала их берегла мама, потом сестра. Они и сейчас лежат у меня в шкафу среди самых дорогих реликвий. Я храню их, как единственную вещь, оставшуюся от любимого дяди.

Кроме всего этого, в сундуке лежала нарядная одежда отца, которую он одевал по большим праздникам, всего несколько раз в год: коричневый чекмень, синяя рубашка из ластика и черный бешмет. Чекмень, сшитый ещё в молодости, отец носил до самой старости. Когда он уже стал тесен и петли не доставали до пуговиц, отец носил его расстёгнутым. В те времена люди не меняли одежду не то что месяцами, годами. Повседневную носили до тех пор, пока она совершенно не изнашивалась, а одежду на выход тоже хранили чуть ли не всю жизнь.

В сундуке сберегалось небольшое богатство семьи, скрытое от чужих глаз. Потому и называли те сундуки «сундуками с тайной». Кроме «сундуков с тайной» были еще ручные сундуки. Они напоминали современные сумки или маленькие чемоданы. В них женщины складывали свои иголки-нитки, прочую мелочь. Девушки на выданье хранили в сундучках сережки, кольца, браслеты, ожерелья, духи...

Кубанский сундук был сделан с изящным орнаментом.

Текене – это корыто из дерева.

Куби – маслобойка, она имелась в каждом доме.

Артпак – сумка для провизии. Они были изготовлены с двумя и с одним отверстием. С артпаком отправлялись в дальнюю дорогу. В фольклоре есть упоминание о том, что краденых детей перевозили в артпаках.

А теперь пора познакомиться с обитателями ногайского дома.

НОГАЙСКАЯ СЕМЬЯ

1

В старину ногайская семья была многочисленной. Трудно было встретить в большом ауле семью, в которой было меньше пяти-шести детей. Бездетная семья считалась неприглядной, несчастливой. Об этом сохранилась у нас хорошая пословица: «Дом, в котором есть дети — базар, дом, в котором — нет детей — мезар (кладбище)». Чем больше было детей в семье, тем счастливее, благополучнее считали себя родители. Никто тогда не считал, как сейчас, что чем больше детей, тем больше забот. Надеялись, что поначалу будет тяжело, зато потом, когда вырастут дети, придет благоденствие и покой. И вправду, те родители, что вырастили много хороших детей, в старости жили, как в раю, получая заботу и внимание своих чад.

Единственный ребенок в семье в те годы выросал слишком избалованным, изнеженным. И потому родители единственного ребенка говорили: «Всевышний дал всего одного, да и то махнул на него рукой», — так жаловались на судьбу.

В многодетных семьях старшие дети приглядывали за младшими. О счастливых многодетных семьях сохранились такие пословицы: «У кого один сын — у того один загон скота, два сына — два загона, три сына — три загона, а у кого четыре сына — четыре загона скота во дворе». «У того, кто имеет пять сыновей — своя дорога в рай», «Пять плеток — изобилие», то есть, имеющий во дворе сыновей с пятью плетками, имеет большое богатство.

Рождение ребенка приносило в семью огромное счастье, безмерную радость. Новорожденному радовались не только семья, но и весь аул, весь народ. «В нашем

ауле стало одним человеком больше, пусть со счастливой ногой (т. е. с удачей, со счастьем) войдет он в этот мир», — радовался ямагат.

В ногайской семье ребенка начинали воспитывать с самого момента его рождения.

Отрезание пуповины. Как только ребенок появляется на свет, женщина-повитуха перерезает ему пупок. Этому событию посвящен целый обряд. Перед тем, как перерезать пуповину ребенку, совершают молитву, просят у Аллаха: «Пусть Всевышний никогда не отрывает душу новорожденного от родины, от родной земли, пусть живет он сто лет и будет похоронен вот здесь, на родной земле, там, где зарыт его пупок», — с этими словами зарывают пупок младенца во дворе его отчего дома. Поэтому и ребенок, вырастая, знает, что с этой землей связан он пуповиной, плотью и кровью своей и говорит: «Эта земля, где перерезана моя пуповина», считая её своей родиной.

Детей, рожденных от одной матери, называют «однопупковыми», рожденными от одного пупка. Пупок символизирует корни человека, его жизнь. Об этом можно сказать и стихами:

Эта земля, в которую зарыла мой пупок
Старая бабушка,
Я эту землю своей кровью оросил
С её травой, с её водой навеки
Слилась моя душа и жизнь...

Подстрочный перевод.

Наречение имени. После того, как перерезана пуповина и ребенок живыми глазами смотрит на мир, перед его родителями, бабушками и дедушками встает вопрос: «Какое имя дать маленькому человеку, только что пришедшему в этот мир?» Потому что наречение имени — не какой-нибудь пустяк. Иногда имя искали, как говорится, загоня коней, да и не могло быть иначе, ведь имя человека остается с ним до самой смерти. А имена некоторых людей остаются и после смерти, с почтени-

ем вспоминают о них в народе. Ведь не зря говорится в ногоайской пословице: «Умрёт хороший человек — останется его имя, плохой умрёт — останется одежда».

В день, когда ребенку давали имя, в семье устраивался большой той — праздник. Имя в семье не давал кто попало. Это честь представлялась старшему в семье или самому уважаемому родственнику. И сейчас многие сохранили этот обычай. Я думаю, правильно делают, что следуют ему, ведь давать имя новорожденному — что плохого в этом обычае, разве он дает что-либо, кроме пользы? Да и с другой стороны, не будешь же предоставлять право назвать твоего ребенка кому угодно, первому встречному. Это должен сделать человек подобающий. Тогда и обычай, и обряд будут соблюдены.

Человек, который должен дать имя новорожденному, никогда не делал этого спешно, небрежно. Сначала тщательно подбиралось имя в зависимости от времени его рождения, от положения его семьи в роду, в обществе.

В семье, где дети рождались и умирали в младенчестве, новорожденного мальчика называли Турып Турсын (Пусть живет), Токтар (Остановится, станет жить), Яшав (Жизнь), а девочку — Ольмесхан (Не умирающая ханша), Ольмес (Не умрет), Турсыхан (Пусть останется), как бы прося у Всевышнего даровать новорожденному долгую жизнь.

Чтобы жизнь новорожденного сложилась удачно, счастливо, радостно, называли его Насип — Счастье, Огурлы — Удачливый. Имена девочкам ногоайцы давали красивые, сравнивая их с цветами, луной, солнцем: Гүлшахар (Город цветов), Гүлназар (Взгляд цветка), Гүлнара (Солнечный цветок), Гүлсим (Цветочное дело), Айсылув (Прекрасная, как луна), Айгуль (Лунный цветок) и другие.

Когда давали имя ребенку, вспоминали имена славных батыров, ученых, поэтов и называли ими новорожденных, дабы последовал он их примеру. Имя опозорившего себя человека старались не давать. Наверное, поэтому наши аксакалы говорят своим детям

мудрые слова: «Пусть никогда твое имя не вспоминают плохо, старайся, чтобы о твоём имени пошла добрая слава, сынок». (Но это не всегда справедливо, другой человек с таким же именем и живущий в том же ауле, в отличие от запятнавшего имя, мог оказаться достойным джигитом.) Ногайцы о славных людях говорят: «Его имя звучит в народе», это самая высшая похвала. Человек, высоко ценящий честь, постарается никогда не запятнать своего доброго имени.

Большинство женских и мужских имен у ногайцев пришли из арабского языка с принятием ислама. Каждое из этих имен имеет свое значение. Имена эти совершенно по-другому звучат в ногайском языке, и тем более в русском. Например: Абдулла (араб.) – Алладынъ кулы (ног.) – слуга Аллаха (русс.), дальше соответственно: Абу – Отец, Адиль – Справедливый, Честный, Азамат – Славный, Азиз – Великий, Амин – Благоверный, Сулейман – Мирный, Даут – Друг, Хамзат – Острый, Мансур – Победитель, Насыр – Хранитель, Салим – Здоровый и т. д.

Есть у нас и свои имена, не заимствованные из арабского, чисто ногайские, например: Айтуган – Луна родилась, Темиржан – Железная душа, Аружан – Прекрасная, Айсылу – Прекрасная, как луна, Аппак – Беленькая, Кызылгуль – Красный цветок, Роза, Айдемир – Железный месяц, Айтек – Равный луне, Янбек – Крепкая душа, Коккоз – Синеглазый, Крым – Крымский, Сарыбай – Светлый богач, Таужан – Душа гор, Темирбек – Железный бек, Тенгиз – Море, Эсен – Благополучный, и многие другие.

Теперь я хочу вам пояснить, какие имена даются человеку при рождении, и как его потом называют в жизни, ведь кроме настоящего имени у него бывают еще и прозвища, клички. Они даются человеку при разных обстоятельствах. Некоторые клички прилипают к человеку, как репей, на всю жизнь, до самой смерти. Другие заставляют забыть настоящее имя человека, весь народ зовет его не по имени, а по кличке. Конечно, прозвища, данные каким-нибудь доморощенным острословом, ни-

кого не радуют, наоборот, унижают, оскорбляют, доводят до бешенства. Когда люди ссорятся, они повторяют эти клички по нескольку раз, чтобы довести соперника до белого каления.

Что же мешает нам не называть человека обидной кличкой? Ничто не мешает. Но в порыве гнева люди не могут сдержаться и бьют человека по самому больному месту. Конечно, я не думаю, что стоит мне написать об этом — и люди перестанут давать друг другу обидные клички. И все же давайте постараемся не усугублять эту плохую привычку. А то ведь, когда кто-то обзывает другого, мы подхватываем это слово. А надо бы пристыдить, тогда в следующий раз человек подумает, прежде чем обзывать. Это традиция...

А еще есть прозвища, которыми ласкательно называют нас матери, близкие родственники. Они тоже иногда упоминаются чаще, чем настоящее имя. Множество примеров можно привести, когда вымышленное или уменьшительное имя заставляло напрочь забыть настоящее. Вот у нас в ауле был человек по имени Солтанмурат. Но никто в ауле не называл его так, все звали Караяс — Смуглый мальчик. Так когда-то в детстве назвала его мать, с тех пор никто и не помнил его настоящего имени.

Наверное, в каждом ауле можно встретить таких людей. Но эти прозвища не причиняют обиды человеку, не ранят его, в них нет никакого зла.

Ногайские невестки, по обычаю, не должны называть по имени родственников мужа, поэтому младшим золовкам и деверям они придумывали свои имена. Например, деверя называли Князь, Младшенький, Тулпар — Крылатый конь, а золовок называли — Любимая, Пампушка, Славная т. п.

Человек всегда стремится сохранить в чистоте имя, данное ему родителями, в этом заключается смысл его жизни. Только не думайте, что я здесь читаю вам наставление. Но часто теперь молодые с пренебрежением относятся к старинным именам, говорят, что они давно вышли из моды, так теперь никто детей не называет. Но почему нельзя ребенка назвать старинным именем? Не

вспоминая прежних имён, мы попираем память своих предков, выказываем пренебрежение их жизнью и делами.

Особенно много было людей, отметавших всё старое, в пятидесятые-шестидесятые годы. Сейчас, слава Аллаху, молодежь стала больше обращаться к своим истокам, и детей чаще стали называть старинными именами: Алтынай, Кумис, Айтуган, Эсен, Батыр, Сююмбийке, Эдиге...

Имя не стареет. Это память у некоторых из нас слишком быстро изнашивается. Ведь мало назвать ребенка древним именем, надо еще воспитать его так, чтобы он с гордостью и достоинством нес это имя, не запятнал его ничем.

В старину каждый ногаец знал наизусть имена предков до седьмого колена. И этими именами называл своих потомков. Так не забывались имена, передавались из поколения в поколение, бережно хранились детьми и внуками. А сейчас, чего греха таить, не то, что до седьмого колена, мало кто знает имена предков даже до третьего.

Я что хочу сказать? Не бывает имен красивых или некрасивых. Все имена хороши, все благозвучны, если они рождены в твоём народе. Надо только нести эти имена с достоинством, не роняя их в глазах людей.

Разумеется, если человек сам стесняется своего имени, то и другим оно покажется неблагозвучным. А отчего это идет? Прежде всего, от незнания, непонимания нынешней молодежью истинного смысла, значения старинных имен. Если бы молодые больше вдумывались в глубину значения таких имен, как Круптурсун, Олмесхан, Оразбике, Нургиси, Мунгиси, Эсим-хан — разве называли бы они себя Колями, Нуриками, Муниками, Эммами? Почему никто не задумывается, что, если дали ему старинное имя, значит, старшие видели в этом какой-то смысл?

Наверное, в этом есть и наша вина. Мы позволили им не считаться с памятью предков. И обидно, когда называют детей Робертами, Виолеттами, Аидами, Регинами.

Но я немного отвлекся. Так вот, когда старшие выберут достойное имя новорожденному, мулла трижды на ушко говорит имя ребенка и читает молитву, освещая нареченное имя.

2

Бесик-той (Праздник колыбели) — обряд, исполняемый вскоре после рождения ребенка, когда запеленатого младенца кладут в люльку. Отсюда и название «Праздник колыбели». Родители приглашают родственников, женщин-соседей и пышно празднуют этот день.

Класть ребенка в люльку должна обязательно опытная пожилая женщина, знающая обычаи и уважаемая в ямагате. Она пеленала ребенка и спрашивала у окружающих её женщин: «Справа или слева?» Женщины должны отвечать наоборот, чтобы спугнуть нечистого, отвести его от люльки младенца.

Затем другая женщина, делая вид, что забирается в люльку, била её плеткой, также отгоняя от колыбели шайтана. Все эти обряды должны были строго соблюдаться, дабы оградить новорожденного от болезней и порчи. Положив ребенка в люльку, одна из мудрых женщин должна была петь колыбельную песню и качать люльку. В изголовье люльки клали ножницы, расческу или ножик, делалось это для того, чтобы сохранить ребенка от сглаза и порчи.

Освобождение от пут. Как только ребенок начинал становиться на ноги, родители «освобождали его ноги от пут». Этот прекрасный обряд сейчас забыт. Из разноцветных ниток плели маленькую веревочку — путы. Две женщины держали путы низко перед ребенком, а другая женщина, которая слыла в округе удачливой, перерезала эти путы. Этот обряд проводился для того, чтобы на жизненном пути ребенка не было никаких препятствий, чтобы всё, что он задумал в жизни, исполнялось, чтобы сопутствовала ему удача.

Катись, калакай. Калакай — колобок, мучное изделие из туго вымешенного теста. Едва ребенок начинал

делать первые, неуверенные шаги, между его ног прокачивали круглую, плоскую лепешку со слегка завернутыми краями. Это делалось для того, чтобы ребенок ходил быстро, легко, как катится калакай, и чтобы он всегда был с хлебом.

Бабатой — обряд обрезания. Этот обряд, обязательный для всех мужчин-мусульман производится, когда мальчику исполняется 5-6 лет. Раньше человека, который производил этот обряд, у ногайцев называли «баба» (предок), отсюда и пошло название обряда — бабатой.

Обряд сопровождался большим празднеством. Родители мальчика приглашали на пир весь ямагат, всех родственников, пели песни, плясали, устраивали различные состязания. Мальчик, которому уже сделали обрезание, лежа в постели, смотрел на танцы, слушал песни. Все это помогало ему забыть о боли, развеяться. Родственники делали ребенку подарки: кто дарил скот, кто — деньги. В партийные времена запрещали производить этот обряд. Сейчас, слава Аллаху, он вновь возвращается. Конечно, и раньше его делали тайно, но теперь можно делать «бабатой» открыто, и медицина признала обряд обрезания полезным.

В шесть-семь лет мальчиков начинали сажать на коня. Давали ребенку плетку, чтобы быстрее научился управлять лошадью. Девочкам же давали ножницы, чтобы они стали мастерицами.

О ребенке до 13—14 лет говорили, что он находится в «возрасте ягненка», от 14 лет до 25 — он достиг «возраста барана», от 25 до 30 говорили, что он вошел в «возраст коня». После тридцати мужчина входил в возраст «падишаха» и мог уже здраво мыслить и брать на себя ответственность за других.

Все эти обычаи с раннего детства приучали ребенка к нормам морали того общества, в котором он родился. С первых дней ребенок был уже связан со своим ямагатом, люди видели его рождение, первые шаги, он вырослел и мужал на глазах аула, воспитывался на примерах отцов и родственников, учился быть терпеливым, выдержанным, совестливым.

Отцы, дети которых вошли в «возраст барана», уже начинали задумываться об их будущем. Девушек торопились выдать замуж, а сыновей — женить. Отыграв свадьбу, воздавали хвалу Аллаху за то, что он помог им выполнить священный долг перед детьми.

3

Сыновья, женившись, никогда не торопились покинуть отчий кров, родной очаг, пожилых родителей. Много лет жили невестки под одним кровом, разводили огонь в одном очаге, готовили пищу в одном казане. Я сам видел, как пять невесток одного дома, стройно, как молодые гусыни, несли воду на коромыслах. Это ли не счастье? Пять сыновей! Конечно, в таком доме было и счастье, и изобилие, и спокойная, достойная старость. Одинокий всегда несчастен.

Сами представьте, чтобы пять невесток жили в одном доме! Нынешняя молодежь воспримет это как сказку. Но так и было. И все пятеро ладили между собой. Конечно, был человек, который объединял их, был им головой. Это была старуха, дочь Балты, жена старого Динислама. Это она держала пять невесток, как пять пальцев одной руки. Старшая из пяти невесток была её правой рукой. И никогда в этом доме не было ни ссор, ни драк. Каждый знал свое место, свою дорогу, свое дело.

А сейчас не то, что пять, две невестки, завидев друг друга, отводят глаза. Для братьев, которые когда-то помещались в одном чреве матери, один двор становится тесным. Если раньше в такой огромной семье не было никаких раздоров, теперь две невестки, живущие на разных концах света, умудряются не давать житья друг другу, а нам остается только удивляться, почему так происходит.

В тех стародавних больших семьях всегда был человек, который объединял души и помыслы всей семьи. Такое мог делать только Ата — самый старший мужчина в семье, чаще отец, но им мог оказаться и дядя, и стар-

ший сын. Старый Ата считался хозяином дома. Какой бы большой ни была семья, никто не прекословил ему, Главе дома. «Дом без Главы — несчастный», — говорили в народе, и потому семья была счастлива, что у нее есть Ата, и благодарили Аллаха за милость. Это был самый почитаемый человек в семье.

Глава семьи считал себя ответственным за работу в поле и в доме. Если кто-то из его семьи допустил в работе оплошность, в этом Ата винил прежде всего себя. Потому и старался каждому в семье с раннего детства привить самое лучшее в характере, показать пример в добром деле, справедливо наказывать зло. Зная свою ответственность, он и других учил быть ответственными за свои поступки. Какая бы работа ни делалась в поле или в доме, все — только с его разрешения и благословения. Потому что никто лучше его не знал, какую работу когда нужно выполнить, ко всему он готовился заранее.

Особое внимание Глава семьи уделял воспитанию детей. «Тот, кто не гнулся, будучи ивовой веткой, став шестом — сломается», — говорили наши деды, и все свое умение, старание и талант прилагали к тому, чтобы правильно воспитать своих детей. Старший в семье был во всем примером младшим: и словом, и делом, и поведением. Мне вспоминаются сейчас мудрые слова, которыми наставлял младших Глава одной семьи, так они звучат:

...Упавшего подними,
Плачущего успокой,
Кривого выпрями,
Тупого заостри,
Приди к ближнему в трудный час,
От худого будь подальше...

Мудрые наши деды для воспитания младших всегда находили нужные слова, и не нудными нотациями, а прекрасными песнями, легендами, поговорками наставляли детей на путь истинный. «Грех уносить с собой в могилу то, что сам постиг, мы должны передать свой опыт детям», — говорили они и много поучительного оставили потомкам.

Основным помощником нашим предкам в воспитании молодых служила вера. Деда учили своих детей свято чтить мусульманские обычаи, во всем подчиняться заповедям Корана. Дети знали наизусть многие молитвы, хадисы Мухамеда пайхамбара. Каждый глава семьи как свои пять пальцев знал следующие хадисы:

«Старайся не принести вреда людям¹.

Даже если для этого нужно идти на край земли, добывайте знания².

Долг каждого мусульманина — быть образованным³.

Пища, принятая из рук щедрого человека — лекарство, а из рук скупого — отравы.

Тот, кто спешит — много ошибается⁴.

Хочешь сделать добро — сделай его молча.

Как бы тяжело ни было — говори правду.

Спокойствие облагораживает человека.

Считайте своим долгом помочь слабому.

В мире существует три подлости: сказать неправду, не сдерживать слово, предать доверившегося⁵.

Юноша, стремящийся быть похожим на благородного старца, и сам благороден.

Двое умнее одного, а трое — умнее двух.

Если не знаете точно, что этот человек причинил вам зло — не совершайте ему зла.

Лучше быть одиноким, чем иметь плохого друга⁶.

Рай — под ногами ваших матерей⁷.

¹ «(В исламе) нет вреда (дарара) и (потому нельзя) наносить вред другим (людям)». — [Эту версию передал ад-Даракутни в «ас-Сунан», 4/228].

² Ищите знания даже в Китае (слабый хадис).

³ «Поиск знания обязанность каждого мусульманина» (Сахих аль-Джами, достоверный хадис).

⁴ «Спокойствие от Аллаха, а спешка от шайтана». См. Абу Я'ля 3/1054, аль-Байхакъи 10/104.

⁵ «Лицемера отличают три признака: когда он рассказывает, то лжёт; когда обещает, то нарушает (своё обещание); а когда ему доверяются, он предаёт». (Бухари, 33; Муслим, 59; Тирмизи, 2631).

⁶ Высказывание сподвижника Пророка Абу Зарра (Ибн Асакир).

⁷ «Воистину Рай под ее (матери) ногами», Передал Ан-Насаи, 2—54, Ат-Табарани, 1—225, аль-Хаким, 4—151, (хороший хадис). Удивительно, как за долгие годы навязываемого атеизма народ сохранял эти сведения!

Опираясь на эти хадисы, старшие воспитывали младших. Они никогда не грешили пустословием, мелкими нравочениями, воспитание свое подкрепляли рассказами о жизни пророка Мухаммеда, приводили в пример пословицы и поговорки.

Родители, старавшиеся воспитать своих чад щедро, рассказывали детям такую притчу:

Арун, поглощенный землей¹. *Жил на земле скупой, скупее которого не было в мире, и звали его Арун. Несметны были его стада, но жалко было ему пожертвовать одну овцу в мечеть. Он прятался от нищих, просивших подаяние именем Аллаха. В один из дней приходил к Аруну в гости пайхамбар (пророк). Скупой Арун режет кошку и угощает ею гостя. Пайхамбар, сотворив молитву и завет кошку «Кис-кис».*

Кошка оживает, отряхивается и встает с подноса. Пайхамбар, поглаживая её по спинке, приговаривает: «Ай, киса»... С тех пор кошка, с какой бы высоты не падала, всегда приземляется на ноги: приглашенная пророком спинка её никогда не ударяется о землю.

Пайхамбар надеется, что, увидев это чудо, смягчится сердце скупого Аруна. Но молчит сердце скупца. И тогда просит пайхамбар Аллаха, чтобы поглотила земля скупого. Земля поглощает Аруна до колен, но скупой не раскаивается. До пояса уходит в землю Арун, но не обращается к Аллаху. Когда Арун проваливается в землю по горло, из носа у него идет кровь. Но не принимает земля крови скупца, и превращается кровь в черных жуков и улетает. Говорят, что земля по сей день поглощает Аруна... Пайхамбар просит Аллаха, чтобы хоть от скота Аруна была какая-то польза людям. И тогда скотина одичала и ушла в степь...

¹ Здесь и далее народное переложение и переосмысление коранических историй о Каруне и Мусе не вполне соответствует оригиналу, но показывает восприятие.

Услышав такую легенду, дети стараются не походить на скупого Аруна. Религия учит детей делать добро, уходить от зла, никому не причинять вреда. Верующий человек не брал чужого, потому что знал, если человек не увидит его воровства — Аллах увидит. Человек, нашедший что-то, всегда возвращал найденное хозяину. Он знал, что вещь, добро, добытое трудом другого человека, ему добра не принесет. Потому среди истинно верующих людей не было воров. А если и находился такой нечестивец, то его порицали всем обществом, говорили, что он отошел от полноты веры и ему не место среди истинных мусульман.

Старшие в семье подавали добрый пример младшим, учили их сторониться людей, ставших на неверный путь.

Хочу привести еще один пример, доказывающий, как важно для людей единство взглядов, соблюдение обычаев, из древнего эпоса «Эдиге».

...Эдиге со своими друзьями-воинами едет по степи на конях. Вдруг встречается им на пути змея с семью головами и одним хвостом. Видя, как мучается змея, семь голов которой тянут в разные стороны, Эдиге говорит своим друзьям:

— Видите, друзья, эту змею? Это не просто змея, она послана нам в назидание. Семь голов её тянут в семь сторон, и она не может сдвинуться с места. Мы тоже, как эта змея с семью головами, каждый себе голова, у каждого свое мнение, каждый может пойти своей дорогой. А чтобы не случилось этого, мы сейчас же должны выбрать себе голову, дабы подчиняться ему.

Друзья выбирают Эдиге своим предводителем. Через некоторое время дорогу им стремительно переползает змея с одной головой и семью хвостами...

Конечно, став во главе семьи, Ата не болтал, что попало, он всегда в разговоре с младшими знал, что и когда уместно сказать. Ата всегда прислушивался к мудрым словам младших по возрасту. Так, в доме, где был глава семьи, были и почет, и изобилие. А там, где люди уважают друг друга, всегда есть место взаимопониманию, дружбе. Люди всегда знали, что только совесть сохранит мир и покой в семье.

Совесьть дома. Совесьть всегда была самым ценным в ногайском доме. Совестливый человек никогда не делает подлости. «Это стыдно», — говорит он себе и воздерживается от зла.

«Совесьть и честь дороже жизни», — говорили наши деды. Потому и появилась поговорка: «Кнут убьет лошадь, а мужчину совесьть». Настоящий мужчина предпочитал смерть бесчестию. Такие люди, даже ненароком совершив какой-нибудь проступок, стыдились показать себя людям на глаза.

Там, где есть честь и совесьть, есть и воспитание, и соблюдение традиций. Тогда и работа спорится, и жизнь хорошеет, и взаимопонимание находится. Разве не в этом смысл жизни?

В нынешние времена, чего греха таить, мы часто сетуем на то, что вот тот из молодых совершил проступок, а этот матерится через каждое слово. А если задуматься, откуда все это идет, нетрудно угадать, что все упирается в совесьть. Там, где нет совести, и ребенок вырастает неуправляемым, плюющим на законы и обычаи предков.

Когда речь заходит о совести, на память всегда приходят вот такие строки:

...Даже если пройдет моя юность,
Пусть со мною останется совесьть,
Пусть до смерти останется честь,
И тогда голова, что седа,
Не опустится от стыда...

В доме, где ценится совесьть и честь, будет берекет (*благословение, изобилие*). А там, где берекет — там и счастье. Об этом тоже наши деды оставили мудрые слова:

Когда кончится жито,
Останутся корни (основа),
Уйдут князья (беки) — страна останется,
Но что останется нам,
Если от нас уйдёт благодать?

Что может быть мудрее этих слов? Дом, из которого ушел берекет — несчастен. В ногайском доме, во главе которого находится Ата, строго сохраняющий честь и совесть семьи, всегда будет благополучие.

4

Женщины в ногайском доме пользовались особым почетом. Сейчас некоторые, забывшие обычаи предков, опрометчиво утверждают, что во все времена ногайские женщины не имели никакого голоса в семье, считались чуть ли не рабынями, и только советская власть дала им волю и равноправие.

А, по-моему, чтобы понять, где истина, не надо далеко ходить. Давайте лучше войдем в старинный ногайский дом и познакомимся с его женщинами — хранительницами очага, и узнаем, каким почётом и влиянием пользовались они в своём доме.

Разумеется, женщина была хозяйкой дома, в её руках находились ключи от его изобилия и благополучия. Вся домашняя работа, забота о хлебе насущном лежала на плечах женщины. Мужчина никогда не открывал крышки казана, т. е. не вмешивался в женские дела. Потому что боялся быть осмеянным, получить прозвище «женоподобного». Не зря ведь говорят, что женщина делает дом домом или обращает его в золу. Женщина пользовалась неограниченным доверием в доме, все ключи от сундуков и амбаров, в которых хранились ценности и съестные припасы, корм для скота, находились в руках женщины.

Умные, трудолюбивые хозяйки пользовались уважением не только своих домочадцев, но и во всей округе. Именно о такой женщине рассказывают ногайцы мудрое поверье:

Хозяйка одного благословенного дома, отвечая на приветствие гостя, говорит, погладив лицо ладонями в знак благодарения Аллаху:

— Хвала Всевышнему, нет в этом мире человека счастливее меня, Кыдырлы-яс¹ сам вручил мне его (мужа моего).

— Нет, — говорит её муж, — это счастливее меня нет человека на свете.

— Как ты можешь такое говорить, муж мой? Когда я вышла за тебя замуж, в твоём доме не было ничего, что мог бы подцепить на рога бешеный бык. А теперь и скот есть, и дом — полная чаша. Из-за того, что мы создали семью, считаю себя самой счастливой, — настаивает женщина.

— Нет, — спорит муж, — это я самый счастливый человек на свете.

— Почему? — спрашивает гость, чтобы положить конец спору между мужем и женой.

— А как ты думаешь? — горделиво отвечает муж. — Разве я могу не считать себя самым счастливым человеком на свете, женившись на этой благословенной Аллахом женщине?

— Истину говоришь, хозяин, — подтверждает гость, соглашаясь с его мудрым выводом.

А женщина, довольная словами мужа, улыбается и кажется ещё счастливее.

Самое почетное, благородное и светлое дело женщины — это рождение ребёнка, его воспитание и наставление на путь истинный. Женщина знает, что он вырастет и станет таким, каким она его воспитает, потому с первых дней его рождения она все силы отдаёт его воспитанию, не жалея ни знаний, ни мастерства. Особое внимание женщина уделяла воспитанию дочери, ибо до её замужества она должна была научить дочь всему, что умеет сама. Ведь не зря говорили в старину: «Глядя на мать, бери в жены дочь».

Раньше ни одну ногайскую женщину не заставляли делать тяжелую работу, поднимать тяжести. Это считалось постыдным. А теперь женщины и шестипудовые мешки поднимают, как бы доказывая этим свое равно-

¹ Кыдырлы-яс — Хызр-Ильяс, посланник добра и счастья от Всевышнего.

правие с мужчинами. Сейчас на женщинах держится вся самая тяжелая работа на селе, а мужья раскатывают в машинах.

Не только в своем доме, но и в обществе женщина имела большое влияние. Никогда рядом с ней мужчина не говорил и не делал непотребных вещей. Если двое мужчин ругались или брали друг друга за грудки, то увидев женщину, быстро прекращали спор, говоря: «Вон женщина идёт, может увидеть, неудобно». Женщина могла остановить не просто драку, а целую битву. Стоило ей только снять с головы платок и бросить его между дерущимися, как драку мгновенно прекращали.

Об этом говорится и в одном из наших героических эпосов-дастанов.

...Шора-батыр, прославленный герой, после того, как его конь, раненный в бою, утонул, хотел вплавь выбраться на сушу, но увидев на берегу молодую женщину, пришедшую за водой, и подумав: «Эта женщина подумает, что такой батыр утопил коня и сам выбрался, какой стыд...», утопает и сам. Утопая, он произносит такие слова:

...Я не мертвец, я жив,
Я — дерево, взросшее в речном песке,
Я ещё буду нужен вам, люди...

Вот до какой степени было велико уважение к женщине, и каким позором считалось падение в её глазах. И люди, зная, что женщина — хранительница очага, мать семейства, воспитывающая в своих детях честь, совесть, уважение к обычаям предков, — воздавали ей должное.

Мужчины больше любили своих сестер, нежели братьев, только потому, что они женщины. Если сестра выходила замуж в другой аул, братья считали своим святым долгом раз в месяц навестить её.

В доме основным долгом женщины считалось воспитание ребенка и приготовление пищи. Кроме этого, женщина шила, вязала. Беременную женщину никогда не

загружали работой. Все в доме молились о том, чтобы она благополучно разрешилась от бремени, чтобы Аллах дал здоровья и матери, и ребенку. И после рождения ребенка молодой матери ещё два-три месяца не разрешалось делать тяжелую работу.

Мать в семье была окружена любовью и почитанием. «Полуночный сон делившая на четыре части, из своей груди выкормившая нас мать», говорили дети и возносили мать на вершину почёта. «Аллах, а после Аллаха — мать», — горделиво говорили ногайцы. Я сам застал людей, которые на горбу своём носили одряхлевших матерей к соседям и родственникам, чтобы только доставить им радость, развеять скуку. «Если сумею оправдать хоть каплю материнского молока, буду самым счастливым человеком», — говорили достойные сыновья и старались до самой смерти не омрачить слезами глаза матери. Человек, который ценит мать и материнский очаг, никогда не предаст родину и свой народ. Тот, кто не уважает родную мать, не будет уважать никого.

В нашем народе осталось много эпосов, легенд, былей и пословиц, доказывающих, какое уважение и почет воздавались женщинам и особенно матери.

«Хорошая женщина — честь дома, а плохая — его несчастье.

«Дом без женщины — сирота».

«Женщина — гордость дома, а мужчина — гордость народа».

О мудрых, талантливых женщинах у нас в народе сложено много сказов, были в народе и женщины-воительницы, не уступавшие в храбрости мужчинам, и женщины — ханши, не уступавшие в мудрости государям. Коротко расскажу здесь о двух ногайских женщинах, чьи имена и в наше время с гордостью произносятся ногайцами.

Ханбике Нурсолтан, дочь знатного ногайского бека Тимура. Самая известная, авторитетная женщина своего времени. Она была женой крымского хана Менгли-Герея и играла большую роль в политической жизни государства.

«Самое привлекательное нравственное качество Ханбике Нурсолтан, — пишет историк Фатих Урманче, — постоянное противодействие решению политических вопросов военным путем. В этом же духе она воспитывала и своих сыновей. Надо отметить, на этом поприще она добилась больших успехов...»

Нурсолтан — это историческая личность, деятельность которой была направлена на благо и процветание своего народа.

Сююмбике – Казанская ханша. Дочь ногайского мурзы Юсупа Сююмбике, как отмечали хронисты того времени, отличалась красотой и недюжинным умом. После смерти мужа Сафа-Герея она стала править Казанским ханством. При осаде Казани Сююмбике показала храбрость, что принесло ей немалую славу. В Казани в память о Сююмбике остался минарет её имени высотой 75 метров.

Из этих исторических примеров видно, какова была истинная роль женщины в ногайском доме. Я тоже много писал об этом, и хочу привести несколько строк из своего стихотворения о Матери:

«Неимоверно велик долг человека перед матерью,
И нет таких сил, чтобы до конца исполнить его.
Даже если не будет услышана вами моя мольба,
Я прошу вас, люди:
Не делайте зла на глазах Матерей!..»

Подстрочный перевод.

5

В домах, где глава семьи из мужчин умирал, часто за старшего оставалась самая старая женщина. Конечно, не всякая старуха могла держать в руках целый дом и поддерживать в нём мир и порядок. Для этого нужны и сила воли, и твердость, и характер. Но были такие старухи, которые главенствовали над всей семьей, воспитывали и старших, и малых. «Не только дом, но и весь аул может держать в руках одна такая умная и волевая».

В семьях, где родители умерли, за старшего оставался старший из братьев, и никто не оспаривал его главенство, вся семья слушалась и почитала его, отводя ему почётное место за столом и вверяя его суду все домашние проблемы.

Дети, рожденные от братьев, также почитали друг друга. Дети старшего брата пользовались большим почётом, чем остальные, им уступали дорогу и почетное место.

Глава семьи учил детей жить в дружбе и согласии с соседями. Это воспитание проявлялось не в назиданиях, а на живом примере.

Там, где есть мир в семье, будет мир и с соседями. Прежде чем купить дом, люди интересовались, кто будет их соседями. «Если я сам буду относиться к соседям с добром, и они мне ответят тем же», — думал человек, оставляя тропинку от своего дома к соседям. Если в доме готовилось что-то вкусное, этим обязательно делились с ближайшим соседом. Пеклись ли баурсаки или делались пельмени, резали ли скот, никогда не забывали угостить соседей. Я сам прекрасно помню, как разносил соседям хлеб, замешенный на молозиве.

Каждая ногайская семья, неважно, богатая или бедная, стремилась помочь соседу. И уж, конечно, всегда подавала милостыню нищим и жертвовала в мечеть. Считалось большим грехом богатому человеку унижить или оскорбить беспомощного. Каждый стремился в меру своих возможностей помочь ближнему. Это считалось непререкаемым законом отношений между людьми.

А сегодня? Нынешние богачи считаются только со своим достатком, не помогают даже своим не обеспеченным родственникам, не говоря уж о помощи бедным. Я рассказываю это не потому, что хочу упрекнуть нынешнее поколение в черствости. Я лишь хочу показать молодежи истоки доброты, милосердия и взаимопомощи, которые так ценились нашими предками. На этих отношениях воспитывались многие поколения ногайцев, куда же все это делось? Ведь это так просто — с самого рождения ребенка показать ему на живом примере, как люди должны относиться к отцу и матери, братьям и сестрам, соседям и всему ямагату.

Нынешние же родители, начитавшись мудреных книг, начинают учить детей дружбе и любви по заграничным фильмам, презрительно относясь к опыту дедов. Где же ребенку понять «заграницу», если он в отношениях со своими родителями разобратся не может? Где ему понять, что такое мир и добрососедство, когда он каждый день видит сварливые ссоры родителей с соседями?

В старину человека с умом, управляющего своим домом и семьей, ценили в народе. К его слову прислушивались, к нему шли за советом, делились своими заботами и проблемами. И мудрый старец считал себя ответственным не только за свой дом, но и за весь аул, весь ямагат. Если случалась какая-нибудь неприятность в ауле, он переживал тяжелее всех, считал себя обязанным наказать провинившегося, а достойного — одобрить. И в радости, и в горе мудрый человек был со своим народом, радуясь о добром, но не стыдился показать и неприглядные стороны жизни аула. И всегда старался оправдать доверие аульчан.

Дом, в котором не было старика или старухи, выглядел сиротой. Таким большим уважением и почитанием окружали младшие старшего по возрасту. Но никогда пожилые люди не злоупотребляли своей властью, никогда не позволяли себе обидеть невинного, унижить младшего или женщину. Аксакалы аула были всегда на виду, с них брали пример, к ним шли на поклон, за советом и благословением.

Потому, видно, у нас в народе сохранилось много пословиц о старых людях. «За пазухой у старика всегда найдется пряник», «Дом без старого — несчастен». Старые люди донесли до наших времен прекрасные эпосы, сказки, легенды и песни, созданные много веков назад. Благодаря им, мы их читаем и поем. Каждый человек знал, что когда-нибудь и к нему придет старость, потому и относился к пожилым людям с чистыми помыслами и доброй душой.

Ну вот, мы и познакомились с огромной ногайской семьей, А теперь пора посмотреть, как же эта семья одевалась.

НОГАЙСКАЯ ОДЕЖДА

В старину у ногайцев было много видов одежды, которую они носили испокон веков. Некоторые из них были совершенно не похожи на одежду других народов. Теперь уже никто эту одежду не носит, да и названий их уже не помнят. Поэтому я и хочу рассказать именно о такой одежде.

Кафта́л — по-русски его называют «кафта́н», у горских народов «бешмет». Его одевали и мужчины и женщины, но крой и отделка мужского и женского кафтана различались.

Мужской кафта́н был короткий, до колен, в поясе слегка присборенный, с двумя карманами по бокам. Иногда пришивали и нагрудный карман с левой стороны. В этот карман клали часы. Воротник кафтана был стоячий, плотно стеганный.

На женском кафтоне карманов не было, он был сильно притален, нижняя часть была широко расклешенной. Обычно женский кафта́н шили из ярких, разноцветных шелков, украшали выбитыми и вышитыми узорами.

Мужские кафта́ны шились без всяких узоров из однотонных, обычно черных, коричневых, серых плотных тканей. И мужской, и женский кафта́н не имел пуговиц, а застегивался на плетенные застежки.

Зыбы́н — женская стеганая короткая одежда на вате, наподобие нынешних фуфаек, скроенная как кафта́н. Одевалась обычно в зимнее время.

Тон — дубленка, шуба. Их и сейчас надевают. Но я хочу отметить, что в старину у ногайцев шили шубы около двадцати видов. Белая шуба — шилась из неокрашенной бараньей шкуры. Крашеная шуба — из окрашенной бараньей шкуры. Приталенная шуба — шилась с присборенной талией. Когда шерсть была очень длинной,

её подстригали, из этой подстриженной шкуры шили шубу. Камка — так называли очень дорогой шелк с позументами. Этим шелком обшивали шубу, отсюда и название, шуба — камка. Черная шуба — шилась из шкуры, окрашенной в черный цвет. Соболя шуба — шилась из соболиных шкур, в большинстве такие шубы носили женщины. Каракулевая шуба — из шкур нерождённых ягнят. Крытая шуба обшивалась тканями — шелком, вельветом, велюром. Были еще тыйн тон — беличья шуба, была и лисья, и шуба-яргак — она шилась из плохо мятых шкур, обычно её носили бедные люди. А вот шуба из шкуры с длинной, лохматой шерстью — считалась очень престижной.

Шубы носили и мужчины, и женщины. Но женские шубы кроились более тщательно, красиво, рукава и подолы отделывались выбитыми узорами. Женщины из обеспеченных семей носили каракулевые, лисьи шубы и подбитые шелком шубы-камка. Шубы также застегивались на крючки и петли.

Саксыр — так назывались мужские штаны из сыромятной кожи. Еще до войны, я помню, что штаны эти шились уже из тканей, стеганных на вате. Об этих штанах есть даже строки в старинных песнях. Вот, например, строки из песни воина-ногайца, погибающего на битве с врагами за свободу своей земли:

...Враг напал на наш юрт.
Я бился и сразил много врагов.
Но стрела вонзилась мне в бедро
И саксыр мой наполнился кровью...

Испокон веков носили ногайские мужчины саксыр.

Шепкен — (**чекмень**) — это исконно мужская одежда. Шилась из тонко валяной шерсти. На груди — узкие карманы для газырей. Чекмени были белого, черного, коричневого, серого цвета.

То, что мы называем чекмень, по-русски — черкеска. Её надевали и надевают сейчас все кавказские народы, да и казаки. И нагрудные карманы называют «хазыри»,

«газыри». А теперь давайте разберемся, что же означает это слово.

Человеку, знающему ногайский язык, это понятно без объяснения. Слово «азир», «хязир» в переводе на русский язык означает «готовый». В старину мужчины сами готовили себе патроны для орудий из пороха и вкладывали их в нагрудные карманы, чтобы в любой момент можно было ими воспользоваться. Именно эти нагрудные карманы черкески были местом для «азир» — «готовых» патронов. Потом это слово «азир», «азырь» позаимствовали другие народы, и оно вернулось к нам, как слово «газырь», «газыри». Я бы не стал так подробно останавливаться на этой детали, если бы некоторые кавказские «нетюркоязычные» народы громогласно не утверждали, что только они носили чекмень¹ («черкеску») и газыри. Тема принадлежности той или иной национальности всегда имеет много сложностей. Поэтому в ней надо разбираться терпеливо, не обостряя отношения. Вот такова история нашего чекменя.

Ямышы — бурка из войлока. Скроенная, как плащ-накидка, только без рукавов, с широкими плечами. Бурка служит ногайцу кровом и одеждой в степи, когда он кочует со скотом, она — самая незаменимая вещь для скотовода.

Шонтык — короткая куртка. «Шонтык» — значит «короткий». Куртка шилась как пальто, но была значительно короче, потому её так и называли. Раньше были куртки кебене, сшитые из шкурок и войлока.

Шалбар — шаровары — штаны с широкими штанинами, шились как из тонких тканей, так и из вязаной шерсти. В поясе завязывались продетой завязкой-ичкирем.

Шалу — тесьма, плетеная из ниток. В старину ногайские женщины были мастерицами плести тесемки

¹ Ряд современных ученых-искусствоведов, в частности доктор искусствоведения *З. В. Додэ* считает, что чекмень или черкеска обязана своим происхождением одежде хазар и половцев. То же верно и в отношении наборного пояса (*В. Н. Добжанский* и др.).

из разноцветных ниток. Об этом поется в известной старинной ногайской песне:

Белую тесьму, черную тесьму
Плела я.
Плетя, плетя свою тесьму
Взошла на гору...

Баслык — башлык¹. Его одевали мужчины на голову в дождь, снег. Потому и называли его «баслык» — «головной» (убор). Явно видно, что слова из тюркского языка («бас», «баш») пришло и в другие языки.

Названия некоторых видов женской одежды уже и забылись. Вот несколько из них:

Кыспа — женская кофта-корсаж, шилась впритык к телу и подчеркивала женскую фигуру.

Кокшыба — девичий корсаж, который надевали под платье.

У ногайцев в старину была обувь различных видов. И никогда они не покупали обувь, а шили её сами. Возможно, что исключение составляли правители и некоторые богатеи. Шили и сапоги, и чувяки, и женские туфли. Назову лишь некоторые забытые виды обуви.

Машбак — нарядная женская обувь, напоминающая нынешние босоножки. Сначала из хорошего дерева — яблоневого и т. п. вырезали колодку с каблучком по размеру женской ноги. Потом на колодку надевали кожу, стелили подошву. В детстве я видел женщин, одетых в машбаки. Для шитья обуви пользовались толстыми, грубыми нитками из сухожилий, дратвой и толстой иглой.

Дратва — нитки из сухожилий крупного скота. Их вытягивали из ног забитого скота и натягивали, как нитки. Эти нитки были очень прочные, и обувь, сшитая дратвой, служила долго.

¹ На многих произведениях древнеиранского искусства можно увидеть изображения скифов и саков в головных уборах, сходных конструктивно с башлыком.

Ушкырлык — игла — для шитья обуви. Большая и острая, как шило, она легко прокалывала грубую кожу.

Была еще иголка — **тебен**, ею шили шубы, чувяки, матрасы и другие плотные вещи. У нас в народе сохранилась такая пословица: «Когда везет — и иголка с ниткой помогают, а когда не везет — тебен ломается».

Ноговицы — сафьяновая обувь без головки, которую надевали мужчины, как гетры. Если не было сафьяновой кожи, то ноговицы шили из войлока или шерсти. Я сам в детстве одевал шерстяные ноговицы. Зимой они хорошо согревали икры ног.

Мес — сафьяновые ноговицы без подошвы. Обычно их надевают мужчины для сотворения молитвы. Эту обувь и сейчас можно увидеть на аксакалах. Они шьются так же, как и сапоги, а поверх их надевают галоши или чувяки.

Шарык — чувяки — шьются из толстой кожи без подошвы. Их надевают мужчины зимой на теплые носки, постелив мягкую сушеную траву. В таких чувяках ноги не мерзнут в любой мороз. Такие чувяки ногайцы шили с подошвой во время войны, когда не было другой обуви, и надевали их и мужчины, и женщины, и дети. Многих тогда в лютый холод спасли чувяки.

Ыдырык — лапти из целой сыромятной кожи. Их шили, как чувяки, на ровной подошве, без каблуков и тесьмой привязывали к икрам ног, как лапти. Такая обувь очень легкая, удобная, незаменима для людей, пасущих скот. Их и сейчас надевают скотоводы, турки и греки.

Я здесь привел лишь одежду, которая уже начала забываться. А теперь хочу подробно остановиться на самой видной одежде для ногайцев — шапке. Шапка издавна пользовалась уважением в народе. Были разные шапки в зависимости от времени года. И, конечно же, надо начать с любимой ногайцами шапки.

Элтыр борик — каракулевая шапка-кубанка, с опушкой высотой в пять-шесть пальцев. Дно шапки снаружи обшивали плотным материалом.

Бухар борик – бухарская шапка. – Эту шапку ногайцы надевали по большим праздникам, она считалась самой дорогой и красивой. Видимо, эта шапка впервые была привезена из Бухары, а бухарский каракуль и сейчас знаменит на весь мир.

Бухарская шапка с высокой опушкой, расширяющейся к краям. Верх шапки обшивали, синим, зеленым, красным вельветом с красивыми узорами. И сейчас изредка можно встретить на свадьбах или праздниках мужчин в высокой бухарской шапке.

Шапка-ушанка – она такая же, какую носят во всем мире, её все знают и носят повседневно.

Кийиз борик – войлочная шляпа – широкополая шляпа, она так же всем известна, её носят и сейчас.

Калпак – шапка из шерсти, сшитая наподобие тибетейки. В старину её часто надевали. И сейчас можно встретить стариков в калпаке, они носят его дома.

Шапка-ятакай – тибетейка из войлока, которую бедняки надевали и дома, и в поле. Можно сказать, что бедный крестьянин жил в этой шапке.

Тобтай – тибетейка из велюра, шуги, с кисточкой. У нас в народе её одевали учёные-богословы. Ученики медресе также ходили в таких шапочках.

Курпе борик – невысокая повседневная шапка из каракуля. Такую шапку в старину носили и женщины. Только женские шапки по крою отличались от мужских. Вот некоторые из них.

Шапка такыя – высокая тибетейка, стеганная на вате и украшенная узорами. Эту шапку надевали девушки на выданье. И сейчас в народе сохранилась поговорка: «Не осталось ваты для шапки-такыя», так говорят женщины, когда у них в доме что-то кончается. Видимо, когда-то в древности девушка, у которой шапка-такыя изнасилась, и вата свалялась, сказала эти слова, а народ подхватил, ведь сколько у ногайцев таких крылатых слов. Мы храним эти слова пуце сокровищ.

Кырым борик – крымская шапка – её тоже носили девушки. Круглая шапочка с разноцветными узорами,

почти такие шапки можно увидеть на танцовщицах национальных танцев.

Женщины носили также шапки с опушкой. Опушку делали из соболя, норки и других ценных мехов. Только опушка женских шапок была узкой, а верх — высоким.

Пояса. У нас в народе о невоспитанном, разнузданном человеке говорят: «Его поясница не знала пояса, а шея — воротника». Такое же значение имеет русское понятие «распоясался». Так говорят о людях, которые не признают правил приличия, этикета.

Ногайцы во все времена старались подчеркнуть красоту своей фигуры. Надо сказать, что в старину не то что толстых до безобразия, а просто полных людей было мало! И мужчины, и женщины носили пояса, подчеркивающие талию. Шили разные пояса, о них я и хочу рассказать.

Пояс с бляхой — пояс на каждый день. Бляху делали из меди, латуни, серебра.

Пояс с золотыми или серебряными насечками¹ — нарядный мужской пояс. Были пояса с двумя, четырьмя, шестью звеньями. Чем больше было звеньев из дорогого металла, тем дороже ценился пояс. Насечки переливались на солнце, такой пояс выгодно подчеркивал красоту мужского стана.

Кусак, «кушак» — женский пояс, отделанный серебряными или золотыми узорами. Девочки, выросшие в таких поясах, отличались тонкой, осиной талией.

Кемар — разновидность «кусака», только немного тоньше. Инкрустированный черным серебром, он был украшен драгоценными камнями.

Нагрудник — женское нагрудное украшение типа корсета, золотое или серебряное. Одевалось поверх платья и застегивалось спереди инкрустированными застежками.

¹ Т. н. наборный или «кавказский» пояс, он же кинжалный пояс, генетически восходит к древнетюркским поясам (В. Н. Добжанский и др.).

И кусак, и кемар, и нагрудник теперь уже канули в прошлое.

В те времена на одежде не было пуговиц. Застежки плели из ниток. Чтобы украсить одежду, мастерицы плели и вязали пуговицы из разноцветных ниток, люрекса. Некоторые мастера вырезали пуговицы и застежки из дерева. Потому у ногайцев сохранилась поговорка: «Это человек, вырезающий из дерева пуговицы», так говорили о лучших резчиках.

Вот такой была старинная ногайская одежда.

Когдаходишь в ногайский дом, хозяин собьётся с ног, чтобы угостить гостя лучшими яствами. Давайте отдаем его угощения, заодно и познакомимся с блюдами ногайской кухни.

БЛЮДА НОГАЙСКОЙ КУХНИ

Ногайский чай. В ногайском доме гостя никогда не заставят ждать, пока приготовится угощение. «Пока готовится еда, выпейте чаю, уважаемый», — скажет вам хозяин и поставит перед вами пиалу с горячим, душистым чаем. Ногайский чай — самое почетное и любимое блюдо у нашего народа. Ногайцы заваривают чай по особому, вкус его не спутаешь ни с каким другим. Разве может надоесть душистый плиточный чай, заправленный свежими сливками, черным перцем и гвоздикой? Да им насытиться невозможно! О ногайском чае у меня есть стихотворение, которое давно стало песней:

Разве можно насытиться тобой,
Душистый чай — ногайский чай.
Для здоровья полезный чай.
Ты стоишь во главе ногайских блюд
Душистый мой ногайский чай.

Подстрочный перевод.

И впрямь ногайский чай — бальзам для души, он очень полезен для здоровья. Пока гость пьет чай, готово и угощение. А блюд в ногайской кухне очень много. Здесь их все и не перечесать. Я хочу рассказать лишь о тех, которые начинают незаслуженно забываться.

Сёк. Жареное пшено. Пшено провеивают и замачивают в воде. Затем сушат и на медленном огне жарят. Прожаренное пшено очищают в ножной ступе. О ступах я рассказывал вам ранее, а вот о ножной ступе не упомянул. Ножная ступа зарывалась в землю, а тяжелый пестик приводился в движение ударом ноги. Очищенное пшено провеивают и очищают от шелухи. Вот и готово жареное пшено — сёк.

Это блюдо подавали к столу с молоком, сливками. Некоторые добавляли в сливки мед. Путнику в дорогу клали жареное пшено, приправленное сливочным маслом.

В старину сёк было любимой едой ногайцев. Это очень вкусное и сытное блюдо. Его готовили во время уразы — мусульманского поста. Эта еда не прокисает, не протухает, хранится долго. Жареное пшено, залитое в кожаный бурдюк, хранится годами.

Сейчас ногайцы почти не едят сёк. Это блюдо готовят разве что на поминки. Почему? Кто его знает. Но уверен, что от такого вкусного и сытного блюда никто бы не отказался.

Йыпатак — маленькие лепешки. Готовится сдобное тесто с сахаром, яйцами, круто замешивается. Затем тесто раскатывают в толстый лист и режут его на мелкие квадратики. Эти маленькие кусочки опускают в котел с кипящим сливочным маслом. Готовые лепешки вынимают шумовкой.

Лепешки йыпатак долго не черствеют. Их и сейчас готовят ногайцы.

Талкан — жареная кукурузная мука. Кукурузу жарят на медленном огне, а затем мелют. Вот эту жареную кукурузную муку и называют «талкан». Это блюдо заправляют неснятым молоком, сливками или айраном. Талкан, так же как и сёк, очень сытная еда и хранится длительное время.

Мамырса — мамалыга. Готовится из кукурузной муки. В кипящую воду постепенно насыпают кукурузную муку и хорошенько мешают деревянной лопаточкой для басты, чтобы не было комочков. Хорошо сваренную мамалыгу без единого комочка ногайцы сравнивали с вареным курдюком ягненка. Мамалыгу едят со сливками, простоквашей, с мясом и сыром.

Уйре — суп с крупой, похлебка. Это старинная ногайская жидкая еда. Суп варили и из пшенной, и из кукурузной крупы. Добавляли в суп лук, красный перец. Заправленный ювыртом (кислым молоком) суп с крупой облегчал простуду, придавал силы человеку.

Узбе — галушки. Из пшеничной муки делается тугое тесто и раскатывается толстым слоем. Раскатанное тесто разрезается на узкие длинные полосы, от этих полос отщипывают маленькие кусочки теста и бросают в кипящую воду. Готовые галушки подают к столу со сметаной или кислым молоком.

Алпана — лепешки из кукурузной муки. Маленькие катышки теста из кукурузной муки варят в казане, затем процеживают. Готовые лепешки едят с маслом, сметаной, кислым молоком. Очень сытная еда, полезно при болезни кишечника.

Малакай — старинный ногайский хлеб из просяной муки. Тесто на такой хлеб раскатывают тонко. Свежеиспеченный малакай едят с молоком или ювыртом.

Кукурузная лепешка — печется так же, как и просяная. Тесто раскатывается в тонкий кружок и печется в круглой таба (чугунная сковорода). Кукурузная лепешка была сладкая, как сахар. В последнее время её почти не делают. Кукурузные лепешки, мамалыга, суп из кукурузной муки — очень сытная и полезная для здоровья еда.

Атук — маленькие круглые лепешки из кукурузной муки. Пеклись на сковороде.

Халва — её делали из кукурузной муки. Сначала муку просеивали и замешивали вместе с сахаром. Потом тесто кипятили, как мамалыгу, добавляли сливочное масло. Доведенную до кондиции кашу халву вынимали и стелили на плоскую доску, чтобы она затвердела.

Хлеб на молозиве. Такой хлеб пекли на молозиве только что отелившейся коровы. Его не ели только сами, а раздавали соседям.

Я здесь не говорил о мучных блюдах, которые сейчас готовят ногайцы: пшеничный хлеб, **баурсак** — пшеничные лепешки, жаренные в кипящем масле, **катлама** — тонкие круглые лепешки на масле, **локум** — квадратные лепешки на масле, **пельмени**, **хинкали** и т. д.

Конечно, все знают, что любимая еда ногайцев — это мясо. Трудно перечислить все ногайские мясные блюда, поэтому я упомяну лишь те, которые уже забываются.

Мясо, разделанное по частям. Ногайцы более всего любят и почитают баранину. И едят её по своим

правилам. Никогда баранина не подается к столу абы как нарезанная и никто не ест то, что ему вздумается. Баранину варят по частям и эти части подают гостям по старшинству и почету. Баранье мясо делится на двенадцать частей: две берцовые кости, две лодыжки, две тазобедренные кости, две лопатки, две тазовые кости. Эти части варятся до полной готовности и подаются гостям, каждому по его положению.

Баранья лопатка и берцовая кость — самые почетные части. Предки наши гадали на бараньей лопатке. После того, как съедалось дочиста мясо на лопатке, по линиям на тонкой части читали свою судьбу, были люди, которые специально учились этому и были «мастерами» гадания на бараньей лопатке. Они по линиям на бараньей лопатке предсказывали изменения в мире, в погоде. А теперь остается только с горечью вспоминать об этих людях, ведь они знание унесли с собой в могилу. Да не их в том вина, это власть стремилась стереть с лица земли старинные обычаи и людей, эти обычаи соблюдающих и хранящих...

Баранья голова доставалась самому старшему за столом. И никто на это не обижался. Это обычай, который донесли до нас предки, он соблюдался испокон веков.

А теперь некоторые не знающие обычаев молодцы, взяв у тебя из рук баранью ляжку, еще и возмущаются, начинают говорить, что, проявили к ним неуважение.

Потому и говорится, что там, где соблюдаются обычаи отцов и дедов, соблюдается и дисциплина.

Старейший за столом, получив баранью голову, никогда не съедал её один. Это посчиталось бы крайним невежеством и неуважением к остальным гостям. Получить баранью голову было большой ответственностью.

Сперва получивший голову слегка, попробовав кусочек её, раздавал голову по частям соседям по столу. И раздавал не просто так, а с пожеланиями:

— На тебе, дорогой, ухо. Пусть твои чуткие уши станут еще лучше слышать, съешь его. А этот глаз пусть достанется тебе, братишка, чтобы твои зоркие глаза стали еще зорче, чтобы различали они цвета птиц, летающих в поднебесье.

Подавая кому-то бараний язык, желали, чтобы язык его стал ещё красноречивее, другому давали мозг, чтобы ум стал ещё острее. Люди, получившие части бараньей головы, принимали их с большой благодарностью, ибо это считалось честью, поднимало их достоинство в глазах окружающих.

Вот так ели в старину наши деды. А сейчас баранью голову вообще редко подают к столу, а если и подают, то никто не умеет её достойно разделить и раздать гостям¹. Сейчас старейшины больше говорят длинные пожелания за чаркой водки. Это и привычнее, и проще.

Ногайцы, народ, который испокон веков связан с животноводством, потому у нас так много легенд, рассказов, былей и пословиц о домашнем скоте. Сохранилась у нас и веселая присказка «Обглоданная баранья голова».

Один жадный человек ставит перед гостем уже обглоданную баранью голову и говорит:

— Ешь, конак, гостю положена баранья голова, ешь, дорогой.

А гость был как раз из тех, что за словом в карман не полезет. Взял он баранью голову, повертел в разные стороны и говорит:

— Эй, голова ты, баранья голова — голый череп! Ни глаз у тебя нет, чтобы посмотреть, ни языка нет, поговорить, ни мозгов, чтобы посоветоваться, ни ушей, чтобы послушать. Так что мне с тобой прикажешь делать? — положил обратно на сыпыра голову.

Хозяин от стыда чуть сквозь землю не провалился, видя, что гость его человек умный и разговорчивый. Чтобы как-то сладить свою вину и заслужить прощение, тотчас зарезал барана и угостил гостя настоящей бараньей головой.

Вот так-то!

Шашлык. Издревле ногайцы готовили шашлыки. По-ногайски они называются сислик — нанизанные на сис — шампур, тонкую, длинную палочку, с заостренным концом. Мясо мелко нарезали и нанизывали на этот сис.

¹ У астраханских ногайцев этот обычай сохранился.

Потом держали сис над огнем до готовности. Хорошо прожаренное мясо ели с мамалыгой, это было просто объедение.

Сейчас, когда я слышу слово «шашлык», мне сразу приходит в голову, что, может быть, это пошло от слова «шанш» — «нанизывай». Вполне возможно.

Мясо, прожаренное на огне — сислик — было любимым блюдом у ногайцев, особенно с удовольствием ели его молодые люди и дети.

Кувырдак — гуляш. Мелко нарезанное мясо кладут в воду и кипятят, добавляют лук и перец. Ногайцы едят кувырдак с мамалыгой, бастой, картофелем.

Кыйма — колбаса. Её делают из говядины или конины. Мясо нарезают очень мелко, кладут в него молотый чеснок, перец и готовым фаршем заполняют говяжьи кишки. Затем эти колбасы сушат на солнце или же по бокам старинного ногайского очага. Такие ногайские колбасы никогда не портились, поэтому их брали с собой в дорогу, ели зимой.

Ёрме — ещё одна разновидность колбасы. Только фарш укладывают не в кишки, а нарезанные длинными полосами стенки говяжьего желудка. Эти полоски складывают вдвое и обвязывают толстыми нитями из говяжьих или бараньих сухожилий. В эти колбасы кладут больше говяжьего жира.

Сейчас их уже не делают, только название осталось в пословицах и поговорках: «Кошка, не дотянувшись до висящей ёрме, сказала, что она испорчена».

Сокта — ливерная колбаса. Сейчас редко делают. А ведь в старину делали такие сокта — пальчики оближешь! Мелко нарезали бараньи легкие, печень, почки, добавляли мелко нарезанный лук, молотый чеснок, перец, нутряной жир и, начинив этим фаршем толстую кишку, варили.

Ботка — пшенная каша с мясом. Мясо мелко нарезают и варят. Когда оно уже почти готово, кладут в бульон с мясом пшено и на медленном огне доводят до готовности. Хорошо набухшая пшенная каша с мясом — одно из наших любимых блюд. Об этой еде у нас тоже сохранилась присказка:

— Давно-давно в один дом приходит гость. И видит, что хозяйка дома варит ботка. А хозяйка — женщина жадная, увидев, что посторонний вошел в дом, варит ботку и про себя приговаривает:

— Пусть ботка набухает, а посторонний уходит.

А гость, человек находчивый, поняв, что нашепты-вает жадная хозяйка, сидит и думает:

— Ботка набухнет или нет, а посторонний, не наевшись, не уйдет...

Ногайская ботка варится, как узбекский плов. Только плов — это мясо с рисом, а ботка — мясо с пшеном. Так же, как и в плов, сюда кладут лук, перец. Раньше ботка была одним из самых почитаемых ногайских блюд, её было престижно поставить перед любым гостем. А нынешняя молодежь даже названия этой еды не слышала.

Толтырма — еще один вид колбасы. Мясо, мелко нарезанное и приправленное луком, чесноком, перцем, плотно укладывают в кишку, так же, как и кыйма. Только эту колбасу не хранят так долго. Её делают толще, чем кыйма, и варят тотчас же, и вареную колбасу подают к столу.

Кувырмаш — мясо, жаренное с луком и чесноком.

Казы. Жирную конину нарезают узкими плоскими кусочками и, приправив чесноком, перцем, солят и плотно укладывают в кишку. Готовую колбасу сушат. В холодные зимние дни казы едят с тузлуком — чесночной приправой на кислом молоке.

Курлеме. Роют неглубокую яму для тандыра. В ямке разводят огонь. После того, как огонь погас, собирают тлеющие угли в горку и зарывают в нее бараний желудок, начиненный кусками баранины. Мясо приправляют степными травами, диким чесноком. Испеченное на углях мясо в бараньем желудке — это мечта гурмана!

Засоленная баранья голова. Баранью голову смоят, моют и варят в хорошо посоленной воде. Приготовленная таким образом голова хранится долго. Едят её с чесночной приправой.

Турама. Конину нарезают плоскими кусочками и варят с чесноком и перцем. Можно также обмазать сырое мясо молотым чесноком и высушить.

Торта. Курятину варят до готовности и вынимают из бульона. В бульон засыпают немного кукурузной или пшеничной муки и варят до загустения. Заправляют чесноком и перцем. Едят торта с бастой, мамалыгой.

Сызык. Нутряной бараний жир кипятят, а нерастопившиеся кусочки называют сызык. Едят сызык с бастой, мамалыгой. Особенно любят сызык дети.

Сушеное мясо. Известно, что в прежние времена холодильников не было и, чтобы надолго сохранить мясо, ногайцы его сушили. Нарезали мясо большими плоскими кусками, затем полосовали его и засыпали солью. Просоленное мясо вешали на солнце и сушили. Хорошо просушенное мясо можно хранить годами. Такое мясо жарили или делали из него шашлыки. В жаркие летние дни сушеное мясо не пропадало и сохраняло вкусовые качества.

Комгазы. В морозные зимние дни резали баранов и целыми тушками вешали на чердаке, чтобы не унесли кошки или собаки. Мясо хранилось на холоде хорошо.

Вот я привел лишь небольшую часть блюд, которые ногайцы готовили из мяса.

Только из молока у нас в народе делали более двадцати разновидностей продуктов. И сейчас делают несколько видов: ювурт — кислое молоко, айран, сметану, сыр, масло, творог. Это наша каждодневная пища, можно сказать. А сколько молочных продуктов, незаслуженно забытых! Вот некоторые из них:

Аурша — густо скисшее молоко с солью и чесноком. Густое кислое молоко процеживали через сито, воду выливали, а густую массу приправляли солью с чесноком. Моя мать готовила аурша осенью, чтобы есть зимой. Ели аурша, макая в него мясо с мамалыгой. Очень сытная пища, полезная для здоровья.

Курт — соленый и засушенный творог. Просто творог через два-три дня уже невозможно есть, а курт хранится годами. Его, как и сыр, едят с мясом, с картошкой, с хлебом. В детстве мы выбегали на улицу с круглыми кусочками курта и ели его, как сейчас дети едят конфеты.

Сыр — созба. Только что приготовленный сыр мелко нарезают и укладывают в круглый казан. Кипятят его вместе со сливочным маслом, пока сыр не будет тянуться, как смола. Такой плавленый с маслом сыр едят с бастой и мамалыгой. Некоторые называют его сыр-созба (сыр-тянучка).

Матакуя — это круглый сушеный сыр. Его клали на деревянные бока очага и сушили. Такой сушеный сыр хранится годами, его клали в дорогу путнику.

Подоенное молоко. Это оставленное после дойки молоко для телёнка. Обычно оно гуще и вкуснее, его используют при болезни горла. Часто подоенное молоко отдавали детям. А нынешние хозяйки и не знают, что это такое, потому что доят без теленка, чтобы получить больше молока. Но разве можно сравнить по качеству это молоко с тем, которое выдаивают после теленка?

Тузлук — это чесночная приправа на кислом молоке или сметане. Иногда тузлук делают на бульоне. С этой приправой едят мясо, картошку.

Некоторые несведущие люди говорят, что ногайцы в старину не ели овощей, не знали трав. Это не так. Ногайцы прекрасно знали травы и овощи, широко использовали их и в пище, и как лекарство. Кочуя по степи со скотом, ногайцы хорошо знали степную растительность, использовали в пище дикий лук и дикий чеснок. Высушенными и смолотыми травами заправляли бульоны, жареное мясо. Многие степные травы и корни ели сырыми. Такие, как топинамбур — *земляная груша*, эшки эмшек (возможно, что эскемшек) — *хурма*, оьмирзая — *горицвет*, кышы — *сурепка*, майталкан — *мак* и другие.

Я уже не говорю о тех овощах и травах, которые мы и сейчас употребляем в пищу, их и в древности завозили торговцы из земледельческих районов. Но у кубанских ногайцев многие овощи выращивались и на местах проживания. Вот о картофеле надо сказать несколько слов.

Ералма — картофель. Так же, как и у других народов, у ногайцев есть множество блюд из картофеля. Вы их все прекрасно знаете. Я вот о чем хочу сказать. Разве не удивительно, что картофель называют «ералма» — «земляное яблоко» среди всех тюркских народов только кубанские ногайцы? Слово «картофель» на итальянском языке так и означает — «земляное яблоко», и пришел

картофель в Россию в 18 веке. Удивительно, что ни русские, ни другие народы не назвали картофель по-своему, а заимствовали это слово с итальянского. А вот ногайцы назвали по-своему — «земляное яблоко».

Раньше каждый двор имел свою бахчу. Ногайцы осенью собирали арбами арбузы и дыни. Арбузы накрывали соломой и так хранили всю зиму.

Коль речь зашла о пище, я не могу сказать о том, что уже долгие годы не дает мне покоя. Сейчас ногайцы из-за пренебрежительного отношения и плохой изученности предстают народом, у которого не было даже своих национальных блюд.

Вот у меня в руках недавно вышедшая книга «Блюда народов Северного Кавказа». Что и говорить, с горечью перелистывал я её страницы. Ни одно ногайское блюдо не упомянуто. Лишь в одном месте замечено, что ногайцы готовили блюда из конины. Да и раньше в Ростове и Ставрополе выходили книги о кухне народов Северного Кавказа, но и там о ногайской кухне не было сказано ни слова. Почему так?

Да мы и не готовим прекрасной старинной еды, вот и вкус её уже забывается, не то, что название. Теперь мало кто умеет делать ботка, пшеничную похлебку или же сёк из проса. Даже названия этих блюд молодежи уже ничего не говорят. А если вдуматься, эти старинные блюда очень вкусные и питательные. Какой бы почетный гость ни был, не стыдно перед ним поставить такую еду. Да и человеку другой национальности они придутся по вкусу, долго будет он вспоминать, какими вкусными яствами угощали его ногайцы.

Нет, мы так не можем. Наоборот, мы стараемся показать, как умеем готовить блюда других народов. А гость это сразу замечает и говорит хозяевам, что это он уже пробовал у других.

И вообще, мы, ногайцы, удивительный народ. Ни одно свое лучшее качество, не умеем показать. Взять хотя бы тот же сёк из жареного пшена. Его ведь на Северном Кавказе, кроме ногайцев, никто не умеет готовить. Почему бы эту еду не показать достойно? Возможно, только мы тяжелы на подъём.

У ногайцев были свои правила приема пищи: здесь всегда соблюдалась чистота и дисциплина. «Пусть человек, принимающий пищу, ест от души, пусть она будет ему на здоровье», — думали хозяева, ставя перед гостем угощение. Давайте вспомним эти прекрасные правила.

Перед едой и после еды каждый человек мыл руки, полоскал рот.

Перед едой все произносили молитву: «Бисмиллахи рахмани рахим» («Именем Аллаха — всемилостивого и всемогущего») или «Аллахум барик лана фима разактана уа кина азабаннар («О, Аллах, благослови эту пищу и сохрани нас от огненного ада»). После еды, благодаря Аллаха, говорили «Альхамдулилах» (Вся хвала лишь Аллаху).

Перво-наперво на сыпыра ставили хлеб. Хлеб, мясо и другую еду никогда не брали двумя пальцами, что считалось крайней непочтительностью к пище. Никогда не оставляли недоеденные куски, даже крошки хлеба собирали. Если за столом сидел гость, хозяин первым начинал есть и никогда не заканчивал, пока не доест гость.

Всегда с осуждением смотрели на человека, который жадно набрасывался на еду, ел торопливо и давился. За едой разговаривать не пристало, говорили наши деды.

Я буду неправ, если скажу, что в старину ногайцы не курили табак и не пили. Люди в те времена и пили, и курили, и отдыхать умели. У нашего народа были свои национальные напитки. Сейчас о них молодежь ничего не знает. Мы забыли свои напитки, и преклоняемся перед дурманящим чужеродным зельем. Взять хотя бы кумыс — из кобыльего молока. Нынешние ногайцы даже вкуса его не знают. А ведь в старину кумыс был одним из любимейших наших напитков. Мы знаем о нём из древних эпосов, песен, пословиц, рассказов. Вот строки из старинной песни:

Кар-кар, вороны
Крыльями машут.
В реке плавает рыба,
На берегу пасутся кони.

Чьи же это кони?
Это кони Биакай-бая.
Биакай тебе что дал?
Дал пегого жеребенка.
Сказал: иди, гуляй в степи,
Зайди в дом, где есть кумыс,
А если не дадут кумыс,
Укради у них дочку...

Подстрочный перевод.

В старину кумыс пили взрослые, детей не приучали. Но зазорного не было в питье, дети пробовали его: кому нравилось, кому нет. Я в детстве от многих слышал поговорку: «раскраснелся, точно выпил кумыса». Если бы несколько лет назад я не побывал в Якутии, то тоже не знал бы, что такое кумыс. А вот довелось мне его там попробовать.

На широких просторах Якутии бесчисленными табунами пасутся кони. Якутские кони похожи на сказочных коней-тарпанов. Они выносливы, выдерживают любые морозы и ветры. И пасутся зимой и летом. Вы можете удивиться, как же они пасутся зимой, когда в Якутии глубокий снег? Вот так и пасутся, как древние дикие кони, передними ногами разрывая снег и отыскивая под ним траву. Зимнюю пастьбу коней в Якутии и называют «тебеневка». Знающий ногайский человек сразу догадается, что пошло от слова «теп» — бей ногой, стучи.

Так вот о кумысе. Это национальный напиток якутов-сахара. И мы побывали на одной ферме, где делают кумыс. Работники фермы встретили нас чоронами — деревянными чашками, полными густого, ароматного кумыса. И мы выпили, поблагодарив хозяев. Увидев чорон, я не мог не задуматься.

Чорон (шара)... Услышав это слово, я несколько раз повторил его про себя. Какое же ногайское слово напоминало мне оно? Еще раз внимательно посмотрел на сосуд. «Э-э, да это же похоже на ногайскую деревянную чашу — шара. Да и названия похожи. «Чорон» — «шара». Якуты произносят вместо «ш» звук «ч», а вместо «а» — «о». Потому и «шара» у них превратилась в «чорон».

В старину ногайцы тоже делали посуду из дерева. И так же, как якуты, наливали в шара густой кумыс и угощали гостей. Вот так пришлось мне встретиться с напитком дедов на земле Саха. И предстало перед моими глазами ещё одно мгновение из жизни наших предков.

Что скрывать, здесь я впервые в жизни увидел, как доят кобыл и делают кумыс. В той ферме было около пятидесяти кобыл. Раньше их доили руками, а сейчас — доильными аппаратами, точно как коров. Молоко процеживают и кладут в него окислитель, который превращает молоко в кумыс. Только кобылье молоко не превращается в ювурт, как коровье, а становится похожим на айран. Иногда хорошо скисший кумыс кипит и бурлит, как боза. Такой кумыс можно пить чашками, и он не надоест. Люди, делающие кумыс, говорят, что он ложится, как бальзам на сердце.

И, вправду, кумыс — удивительный напиток, пьется с удовольствием, повышает настроение и возбуждает аппетит. Ещё наши предки говорили, что кумыс — лечебный напиток, и особенно полезен он для лечения легочных, желудочных, кишечных заболеваний.

Кумыс известен людям с древних времен. Греческий историк Геродот писал: «Кочевые народы, живущие к северу от Черного моря, пьют удивительный напиток, сделанный из кобыльего молока».

Кумыс прекрасно утоляет жажду, повышает тонус и снимает усталость. Ученые говорят, что по своему составу и вкусу кобылье молоко близко к материнскому, в нём есть сахар, различные витамины и минеральные соли. Когда люди делают из молока кумыс, эти вещества легче усваиваются человеческим организмом.

Потому и считается кумыс лечебным. Только теперь его найти трудно. В наших краях кобыл никто не доит, да и лошадей редко держат.

Якуты живут долго. Несмотря на сильные холода и тяжелые условия жизни, среди сака очень много людей, переваливших за столетний рубеж. И этому, по мнению самих якутов, способствует питье кумыса и употребление конины.

А ногайцы забыли кумыс. Может быть, подрастающее поколение, вспомнив, что предки пили этот прекрасный тонизирующий напиток, будут пить его, и их лица будут покрываться румянцем? Нельзя забывать прекрасное и полезное из прошлого своего народа. Даст Аллах, и кумыс вернется к нам из пелены забвения.

Боза. Этот напиток очень редко, но пьют и сейчас кубанские ногайцы. Особенно теперь, когда водка подорожала, люди тотчас же вспомнили про бозу. Нашлись и женщины, умеющие её делать. Вспомнили, как готовили бозу их матери и бабушки.

Легко сказать, наливай бозу. А делать её непросто, процесс долгий. В старину многие делали бозу, но не у всех она получалась одинаковой, не все постигали секреты её приготовления. В народе знали и почитали женщин — мастериц бозы, и на свадьбы и другие торжества приглашали именно их, чтобы только они её приготовили. Как её делают, я слышал ещё от своей матери, пусть земля ей будет пухом.

Прежде всего, делают дрожжи. Ячмень чистят и промывают, затем заливают водой и оставляют на 2–3 дня. После просушивают и мелют. Так делают дрожжи — основной элемент для приготовления бозы.

Ногайцы делали бозу из кукурузы или проса. Для приготовления одной бочки бозы нужно два ведра муки. Её насыпают в бочку. Затем наливают туда слегка теплой воды и замешивают до консистенции сметаны. Хорошо размешав, чтобы не было комков, закрывают кадушку и еще накрывают одеялом для тепла. Через 2–3 дня заготовка для бозы закисает и поднимается. Тогда её наливают в казан и кипятят. Кипятят долго, спешка здесь ни к чему. Увидев, как боза кипит, бурлит, женщина, готовящая её, со словами: «Боза сварилась, хорошо сварилась», — снимает казан с огня.

После того, как боза остыла, её заливают обратно в кадушку, процеживая. Затем точно кадушку опять утепляют и оставляют бозу настаиваться ещё два-три дня. После того, как бурление немного стихает, бозу ещё раз процеживают. «Вот теперь боза готова», — говорит женщина и пробует её на вкус.

Хорошая боза горячит кровь, поднимает настроение. И человек с хорошим настроением пьет и нахваливает бозу:

— Вот боза, так боза, напиток для настоящих мужчин!

Особенно вкусной получается боза из проса. Сначала из проса делают муку. Затем муку с дрожжами кипятят, потом готовую бозу процеживают. И такая крепкая получается боза. Недаром про неё говорят:

Просяная боза — редкостная боза,
Желанная для всех.
Настаивайся, боза, бурли в кадлушке,
Чтобы пила и поднимала настроение...

Подстрочный перевод.

Варили бозу по-разному. Была медовая боза, боза-пиво, очередная боза.

Очередная боза — называлась так потому, что варили её по очереди. Вот в один из дней в одном доме варили бозу. Пить её приходили мужчины — родственники и соседи. Пили бозу, пели песни, решали проблемы аула. И в конце бросали жребий, кому в следующий раз варить бозу. Так по очереди ходили из дома в дом, где варилась боза. Обычно ходили только взрослые мужчины, молодежь в этом не участвовала.

Сыра-боза — пиво. Тюркские народы называют пиво «сыра». Так вот эта боза варилась, как пиво.

Бармажи — медовая боза — самая крепкая. Для этого в обычную бозу добавляли мед. Такую бозу варили на свадьбы и другие торжества. О медовой бозе поется в древнем дестане «Шора-батыр».

Пока сварится бармажи,
Пока она медом не ляжет на сердце...

В наше время медовую бозу совсем не делают. У нее были свои секреты приготовления.

В те времена люди умели пить бозу, и обычную, и медовую. Мужчин, не знающих предела в питье бозы, осуждали и осмеивали. О пьяницах мудро сказано в таких строчках: Один тостакай — напиток мужчины, Два тостакая — напиток собаки, Три тостакая — напиток волка, Четыре тостакая — напиток свиньи, Пять тостакаев — напиток жука...

Разве не мудро сказано? Услышав эти слова, всякий задумается, прежде чем пить без меры. Умный человек всегда остерегается попасть под осуждение, сдерживает свои желания. А умение сдерживать себя — одно из самых достойных качеств мужчины, признак воспитанности.

Вот вы убедились, дорогой читатель, в изобилии ногойского дома. А изобилие достается только трудом. Пришла очередь поговорить о труде.

В ТРУДЕ — ИЗОБИЛИЕ

«В труде — изобилие» (Аьрекетте берекет) — наверное, эта поговорка родилась ещё в те времена, когда род человеческий, подняв палку, ковырнул ею землю. А еще у нас говорят «Кто не движется, у того и рот не шевелится». Наши предки прекрасно понимали, что именно труд делает человека истинным человеком, и воздавали должное труду. Потому и воспитывали своих потомков трудолюбивыми.

В ногайской семье ребенок уже с пяти-шести лет начинал приобщаться к труду. Конечно, ребенку давали делать только то, что ему по силам. Сначала ребенка посылали приглядеть за телятами, потом погонять скот, напоить коня. В семь-восемь лет ногайских мальчиков сажали на сидения погонщика на ярме, и они пахали вместе со взрослыми, хорошо умели ездить на конях, а одиннадцати лет брались за косу.

Мойса — ярмо для волов, делалось из дерева. На шею быков, впрягавшихся в плуг, надевали ярмо.

Девочки тоже не оставались без работы. Они, как могли, помогали матери по дому. А в девять-десять лет девочек учили шить, вязать, готовить. В трудолюбивой семье каждому её члену находилось занятие. Каждый делал посильную работу. А нерадивому никогда не хотелось трудиться. Но в народе у таких людей авторитета не было. Нерадивость, лень всегда порицалась, высмеивалась у ногайцев. «Лентяй опухнет от безделья, наполнит подол мусором», — говорили наши предки.

Ногаец всегда любил землю. «Черная земля — кровянице» — говорили наши деды и бережно, любовно относились к земле — родительнице всего живого. Были люди, которые разбирались в почвах, плодородных землях, никогда не сеяли, что попало. Все делалось с

умом, расчетливо. На одном клочке сеяли пшеницу на хлеб, на другом клочке — просо для каши, кукурузу — на басту и мамалыгу, а на третьем — ячмень и овес для скота и коней.

Как только начиналась весна, глава дома собирал свою семью и наставлял на полевые работы. Сам не знал ни сна, ни отдыха и домашним не давал покоя, никому не позволял бездельничать. В день по нескольку раз выходил в поле и, взяв в ладони горсть земли, мял и нюхал её, узнавая, готова ли почва для пахоты. Как только от земли начинал исходить пар, «Ну, вот и Емире спустился к нам на землю», — говорил хозяин дома и радостно выходил в поле. Здесь я должен пояснить вам, кто это.

Емире — доисламское, языческое, божество тепла, божество плодородия, представляющее собой огромный красный столп огня. Ранее верили, что зимой Емире покоится на небе. По весне он спускается на землю и начинает согревать её. Летом Емире прячется в навозе и навоз от жары начинает дымиться. Так он лежит в помете до зимы, а зимой возвращается к себе на небо.

Емире — древнее божество, и сколько бы веков назад не придумал его человек, в нем были мысли и чаяния трудолюбивых ногойцев-землепашцев.

Увидев, как земля становилась мягче, ногойцы готовились к работе в поле. Чинили плуги и бороны, готовили упряжь арбы.

Выход в поле, первую борозду ногойцы отмечали как праздник. Об этом празднике я расскажу вам в главе «Свадьбы и празднества».

Как только заканчивалась пахота, земля пару дней исходила паром, и только потом начинался сев. Его тоже не проводили в спешке, абы как. Знающие люди давали советы, когда пахать, когда что сеять.

А в советское время, какой-нибудь городской начальник посылал приказ: «К такому-то дню закончить пахоту, а в такой-то день — сев», и люди, всю свою жизнь отдавшие служению земле, вынуждены выполнять эти нелепые требования. А если сам-то начальник ни земли этой, ни её природных условий в глаза не видел? Такое

положение дел всегда ущемляло земледельца, отбивало всякую охоту работать. И человек не хотел даже показывать свои знания, опыт, не стремился брать на себя инициативу.

К полевым работам землепашец готовился заранее, не находил себе места, пока не заканчивал дело.

Уборка урожая — самая ответственная и тяжелая пора. В этот период и стар, и млад выходили в поле. Убирали, не оставляя в поле ни единого колоска. Это время ногойцы называли временем, «когда княгини брали в руки серп». Считалось большим грехом оставить в земле, не убрать, испортить то, что выращено с таким трудом. А теперь бывает, что и зерно, и овощи остаются неубранными, и никто не считает это грехом, никто не берет на себя вину. Все делают вид, что ничего не видят, ничего не знают.

Но и когда полевые работы заканчивались, ногоец никогда не сидел без дела. Зимой мял кожу, делал из нее сафьян и заготовки на подошвы. Женщины шили бешметы, валяли войлок. Девушки вышивали, выбивали узоры, вязали тесьму. Я расскажу вам теперь, как же делалось в старину такая работа.

Выделка кожи. Ногойцы издавна выделяли кожу и шили из нее различные вещи. Кожа служила и одеждой, и утварью, и мебелью. В старину из шкур животных ногойцы выделяли прекрасную мягкую кожу.

Сначала шкурки скота очищали от шерсти. Для этого шкуру около недели выдерживали в специальном растворе — шата. Шата — раствор из хорошо скисшего молока, сыворотки от сыра и муки. Этот раствор прекрасно смягчал шкуру, выдержанная в нем шкура быстро очищалась от шерсти. Очищенную кожу мяли тяжелой деревянной мялкой. Именно из такой мятой кожи шились прекрасные сафьяновые сапоги, делались прочные подошвы, Мятую кожу красили в любой цвет. Для окрашивания использовались кора деревьев, различные корни. Кора дуба, например, окрашивала кожу в коричневый цвет.

Из шкур овец, коз и молодого скота получалась дубленая кожа, сафьян, а из шкур крупного рогатого скота делались подошвы. Из сафьяна шили чуваки, сапоги, гетры, а так же башмаки на каблуках для женщин.

Из толстой кожи делали упряжь для лошадей. Хорошо мятую и окрашенную кожу резали на полоски, затем делили эти полоски по своему усмотрению. Из этих полосок шили хомуты, уздечки.

Таспа — кожаная тесьма. Её также вырезали из толстой кожи и вязали камчи, плетки. Даже сейчас у меня перед глазами стоит картина: долгими зимними вечерами сидит мой отец и изготавливает плетё для кнута.

Камышы — нагайка. Её плели из четырех, шести, восьми или двенадцати тесемок. Каждая плетение имело свое название. Плетение из шести тесемок называлось «бузав тис» — зуб теленка, а плетение из двенадцати тесемок — «дырау». Плетение камчи считалось у ногайцев большим мастерством, потому что камча была первым помощником всадника. Она погоняла лошадь и обороняла от врага. Недаром в ногайской истории и литературе сохранились прекрасные стихи поэта XIV века Досмамбета Азаулы (Азовского):

«За озером, где лес стоит сосновый,
Случайно мной камча обронена.
Оленья шкура служит ей основой,
Ремни — из кожи юного слона.
А рукоять из меди как искрится,
Обернутая нитью золотой!
Вдруг крот её изложет иль лисица...
Что скажет мне Азов престольный мой?
Когда про мой позор узнают деды,
Что станут говорить в сердцах они?
Что Досмамбет вернулся без победы
И омрачил последние их дни?
Коль матери услышат о потере,
Их груди вмиг лишатся молока,
И дочери могут пошатнуться в вере:
«Пропал отец», — решат наверняка.
Когда друзьям проведать доведется,

Иль сыновья о том узнают вдруг, —
Им всем и день и ночь искать придется:
От чьих отец погиб коварных рук?
Красавицы в моем доме просторном
Решат, что вдруг погасли все огни.
Враги же возликуют непритворно:
«Как славно!» — позлорадствуют они...»¹

Из этого древнего стихотворения можно понять, что камча для воина-ногайца была не просто орудием, она была символом власти, мужского достоинства, доблести. Потерять камчу — большего позора нельзя было и придумать. Поверье гласит, что сам Досмамбет Азаулы, властитель азовских ногайцев в одной из битв с врагом обнаруживает, что в пылу боя потерял свою драгоценную камчу (то же самое, что маршальский жезл для воина-европейца). Решив вернуться в стан врага в поисках камчи, он обрекает себя на гибель. Будучи смертельно ранен, Досмамбет Азаулы сочиняет приведённое стихотворение, оно становится всенародной песней.

И это не единичный случай, так поступали многие воины: чтобы не покрыть себя позором, вернувшись с поля боя без камчи, они рисковали жизнью: или находили свою камчу, или погибали.

Как вы поняли из стихотворения, камчу делали из разных кож, украшали по-разному. Были камчи из шкур жеребят, куланов и коней. Рукоятку камчи делали из прочного и красивого материала: из таволги или боярышника, получались прекрасные рукоятки. На конец камчи делали наконечник из твердой и прочной кожи. Двенадцатиугольная плетеная камча могла разрубить надвое любую вещь не хуже самого острого кинжала. В старину были такие джигиты, что с двенадцатиугольной камчой охотились на волка.

Такую камчу русские называют «нагайка». Видимо, и названа она так потому, что делали её и пользовались ею, прежде всего ногайцы. В это можно поверить.

¹ Перевод Александра Ануфриева (опubl. в журнале «Половецкая луна» № 1, 1992 г.).

В ожидании приплода. Ногайцы — народ, издревле связавший свою жизнь со скотоводством. Душа ногойца — в домашнем скоте, говорили наши деды. В летние дни ногойцы пасли скот днем и ночью. Именно из-за скота ногойцы стали кочевниками на века. Каждый ногойский дом старался запастись кормом на зиму, чтобы скотина не мучилась голодом. Если у кого-то скотина за зиму исхудала, про такого хозяина с насмешкой говорили: «Слыхали, этот-то свою корову довел до того, что её можно на руках носить».

Особенно ответственная пора для ногойца — время окота. Тут нет ему ни отдыха, ни сна. Ногаец заранее знает, когда его корова должна отелиться, высчитывает, какая кобыла в какой день должна ожеребиться. И ждал этого дня с нетерпением. А уж когда овцы начинали приносить ягнят, вся семья дежурила днем и ночью, покуда последний ягненок не появится на свет. В старину ведь ногойцы держали овец сотнями, не то, что теперь. Каждый новорожденный теленок или жеребенок был огромной радостью в ногойском доме. Этой радостью делились с родственниками и соседями, и те тоже радовались вместе с хозяевами.

Появившийся приплод лелеяли как детей. Трудолюбивый ногаец из одной овцы выращивал сотню, и не представлял своей жизни, без скотины. Потому что именно скотина кормила, одевала и согревала ногойцев многие века.

А про лошадей и говорить нечего. Иметь хорошего коня — вековая мечта любого ногойца. Без коня ногаец как без ног. Вся его жизнь, работа была связана с лошадьми. Ногаец растил коня с самого его рождения. Как только жеребенок подрастал, он приучал его держать седока, а затем — запрягать.

Не так давно некоторые руководители совхозов и колхозов говорили, что наши не умеют ухаживать за скотиной, я, честно говоря, не мог сдержать гнева.

«Нет, — отвечал я таким, — прекрасно умеют наши аульчане, они ведь с пеленок слышали блеяние овец».

А дело в том, что руководителям было выгодно приглашать на работу животноводов со стороны. Например, пришлые чабаны держали в совхозной отаре пятьсот совхозных овец, отдельно животных руководителя, а вместе с ними двести своих на совхозном корме. Руководителю это было выгодно. Тем более, что приехавшие работать со стороны не общались с местным населением. Всё это делалось тайно. Но всё тайное становилось явным. Тогда руководители и очерняли своих земляков. А коренной житель не умел так ловчить. Он свой труд считал благородным делом, а в благородстве не должна присутствовать ложь.

Здесь вот ещё о чём надо сказать.

В старину никогда не было такого, чтобы у ногайца зимой от голода пала скотина, а теперь это случается сплошь и рядом. Тогда вовремя давали скотине корм, поили, держали скот в тепле и чистоте. Человека, у которого конюшня была грязной, стыдили. Уморить скотину голодом — считалось не только позором, но и большим грехом. Ногайцы прекрасно знали все болезни скота и умели их лечить. В аулах были свои лекари для скота. Они умели делать снадобья из разных трав и корений.

Об этом свидетельствуют такие обычаи.

Приучение теленка к корове. В прежние времена у ногайцев корову доили только с телёнком, т.е. сначала подпускали к корове телёнка немного пососать, а затем уводили его, и только потом женщины садились доить. Без телёнка корова вообще никого к себе не подпускала. Если вдруг новорожденный теленок умирал, к корове приучали чужого теленка. Это было очень непростым делом, тут требовалось большое внимание и терпение. Не всякая корова подпускала к себе чужого теленка, и потому к этому делу относились с большой ответственностью. Сначала корову закрывали в темном месте и в темноте подводили к ней теленка, чтобы она не смогла его различить. Если и тогда корова не хотела его подпускать, теленка обрызгивали теплой соленой водой. Коровы облизывали его и принимала за своего. Если и тогда ничего не получалось, кто-то из мужчин надевал

полушубок наизнанку и изображал «волка, «нападал» на корову с теленком. Тогда корова, защищая теленка от «волка», прятала его за собой и облизывала его. Вот с таким большим трудом ногайцы приучали к корове чужого теленка.

Взнуздывание жеребца. Становящийся конем жеребенок никогда сам не давался, его постепенно приучали держать седока, впрягаться в арбу. Жеребенка, никогда не знавшего узды, опытный табунщик ловил арканом. Жеребенок вырывался, табунщик долго мучился. Только храбрый джигит или опытный коневод, знающий многие секреты, опрокидывал жеребенка на землю и взнуздывал его. И гонял его до седьмого пота. И только когда обессиленный жеребенок падал на колени, табунщик вскакивал ему на спину. Жеребенок, собрав последние силы, взбрыкивал, чтобы сбросить непрошеного седока. Но крепкие, уверенные руки табунщика не отрывались от гривы жеребенка. Так взнуздывали молодых жеребцов.

Тягловые быки. Молодой бычок тоже сам собой не становился тягловым. Его растили и приучали, специально держали для того, чтобы сделать из него вола. Когда телок подрастал, говорили: «Ну, вот он и становится молодым бычком». Молодой бычок, так же как и жеребенок, сам не подставлял шею под ярмо. Его приучали к ярму долго и с большим терпением. Надо сказать, что ногайцы очень бережно относились к животным, никогда не били их, старались вниманием и лаской заслужить доверие скотины.

Сенокос. Ни зимой, ни летом не прекращалась работа в ногайском доме. Пора сенокоса и молотьбы была одной из самых горячих. Сено хранили очень бережно, заранее заботясь о благополучной зимовке скота. У каждой семьи было свое место для сенокоса. Этот удел никогда не вспахивали. На таких лугах росла высокая, сочная трава, запах её был слышен далеко. Травы были самые разные. В старину ногайцы собирали сено охалками, т. е. трудолюбивые люди не оставляли на земле ни единой сорванной травинки, руками её подбирали.

Сенокос требовал большого опыта. И этому с самого детства взрослые учили своих детей. Мальчики в десять-одиннадцать лет уже брали в руки косу. И коса в руках косарей были соответственно возрасту. Молодые косили косой в три пяди, а взрослые мужчины брали косу в шесть пядей. Опытные косари скашивали траву под корень, как бритвой, их валки были ровными, как стрелки. Сено в валках лежало недолго, чуть-чуть подсохшее сено сгребали в маленькие копны. Уже хорошо подсохшее в копнах сено складывали в большие копны, и в этих копнах сено хранилось до поздней осени. Перед самой зимой сено свозили в место зимовки скота и складывали в большие стога. С такой заботой и любовью собранное сено и скотина ела с удовольствием всю зиму.

Зимой некоторые мужчины занимались еще и извозом. Нынешняя молодежь даже не знает, что это такое. В старину купцы нанимали в качестве извозчиков ногайцев на арбе, запряженной быками или лошадьми, перевозить товары из одного города в другой или в соседние аулы. Обычно извозом занимались после окончания осенних полевых работ всю зиму до весны. Джигиты-извозчики кочевали по бескрайней степи месяцами в лютый мороз и буран. Для ногайцев извоз был одним из доходных занятий, хотя дело это было нелегкое.

Традиционное женское занятие. Женщины также не ограничивались кухней и воспитанием детей. У них работы было больше, чем волос на голове. Разумеется, приготовление пицци и воспитание детей было основным женским занятием. Каково это – родить шестерых-семерых детей, поставить их на ноги да наставить на путь истинный? Тогда люди не сваливали воспитание своих детей на школу или детский сад, как теперь. Все проблемы решали сами, стараясь вырастить детей настоящими людьми, привить им обычаи своего народа, любовь к труду, уважение к старшим.

В основном женщины занимались шерстью: шили бешметы, валяли баслыки, бурки, делали войлок. Каждый ногайский дом украшали войлочные ковры и до-

рожки с вышитыми узорами. Из мягкой мягкой кожишили чувяки, башмаки, из каракуляшили шапки. Они не надеялись на магазины и ателье, как современные женщины, все делали своими руками.

Девочек учили рукоделию с раннего детства. Они умели вышивать и выбивать узоры на войлоке и тканях, вышивать узоры золотой и серебряной нитью. Такими узорами украшали рукава и подола платьев, женских бешметов, женские шапки. Выбитыми узорами украшали платки, кисеты, сумки, карманы бешметов.

Я хочу познакомить вас немного с этим женским творчеством.

Шитье шепкенов (чекменей). Сначала шерсть чистили, чесали и пряли в нитки. Пряжечную шерсть скручивали и ручным станком ткали, и она становилась тонкой, пригодной для шитья одежды. Такой станок ещё можно было встретить во времена моего детства в ногайских домах. В аулах были мастера, которые делали ручные ткацкие станки.

Вязание тесьмы. Из золотых ниток плели тесьму и этой тесьмой вышивали узоры на рукавах, воротах и подолах платьев и женских бешметов. Из этой же тесьмы девушки делали плетеные ленты для волос. О тесьме из золотой нити много поется в наших старинных песнях о любви. Вот, например, строки из знаменитой песни «Янсарай».

Пройду по твоей улице, Янсарай,
Протяну тебе золотую ленту, Янсарай,
Пусть лента обернет, Янсарай, тебя шесть раз,
И эта лента навеки свяжет нас...

Орнамент из узоров. Золотыми нитями так же вышивали узоры, различные орнаменты на женской и девичьей одежде.

Валяние войлока. Войлок был украшением ногайского дома. Им покрывали пол, тахтамет. Старинные терме — кибитки тоже покрывали войлоком. Сначала очищенную и расчесанную шерсть ровно расстилали на

плетень. Расстелив, опрыскивали шерсть водой. Затем эту шерсть катали деревянным катком. Ровно раскатанную шерсть расстилали и босыми ногами утаптывали её.

В старину женщины-рукодельницы украшали войлок разными красивыми узорами. Их войлок был твердый и прочный, ничем не уступал нынешним коврам.

Узоры. Ногайские женщины были мастерицы делать узоры. Это объяснялось тем, что мусульманская вера запрещала изображать живые существа (людей, животных, птиц) на рисунках, что считалось грехом. Потому люди, способные к художественному творчеству, выражали свои чувства в узорах. Таких узоров было множество, среди них можно было увидеть узоры, напоминающие своей формой траву, цветы, животных, луну, солнце. Особенно почетным в народе было изображение узора «рога барана».

Узорами украшали деревянные ложки, плоски, чашки, войлочные юрты, окна домов, двери, ворота. Узоры выбивали и на камне.

Сначала делали формы узоров, выкройки, затем по этим выкройкам делали узоры на одежде.

Щелочное мыло. Женщины даже мыло не покупали в магазине, варили его сами. Сначала из золы лебеды, подсолнуха, древесины вываривали щелочь. Затем в щелочь добавляли масло и снова варили. Так получалось щелочное мыло, оно стирало лучше, чем современные порошки.

Ремесла. Ногайцы умели вырезать по дереву, по кости и по камню. Были настоящие умельцы, которые дубили кору, плели из ивовых веток арбы, сани, дома, кровати, зыбки, столики — сыпыра, сундуки и множество мелкой утвари. Пользовались резчики топором, пилой, рубанком, буравом, тесаком, шилом, стамеской. Кроме этого, они использовали для работы клеящую смолу, формы и краски. Резчики по дереву делали прочные и водоустойчивые вещи из дуба, бука, чинары. Из мягкого дерева (сосны, липы) вырезали ложки, плоски, чашки с узорами.

Ивовые прутья держали над паром навоза (влажный навоз поджигали) и гнули, как хотели. В народе были такие умельцы, которые вырезали застёжки из дерева.

Мы говорили, что ногайцы во все века занимались скотоводством. Они пользовались не только мясом, жиром, требухой, кожей и шерстью, но и костями, рогами животных. Из костей и рогов делали прекрасные вещи.

Вырезая из кости, стругая рога, ногайцы издревле делали различную утварь, и не просто делали, а украшали её различными узорами. Обычно в дело шли кости молодого и жирного скота. Такие кости были мягкими, их легче было резать, рубить, выпиливать. Особенно ценились конские и верблюжьи кости, потому что они со временем не чернели. Наоборот, чем дольше хранились, тем матовее и красивее становились вещи, сделанные из них.

Резчики по кости умели отбеливать кости и придавать им желтый оттенок. Чтобы отбелить кость, её кипятили, а для придания желтоватого оттенка кости смазывали маслом и держали над соломенным костром.

В старину из кости и рогов делали ручки для ножа и шила, ручки для камчи, ложки, ручки для кинжала, чашки-пиалы, пороховницы, различные игрушки, веретена, чашки для хранения чая, соли, перца, вилки, из кости вырезали узоры для зыбок, части домбры, упряжи, сосуды для хранения меда, обкладку ножен для сабли и кинжала, бусы, дудочки, свирели, расчески, ручки для косы, половники, пуговицы и проч.

Были резчики и по камню. Наши предки – древние тюрки от Сибири до Карпат оставили нам прекрасное наследие резьбы по камню – каменных баб на вершинах курганов – древние надгробия, дошедшие до наших дней.

В каждом доме были сделанные из камня ручные мельницы, ступки, каменные столбы для привязывания коней. Кое-что из этих вещей можно изредка встретить в ногайских аулах.

В древности ногайцы на рынках Крыма, Ургенча, Бухары и Москвы закупали полосы железа. В самих ногайских аулах были свои кузнецы. Они предоставляли

огромному ногайскому войску, иногда достигающему до трехсот тысяч всадников, боевое оружие: копья, щиты, сабли, стрелы. Я ещё застал кузницы, они были в каждом ногайском ауле. В них ковали подковы, косы, лопаты, тяпки, ножи, ремонтировали плуги.

Видите, как ногайцы в старину обеспечивали себя сами всем необходимым, ни от кого не ждали помощи.

Тяжелую трудоемкую работу ногайцы делали сообща. Это у нас называется *талака*.

Талака — помощь в работе друг другу. Ногаец, в чьем доме собиралась талака, заранее извещал соседей, друзей и родственников, что ему нужно поставить стены дома, обмазать их или накрыть крышу. В назначенный день в его двор собирались люди: они заранее готовились к талаке, как к празднику: хозяева готовили угощение, приглашали певцов и гармонистов. Пришедшие на талаку тоже приходили не с пустыми руками. Кто-то нес мясо, кто-то сметану и масло, кто-то сёк. Родственники резали барана, варили бозу, чтобы хозяйину талака не стала слишком обременительной.

Все пришедшие на талаку трудились, не покладая рук. Каждый стремился сделать свою работу красиво, добротнo. Во время работы шутники развлекали работающих. Всё это помогало, облегчало тяжелый труд.

После окончания работы все вместе садились за стол, пробовали угощения и пили бозу. Тамада всегда говорил во всеуслышание: «Вот перед вами угощение, которое приготовила мастерица хозяйка, жена и мать такого-то. Ах, попробовав его, чуть палец не откусил себе, такое оно вкусное!» И, конечно же, эти слова были очень приятны женщине, приготовившей эту еду. И потому все женщины, идя на талака, готовили угощение, вкладывая в него все свое мастерство.

После угощения все вместе пели песни, танцевали.

Талака помогала одному человеку быстро сделать трудную работу, то, что ему одному было не по силам, и вместе с тем сплачивала людей, делала их добрее, мягче друг к другу. Талака имела еще одно немаловажное значение. На талаку, где валяли войлок, шили шепкен, мазали

стены домов, собирались женщины и девушки. А там, где нужно было строить дом, делать саман, собирались мужчины и юноши. И там родители, у которых были дочери на выданье, выбирали им женихов, а те, у кого подрастали сыновья, присматривали невесток.

Если вдуматься, талака имела большое значение в жизни ногайцев и как хорошо, что этот обычай не забылся, сохранился в народе.

В заключении этой главы еще раз хочу сказать, что ногайцы все нужные в доме вещи — мебель, утварь, одежду — изготовляли своими руками. Они успевали и скот выращивать, и землю обрабатывать, и создавать предметы искусства. В перерывах между работой умели и развлекаться.

В наследство нам наши предки завещали такую поговорку: «Кто не работает, тот не ест (ислемеген – тислемес)». Но человек не может постоянно заниматься только трудом. Ему хочется, и отдохнуть, и развлечься, людей посмотреть и себя показать. У ногайцев для этого были и свои празднества и торжества.

О них и пойдет речь в следующей главе.

НОГАЙСКИЕ СВАДЕБНЫЕ, ПРАЗДНИЧНЫЕ И ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ

1. СВАДЬБЫ

У каждого народа — свои праздники и свадьбы. И у ногайцев много торжеств, которые берут начало из глубины веков. Об этом я писал в одном своем стихотворении, которое впоследствии стало известной песней:

У ногайцев много радостей:
Молодые женятся, выходят замуж,
Но есть у нас и сабантой,
Праздник первой борозды...

Подстрочный перевод.

Свадьба. Из всех торжеств свадьба — одно из самых ярких и радостных. Да и как не быть радостным этому дню: ведь рождается в народе новая семья, в ауле появится новый дом, новый очаг. Какая мать, какой отец не мечтает, что вырастит он детей и отпразднует их свадьбу. Это ли не счастье! Человек, у которого подрастают сын или дочь, вспоминал слова предков: «Сына — в гнездо, а дочь — на сторону». И он всегда думал о предстоящей свадьбе.

Выдавая дочь замуж или беря невесту в дом, старались отпраздновать так, чтобы оно было незабываемо, понравилось людям, родственникам. Самое главное, надо было, чтобы люди пожелали счастья молодым, сделали правильные напутствия. Ногайцы верили в магию слова.

Вот и я свой рассказ о празднествах хочу начать именно с этого обряда.

Сватовство. В прежние времена молодых женили не с бухты-барухты, как теперь, а готовились к этому событию долго, исподволь. «Покупаешь коня — посоветуйся с аулом, берешь жену — посоветуйся с родными», — не зря ведь так говорили наши деды.

Сначала молодой парень, его родители и родственники выбирали невесту. Если не находили подходящей в своём ауле, искали в других местах. Выбранную невесту сначала просватывали. Родители парня посылали в дом понравившейся девушки сватов. В сваты тоже выбирали людей остроумных, находчивых и уважаемых. Сваты рассказывали родителям невесты о доме жениха, да и сами краем глаза подмечали, какова жизнь в доме девушки.

Поздоровавшись, сваты так начинали разговор:

— Посланник неприкосновенен, говорили наши деды, вот мы, да не будет вам в обиду, пришли в ваш дом, чтобы предложить родство, да хранит Аллах ваших родственников, мы пришли с добрыми намерениями...

Если родители невесты соглашались на предложение сватов «да будет наша свадьба радостной», просили благословения у Всевышнего. А если не стоваривались, тоже не беда. «Кто девушку не сватал, кто кумыса не пил», такими словами старались поднять себе настроение.

Шайтан не пройдет. Сговорившись о свадьбе, родители жениха и невесты начинали исполнять предсвадебные обряды. Сначала сторона жениха посылала стороне невесты подарок в знак начала подготовки к свадьбе. Это мог быть платок, отрез на платье, подношение подарка тоже отмечалось небольшим тоем (пиром). Этот ритуал ногайцы называли «шайтан не пройдет (не разлучит)», что означало скрепление договора, что ничего уже не может — даже шайтан, расстроить будущую свадьбу.

Плата за материнское молоко. После скрепления договора родственники жениха посылали родителям невесты подарки за молоко, выкормившее невесту. Строго обговоренной цены не было. Посылали плату деньгами

или скотом. Богатая семья давала большую плату, кто победнее — тот давал, сколько мог. Некоторые теперь называют это калымом. А другие еще хлеще говорят: «В старину девушку продавали и т. п.».

Надо же только придумать такое: какой отец продаст свою дочь за деньги или обменяет на скот? Конечно, во все времена были люди жадные, но большинство родителей думали прежде всего о счастье своей дочери. Просили у Аллаха, чтобы дочь «застряла в доме жениха, как топор в полене, чтобы был крепким её порог, не выпускал обратно, чтобы жила она в довольстве, обрастая детьми и приятными хлопотами».

Родственники невесты всегда придавали большое значение тому, в какой семье вырос жених: какого он роду-племени. Каждый стремился породниться с хорошим родом, с порядочными и трудолюбивыми людьми. Собирающиеся породниться стороны проверяли чистоту родов друг друга до седьмого колена. «Даже когда покупаешь скот, думаешь и сомневаешься, а уж беря невестку в дом — как не задуматься?» — говорили в народе. Размышляли, все взвешивали. Именно такие взвешенные, обдуманые браки и были самыми крепкими. Потому и не было, как теперь, разводов и новых поспешных женитьб. Человека, который часто менял жен, осуждали в народе, не было у такого человека авторитета. Люди, женившись однажды, весь век были вместе.

После обряда скрепления договора обе стороны уже вплотную начинали готовиться к свадьбе. Намечали день. Будущие сваты старались без споров и разногласий, дружно готовиться к свадьбе, если не мешало какое-нибудь горе, долго не тянули.

Знакомство сватов. Как только обе стороны заканчивали подготовку, со стороны жениха и со стороны невесты собирались родственники и знакомились друг с другом. Обычно родственники невесты ехали к родственникам жениха. Родители невесты посылали к жениху самых воспитанных, уважаемых родственников, умеющих с достоинством держать себя. С каждой стороны по два человека присутствовали как свидетели на

самом обряде бракосочетания. Свидетели подтверждали согласие жениха и невесты на брак. И не только словами подтверждали, а приносили клятву священнослужителям, что брак молодых будет прочным и счастливым.

Такой обряд показывал, что молодые понимают свою ответственность и долг перед родственниками. После обряда бракосочетания по шариату жених и невеста считались мужем и женой.

Сторона жениха делала подарки гостям со стороны невесты: дарили пиалы, шелковые платки — казбалы. Самый лучший подарок делали дяде невесты со стороны матери. Этот обычай показывает, какую честь оказывают сваты родственникам невесты, матери, выкормившей её своим молоком. Если речь пошла о сватах, то в старину различали сватов трех видов: сваты до рождения детей, сваты с рождения детей и сваты, встреченные по жизни.

Сваты до рождения детей, как это понимать? Живут два друга, женившись, говорят друг другу: «Если твоя жена родит дочь, а моя — сына, давай будем неразлучными сватами. Я хочу с таким человеком, как ты, породниться кровным родством. И многие сдерживали данное слово. Но большинство, конечно, не видело воплощения своей мечты. О таком сватовстве много говорится в наших старинных песнях. Взять хотя бы наш славный любовный дестан «Козы-корпеш и Баян-сылу».

«Жили в старину в Ногайской степи два бая и у обоих не было детей. Едут они на охоту, и встречается им беременная маралиха. И один бай говорит другому: «Стреляй». «Нет, — отвечает второй бай, — я не могу, моя жена беременна». И тогда первый бай признается, что и его жена ждёт ребенка. Оба они дают друг другу слово, что если родится у одного сын, а у другого дочь — стать сватами, а если сыновья родятся — оба будут неразлучными друзьями, дочери — верными подругами.

Через некоторое время у двух друзей рождаются дети: одному жена подарила дочь, а другому сына. Мальчика называют Козы-корпеш, а девочку Баян-сылу. Радуются друзья, что станут теперь друзьями, породнятся

кровными родством. Но бай, которому жена подарила сына, неожиданно умирает, а второй бай, не захотев отдавать дочь за сироту, переселяется на другую сторону Эдиля (Волги).

Когда сирота Козы-Корпеш вырастает, он отправляется на поиски своей суженой Баян-сылу. Много трудностей встречает он на своем пути, но так и не сбывается его мечта...

Это удивительный дестан о любви, очень большой по объему и по мастерству сложения.

Сваты с рождения детей — более привычное явление. Раньше часто встречались ногайцы, которые просят сваты новорожденных детей. Теперь этот обычай забылся. А третий вид — как раз то сватовство, о котором мы сейчас говорим: сваты, встреченные по жизни, самый распространенный.

После бракосочетания родители невесты, сестры и снохи учат её, как она должна держать себя в доме мужа. Как должна вести себя со свекром, свекровью, родственниками мужа, наставляли, чтоб не была неряхой, отличалась трудолюбием, много добрых советов давали.

Чего греха таить, встречались в старину жадные люди, которые, позарившись на деньги и скот, отдавали молодых дочерей за пожилых и богатых. Но такое было не только у ногайцев, а у всех народов во все времена.

Плач невесты. Невеста плакала, покидая свой дом, когда её отдавали за нелюбимого, неровню. Такие плачи часто встречаются в старинных ногайских песнях. Вот, например, отрывок из «Плача невесты, выдаваемой за неровню» из книги «Ногайские народные песни»:

Медом вымыла голову,
Ивовой веткой подпоясалась,
Ах, была я девочка, как аленький цветок
Взял он меня, обменяв на скот,
Как в воде — коряга,
Так на пальце — нежеланное кольцо.
Я пришла к тебе, постылому,
Вся жизнь моя теперь только боль...

Подстрочный перевод.

После обряда бракосочетания делали свадьбу-проводы невесты.

Собирались родственники и соседи невесты и провожали девушку в дом жениха. Девушка выражала свою благодарность отцу-матери, за то, что вырастили её. Родители невесты просили у Аллаха: «Пусть Аллах-Таала¹ даст благословение дому, в который ты войдешь. Застрянь в доме мужа, как топор в полене. Люби свекра и свекровь, как отца и мать. Не возвращайся назад с болью. Да поможет тебе Аллах. Аминь».

Собравшиеся гости тоже поддерживали родителей, желали невесте, чтобы она прижилась в доме мужа и приходила к родителям только в гости.

Все эти пожелания о счастье в новой семье придавали сил невесте, покидающей отчий дом.

Таукеше — кортеж невесты. Проводы невесты у нагайцев называют «таукеше». Кортеж невесты был шумным и веселым, его было слышно на весь аул. Невесту усаживали в украшенную арбу, (позже на тачанку), запряженную конями и возили по аулу, чтобы все видели, что создаётся новая семья, строится новый дом, новый очаг. За арбой ехали всадники вовсю пели свадебную песню — орайда. В старину ни одна свадьба не обходилась без орайда. Так пели свадебные всадники: — О-о-рай-да-рай-да, Орайда! Быстрее погоняйте коней, парни! Невеста едет, где подарки? О-о-рай-да-райда, Орайда! Эй!

Когда раздавалось «Эй», кто-то из парней стрелял из ружья. Особенно громко пели «Орайда» и чаще стреляли из ружья с приближением к дому жениха. Издалека услышав свадебную песню и выстрелы, люди выходили на улицу и с радостью встречали кортеж невесты. А сейчас вместо арбы и коней едут машины и свадебную песню поют под сигналы свадебных машин.

Раз мы уж заговорили об «орайда» скажу теперь некоторые кавказские народы, в том числе и грузины, говорят, что «Орайда» принадлежит только им. Я много раз

¹ Аллах-Таала — арабское слово, означающее «Всевышний».

спорил с людьми, утверждавшими это. Ведь «Орайда»¹ поют многие тюркоязычные народы... А в Закавказье этот припев мог попасть во времена приглашения царем Грузии наших половцев-кипчаков на защиту страны. Тогда в средние века часть наших предков осталась, часть вернулась в половецкую степь. Об этом убедительно рассказано в древнерусской литературе (поэма «Емшан»).

Ногайцы — народ, который с древних времен поет «орайда». Только в последнее время редко слышится этот припев. В век прогресса значение ногайской песни резко упало. А в старину без припева «орайда» ни одна песня не начиналась...

Объехав аул, кортеж, звеня бубенцами, со свадебной песней и ружейными выстрелами въезжает во двор жениха.

— Невеста приехала! Невеста приехала! — раздаются радостные возгласы и затихает гомон. Все собираются вокруг свадебной повозки, в которой сидит невеста. И стар и млад хотят взглянуть на невесту, а она знай себе прикрывает лицо платком-накидкой. Сумевшие увидеть лицо невесты отходят с пожеланием «Пусть войдет в дом со счастливой ногой», другие, не сумевшие хорошо разглядеть девушку: «Кажется, у невесты нос длинноват», — ворчат. «Не длиннее, чем у тебя», — заступается за невесту кто-нибудь из родственников жениха. Что делать, свадьба — дело такое, кто-то радуется, кто-то тоскует, кто-то дразнит, а кто-то обижается.

Приехавшую невесту с повозки ссаживает названный брат.

Названный брат — это кто-нибудь из родственников жениха. По обычаю выбирают молодого человека. Он постоянно находится рядом с невестой до первой брачной ночи. Чтя обычаи предков, названный брат бережёт честь невесты. После свадьбы невеста, молодая жена, чтит своего названного брата, как родного. Теперь этот

¹ Орайда на тюркском означает «окружай». Не случайно и многие танцы танцуют именно кругом.

обычай забыт. А жаль. Ведь он воспитывал уважению к чести и достоинству невесты, любовь и близость людей друг к другу.

Шашув – пожелание небесного изобилия. Прежде чем ввести невесту в дом, мудрая женщина с пожеланиями счастья и изобилия осыпает её конфетами, мелкими монетами, орехами. Некоторые осыпают невесту ещё и мелкими сладостями из муки. В старину экономные, рачительные женщины собирали мелкую монету для осыпания годами. При осыпании приговаривали такие слова:

– Да придет невестка в дом с добром,

Да войдет она в дом со счастьем,

Да наградит её Всевышний изобилием!..

– Пусть будет у неё столько же много денег. Аминь!

– повторяли все участвующие в обряде. Дети в тот же миг кидались, чтобы собрать под ногами у людей мелкие деньги. И только тогда невестка ступает на ковер, постеленный на пороге дома жениха, и со словами «Бисмилла» входит в дом.

Едва вошедшую в дом невесту приводили к горящему очагу. Пожилая женщина, подливая масло в огонь, молилась¹: «Мать огня, мать Умай, спаси и сохрани!» Потом показывада молодой невесте дом, в котором она теперь будет жить, и желала, чтобы огонь в её очаге всегда горел ярко.

Занавеска. В одном из углов комнаты приготовлено место для невесты, закрытое занавеской. Вот за этой занавеской невеста должна сидеть до тех пор, пока не совершится обряд открытия её лица. Она закрывается занавеской, только когда входят старики, а рядом с молодежью сидит, не закрывая лица.

Ну что ж, свадьба продолжается. Невеста вошла в дом, расположилась за занавеской. А во дворе идет большое веселье, люди танцуют, радуются. Собрались

¹ Мусульманская религия не приемлет никаких обращений с мольбами ни к кому, кроме Всевышнего, здесь описываются пережитки язычества несовместимые с Исламом, но бытовавшие в глубинной народной среде.

живущие в ауле, одновременно прибывают приглашенные издалека. Молодёжь плясом, песней поднимают настроение собравшимся. К вечеру двор полон людей.

В старину никто без приглашения на свадьбу не приходил. Если вдруг среди гостей оказался нечаянный, неожиданный гость, это считалось неприличным. Аульчане говорили с осуждением: «А этот на свадьбу такого пришел без приглашения, совсем совесть потерял, астопиралла¹ (*возглас удивления*)». Те, кто приглашён, вели себя достойно, чинно, знали свое место и старались, как могли, поддержать радость и веселье. Старшие следили за порядком. Свадьбы в старину проходили без ссор, без потасовок. Если кто-то начинал выяснять отношения, их тотчас выводили и предупреждали.

А что сейчас творится на ногайских свадьбах? Смотришь — и глазам не веришь. Двор полон людей. Двести — триста молодых садятся за столы, ломящиеся от спиртного и закусок. И большинство не приглашены на свадьбу. Разве это мыслимое дело — прийти неприглашенными на свадьбу, пить, есть и уйти! Да ладно, если бы уходили с миром, нет — после выпитого надо ведь удаль свою показать. И вот пьяные парни спорят друг с другом, затевают драку, портят настроение хозяевам и уважаемым гостям.

И ещё. Нынешние свадьбы превратились в своего рода соперничество. Если кто-то на свадьбу сына зарезал телку и поставил семь ящичков водки, то другой обязательно зарежет быка и выставит одиннадцать ящичков. И хвастает этим. Тогда следующие, чтобы не отстать, постараются ещё обильнее обставить стол, ещё больше денег потратить. И эти люди не задумываются о том, что они спаивают молодежь, наставляют их на плохой путь...

Идешь на свадьбу — иди сытым. Эту поговорку оставили предки нам в назидание. И неспроста. В ней заключен очень глубокий смысл. Умный человек поймет, что её не надо воспринимать буквально. В ней говорится, что человек в обществе должен соблюдать правила

¹ Да простит Аллах! (*ар. яз.*)

приличия. Что же за свадьба, если только набиваешь желудок едой и пьешь? Люди приходят на свадьбу, чтобы потанцевать, повеселиться, пошутить, пообщаться друг с другом, как говорится, людей посмотреть и себя показать.

Свадьба — для всех. И ты — один из этих людей. Если не переставая жуешь, то какой прок от тебя на свадьбе? Посмотрев на тебя, многие могут подумать: «Этот человек с голодного края пришел, что ли?..» Поэтому на свадьбе ты должен уметь побороть свои инстинкты, соблюдать приличие.

Приглашенные на свадьбу люди не должны садиться куда попало. Никто не должен садиться на чужие места, каждый должен знать свое место. Рассевшиеся за столом выбирают тамаду. Это нелегкая миссия. Тамада сам говорит и даёт слово сидящим, руководит весельем, следит за соблюдением правил приличия. Можно сказать, он — ответственный за веселье и спокойствие. Так начинается свадьба. Там, где есть волевой тамада, за дисциплину можно не волноваться.

А наши сегодняшние свадьбы? Они проходят в пьяном угаре. Люди, пришедшие на свадьбу, и невесту не видят, и не говорят ей пожеланий добрых. В старину никакая свадьба не начиналась без пожеланий. Вот я приведу вам слова пожелания, услышанные мною в детстве от отца:

Пусть будет невеста, вошедшая в дом —
широкой души,
Пусть будет она всегда мудрой,
Пусть войдет она в дом с добром,
И сумеет уважить всех родственников.
Пусть будет легкой её поступь
И счастлива её семейная жизнь.
Пусть ростки её ширятся и множатся,
Пусть будет богатым её дом и семья.
Пусть кричат её петухи призывно,
Пусть звенят голоса детей радостно,
Ну же, счастливой будь, невеста,
Будь добра и к старому и к молодому..

Подстрочный перевод.

Гости с большим удовольствием слушали тосты красноречивых мудрых людей. От них свадьба была намного красивее и запоминалась надолго.

Теке (буквально козел). В старину, то есть во времена моего детства во дворе, где шла свадьба, был свой потешный тамада. Его называли «теке». Он надевал на голову маску с рогами козла, брал в руки плетку из бычьего хвоста и следил за порядком во время танцев, чтобы пары танцевали друг за другом. Он поддерживал танцора такими словами:

— Бай-вай, смотрите, какой джигит танцует, ноги его не касаются земли. Давайте похлопаем ему, друзья!

И собравшиеся в круг гости весело хлопают в ладоши тем, кто, поднимая пыль, зажигательно танцует свадебный танец.

Орада. Теперь слово «орада» в разговоре упоминается редко, и услышать его можно разве что из уст стариков. «Орада» — означает «танец». Так в старину говорили. И самое интересное, не говорили «танцевать орада», а говорили «бить орада». Почему так? Зажигательный ногайский танец требовал от танцора быстрого, задорного перепляса, когда ноги быстро-быстро, в прыжке как бы ударяясь, отталкиваются от земли. И потому слово «бить» обозначает легкость, скорость. Например, «кататься на санках», буквально звучит по-ногайски, как «бить санки» или «бить коньки». То есть, ударяясь, отталкиваясь от земли, лететь легко на санках, коньках,

Так и в танце. Бьют ладоши, поют орайда, и бьют орада. На головы танцоров виртуозов листьями летят бумажные деньги, а «Теке» с гордостью называет имена тех, кто так щедро одарил танцующих,

Биюв — танец. Этот танец совершенно отличается от танца «орада». Старинный танец «биюв» сейчас можно увидеть лишь в исполнении фольклорных ансамблей, и похож он на среднеазиатские танцы. Ногайцы даже забыли, как танцевали «биюв» в старину. А раньше этих танцев было очень много. Обычно танцевали девушки, показывая в танце элементы своей работы, своих заня-

тий. О таких танцах часто говорится в наших старинных песнях. Взять хотя бы песню «Белолицая девушка из Аккермана». Исполняя эту песню, девушка показывает в танце, как она шьет шерстяной шепкен (черкеску).

Белолицая девушка из Аккермана,
Чесала ты шерсть для шепкена.
Белолицая девушка из Аккермана,
Перебирала ты шерсть для шепкена.
Белолицая девушка из Аккермана,
Сушила ты шерсть для шепкена.
Высушив её, как надо,
Пряла ты шерсть для шепкена.
Белолицая девушка из Аккермана
Белила ты шерсть для шепкена.
Отбелив её как надо,
Ткала ты шерсть для шепкена.
Белолицая девушка из Аккермана,
Стирала ты шерсть для шепкена.
Выстирав её, как надо,
Тянула ты шерсть для шепкена.
Белолицая девушка из Аккермана,
Скроила ты шепкен.
А скроив его как надо,
Сшила ли ты шепкен.
Белолицая девушка из Аккермана,
Сшила ты шепкен,
А сшив его как надо,
Надела ты шепкен джигиту...

Подстрочный перевод.

Девушка поет эту песню и показывает каждое действие в танце. И люди говорят «машалла» (как пожелал Аллах), дивясь её искусству.

Были в старину такие танцоры и танцовщицы, которые умели подчеркивать каждое движение в танце. Народ чтит тех, кто был мастером в своем деле, будь то танцор, поэт или ремесленник.

От предков в наследство осталась сказка об искусном юноше-танцоре...

...Жил в старину в одном из аулов бедный юноша. И была у него на лице шишка. В один из дней отправился юноша в лес за дровами. Задержался до ночи и остался почевать в лесу. Поздней ночью слышит юноша звуки музыки и танцев. Смотрит, а это джинны (в оригинале шайтаны) собрались на пляску. Долго смотрел юноша на зажигательную пляску, и наконец, не выдержав, сам пустился в пляс. И так хорошо танцевал юноша, что джинны смотрели на него с изумлением и просили танцевать еще и еще. Юноша плясал. Когда он кончил плясать, джинны попросили его оставить им что-нибудь на память. «Что же я вам оставлю, – говорит юноша, – ведь я беден, у меня ничего нет».

«Оставь нам свою шишку», – сказал кто-то из них. Тогда джинн провел рукой по его лицу. И шишка исчезла.

На другой день юноша вернулся в аул. А в этом ауле жил бай, у которого на лице была такая же шишка, как у юноши. Увидел бай, что у юноши исчезла шишка, и спрашивает у него: «Как эта тебе удалось? Научи и меня». Юноша без утайки рассказал все, что с ним произошло. Услышав это, бай на ночь глядя отправился в лес. Через некоторое время он услышал пляску джиннов и, не раздумывая, бросился в пляс. Но чертям не понравилась неуклюжая пляска бая и они не убрали шишку с его лица. Так и вернулся бай домой ни с чем...

Видите, какая сказка. Мастерство, искусство, творчество ценилось в нашем народе во все времена, и люди талантливые всегда имели почет и уважение.

Танцы «узын» и «тогерек» танцуют кубанские ногойцы и поныне.

Кадау – этот танец похож на «узын», но танцующие при этом не просто перебирают ногами, а стараются танцевать на кончиках пальцев, ударяя ими о землю. То есть, танцуют на пальцах ног. Раньше этот танец был очень популярен. А теперь его не танцуют, видимо, нет виртуозов, танцующих на пальцах, просто перебирать ногами ведь проще.

...Итак, свадьба продолжается, народ веселится. Женщины, у которых есть взрослые сыновья, высматривают среди девушек будущих невест. Молодые тоже переглядываются, отыскивая в толпе милое лицо... Ведь люди

приходят на свадьбу не только для того, чтобы поесть и выпить, а чтобы на людей посмотреть и себя показать. Для многих это театрализованное зрелище.

Если кто-то невзначай и нарушит порядок, теке в мгновение ока найдет «негодника» и огреет его своей плеткой. И никто на него не обижается, а «нарушителю» становится стыдно.

Вот так и игрались свадьбы, по своему сценарию и порядку. А на нынешних свадьбах орада давно не пляшут. За бешеные деньги нанимают оркестры, ансамбли. И под этот оглушительный грохот и вой молодые прыгают, как козлы. Нет ни ногайской гармоники, ни орада. «Что за чертова жизнь пошла», — вздыхают пожилые люди.

Приход жениха. Ну вот, мы посмотрели, как ввели в дом невесту. А теперь я приглашаю вас на празднование «прихода жениха».

Как вы помните, жених не приходит домой, пока невесту не введут в дом. Он уходит к кому-нибудь из близких родственников. Этот дом называют «домом, в который попал жених». Когда невесту вводят в дом, друзья с песнями и плясками выводят жениха из дома родственников и провожают домой, к невесте. Иногда это затягивается. В темноте шествие сопровождается факелами. Этот обряд тоже очень интересен. Юноши, молодые невестки долго веселятся в эту ночь, до полуночи, ведь это первая брачная ночь молодых. За полночь, когда уже все в ауле спят, енге и посаженный отец вводят жениха в комнату невесты. С этой ночи они считаются мужем и женой.

Енге. На свадьбе рядом с невестой все время находится енге, жена брата или близкого родственника невесты (сноха). Енге остается с невестой, пока она не станет женщиной. Она стелит постель, покрывая её белоснежным платком, учит невесту, как она должна вести себя в брачную ночь. Ногайцы все время огромное значение придавали девственности невесты. Рано утром енге выносила на обозрение белый платок с пятнами крови (доказательство чистоты, девственности невесты), как знак гордости. И родители жениха были горды тем, что

молодая невеста сохранила свою честь, и одаривали енге богатыми подарками.

Обряд открытия лица. Молодая невестка не сразу открывает лицо и показывается родителям жениха. Есть прекрасный обряд у ногайцев, он называется Бет ашар (обряд открытия лица).

На лицо невесты накидывают белый платок и в первую очередь вводят её к свекру и свекрови. Невеста не входит к ним с пустыми руками, специально для этого дня готовятся подарки. Одна из уважаемых женщин аула с пожеланиями счастья и долголетия молодой семье открывает лицо невестки. Все собравшиеся в одно мгновение впиваются взглядами в лицо невесты.

— Тьфу, машалла, прекрасна она, красавица она! — говорят собравшиеся, радуя этими словами и молодую, и хозяев дома.

После этого невестку подводят к очагу, дают ей в руки кочергу. Молодая невестка поправляет кочергой угли, кладет несколько дров в огонь, чувствует его тепло. Ногайцы называют этот обряд Бет йылытув (обрядом согревания лица). Велико значение этого обряда! Во-первых, он дает понять невесте: «Вот это теперь твой дом, твой очаг, пусть будет в нем счастье». А во-вторых, пожелание: «Береги свой очаг, пусть огонь в нем всегда горит ярко».

Обряд «Говори, невестка». Это тоже один из интереснейших обрядов. Он происходит намного позднее свадьбы. Родственники и соседи собираются за столом, пьют, едят. Сначала невестке дают ложку меда с пожеланием: «Пусть язык твой в обращении с родственниками мужа будет сладок, как мед». Затем невестка впервые обращается к свекрови. «Здравствуй, мать» и обнимает её. «Говори с добром невестка, пусть с твоего медоточивого языка никогда не сорвется нехорошее слово», — говорит свекровь и собравшиеся единым «Амин Алла! (Да будет так, о Боже!)» подхватывают её пожелание. Такой же обряд происходит между невесткой и отцом жениха.

Вот так впервые невеста «заговаривает» с родственниками жениха.

Люди, которые не знают, что у ногайцев есть такой обычай, насмеяются над нами, говорят, что «у ногайцев невестки в доме мужа и слова вымолвить не смеют, ходят, как немые». И зря. Ведь наши молодые невестки не ходят, как немые. Они прекрасно разговаривают со своими ровесниками и младшими родственниками. Только перед свекром и свекровью невеста не смеет разговаривать, как ни в чем ни бывало, показывает свою робость. И я думаю, что это очень мудрый обычай. Молодая девушка, женщина, впервые вошедшая в чужой дом, сначала должна осмотреться, привыкнуть, понять, с кем как надо вести себя. Ни одна свекровь, ни один свекор еще не заставлял свою невестку молчать до конца. Каждый, по обстоятельствам своей семьи, разрешал невестке говорить кто через 2–3 дня, кто через месяц, а кто и через годы. И они говорили. Иногда говорили так, что о них долго вспоминали.

...В старину один человек, собрав гостей, совершал обряд заговаривания невестки. А невестка была из тех, что лезет во все дела.

Не стыдясь, разговаривает со свекром на равных.

Свекор терпит день, два. А потом, когда совсем ему надоела невестка, говорит:

— Невестка, я зарезал барана, чтобы ты заговорила. Теперь, ради Всевышнего, давай я зарежу верблюда, только ты замолчи.

Притча это или сказка, но в ней правда. Мало ли на свете болтливых невесток.

Обычай, когда невестка в первые дни не разговаривает с родителями жениха, есть у многих восточных народов. Если бы это был не мудрый обычай, вряд ли он бытовал столетия.

Обряд «Куда и кудагай» (сват и сватья). Обряд знакомства родителей жениха и невесты тоже проходит очень весело. «Ямагат, такой-то пригласил к себе сватов, в четверг сзывает гостей», — говорили в ауле и заранее готовились к торжеству. Готовится боза, режутся бараны, приглашаются на той уважаемые люди. Чтобы сваты не заскучали, приглашают певцов и танцоров. Увидев изда-лека сватов, кто-то кричит, извещая:

— Сваты едут!

Сватов встречают с почетом, вводят в дом, усаживают за стол. Тамада произносит тост в их честь. Кто-то из знающих много пословиц и поговорок говорит велеречиво:

Добро пожаловать, сваты,
Проходите и садитесь на почетное место,
Давайте проведем этот день
В веселье и радости.
Возьмем в руки чашу, начнем веселье,
Поднимая себе настроение,
Будем петь и танцевать.
Налита в чаши боза, на столе — голова барана,
Говорите пожелания, сваты,
Перед вами свадебное угощение...

Кто-то из гостей-сватов — так же умело отвечает:

Перед нами свадебное угощение —
Давайте пожелаем, друзья,
Наша просьба у Всевышнего:
Пусть сваты ставят побольше угощения.

Женщины-сваты перебирают подарки, сделанные друг другу. Кто-то доволен подарком, а кто-то и в обиде. После того, как гости угостились, выпив бозы, тамада зовет их в круг:

Танцует сват со сватъей,
Танцует волк с зеленой веткой...

и выводит танцевать главного свата со сватъей. Играет залиvisto гармошка, сват со сватъей танцуют, родственники бросают им на головы деньги. Кто-то из хозяев дома повязывает на руки главного свата платки-казбалы. В разгар веселья сват со сватъей перекидываются припевками (*айтыс*). Вот, например, как поют друг другу сват со сватъей у астраханских ногайцев:

С в а т ь я :

Добро пожаловать, сваты,
На нашу свадьбу, яр, яр.
Мы вспоминали вас, сваты,
Совсем недавно, яр, яр.

С в а т :

Сватья, встречающая нас,
Роди близнецов, яр, яр.
Не зная разлуки с любимым,
Роди пять сыновей, яр, яр.

С в а т ь я :

Возьми в руки ты платок.
Потягаемся, яр, яр.
Подойти поближе, сват,
Споем припевки, яр, яр.

С в а т :

Бежит с гор в долину,
То лисица, яр, яр.
Споем веселые припевки,
Посмеемся, яр, яр.

С в а т ь я :

Я свой пояс сниму,
Повешу на гвоздь, яр, яр.
Повысилось настроение
Пошло в гору, яр, яр.

С в а т :

Говорили, будет свадьба,
И пришли мы, яр, яр.
Запрягли мы скакуна
С пляской пришли, яр, яр.

Сватыя:

Черная шуба у свата
Подчеркивает стан, яр, яр.
Пусть споет голосистый, сват,
Будет весело, яр, яр.

Подстрочный перевод.

Так, с шуточной песней и пляской идет пир, новоявленные родственники знакомятся, сближаются друг с другом.

2. САБАНТОЙ

Это один из самых древних и значимых праздников в ногайском народе. «Сабантой» — в переводе означает «праздник плуга», «праздник первой борозды». Праздновался он ранней весной и означал начало весенних полевых работ. И как говорят аксакалы, праздновался на широкую ногу, народ устраивал игрища и соревнования, «богатыри боролись, а дурачки дрались, разобьется голова — в папaxe, сломается рука — в рукаве, слепые спотыкались и падали, аксакалы спотыкались и проливали на ноги горячий бульон», — так говорилось о веселье этого праздника в старинной присказке.

Сабантой праздновался каждый год, но в разные сроки, в зависимости от погоды. Время начала весенних полевых работ каждый год определяли старейшины аула. И называли время, когда земля отогревалась под лучами весеннего солнца, и от нее исходил легкий пар. Народ готовился к этому дню, как к великому празднику.

Перво-наперво хозяйки наводили чистоту в своих домах и на улицах аула. По домам собирали продукты для угощения. Люди готовили лучшие свои наряды к празднику. В каждом ауле был свой майдан — большая площадь, на которой аул собирался на праздник. Открывал сабантой один из самых почетных и талантливых стариков аула. Его избирали ханом. Он сидел на возвышенности, кургане. Вокруг него находились муртазаки (исполните-

ли, в старину этим словом называли служителей право-порядка). Открывая, хан говорил пожелания. «Пусть будет легким плуг, и мягкой земля, пусть богатым будет урожай и люди аула будут счастливы». Так же он строго наставлял собравшихся, чтобы на празднике вели себя прилично. И в конце говорил: — Ямагат! Пусть Аллах Всевышний даст нам счастливо дожить до следующего сабантоя! Я Алла, я расул — Алла! — и подойдя к стоявшим на краю майдана быкам, запряженным в плуг, брался за плуг и прокладывал первую борозду.

За порядком на празднике следили те же муртазаки и теке. На одном конце широкого майдана устраивали борьбу, на другом — танцы, на третьем — скачки и т. д. В больших казанах варилась баранина. К столам приносили сладости, в кадушках была боза. Праздник шел своим чередом. Мужчины пили бозу, женщины — шербет, а дети угощались пряниками.

Нарушителей порядка теке гнал с сабантоя плеткой. И не просто гнал, а приговаривал при этом: «Сын такого-то такой-то совершил непотребный поступок! Какой стыд! Он опозорил наш аул!» И все люди на площади слышали это. После этого вряд ли кто осмеливался испортить праздник.

Не знающие истории нашего народа иногда говорят, что ногайцы — кочевой народ, который занимался только скотоводством и понятия не имел о земледелии. Мне очень больно и неприятно слышать эти досужие измышления. И мне сразу вспоминается наш сабантой. Разве может народ, никогда не занимавшийся земледелием, так бережно донести до наших дней этот прекрасный праздник? Может, кто-то пахал землю, а ногайцы за них отмечали это событие? Ели чужой хлеб? Нет уж, ногайцы много веков назад познали радость выращивания хлеба. Умели и за плугом ходить, и праздновать день первой борозды.

Это Советская власть семьдесят лет не давала нам отмечать сабантой, а в последние годы ногайцы празднуют его с великой радостью. Это один из самых лучших

праздников, доставшихся нам в наследство от предков. И пока будет жив ногайский род, будет жив и праздник сабантой. У меня есть и стихотворение, которое я посвятил этому празднику.

Много празднеств у ногайцев:
Невесту берут, сына женят.
Но есть особый праздник – сабантой,
Праздник первой борозды.
Эй, сабантой, сабантой,
Праздник наших праотцов.
Ты самый почетный
Из многих наших праздников.
Пусть проходит этот праздник
С песнями и плясками.
Пусть сидят на почетном месте
Старейшины – аксакалы.
Пусть пьют щербет и едят мед
Наши матери, жены и сестры.
Пусть борются богатыри
И бодаются «козлы»,
Пусть кипят в масле лепешки,
Распространяя далеко свой аромат.
Пусть бурно кипит медовуха,
И теке пляшет орада.
Пусть не будет споров и раздоров,
Пусть скачут быстрые кони,
А наездники получают подарки.
Пусть найдется остроумный,
Чтобы поднять людям настроение,
Ну, что ж, ямагат, начнем праздник.
Пусть уйдут сегодня ссоры и печали.
Эй, сабантой, сабантой –
Праздник наших предков.

Подстрочный перевод.

Праздник жирного казана – это тоже один из почитаемых ногайских семейных обрядов. Когда женившийся сын несколько лет проживет в доме отца-матери, приходит время отделяться, заводить свой дом. Тогда-то и исполняется этот обряд новоселья.

«Теперь у нашего сына есть свой дом, свой казан», — говорили родители. Чтобы сделать «жирным» новый казан, отметить новоселье, собирались родственники, друзья и соседи. И дарили они молодой семье все, что может пригодиться в новом хозяйстве. Кто-то скот, кто-то коня, кто-то домашнюю утварь.

Кроме этих обрядов, у ногайцев еще много и других торжеств. Есть обряд пожертвования в радостный день, праздники почитания родителей, побратимство — все они проходили вместе с родственниками и друзьями, весело и шумно.

3. ИГРЫ И СОРЕВНОВАНИЯ

Люди умели праздновать и веселиться. А чтобы не скучал народ, у ногайцев есть много различных игр и состязаний. Я хочу рассказать лишь о нескольких.

Скачки. «Ногайцы — народ, выросший на коне», — говорили предки. Скачки — одно из самых любимых развлечений ногайцев. На скачки с радостью приходили и стар, и млад. День скачек назначается заранее, и люди готовятся к нему как к празднику.

Сначала отбираются лучшие кони. Наездники тоже тщательно готовятся к соревнованиям. Для победителей организуются подарки. В каждом ауле, как сейчас — футбольное поле, раньше было место для скачек. Народ собирался заранее, нарядный и возбужденный. Люди становились вокруг поля и с интересом следили за скачками. Всадники выстраивались в ряд, организатор выстрелом из ружья давал старт. Кони под крики собравшихся мчались мимо. Часто они скакали до другого аула и возвращались обратно. Победителям пробега вручали ценный приз: быка, лошадь, барана, бухарскую шапку, в старину — оружие. Конь, пришедший первым, не сходил с языка людей до следующих скачек. Люди вспоминали каждый его рывок, каждую деталь скачек.

Бросание камня. Парни собирались на майдане и по очереди бросали тяжелый камень. Кто дальше кинет,

тот и победил. Эта игра способствовала развитию мускулатуры, наращиванию силы.

Перетягивание каната. Играющие делились на две равные по численности команды и соревновались в перетягивании каната. Кто перетянет на свою сторону человека из другой команды, та команда и побеждает. Эта игра также способствовала развитию силы.

Борьба — один из самых почитаемых видов спорта у ногайцев. Стоит сказать, что начинается борьба, и люди забывали даже про еду. Сейчас, чтобы посмотреть футбольный матч, болельщики едут за сотни километров. Так и в старину посмотреть на борьбу многие приходили из других аулов.

Борьба проходила очень интересно и шумно. Народу собиралось много. Люди окружали борцов и громкими криками: «Ну, давай, будь джигитом!» — «Положи его на лопатки!» — поддерживали борющихся. Победившего борца награждали, окружали почётом. Его имя славилось по всей округе.

Лазание на столб — соревнование, вырабатывающее у молодежи ловкость и волю. Устанавливали высокий гладкий столб. На его вершину вешали платок и другие ценные подарки. Столб смазывали маслом или жиром, чтобы не так-то легко было на него взобраться. Кто мог добраться до вершины столба, тот и получал ценный приз.

Здесь я хочу рассказать вам и о нескольких детских играх.

Игра в ножичек. В эту игру могут играть 3—4 мальчика. Перво-наперво небольшой участок земли, где будет проходить игра, размягчают, делают рыхлым, чтобы нож входил в землю легко. Потом вокруг этого участка в кружок усаживаются играющие. Дети бросают жребий, кому начинать первому. Один из игроков зажимает в руке маленький камушек и, выставив перед собой обе руки, зажатые в кулачки, спрашивает: «В какой руке камень?» Кто угадает, тот и начинает игру. Первый игрок вначале несколько раз бросает нож в землю. И не просто

бросает, а берет ножичек за острие и, перекидывая его в воздухе, вонзает в землю. У опытного игрока ножичек ловко вонзается в мягкую землю, а у неопытного — валится набок. Тот, у кого ножичек упал, уступает место следующему игроку.

Игрок, в первый раз вонзивший в землю нож, теперь бросает его с ладони правой руки. Если нож не упадет — он продолжает игру, теперь он должен уже бросить нож, держа его в зубах. Четвертый раз — кинуть нож со лба, потом с уха, с макушки. Кто, ни разу не ошибившись, умело кинет нож со всех этих позиций, тот и победил. Эта игра учит мальчиков ловкости в обращении с ножом, сноровке.

Игра в палочки бывает двух видов. Первая — играющие дети садятся на пригорке в ряд со своими палками. Первый по жребию бросает свою палку вниз так, чтобы она перевернулась в воздухе. Чья палка больше всех перевернется в воздухе, та считается счастливой палочкой и обладатель её радуется. «Счастливая палка приносит удачу», — такая поговорка сохранилась до сих пор у скотоводов. Если человек видит другого человека, пасущего овец, он говорит пастуху: «Пусть будет счастливой твоя палка». Это означает: «Пусть будет много у тебя скота», т. е. пожелание добра, изобилия.

Вторая игра проходит так. Один из играющих детей с присказкой: «Один — один», — дотрагивается до кончика палочки. Второй игрок со словами «два — точило» — так же дотрагивается до кончика палки и т. д., все играющие. Кто первым справа налево дойдет до конца палки, тот и считается победителем. Слова рифмованной присказки таковы:

Один — один,
Два — точило,
Три — трилистник,
Четыре — покрывало,
Пять — колыбелька,
Шесть — альчик (кость),
Семь — упряжь,

Восемь — вилки,
Девять — двери,
Десять — дуга,

Убежит мой конь. Ну-ка, догони его, — говорит игрок, первым дошедший до конца палки.

Игра в чижика. Сначала делают чижик, с обеих сторон обтесывают. У каждого играющего в руке должна быть палка.

Играющие делятся на две команды, каждая на своем поле, готовятся к игре. По жребию решается, кто начинает игру. В каждой команде есть игрок, который умеет хорошо бить палкой по чижикам, чтобы он подпрыгнул как можно выше. Игроки второй команды должны отбить чижик до того, как он упал на землю. Проигравшей считается та команда, которая не смогла отбить чижик. Так команды играют на счет. По своим внешним признакам и воспитывающим качествам эта игра напоминает современный волейбол, только с палкой вместо мяча.

Игры были развлечением не только у мужчин, женщины и девушки тоже придумывали свои игры и забавы.

Баслану. Длинными зимними вечерами девушки собирались в одном из аульских домов и учились вышивать и вышивать узоры, пели песни, готовили угощение. Такие посиделки они называли «баслану». Здесь они учились мастерству швеи и вышивальщицы, острословию и пению. Девушки в те времена могли часами петь сарыны и инары (частушки). Перепеваясь с юношами, даже побеждали их в этом песенном состязании. Теперь эти состязания остались в прошлом. Девичьи голоса, звеневшие в аулах, стихли. Что им теперь-то стараться, когда есть радио и другая музыкальная аппаратура, включи и слушай. Только ведь они не развивают песенные способности человека.

Затем девушки кушали принесенные угощения, затем с благодарением вставали. Эти баслану в девушках развивали правила общения и чувство единения. Собираясь, они считали, что делают богоугодное дело. Что и говорить, много развелось людей, которые не могут

сказать «Бисмилла», благодарение Всевышнему, когда перед ними ставят готовое угощение, т. к. борясь с религией, идеологи извели в народе чувство благодарности, отбили чувство коллективизма и единения.

А тогда вместе собирались и женщины. Они играли на гармошке, пели песни. Даже в тяжелые военные годы я помню, как женщины собирались на посиделки. И каждая несла свое нехитрое угощение к общему столу. Да что говорить, умел наш народ разделить друг с другом и радость, и горе.

Вот упомянул о радости и вспомнил один наш хороший обычай.

Шаушке (равлечение больного). Когда кто-нибудь ломал себе ногу или руку, родственники и соседи приходят к нему, чтобы развеять его скуку и боль. Из пшеничной муки месят крутое тесто и пекут из него калакай — лепешку с узорными краями. Калакай привязывали за нитку к потолку в той комнате, где лежал больной. Затем нитку хорошенько закручивали, а потом отпускали. Твердый калакай крутился быстро, как колесо, а собравшиеся старались откусить крутящийся калакай за узорчатые края. Многие ребята, не в силах остановить калакай, ранили себе губы. Но глядя на веселую возню своих друзей, больной забывал о своем недуге. А тот, кто все-таки сумел остановить калакай, получал приз.

Что может сравниться с этим прекрасным обычаем — желанием друзей и близких облегчить боль и страдания аульчанина! В обычае заключена большая сила доброты и милосердия!

На свадьбах и других торжествах ногоайцы умели шутить и поддерживать шутку. Вот приведу вам слова одной шутливой песни.

Одна из своячениц одевает на голову сито и просит у зятя денег:

Ну-ка, зятек, ну, зятек,
Потряси карманы, зятек,
Если нет в карманах денег,
Попроси-ка в долг, зятек.

Я буду сверкать — блестеть,
Если дашь блестящую монетку, уйду.
Я буду звенеть-звенеть,
Пока не дашь звонкую монетку...

Если зять не дает денег, свояченица поет дальше:

Скупым оказался наш зятек,
Не дал и слепого гроша.
Даже я, свояченица,
Не смогла тебя уговорить...

Свояченица наливает в чашку воду, насыпав в нее соли, подает зятю, чтобы он выпил. Зять не может выпить соленую воду и вновь оказывается в должниках у свояченицы.

Все эти игры помогали нашему народу, развеять тоску, позабавиться. И никто не лез в драку, не оскорблял другого. Люди проводили праздники в спокойствии и радости.

4. ПРАЗДНИКИ ВЕРОВАНИЙ

У каждого народа, живущего на этой земле, есть свои праздники верований. Они праздновались не только для того, чтобы укрепить людей в вере, они имели глубокий смысл, связанный с историей, культурой, языком и характером того или иного народа. Праздники поднимали культуру, обогащали духовный мир человека.

И у ногайцев есть свои прекрасные, почитаемые всеми праздники. Народ их празднует с большой радостью и воодушевлением. А начать свое повествование я хочу, как и положено, с праздников, обращенных к Всевышнему.

Святые дни и вечера нашей веры. В светлые, святые дни и вечера положено молиться Аллаху, читать Коран, поститься, приносить жертвоприношения, делать богоугодные дела. По-арабски Ребигул — двенадцатая ночь месяца авваль. (Ночь появления на свет святого пророка Мухаммеда. По-другому называют её еще ночь Маульга.)

Ночь первой пятницы месяца эреджеп. (Ночь зачатия святого пророка Мухаммеда), а также двадцать седьмая ночь месяца эреджеп (ночь Миража, ночь восшествия пророка Мухаммеда на небеса по воле Аллаха).

Пятнадцатая ночь месяца шабан. (В эту ночь Аллах оценивает все наши грехи и благодеяния, сделанные за год).

Каждая ночь последних десяти дней месяца рамазан. Среди этих ночей есть и ночь Кадыр. Пятница и ночь с пятницы на субботу.

Прежде всего хочу рассказать о Великом посте Ураза, т. е. о месяце Рамазан, «И месяц Рамазан есть тот, в котором Господом Коран ниспослан в руководство людям» (Св. Коран, сура Бакара).

В течение всего этого месяца совершеннолетние мусульмане соблюдают «Ас-Саум», более известный у нас в стране под тюркским названием «Ураза». Это один из пяти столпов ислама, установленный Пророком в 624 году. Пить, есть, курить, приходить к женам разрешается лишь «пока серая нить зари не отойдет от черной нити ночи».

Мусульмане считают, что пост — средство обуздания страстей, и верующий, концентрируя волевые усилия, освобождается от инстинктивных пороков, совершенствует в себе духовное начало.

Однако его не должны соблюдать те, кому воздержание может принести вред: дети, престарелые, беременные женщины, больные. Ибо Всевышний хочет облегчения для Вас. Он не желает отягчать вам жизнь. За то, что он на стезю праведную вас направил, быть может, будете вы благодарны».

Начинается Ураза обрядом встречи, когда ждут на небе появления молодого месяца. Самая главная ночь — на 27 Рамазана — «Лейлят ал Кадр», «ночь могущества, ночь предопределения». В эту ночь Аллах через архангела Джабраила (Гавриила) ниспослал Пророку Мухаммеду Коран. И считается, что именно в эту ночь Всевышний принимает решение о судьбе каждого человека.

А завершается Ураза праздником разговения Ураза Байрам.

Рамадан (рамазан) — это месяц самоотчета, когда мусульмане должны как бы заново прожить свою жизнь, посмотреть со стороны на свои поступки. Не случайно ведь к посту не допускаются преступники, не отбывшие наказания, и осквернившиеся.

По традиции — Рамадан — месяц общения и заботы о своих близких и родных, а также и о менее состоятельных соседях.

Пятница и ночь с пятницы на субботу.

Вот эти дни и ночи считаются в нашей вере святыми и светлыми. А теперь я хочу рассказать, как празднуют ногайцы эти и другие праздники. Прежде всего хочу рассказать о ночи Маульта.

В ночь Маульта в старину в мечетях собирался народ, хором читали **маульты**¹, пели **зикр**², рассказывали о житии пророка Мухаммеда. В эту ночь каждая семья чувствовала себя в приподнятом настроении. Готовились вкусные угощения, читалась молитва. Нищим и бедным раздавалась милостыня. Ученые люди собирали вокруг себя детей, рассказывали увазы (притчи), учили петь **зикры** (прославления).

Шарамазан. Последние десять ночей месяца Рамазан считаются ночами милосердия. В эти ночи читаются молитвы, рассказываются увазы, в мечетях служатся молебны. А дети по ночам ходят по домам и поют «Шарамазан». Им подают деньги, яйца, лепешки, сахар или сладости. Все это дети собирают в один мешок и вместе угощаются, прося у Аллаха милости для подающих. В светлые, святые ночи люди просят добра и благополучия себе и своим близким. Я сам ребенком пел шарамазан под окнами аульчан:

¹ Поэмы, посвященные Пророку Мухаммаду, мир ему!

² Ритуальные словесные формулы, поминания Всевышнего на арабском языке.

Мы пришли к вам петь «шарамазан».
Дайте нам подарок.
Пришел светлый наш праздник...

Так дети с пением Шарамазана обходили весь аул. У русских тоже есть этот обычай, называется «коляда».

Ночь Кадыра. Это одна из ночей последней декады Рамазана. Ногайцы праведника Кадыра называли на свой лад Кыдырлыяс (Кыдыр-Ильяс, Хызр Ильяс). Бытовало поверье, что в эту ночь праведник Кыдырлыяс бродит по свету и раздает людям добро. И тот, кому встретится в эту ночь Кыдырлыяс, будет счастлив, исполнятся его мечты.

В такую ночь юноши и девушки тайком бродили по улицам в надежде встретить доброго ангела Кыдырлыяса. Какому же счастливцу он представился?

Пятница — это святой день мусульман. В этот день никто не должен работать. Женщины в пятницу не брали в руки даже иголку. Люди одевались в праздничную одежду и отдыхали, ходили друг к другу в гости.

Ураза-байрам. Это праздник после тридцатидневного поста — Уразы. Байрам празднуется три дня. Люди, одетые в праздничную одежду, поздравляют друг друга с благополучным окончанием поста. В каждом доме готовятся вкусные блюда, угощают гостей. Молодежь танцует, поет песни и веселится.

Курман-байрам. Этот праздник отмечается после ураза-байрама. Он тоже празднуется три дня. Это самый святой праздник у мусульман. По-арабски его называют «Ид ал-адха» или «Ид кабир», что в переводе означает «Большой праздник».

Курман байрам начинается с десятого дня месяца золхижже или через 70 дней после месяца Рамазан. Праздник отмечается три-четыре дня. Курман байрам отмечается после паломничества в Мекку.

В праздник Курман мусульмане в честь того, что пророк Ибрагим хотел принести в жертву Аллаху своего сына Исмаила, делают жертвоприношение — режут жертвенное животное. Каждый в силу своих возможностей. Можно резать козу, овцу, теленка, бычка, корову,

верблюда и т. п. Жертвоприношение посвящают и умершим родственникам (т. е. приносят жертву Всевышнему от их имени).

Курман-байрам начинается рано утром. Каждый человек моется, надевает чистую одежду и, не позавтракав, дабы не осквернить чистоту пищей, идет в мечеть на праздничный Намаз — молебен. После молебна люди идут на кладбище и молятся о душах умерших близких и родственников. После посещения кладбища с молитвой режут заранее приготовленное жертвенное животное. Находящиеся рядом с хозяином люди молятся «Бисмиллахи, Аллаху акбар» («Во имя Аллаха, Аллах Превелик»). Человек, зарезавший жертвенное животное, должен быть щедрым, раздать мясо соседям, бедным и нищим.

На второй и третий день Курман байрама люди ходят друг к другу в гости, поздравляют с праздником. Об обычаях жертвоприношения в Коране есть такой уваз:

У пророка Ибрагима не было детей. И каждый раз в конце молитвы он просил Аллаха дать ему сына. Отчаявшийся человек пообещал далее, что если Аллах даст ему сына, он готов принести его в жертву. Аллах решил испытать своего раба — выполнит ли он данное слово, и дал ему сына. Ибрагим от счастья долго не мог наглядеться на ребенка и много лет жил, не вспоминая о слове, данном Аллаху. Но однажды Аллаху Таала напомнил об обещании.

На рассвете пророк вымыл сына, одел его в чистые одежды и, взяв с собой острый нож, вышел за руку с сыном на окраину, туда, где нет людей, чтобы выполнить данное Аллаху слово. Всю дорогу, не отрывая глаз, он смотрел на сына. «Иди впереди меня, сынок, — просит он, — иди впереди меня». У подножья одной горы, найдя укромное место, он начинает творить молитву, чтобы принести сына в жертву Аллаху. После молитвы он изо всех сил проводит нож по горлу ребенка. Но нож почему-то не режет. И второй раз он проводит нож по горлу сына. Но нож все равно не режет, «Почему же нож не режет?» — думает Ибрагим и изо всех сил ударяет лезвием ножа по черному камню, лежавшему рядом. И нож, который не смог перерезать горло ребенка, рассекает

камень пополам. И слышится ему тогда Глас Аллаха: «Ты сумел сдержать слово, и в награду за то живи мирно с сыном...» В дни Курман-байрама люди, знающие этот уваз, рассказывают его детям.

И конечно же в эти дни бывает много радости.

Праздник Науруз — Науруз-байрам¹ — Новый год восточный — у мусульманских народов. Предки ногайцев начали отмечать еще в незапамятные домусульманские времена. Науруз — день весеннего равноденствия отмечается 21 марта, этот день считается началом нового года. Отмечают его не только ногайцы, но и многие восточные народы.

Это праздник пробуждения природы, когда злые силы зимы на исходе, когда день становится равным ночи. «Науруз» в переводе с персидского означает «Новый день», «Новый год».

«С новым годом вас, с новым счастьем. Пусть новый год принесет вам удачу», — желали друг другу люди в этот день и, одевшись в лучшие наряды, ходили друг к другу в гости, поздравляли родных и близких, готовили угощения, пели, плясали, желали друг другу счастья. Радостные, они устраивали праздничные шествия, соревнования, скачки, победившим вручали дорогие призы.

Три дня праздновали, молодежь ходила по домам, пела новогодние песни и собирала дары. Люди выносили деньги, сладости, хлеб, яйца, красивые, расшитые платки. Все это угощение делилось поровну или тут же съедалось.

У нашего народа было очень много обрядовых песен, пословиц и поговорок о Наурузе. К сожалению, немногие дошли до наших дней. Я хочу привести здесь одну из самых известных песен о Наурузе:

Славим, славим весну!
Курица кудахчет —
Дарит яйцо на развод.

¹ Исходно персидский, зороастрийский праздник.

А молодежь весело и радостно
Просит у вас угощений и платков.
Вот уже настала весна,
Расцвел первый подснежник –
Славим, славим Науруз-Байрам!

Подстрочный перевод.

В праздник Науруза люди дарили друг другу первые подснежники. Удивительная традиция для потомков воинов и скотоводов!

Много пожеланий высказывалось в этот день. «Пусть в новом году жизнь будет к вам щедрой, пусть полны будут закрома, пусть здоровье будет крепким, и дорога – неизнурительной!» – говорили друг другу ногайцы.

С одиннадцатого дня Науруза (этот день считается днем рождения пророка Мухаммеда) в домах ногайцев готовили обрядовое блюдо – асуре.

Асуре – день поминовения пророков и посланников Аллаха. В этот день готовили кушанье из семи компонентов. Брли горсть кукурузы, фасоль, мясо, соль, молоко, лук и воду. Варили все вместе, как суп. Этот суп кушали сами, угощали родственников и соседей. И самое главное – полную чашку асуре надо было доесть до конца – в этом видели признак благоденствия.

Об асуре в моей памяти остался рассказ матери, услышанный ещё в детстве:

...Когда настал Великий потоп и люди, спасавшиеся в Ноевом ковчеге, находили кусочек суши, чтобы передохнуть, каждый из них клал в общий котел все, что у него было. У одного была горсть кукурузы, у другого – фасоль, у третьего – кусочек мяса, у остальных – соль, молоко, лук и вода. Вот это общее блюдо и получило название «асуре». Готовить асуре и раздавать его людям – на благо Аллаху», – говорила моя кроткая мать...

Асуре продолжали готовить две недели в будние дни. Я сам много раз ел это блюдо. Что и говорить, вкус его до сих пор чувствуется во рту, когда я о нем вспоминаю. Вопрос на засыпку: почему у нас больше не варят асуре?..

Пусть счастливым будет Новый год!

Вот я и рассказал вам коротко обо всех основных праздниках, обрядах и обычаях. И ни один из них не может противоречить течению нашей жизни. Но почему эти хорошие праздники в последние годы, к сожалению, вытеснены?

А сейчас хочу немного рассказать о музыкальных инструментах, без которых невозможно веселье.

НОГАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Наши предки оставили нам в наследство прекрасные, наполненные глубоким смыслом песни. Есть известные, раздольные, как Ногайская степь, мелодии. Для исполнения их были необходимы музыкальные инструменты. Многие из них до сих пор пользуются популярностью в нашем народе. Прежде чем рассказать о ногайских народных инструментах, я хочу сказать несколько слов о ногайской музыке, её сущности.

Каждая песня имеет свою неповторимую мелодию. И наши народные героические, лирические, эпосы, частушки, песни и плачи имеют свои слова и мелодию.

Когда слушаешь домбру, невозможно не восхититься. Сколько прекрасных мелодий можно исполнить на двухструнной домбре! У ногайцев сохранилось около ста мелодий. Наш знаменитый домбрист Каирбек Межитов исполняет около тридцати мелодий: «Мелодия скачущих коней», «Мелодия верблюдицы», «Печальная мелодия» и ещё много других.

Голос человека начинается с люльки. А музыка слышится от гармошки, от всех музыкальных инструментов (скрипка, домбра, виолончель и т. д.). Первоначальной считалась мелодия кобыза (смычковый инструмент из дерева). Существует мнение, что кобыз из дерева у древних тюрков появился в VIII—IX веках¹. Ногайские йырау также пели свои песни, играя на кобызе. В этих мелодиях многовековая культура ногайцев, их быт и

¹ По мнению ученого *В. Н. Басилова*, тюркский кобыз — преемник т. н. «скифской арфы», то есть имеет еще более древнюю историю.

повседневность, их печали и радости. Этими мелодиями люди встречали и праздник, и дни печали. В это же время была и двухструнная домбра. Искусные музыканты мелодией домбры могли передать то, что невозможно сказать словами. Сохранилась такая легенда:

...Жошы хан обещал залить горло расплавленным свинцом тому, кто возвестит ему о смерти сына. В один из дней на охоте кулан, ударив ногой, убивает его наследника... Никто не осмеливается идти на верную смерть — сообщить хану печальную весть. И тогда храбрый полководец, искусный музыкант Кет-Буга берет в руки домбру и мелодией сообщает хану о смерти сына. Суровый хан не может казнить музыканта, т. к. он не произнес ни одного слова о смерти. И грозный правитель заливает горящим свинцом жерло домбры...

В старину мелодией домбры подводили к корове, у которой умер теленок, чужого теленка, а верблюдице — чужого верблюжонка. Мелодией могли заставить сплясать коня.

Но всё же все тюрки, и в том числе ногайцы, отдавали главенство кобызу. Знаменитый предок всех тюркских народов Коркут-Ата проводил свою жизнь в игре на этом инструменте. И остался он в истории именно благодаря этому своему искусству. И теперь многие тюркские народы (казахи, туркмены, кумыки, азербайджанцы и другие) играют на кобызе бессмертные мелодии Коркут-Ата.

Каждая мелодия имеет свою историю, свою тайну. Она заставляет слушателя плясать, петь или плакать.

Ногайцы исполняли свои мелодии и на национальной гармошке. Здесь тоже сохранилось много прекрасных мелодий — танцевальных и песенных. И почему-то эту гармошку тоже называли кобызом, т. к. она с какого-то периода стала среди народа главенствующей.

Раньше один человек играл на музыкальном инструменте и сам пел. Многие сочиняли и музыку, и слова своих песен. Полюбившуюся песню подхватывал весь народ, и она становилась крылатой, оставалась в веках. И хотя тогда не было нот, из уст в уста передавалась прекрасная

песня, замечательные мелодии. И если бы все песни, созданные ногайским народом в веках, сохранились до наших дней, ей-Богу, мы бы были самыми богатыми на песни. Что и говорить, прошлое мы растеряли, и в настоящем не много нашли. Это, наверное, потому, что нас с определенного времени учили петь чужие песни...

Ну, а теперь перейдем к музыкальным инструментам.

Домбра — один из самых древних в народе ногайских музыкальных инструментов. Она жива и поныне, да не смолкнет в веках её прекрасная мелодия. Домбра незатейлива на вид, сделать её тоже было не трудно. Хотя теперь у ногайцев редко кто помнит все секреты изготовления этого инструмента

Её делали из самого ценного дерева. Обычно из чинара или бука. Частей у домбры бывает десять. Сперва делают тыквообразную часть, конек (коронку), после рукоятку, на рукоятке резцы, затем пуговики и две тонкие струны из козьих кишок.

На домбре ногаец играл и в доме, и в степи, и в пути. Она помогала ему и в горе, и в радости. Наши некоторые богатырские песни без домбры не пелись.

В старину были люди, которые великолепно играли на домбре и пели песни часами. Их называли йырауами. Наш знаменитый дестан «Эдиге» под сопровождением домбры пелся несколько дней.

В жизни никто и ничто бесследно не исчезает. Наша двухструнная домбра не исчезла, она снова ожила и нашлись такие талантливые молодые люди, которые дали домбре вторую жизнь. И она сейчас звучит в ногайских домах. Под её аккомпанемент поются и старинные, и современные песни.

Кобыз (гармонь). Раньше так называли смычковый инструмент. Современный кобыз это гармонь. Сейчас у ногайцев есть прекрасно играющие кобызшы (гармонисты).

Агаш кобыз. Буквальном смысле означает деревянный кобыз. Сейчас им редко пользуются. Но другие тюркские народы, как кумыки, казахи, якуты, играют на нем и в настоящее время. Да само название кобыз —

древне-тюркское. Из лучшего дерева мастерили его. Круглая нижняя часть и ручка делают кобыз сходным с большой ложкой — половником. Струны были из конского хвоста.

На кобызе играли так: нижнюю часть опирали на колени, а верхнюю часть держали чуть левее от себя.

У тюркских народов есть легенда, что игра на кобызе связана с именем легендарного Коркута-Ата. Об этом свидетельствует такое предание.

...Коркут-Ата был от рождения одарен музыкально. Он мечтал сделать инструмент, который мог бы производить звуки, издаваемые людьми и зверями. Очень долго и много думал. И в один день, обдумывая свои мысли, он заснул и увидел сон. Ему кто-то во сне говорит: «Коркут, ты из шестилетней верблюжьей шкуры сделай шанак (нижняя круглая часть), из волос хвоста пятилетнего жеребца сделай струны, а из рогов дикого козла сделай тиеки (деления на рукоятке) — и играй, играй...»

Коркут-Ата из самой лучшей сосны, из конского волоса, верблюжьей кожи и из рогов дикого козла смастерил кобыз. И когда он играл на нем, то мелодию слушали дикие животные, птицы в небе и люди на земле, затаив дыхание. Так Коркут-Ата, сочиняя мелодии и играя на кобызе, проводил свой век. И это искусство ему подарило бессмертие. И сейчас многие тюркские народы играют его бессмертные мелодии «Ушар», «Аюбай», «Конъыр», «Элим-ай, халкым-ай», «Аккув».

Мелодию «Мунглы күй» играли, глубоко скорбя и плача. Эта мелодия создана тогда, когда казахи и ногайцы, жившие по соседству, разъединились. И слова этой песни до сих пор сохранились. Приведу один куплет из этой грустной песни:

Плачь, плачь, плачь, песня,
Ногайцы и казахи разъединились,
Страна их великая
Стала сиротой...

Эту песню называют «Песня о распаде страны ногайцев». Это событие в истории датируется 1456 годом.

Об агаш кобызе мы читаем в знаменитом дестане ногайцев «Карайдар и Кызылгул». К примеру, посмотрим вот этот куплет песни:

...Оседлал я тулпара гнедого,
По степи, как орел по небу, мчусь,
Увижу аул, остановлюсь,
Из-под мышки возьму кобыз.
Спою и свое горе развею...

Подстрочный перевод.

«Из-под мышки возьму кобыз» говорит герой песни Карайдар. Кобыз подвешивали себе на плечо и отправлялись в путь.

Кылкобыз (волосяной кобыз). Тоже один из видов музыкального инструмента, струны были из конских волос. Имелся смычок. Наподобие скрипки.

Ауз кобыз. Губной кобыз. В старину пользовались. Сейчас он почти забыт. Его заменили фабричные губные гармошки.

Шанг кобыз. Слово «шанг» в ногайском языке означает колокол, колокольчик. Значит это можно перевести так «колокол-кобыз». На этом кобызе висел колокольчик, и он в унисон струнной музыке позванивал. Он у нас исчез, но сохранился у казахов и якутов. Сейчас и у нас молодые талантливые музыканты восстановили шанг-кобыз и начали играть на нём.

Сыбызгы (свирель). Его ногайцы делали из камыша, дерева. Он был в старину одним из самых популярных музыкальных инструментов. Особенно им пользовались пастухи, табунщики, дети. Были такие мастера сыбызгы: когда они играли, табуны собирались в одно место. И сейчас он используется в народе но и его вытесняют современные инструменты.

Кабал (флейта)¹. Его делали из рога крупного рогатого скота. Им пользовались пастухи. Под мелодию каба-

¹ У астраханских ногайцев словом кабал именуют бубен.

ла танцевали на пирах. А в старину кабал использовался и у воинов, на нем исполнялись героические мелодии.

Кабал-свистулька. Игрушечная свистулька. Раньше их дети сами лепили из глины. Да и до наших дней они были в ходу.

Сакылдаук (трещотка). Делают из тонких нескольких кусков дощечек с ладонь. Нижняя дощечка с ручкой. И ею в такт мелодии стучат.

Даулбаз (барабан). Делали из тонкой кожи.

Карнай. Он напоминал длинную трубу. Использовали в старину в войсках.

Сарнай. Напоминал современные трубы. Были трубачи. Использовался в войсках.

Рог. Делали из рога скота. Использовали его обычно охотники. Были люди, которые из рога выводили различные звуки птиц, зверей.

Вот, можно сказать, и все старинные ногайские музыкальные инструменты. Сейчас они почти забыты, но благодаря нынешним энтузиастам, таким, как Яхья Кудайбердиев, создавший ногайский государственный оркестр народных инструментов, они возвращаются к ногайскому народу.

Вот я и рассказал вам о наших праздниках, свадьбах, о радостных минутах моего народа, да не поскупится Аллах на радость нам и всем людям. Но, кроме радости, что и говорить, бывают печали и болезни. Были у ногайцев в старину свои лекари, которые лечили людей от разных болезней и они знали много лечебных способов и много лечебных растений.

В следующей главе пойдет речь о них.

НОГАЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАХАРСТВА

1. ЗНАХАРСКОЕ ДЕЛО

Ногайцы издавна придавали очень большое значение своему здоровью. И всегда считали чистоту залогом здоровья. И перед едой, и после трапезы мыли руки и полоскали рот. По нужде ногаец выходил из дому с кумганом для омовения в руках.

Были у ногайцев и свои знахари. Они делали лекарства из различных трав, животных жиров, помогали людям вылечиться от многих хворей. Я хочу рассказать вам лишь о нескольких способах лечения различных болезней.

Яракшы — костоправ — лечил различные переломы и вывихи. Были у ногайцев такие костоправы, что и современные хирурги могли бы им позавидовать.

Шырыш — смесь, твердеющая как гипс. Его делали из белой муки с белком яйца. Эту массу хорошо взбивали и смазывали ею бязевую ткань. Этой тканью обвязывали им место перелома или вывиха. Как и гипс, эта масса застывала и хорошо стягивала больное место. Когда перелом или вывих начинал заживать, масса сама отпадала.

Знахари-костоправы встречаются в наших аулах и сейчас. К ним едут те, кто разочаровался в способностях дипломированных врачей. Они могут заново сломать и поставить кость на место так, как не сумел сделать хирург.

Лечение от высыхания рук и ног. Бывают знахари, которые лечат начинающие ссыхаться руки и ноги. Костоправ Рамазан на моих глазах вылечил моему брату начавшую сохнуть ногу.

...Сначала Рамазан внимательно осмотрел больную ногу мальчика. Затем расспросил, как и когда он её сломал, как накладывали шырыш. Узнав о том, что больше месяца нога мальчика находилась в смеси, очень расстроился: «...Ах вы такие-сякие, могли запросто парня без ноги оставить...» — и взялся за лечение в тот же день.

А лечение было непростым. Три дня больную ногу заворачивали в свежую шкуру только что забитой козы. На четвертый день размякшую ногу обернул тканью, которую намазали толстым слоем горячего теста. И в этом тесте ногу держали три дня. Затем, когда иссохшая нога совсем размякла, с помощью двух человек попробовал осторожно согнуть ногу. В тот момент, сказав парням: «Ну-ка, парни, держите его крепко», вдруг резко согнул высыхающую ногу. Суставы треснули, и нога согнулась, словно здоровая. Мальчик потерял сознание. Рамазан заново бережно наложил на ногу шырыш. Через месяц братишка начал наступать на больную ногу, а через два начал ходить... Если вдуматься, каким мудрым и человеческим был тот знахарь, сколько знания и опыта было у него.

Нет теперь таких лекарей. Никто не выучится у них опыту и знаниям. Тем, кто хочет знать старинные рецепты, говорят, что это — пережитки прошлого.

Малкам — его готовили из топленого сливочного масла, меда и лука. Малкамом залечивали различные раны и нарывы.

Болезни легких — лечили барсучьим, козьим или медвежьим жиром. Так же этот жир смешивали с топленным сливочным маслом и медом и давали есть больному.

Ел авырув (ревматизм). Ревматизм и остеохондроз лечили горячим песком или половой сена, делали ванны с крапивой. Также заставляли детей ходить по спине больного (массаж). Ногайцы для лечения этих болезней использовали также серную воду и грязи.

Болезни живота — когда человек, подняв тяжелый предмет, сорвал живот, то его умело лечили. Были лекари, которые с помощью массажа пупка ставили кишку на место. От поднятия тяжести кишки могли опуститься,

об этом и современные врачи говорят. Только вот они, современные, не могут поставить их на место так, как могли ногайские лекари в старину. По сей день только в странах Востока врачи знают, как с помощью массажа пупка поправить расположение кишок. Этому там придается очень большое значение.

Кровопускание¹. Когда в старину у человека поднималось кровяное давление, ему пускали кровь. Были лекари, занимающиеся только этим делом. Они нащупывали у человека вену над веками и брали из нее кровь. Как только человеку пускали кровь, у него давление становилось нормальным, головная боль прекращалась.

В народной медицине считалось, что многие болезни связаны с накоплением дурной крови в организме, которую необходимо выпустить.

Кровопускание осуществлялось двумя способами. Первый способ — специальным инструментом, называемым шаккы, как пинцет. Ударом его спускали кровь с висков, с ног. Второй способ — спускали пиявками.

Пиявки. В старину ногайцы многие болезни лечили пиявками. Если у человека болели суставы, не заживали раны, были опухоли на ногах, кровяное давление — все эти болезни лечили пиявками. На Востоке издревле от многих болезней использовали пиявки, и ногайцы великолепно понимали секреты этого лечения.

Медь. Издревле ногайцы употребляли медь для лечения. Лечили горло, сердце, легкие. Для лечения язвенных болезней также использовали медь. Из меди делали сироп, его пили больные желудком.

Кая шайыр (мумие). Употребляли больные желудком, легкими. Незаживающие раны тоже лечили этим природным веществом.

Барсучий жир. Этот жир был незаменимым лекарством для больных, страдающих легкими. Жир употребляли для лечения ревматизма ног, поясницы. Очень помогало при язвенных болезнях.

¹ По-арабски его именуют «хиджама», считается сунной, т. е. обычаем Пророка Ислама.

Гусиный жир. Гусиным жиром лечили ожоги тела. От незаживающих ран он тоже помогал.

Квасцы. Ими лечили обычно рот, кожные заболевания.

Конный жир. Прикладывали к долго не заживающим ранам, употребляли внутрь против язв кишечника и желудка.

Козий жир. От простуды пили козий жир с молоком. Лечили болезни горла. Очень помогал при кашле. Народ этот жир и сейчас использует как лечебное свойство.

Медвежий жир. Этим жиром лечили больных легкими. Очень помогал жир против язвенных болезней. Его больные пили и для желудка.

Сливочное масло. Широко применяется у ногайцев. Добавляют его в малкам и в другие лекарства. Прикладывают к ранам и опухолям. Женщины прикладывали сливочное масло и от головных болей.

Ювырт. Кислое молоко — первое лечение от отравления. К нарывам прикладывали соленое кислое молоко. К опухолям от укуса змеи и ядовитых насекомых также делают примочки из ювырта.

Сыворотка — служит снадобьем от болей в желудке. Пьют сыворотку на голодный желудок. Также для повышения аппетита хорошее средство. Пить надо понемногу перед едой.

Наши предки использовали не только животные продукты, но растительные компоненты для лечения многих болезней. Грех не рассказать о них. А начать надо, конечно, с самого известного для ногайца растения — ювсана — полыни.

Ювсан (полынь). У полыни разновидностей много. Ногайцы-степняки прекрасно знают лечебные свойства этого растения. Раньше его сушили и мелко размельчив, прикладывали на шипы, настой пили больные желудком. На паре ювсана лечили простудные заболевания, ревматизм. При заболевании чесоткой больного мыли раствором полыни. Настой помогал от глистов. Полынным раствором поили больных животных.

Хрен. Широко используется при воспалении слизистых оболочек полости рта, горла, при ангинах. Для аппетита надо применять до еды чайную ложку тертого хрена с медом.

Чабрец. Его сушили и терли. Настой пили для желудка. Использовали его и как приправу к блюдам. Полоскали горло, настой его мочегонный. Ложку настоя пьют как чай.

Крапива. Это жгучее растение. Её листья ногойцы использовали в пищу: делали супы, салаты, пирожки. По калорийности не уступает бобовым. В ней много аскорбиновой кислоты, витамины, белки, крахмалы. Она имеет кровоостанавливающие свойства. Улучшает деятельность сердечно-сосудистой системы, ускоряет процессы заживления ран.

Обладает это растение желчегонным и противопалительным действиями. Употребляют при язвенной болезни желудка, гастритах. При воспалении мочевого пузыря, кожных заболеваниях.

Подсолнух. Собирают его цветы и сушат, затем употребляют их в виде настоя. Когда подсолнух поспеет, тогда внутреннюю часть ствола берут и сушат. Из этого делают настой и пьют при желудочных болезнях, Особенно хорошо этот настой помогает при запорах. Этот настой пьют для печени, почек. Способствует ликвидации камнеобразования в почках. Этим же настоем полоскали язвенные зачатки в полости рта, укрепляли десны.

Из золы листьев и стеблей делали щелочь для мыла.

Подорожник. Листья подорожника обладают ранозаживляющим свойством. Останавливают кровотечение. Сок имеет успокаивающее и снотворное значение. Понижает артериальное давление.

Белена. Семена её в маленьких сумочках. Их собирают, кипятят и при зубных болях делают примочки. На пару держат больной зуб. От простуды тоже помогает.

Лук. Лук разрезают на ломтики и кладут на чирьи, на незаживающие раны.

Чеснок. Сок чеснока смешивают с медом и пьют по маленькой дозе при болезни сердца для понижения давления. Пьют и при болезни кишечника, желудка. Чеснок по кусочкам кладут на больной зуб.

Черемша. Сок черемши закапывают в уши при гнойных воспалениях. Свежие листья прикладывают к глазам при воспалении, а также едят при ослаблении зрения и как потогонное, мочегонное средство при болезнях почек. Листья, молодые побеги и луковички используют в пищу.

Фасоль. Мука из фасоли лечит экзему. Больным желтухой рекомендуется пить отвар фасоли. Фасоль растворяет камни в печени и в почках.

Девясил. Улучшает работу сердца. Также он полезен при укусах змей и скорпионов.

Белая кувшинка. Растет в тихих озерах, заводях. Пьют от бессонницы измельченные корни или семена цветка.

Черная репа. Её измельчают и с медом кушают сердечники. Её сок очень помогает для понижения давления. Очень полезен для желудка. Способствует заживанию язв в кишечнике. Из нее получается замечательный салат, используют для аппетита.

Облепиха. Облепиховым соком, желе лечат ожоги, раны. Иногда к пораженным местам прикладывают свежие плоды. Облепиховый сок можно пить, он лечит печень, пищевод. Сок очень хорошо действует на кожу. Делали ногайцы отвар и из корней облепихового дерева.

Бузина. Сок из цветков бузины помогает при геморрое.

Картофель. Сок свежего картофеля пьют при болезни кишечника, геморрое.

Боярышник. Плоды и цветы очень помогают при ослаблении сердечной мышцы, снижает давление, очищает кровь.

Кизил. Отваром из листьев лечили кишечные заболевания. Ногайцы из плодов кизила делали лаваш и кушали. Этот лаваш помогает ликвидировать цингу.

Горох. Он способствует измельчению камней в почках, в мочевом пузыре.

Морковь. Сок из моркови способствует лечению сердца, глаз.

Черный перец. При простуде нужное лекарство. Его использовали и при болезнях зубов.

Щавель. Использовали при кишечных заболеваниях.

Конопля. Из семян конопли делали отвар и пили при лечении печени. Этот отвар лечил и желтуху.

Молочай. Отвар пили при болезнях легких. Жижу натирали на чесотку.

Лопух. Из листьев делали сок. Пили от головных болей. Из корней тоже делали сок от болезней желудка.

Ковыль. Ногайцы отвар из корней давали больным при кровоизлияниях.

2. ВОРОЖЕИ

Кроме народных лекарей еще в народе были шуклауши и кагымши.

Шуклаушы, ворожеи — это как современные экстраенсы. Шуклауши лечили больного ладонями. То приближая их к больному, то удаляя, т. е. лечили больного своими биотоками. Но в старину никто не догадывался об этом. Шуклауши, весь в поту, давал свои биотоки больному. Однако при советской власти им не разрешали лечить людей, за это преследовали. Но они лечили многие болезни.

В пример приведу одну пожилую женщину из моего аула. Звали её Ажиказы. Она была небольшого роста, щупленькая, подвижная. Аульчане её ценили и всегда приглашали лечить больных. Но она лечила не всех. Раны, переломы она не бралась исправлять. Жила недалеко от нашего дома. И по утрам босая ходила по двору. Все соседи удивлялись такому «дикому» поведению старухи. Кто тогда мог догадаться, что старуха так выводила из себя излишние биотоки. Сейчас медицина такое лечение называет мануальной терапией. А эти наши шуклауши были такими же, как Джуна, лечившая руководство страны.

Сейчас не только города, но даже села нет, где бы не было какого-то экстрасенса. Если я встречаю их, тотчас вспоминаю всегда замкнутую, неразговорчивую старуху Ажиказы.

Оберег и талисманы. Они применялись ворожеями для защиты детей и взрослых от злых глаз. Различные раковины и дырявые камушки привязывали к люльке. Верили в магическую силу камней, их носили в качестве лечебного амулета¹.

Некоторые болезни лечили испугом. Например, желтуху и лихорадку.

Некоторым болезням даже священник (апенди) писал дуа (молитву против злого духа) — её носили как амулет.

Ускиру — обряд «куф-суф». Это одновременно и лечение, и благословение, и профилактика (мулла читает Коран, а затем дует на больного).

Я рассказал о народных лекарях, которыми пользовались ногоайцы. Теперь, по-моему, надо будет немного рассказать и о наших народных приметах. Они тоже тесно связаны с жизнью человека.

3. НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Ногоайцы раньше верили приметам, да и сейчас многие верят, соблюдают их и передают из поколения в поколение.

Приметы в нашем народе разные. Одними пользуются все, а другие бывают индивидуальные, т. е. приметы семьи, одного человека и т. п.

Ногоайцы много примет знали о природе, о растениях, о поведении животных, людей, о звездах, о луне, о циклических животных годах. Например, год обезьяны считался трудным годом, год барана — обильным, не трудным годом, год лошади — быстро текущим.

¹ Мусульманская религия воспрещает талисманы, исключая лишь суры Корана.

Приметы о днях недели. Многие ногоайцы во вторник, в субботу не начинали важное дело, строительство дома, не выходили в дальнюю дорогу, не решали свои важные вопросы.

Пятница считается праздничным днем. В этот день все отдыхали, гуляли, женщины даже иголку не брали в руки.

После полудня в путь не выходили. Обычно в дорогу отправлялись утром.

Глядя на вечер больных не навещали. Очень правильная примета. Больные обычно к вечеру плохо себя чувствуют.

Затмение луны. Когда случается затмение луны, ногоайцы говорят, что «луна задержана, пленена». Значит какая-то сверхъестественная сила задержала её. И в этот момент обязательно люди создают большой шум: бьют в тазы, ведра. Весь аул — на ногах. Читают молитвы. Никто не спит, все ждут, скоро ли отпустит та страшная сила луну. Потом все радуются и поздравляют друг друга с освобождением луны от страшной силы, которая задержала её. Безусловно, этот обычай остался от язычества.

Когда вокруг луны образовывалась кольцом темнота, ногоайцы говорили, что умирает известный миру человек: царь, князь, король, султан и т. п.

Ногоайцы новорожденную луну боготворили. Красоту её высоко почитали. Своих любимых дочерей называли луноликими. И сейчас у нас много таких девичьих имен как Алтынай — Золотая луна, Толганай — Полнолунная, Айсылу — Красавица луна, Айгуль — Лунный цветок и т. п.

У ногоайцев существует много пословиц и поговорок о луне. Луна взойдет, тьма уйдет. Луна красит ночь. Еще говорят: «С луны свалился, что ли».

Если концы новой луны будут не сильно изогнуты, т. е. ведро с водой не будет держаться, то весь месяц будет сухой, а если ведро будет держаться — дождливый будет.

Приметы по светилам. Луна и солнце у ногайцев ходят как синонимы. Все красивое сравнивается с солнцем и луной. Например: «Как солнце, сияет её лицо».

На новорожденную луну пальцем не показывают. Об этом существует такая легенда: На луне голый мальчик пасет своих овец. И если ты показываешь на луну рукой, то юный чабан стесняется, думает, что ты на него показываешь. Поэтому на луну рукой показывать нехорошо...

Так учили своих детей ногайцы. Удивительная легенда. Вероятно, какой-то смысл в ней есть...

Приметы о звездах. Ногайцы в древности занимались скотоводством и ради пастбища кочевали по широким степям. Днем время определяли по солнцу, а ночью по звездам. Наши предки много сказов, пословиц и поговорок оставили о звездах. Так, о созвездии Плеяды говорили: «Пока Плеяды не исчезнут, зимы не будет, земля не замерзнет...»

Полет кометы считался плохой приметой. Говорили, что будет кровопролитие или голод. Летом, если одна из звёзд Большой Медведицы соприкасалась с землей, наступал рассвет. Были у ногайцев и свои звездочеты. Они предсказывали людям, когда и в какой месяц лучше справлять свадьбы своих детей, когда совершать важные дела.

Первый гром. Как только наступала весна и гремел гром, люди просили бога, чтобы этот гром принес дождя и обилие урожая. Дети ладонями ощупывали свои животы и говорили:

Пусть год будет дождливым,
Пусть он принесет обилие,
Пусть у нас не будет горя,
Чтобы мы были сытыми,
Дай Аллах, дай Аллах...

Если гром гремел поздней осенью, то говорили, что зима будет мягкой.

Вода. Ногайцы обожествляли воду. В мироздании есть четыре столпа: земля, вода, огонь и воздух. Боль-

шим грехом считалось загрязнять родник, ручеек. Воду ценили и просили всегда, чтобы у них была вода. Часто говорили: «Даже в Коране говорится, что Аллах все в мироздании сотворил из воды». И еще ногайцы в языческую старину говорили так: «Мать огня, Мать воды, защити нас».

Приметы, связанные с природой, людьми и животными. Плохой приметой было бить животных. Если закат был красноватым, то будет ветер. Если ночью звезды покажутся тусклыми — к дождю, лягушки выйдут из воды — будет дождь, петух будет кричать у порога — будет гость, если гусь голову спрячет под крыло, будет прохладно. Если курица будет кричать как петух, это плохо.

Если человек отправлялся в путь и возвращался с дороги, считалось, что дорога его будет несчастливой. Обувь наизнанку не клали, не переворачивали подошвой кверху — плохая примета. Человек в путь отправлялся — навстречу плохой человек встречался — плохая примета. Скулит собака — не к добру. Кошка будет спать, распластавшись на земле, — к теплу. Если человек руки будет прижимать на животе — горе. Ворона закаркает на дереве — испортится погода. Ладонь чешется — будут деньги.

Приметы были на различные природные явления. Если долго не шел дождь, то поворачивали или же сдвигали с места приметный для окружающих камень и просили бога, чтобы послал дождь. Такой камень был на окраине аула Алакай (ныне Эркин-Халк).

Закваску для айрана не просили, говорили иносказательно — «дайте немного айрана». В доме никогда не должна была переводиться закваска.

Новорожденному ребенку давали пригубить баранью лопатку, чтобы он вырос сильным.

Таких высказываний о приметах можно будет привести много. На этом свете, наверное, нет народа, который бы не верил приметам. Конечно, вера в приметы порождает суеверие. В мире очень много людей суеверных. Сами подумайте, сколько непонятного в

мире? Что мы знаем о космосе, о мироздании? То, что знаем – это капля в море.

Суеверие у человека порождает боязливость. Бояться не надо. Для этого случая есть такие поговорки.

Смелый на любую гору взберётся.

Голова смелого человека всегда сияет.

Когда написал «Ногайский дом», я пожелал, чтобы в каждом ногайском доме внимали приметам, но и не боялись. В этом есть особый смысл. У народа обе черты как в одной упряжке.

Там, где живут люди, там бывают и мертвые. В следующей главе я расскажу о том, как ногайцы хоронят своих умерших и как почитают их.

БУДЕТ БЛАГОПОЛУЧИЕ ТОМУ, КТО ЧТИТ ПАМЯТЬ УШЕДШИХ В ИНОЙ МИР

Это мудрая поговорка у ногайцев. Еще говорит народ: «Смерть — истина». Об этом так прекрасно сказал живший в X веке великий наш предок, поэт и философ Юсуп Баласагуни:

...Я умираю, не горюй и не страдай.
Если кто скажет:
«Родившийся не умрет...», — не верь.

Это значит — там, где есть родившийся, там будут и умершие. Философское изречение!

Все эти мудрые слова свидетельствуют о том, что ногайцы на смерть смотрели как на истину жизни. И пожилые люди всегда были готовы к ней, и в оставшейся жизни старались быть милосердными и больше делать добра людям.

Наши предки оставили нам нужные ритуальные похоронные обычаи и умение чтить память умерших.

Покойника провожал в последний путь весь аул. Собирались старые, молодые и женщины. Старые читали молитвы, женщины и близкие оплакивали умершего. Тело покойника сперва мыли. Этим делом в аулах занимаются специальные люди. Потом мусульманский священник (апенди) читал молитву за упокой души. После тело умершего выносили во двор дома, где собрались люди. И обращаясь к народу, апенди говорил:

— Люди! Сегодня в потусторонний мир от нас уходит такой-то, мы сегодня собрались попрощаться с ним. На этом свете он жил и трудился, воспитал детей, всегда

был милостивый. Если он где-то ошибся и кому-то сказал грубое слово, или у кого-то взял в долг что-то и не смог вернуть, то простите его, пожалуйста!

Собравшиеся аульчане в один голос говорят:

— Прощаем! Пусть земля ему пухом будет!

Это произносится три раза. Какой прекрасный обычай! Покойника без прощания не хоронят. Люди прощают мертвому все. Затем апенди ещё раз читает молитву. После этого тело покойника выносят. За телом до ворот плача идут близкие родственники.

В доме умершего три дня не утихает плач. Среди плачущих женщин бывает одна, которая оплакивает умершего причитаниями. Плачи бывают и для мужчин, и для женщин, и бывают по возрастам. Я здесь для примера приведу несколько плачей (в подстрочном переводе). Плач, когда умирает хозяин дома:

...Пусть принимает душу твою Аллах.
Пусть врата рая для тебя будут открытыми,
Дети твои оставшиеся пусть будут счастливыми,
Пусть их дела будут справедливы.
Пусть твой дом будет приветливым.
Пусть люди вспомнят тебя и сделают
молитву за душу твою.

Когда умирает сын или другой джигит дома, оплакивают так:

...Я ночью сон видела.
Тяжесть давила на меня, и оторвалась
Моя золотая пуговица от платья.
Много народу собралось в моем дворе,
Пили напитки и играла музыка.
Пошили без рукавов рубашку.
Этот сон давил меня.
Яркий день мне казался ночью.
Как верблюдица, у которой
умер верблюжонок,
Рыдая я, плачу. Темный день,
Оплакиваемый этот день...

Эти куплеты мастерски сложены, в них настоящая поэзия. Поэзия горькая, сердце сжимается, но все элементы стихосложения выполнены высокохудожественно. Эти плачи свидетельствуют, что в народе были красноречивые люди. И сейчас часто повторяются старинные плачи (их называют бозлау). Приведу еще куплеты из плача безутешной вдовы:

...Как черным терном
 покрываются мои глаза,
Слезы обильно выступают.
Ты кому оставил меня одну?
Я стала сразу сиротой,
Ты меня оставил одинокой
В этом мире.
Лучше бы ты забрал меня с собой,
Чтобы вместе мы обрели покой...

Особо хочу подчеркнуть, что в настоящее время и оплакивающих женщин единицы и таких мастеров слова тоже мало.

Некоторые представители других народов недоумевают, почему ногайцы так быстро хоронят своих умерших? Этому тоже есть своя веская причина. К умершему собирается почти весь аул. Приезжают выразить соболезнование из других аулов все, кто знал покойного. И все хотят выразить соболезнование, а женщины его выражают громким плачем. Все это очень тяжело действует на собравшихся. Наверное, из-за того, чтобы не удручать печалью пришедших на похороны, умершего утром хоронят в тот же день, а умершего после обеда на следующий день.

В недавнем прошлом коммунисты не разрешали хоронить по традиционным народным и религиозным обычаям. Не одобряли тех, кто читал молитвы. Препятствовали всячески. Если из госслужащих кто умер, то главная роль в похоронах отводилась коммунистам. Хотя у них самих не было взамен народного никакого другого ритуала.

Ногайцы чтят память умерших и делают поминки — семь, сорок, пятьдесят два дня и годовщину. Опять-таки и на поминки собираются много людей. Читаются молитвы, вспоминают покойника. До сорока дней в каждый четверг апенди и мулла читают Коран, кормят малоимущих и бедных. Делают милостыню — пай умершего — бедным. В сорок дней устанавливают надгробный памятник. До поминок сорока дней мужчины не брились, женщины до года держали траур — носили темную одежду.

Ногаец старался с этого света уходить без греха. Это считалось целью его жизни. Но, увы, последние годы, когда власти пропагандировали безбожие, люди, особенно молодые, о безгрешной жизни не думали. И даже никто не вспоминал мудрые слова предков: «Не будет благополучия тому, кто не чтит память ушедших в иной мир».

В следующей главе я ознакомлю вас с мерами веса, времени и расстояния.

МЕРЫ ВРЕМЕНИ, ДЛИНЫ И ВЕСА

Меры времени. В старину ногайцы время определяли по солнцу, звездам и луне. Ночь и день делили на шесть равных отрезков.

Шесть отрезков дня: заря, утро, куслык (время до обеда), полдень, после полудня, экинли (когда солнце клонится к закату).

Шесть отрезков ночи: аксам (время после заката), ясы (ближе к полуночи), полночь, первые петухи, вторые и третьи.

Каждый отрезок примерно занимает два часа. И так, день и ночь составляют 24 часа, т. е. сутки. Как видите, ногайцы умело делили день и ночь на двенадцать отрезков, а каждому отрезку дали название.

Как только заря занялась, старший дома вставал и будил остальных и при этом приговаривал: «Время сна закончилось, время труда пришло». Аул просыпался и слышны были первые звуки — время пробуждения. И каждый дом приступал к труду. Женщины готовили завтрак, мужчины ухаживали за скотом, летом скот гнали на пастбище, а зимой кормили у дома. Все эти дела заканчивали к завтраку. После завтрака доделывали работу. В обед, слегка поев, чуть отдохали. Обеденный перерыв проходил точно вовремя. Время летом определяли по тени своей, а зимой по привычке. Во время экинли (до заката) человек уже завершал дела и готовился к покою. В это время человек никогда не искал себе занятия и в путь не собирался. У нас есть такая пословица: «В экинли аул не надо оставлять».

В аксам люди ужинали. А затем возле очага сидели и рассказывали о дневных делах и готовились к завтрашнему дню.

Другие народы удивляются, что ногайцы вечером обильно кушают мясо едят, шурпу (бульон) пьют. Но это-

му есть веские причины: ногайцы издревле занимались скотоводством, и обычно мужчины со скотом с раннего утра уходили на пастбища и до позднего вечера со скотом находились в степи. И только вечером вся семья собиралась вместе и садилась ужинать. Вот такая традиция у народа — обильно кушать по вечерам. Такая традиция есть и у некоторых европейских народов.

Ночью время ногайцы узнавали по крикам петухов. И когда выходить в дорогу, как и за какое время осилит путь, тоже прекрасно узнавали. Так, если идти на близкое расстояние, говорили: «Пока чай заварится, можно пройти». А большое расстояние определяли: «До обеда путь», «до вечера путь», однодневный, двухдневный путь и т. п.

Ночью человек в степи узнавал время по звездам. Созвездие Плеяды, Большая медведица, Полярная звезда, Млечный путь, Утренняя звезда и т. п. помогали путнику узнавать направление и время. Например, когда одна из звезд Большой медведицы в летнюю ночь коснется земли, то говорили, что ночь кончается, ночные пастухи пользовались этим. По этому поводу есть и такая пословица: «Пока последняя звезда Большой медведицы земли не коснется, ночному пастуху зари не ждать».

Шолпан (Утренняя звезда) у ногайцев считалась самой красивой звездой. Её имя давали своим дочерям. Много у нас девушек, которые носят имя Шолпан.

«Пока Шолпан не появится, луна не спрячется». По утренней звезде в старину путники выходили в путь. По прохладной заре хотели осилить дорогу. Но иногда караванчики в степи ночью путали появление утренней звезды с появлением Юпитера. Вот об этом есть такая легенда:

«Юпитер ногайцы называют «Керван кырган или Эшек кырган», т. е. «Звезда, уничтожившая караван», или «Звезда, уничтожившая ишаков». Однажды ночью большой караван в песчаной пустыне, увидев появление Юпитера, посчитал его за появление утренней звезды и спешно отправился в путь. Караван шел долго, но заря так и не наступала. Караван очень устал. Ишаки начали

один за другим падать. Но заря не наступала. Потом люди поняли, что это была не утренняя заря, а другая звезда, и назвали её «Убийцей ишаков»! Звезда на небосводе светила как Шолпан, но до рассвета было далеко.

Ногайцы в древности кочевали со скотом по широкой степи. Прекрасно знали секреты звезд, луны и солнца. Днём небо грело ногойца как очаг, а ночью освещало ему дорогу. Но секреты Вселенной бесконечны, и их знать до конца человеку просто не дано.

Однако среди степняков всегда были люди, дотошно разбиравшиеся в астрономии. А какой был великий астроном Улугбек, сын Тимура! А сколько безызвестных звездочетов, предсказывавших важные события!

Как называли дни, месяцы и годы. В старину ногойцы на трех языках считали их: на древнетюркском, арабском и фарси. Это говорило о том, что наши предки близко соприкасались с этими древними цивилизациями. И сейчас ногойцы дни называют на персидском языке. Вот они: дуйсемби (понедельник), сали (вторник), сарсемби (среда), бийсемби (четверг), Только вот пятницу называем на арабском языке — юма — т. е., день молитвы Джума, а субботу называем второй день после Джумы.

Некоторые месяцы называются на персидском и ногойском языках. Например, первый месяц в году мы называем навруз, т. е. новый день, новый год. Раньше ногойцы, как и иранцы, новый год начинали с 21 марта — навруз. Приведу название месяцев года:

Навруз (март),
Коекек (апрель),
Мамыр (май),
Тамыз или яй (июнь),
Шилле (июль),
Сарытамыз (август),
Кырк кийик или орак айы (сентябрь),
Казан или кели айы (октябрь),
Конгыр куыз или же последний месяц осени (ноябрь),
Кара кыс (декабрь),
Каты кыс (январь),
Увыт (февраль).

Арабские названия месяцев (их тоже 12): мухаррам, сафар, рабия аль-ав-вал, рабия ассани, джумади — альуля, джумади ас-сания, ражап, шаабан, рамадан, шавваль, зуль-каада, зу-ль хиджа. Рамадан — месяц уразы — поста, Зуль-хиджа — Курман ай (праздник курман-байрам),

Древне-тюркское летоисчисление. В старину ногайцы, как многие народы востока, годы считали по своему календарю, т. е. двенадцатив животному календарю. Когда двенадцать лет проходит, считается один мушел, т. е. цикл. Цикл начинается с года мыши. Почему древние самому маленькому живому дали начало года?

Об этом у нас ходит такая легенда.

Еще в древности животные слышали, что животном цикле будут давать начало цикла тому, кто раньше всех увидит восходящее солнце. Тогда верблюд горделиво говорит так: «Если не я, то кто же увидит первым восходящее солнце, когда у меня такой рост, такая длинная шея». Услышав такой разговор, мышь сразу соображает и понимает, ей не достанется такое вознаграждение. Она, решает раньше всех встать. И как только начинает рассветать, мышь, не спавшая всю ночь, быстро залезает на верблюда, а потом лезет на уши его и первой видит солнце. Вот почему восточный календарь начинается именем маленькой, но хитрой мыши. Но её враг, верблюд, как говорят в народе, злится: «Я её затопчу. Почему ей такой почет, а? Какая несправедливость!», — и валяется на земле.

Это легенда, но в ней есть большая мудрость. Почему, скажете? Почему, да потому, что высокомерие и чрезмерная гордость убивает человека. Человеку надо знать свою меру, свое место в жизни. И что с ним может случиться так, как с верблюдом! Наверное, тогда и родилась поговорка: «Ростом с верблюда, а ума даже на пуговку не имеется».

После принятия мусульманской религии ногайцы начали вести летоисчисление по мусульманскому календарю, т. е. с 622 года. Года, когда пророк Мухаммед со своими приближенными переселился от гонений язычников из Мекки в Медину. Вот это возвращение пророка на арабском языке называется «Хижра». С этого времени и начинается летоисчисление мусульман.

Двенадцать лет — один цикл. По этому календарю в старину ногайцы считали свои годы. Если человек родился в год барана, то считали год барана нового цикла через 12 лет, так продолжали считать свои годы. Не ошибались. Привыкли.

Я здесь приведу пример, как по этому летоисчислению идут наши современные годы:

Год мыши:	1924	1936	1948	1960	1972	1984	1996
Год коровы:	1925	1937	1949	1961	1973	1985	1997
Год барса:	1926	1938	1950	1962	1974	1986	1998
Год зайца:	1927	1939	1951	1963	1975	1987	1999
Год тигра:	1928	1940	1952	1964	1976	1988	2000
Год змеи:	1929	1941	1953	1965	1977	1989	2001
Год лошади:	1930	1942	1954	1966	1978	1990	2002
Год барана:	1931	1943	1955	1967	1979	1991	2003
Год обезьяны:	1932	1944	1956	1968	1980	1992	2004
Год курицы:	1933	1945	1957	1969	1981	1993	2005
Год собаки:	1934	1946	1958	1970	1982	1994	2006
Год кабана:	1935	1947	1959	1971	1983	1995	2007

Ногаец испытал каждый год, каждое название дня, ночи, месяца и по ним делал свои жизненные приметы. Например, годы зайца, барана считались благоприятными годами. Год курицы и обезьяны считались тяжелыми, голодными. Есть в народе такая пословица: «Год обезьяны, вертись как обезьяна».

Еще ногаец знал, в какой день, в какое время начинать важное дело, в какое время выходить в дальнюю дорогу. Также он испытал времена года сообразно с создающейся погодой. Здесь я хочу привести любопытные приметы зимы, которые нам оставили наши деды, как завещание.

Бердази. Известно, что февраль — один из самых холодных месяцев в году. Есть у ногайцев притча, наглядно характеризующая эту студеную пору. «Февраль говорит январю: «На твоём месте я заставил бы рога быка треснуть». А смысл в этих словах такой: февраль все-таки не январь, в котором дни короткие, а ночи длинные. Январь — это сердцевина зимы, а февраль — её конец,

ожидание весны. В феврале дни уж не такие короткие. И все-таки февраль в наших местах считается самым холодным месяцем в году.

Понятен смысл поговорки: февральские ветреные ночи так морозны, что даже крепкие рога быка не выдержат и могут треснуть пополам.

Наши предки с незапамятных времен испытывали коварство этого месяца на себе и поэтому хорошо изучили опасные секреты февральских дней и говорили: «Увыт – сувыт» (срифмовали: февраль – неимоверный холод).

Поразительное время – бердази. Это исконно ногайское слово, означающее совсем короткий промежуток времени, приходящийся на конец февраля и начало марта. Едва это слово прозвучит, как ногаец невольно начинает ежиться от дискомфорта. И не случайно родилась у нас вот эта пословица: «В любое время можешь быть где угодно, но в бердази лучше находиться дома». Умудренные опытом старцы знали капризы этой поры. За долгие годы они хорошо изучили повадки бердази. И недаром в наших краях бердази сравнивают с взбалмошной, капризной, своенравной девчонкой, характер которой меняется сорок раз на дню. Поэтому и говорят почтенные старики: «В бердази не верь утренней ясности погоды».

Правильные слова. Кто в здешних местах не испытал на себе проявления бердази?! Года без бердази не бывает. Бердази проявляет себя неожиданно, когда люди наивно радуются, что вот, дескать, и зиме конец и пора весне вступить в свои права. Люди успокаиваются, потому что несколько дней подряд по-весеннему ласково светит солнышко, появляются первые проталины. Именно тогда на востоке начинает набирать силу ветер, превращающийся в метель. Холодный, изнуряющий человека и скотину ветер дует непрерывно несколько дней, порой больше недели. Тягостно в такое время. Порывистый ветер поднимает на небо снежную пыль, а если нет снега, то и верхний слой почвы. Земля и небо смешиваются. Если случится снегопад, то начинается такой буран, какого и в январе не бывает.

В такие дни из дома нос боишься высунуть. Старцы рассказывают множество историй о путниках, которых застал бердази в дороге, в открытой степи. Так и оставались они вечными путниками — замерзали. А сколько людей в давние времена лишались крыши над головой из-за бердази? Особенно страдали бедняки, ветхие сакли которых были крыты камышом и соломой. Холодный ветер со свистом уносил непрочные крыши.

Много бед приносит бердази — эта последняя и беспощадная схватка уходящей зимы с наступающей весной. Но как бы ни свирепствовала зима, она выкладывает в этой схватке последние силы, а молодая мощь весны в конце концов побеждает. Таков закон природы.

Алтыарык. Бердази — последнее буйство зимы. Он приносит много хлопот людям: истощается скот, особенно у тех хозяев, которые недостаточно запаслись кормом для него на зиму. Дрова на исходе, в домах становится холоднее. Могут настать и солнечные дни, но неожиданно зима напоминает о себе. Отрезок времени после бердази у ногайцев тоже имеет свое название — Алтыарык, что означает «шесть тощих дней» (эти же слова переводятся и как «шесть стогов сена». — *И. К.*).

После бердази старики часто предупреждают: «Не думайте, что зима кончилась — впереди еще алтыарык. Так что бережливей относитесь к запасам корма».

Еще летом, в пору сенокоса, рачительные люди для каждой скотины по шесть копнушек готовили. И потому поводу есть пословица: «Для алтыарыка что твои десять копен сена».

Каждый хозяин в летнюю пору хорошо понимал, что впереди его ждет капризная и суровая зима, к которой нужно основательно подготовиться. К этому его никто не призывал — ни партком, ни профсоюз, ни председатель, ни агроном, ни зоотехник. Хозяин сам знал, когда и сколько косить, какой скотине сколько корма готовить. И всегда старался, чтобы к апрелю у него оставалось пять-шесть копен на случай капризов весны.

Горе тому было, кто летом не вспомнил об алтыарыке и не готовился к встрече с ним. Ногайцы сложили притчу

об одном богаче, у которого было много скота. Что ему твои шесть копен? Его могли спасти только стога сена.

...Давным-давно в некотором ауле жил некоторый богач. Имел он бесчисленные стада овец и табуны лошадей. В этом же ауле жил один молодой бедняк со своей старой матерью. И любил тот бедняк дочь богача. Но, обладая умом, знал, что без солидного калыма не отдаст ему богач дочь. Каждое лето бедняк усердно запасался сеном. Аульчане считали его чудачком и откровенно посмеивались: «Зачем ему столько сена, коль у него и овец можно по пальцам пересчитать?!»

Но бедняк в ответ лишь загадочно усмехался и продолжал заготовку сена. Несколько лет ждал он своего часа. И он наступил. Суровой выдалась зима в ту пору, богач перенес все невзгоды зимы и сохранил свои бесчисленные стада и табуны. «Вот уж и март наступил, – умифотворенно рассуждал он. – Пастбища сбросили с себя зимнее белое покрывало, не сегодня, так завтра взойдет молодая трава». Только рано радовался богач. Забыл он об алтыарыке. Внезапно сорвался откуда-то холодный ветер. С каждым часом он набирал силу. К вечеру погода вовсе испортилась, пошел снег и всю ночь бушевал буран. Ветер все дул и дул, снег все шел и шел. Небо и земля смешались. Многочисленные стада и табуны богача стали таять на глазах. Чтобы совсем не разориться, надо было что-то предпринять. Ясное дело, в такое время память работает четко. И вспомнил богач, что у бедного чудачка есть стога сена. Но теперь тот человек не показался богачу чудачком. И послал богач своих людей, чтобы они уговорили бедняка продать сено.

«Нет, – сказал бедняк. – Сено я не продаю. Я собирал его не для этого. Мои стога сена – это калым, без которого богач не отдаст за меня свою дочь».

Условие бедняка привело богача в ярость. Но волчий вой ветра напоминал о его безвыходном положении. Постепенно гнев уступил благоразумию. К тому же почтенные старцы не советовали богачу упорствовать. Словом, скоропалительно богач согласился выдать дочь за бедняка. И как только это случилось, на другой день прекратился буран, выглянуло солнце, растаял снег, пробились зеленые ростки молодой травы. И стал богач кусать локти, сожалея, что поторопился. А народ долго не мог забыть, как за сено богач продал дочь.

Так ли это было на самом деле, никто теперь не знает. Но в пору алтыарыка всякое случается!

Как неожиданно объявляются бердази и алтыарык, так же неожиданно они и исчезают. Небо синее и торжествует весна, радующая все живое на свете.

Ногайцы издревле занимались скотоводством. Им были известны повадки каждого животного, они прекрасно знали, как содержать скотину в любое время года. Но от причуд природы никто не застрахован.

Меры веса. Ногайцы обычно просо, пшеницу, кукурузу мерили специальной меркой. Затем имелись безмены, т. е. ручные весы. Таких безменов сейчас и не увидишь совсем. На них сперва на месте гири использовались специальные камни, а затем появились железные гири. Имелись такие названия: пуд, полпуда, куренке (около килограмма).

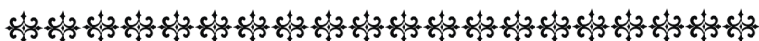
Меры длины. Первые меры длины в старину у ногайцев были руки и ноги. Рукой мерили все. Первая мера длины была и сейчас тоже употребляется — это эли, т. е. ширина одного пальца. Затем *юмырык*, т. е. кулак, после него — вершок. После вершка карыс — растянутые между большим пальцем и мизинцем расстояние. Затем локоть, после локтя *кулаш* — расстояние между растянутыми обеими руками.

Шаг человека считался мерой длины расстояния. Один шаг, десять шагов. Аршин соответствует русской мере длины. После шагов был *шакырым*, длина расстояния услышанного крика другого человека, это примерно около 1000 шагов. Некоторые из этих мер и сейчас употребляются в народе.

Целую вещь, например, кирпичный чай, или другие вещи делили на части: пополам, на четвертушки и на семь частей — восьмушки.

Вот такие вкратце меры времени, длины, веса у ногайцев были в старину.

С обычаями, традициями у каждого народа бывают свое поведение и свой характер. Но он во многом может отличаться от других народов. И об этом тоже немного поведаю.

ПОВЕДЕНИЕ И ХАРАКТЕР НОГАЙЦЕВ

*Не смотри на внешность,
смотри на поведение.*

МАХМУД КАШКАРИ

Все же у любого народа есть свои, тысячелетиями выработанные, только ему свойственные характер и повадки. Есть они и у ногайцев. Вот именно о них я и поведаю. Вы были в доме ногайца? Говоря о лучших сторонах его характера, я коснусь и его отрицательных черт. Ибо в моем народе есть такая поговорка:

«Кто скрывает свои недостатки, тот на один вершок ниже других». Есть люди, которые боятся предстать в невыгодном для себя виде, скрывающие свои слабости. У них проявляется двойственность. Они становятся лицемерами.

Здесь ещё и другая сторона вопроса — подрастающее поколение должно знать недостатки своих предков и по возможности не повторять их.

Некоторые характерные черты человека появляются уже с самого рождения, с кровью отца и молоком матери. Осмотрев ногайский дом, вы, прежде всего узнали гостеприимство ногайца и его высокое уважение к кунаку, гостю. Ногаец всегда скажет: «Кунак старше отца», и примет его, как самого уважаемого человека. Об этом ногайские певцы слагали песни. У меня тоже есть стихи о куначестве.

Дом ногайца ни мал, ни велик,
Он, как степь, необъятен, просторен.
В нем найдут и дитя, и старик
Россыпь жизненной мудрости зерен.
В доме том, дорогой мой кунак,

Ждут тебя и добро, и удача,
Уваженья, сердечности знак —
Наши песни со смехом и плачем.
Мой кунак, заходи в этот дом,
Ты увидишь из узеньких окон
Дивный мир, убедишься ты в том,
Как ногайское сердце, широк он!

Перевел Б. Сиротин.

«Намыс» — честь и совесть ногайцы ставят во главу угла. Первым долгом ногаец учит своих детей правилам чести. Почему я опять говорю именно о чести? Ногаец до конца жизни думает о незапятнанном имени. Потеря чести связана с истинной смертью. «Жизнь можно прожить, но надо думать, как достойно ты умрёшь» — часто у нас говорят наши аксакалы.

Героизм, отвага. Ногайцы своих мальчиков с самого рождения воспитывают джигитами. Особенно эти черты характера ценились в старину, когда ногайцы имели свое государство — Ногайскую Орду. «Большинство ногайцев были профессиональными воинами, со своими понятиями совести и чести, достоинства, верности служебному долгу. Они были воспитаны на примере своих отцов, тоже рыцарей духа...» — так пишет о своих предках историк, много лет посвятивший поиску корней своего народа. Главным свидетельством в этом плане у нас является наш героический эпос.

Воистину, такое мужество своих предков повторяли герои Великой Отечественной войны — известные всему миру ногайбаки. По некоторым данным, народ ногайского происхождения, по крайней мере, народ сохранивший название нашего народа в своем этнониме. Легендарный герой — защитник Брестской крепости Петр Михайлович Гаврилов, уроженец д. Альведино Лаишевского уезда, Никита Токарлиев, один из первых бойцов, закрывших грудью вражеский дзот, Алексей Ефимович Яковлев, командир 80-ой гвардейской стрелковой дивизии, и еще многие-многие, героически сражавшиеся в боях с фашизмом. Ногайбаки — христианской веры,

поэтому и имена у них христианские. Их предками были ногайбеки (*М. Глухов-Ногайбек*), то есть воины-гвардейцы знаменитой ногайской царицы Сююмбийке. Писатель — историк Глухов-Ногайбек так и назвал свою книгу «Судьба гвардейцев Сююмбийке».

Как безмерно богат наш эпос героическими песнями! И сейчас в народе с большим уважением и трепетом поются великие дестаны «Эдиге», «Шора-батыр», «Копланлы-батыр» и многие другие. На этих песнях воспитывались наши джигиты. Я мог бы привести в пример много имен джигитов, совершивших невероятные подвиги в годы Отечественной войны 1812 года и в годы Великой Отечественной войны. В 1943 году своей грудью закрыл амбразуру вражеского дзота ногаец из Кубани Калмурза Кумуков, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, другой воин из Ногайской степи, Алимхан Асанов, стал полным кавалером Ордена Славы, что равно званию Героя Советского Союза.

Справедливость. Это первая заповедь ногайца. Ногаец не умеет хитрить и обманывать другого человека. Но если какой-то паршивый и сумеет сделать такое, то тут же будет подвержен всеобщему презрению народа.

Простодушие. Можно назвать это открытостью. Но тут есть немного и другое. «У него никто не спрашивает, а он рассказывает обо всех своих делах», — порой этой чертой наши соотечественники раздражают людей.

Торговля. Деды наши так говорили: «Кто продает и обманывает, у того и веры нет, а у того, кто покупает — выхода нет». Эта пословица подтверждение тому, что ногайский народ никогда не занимался наживой за счет других. Но и без торговли не обойдешься.

Щедрость. Этой чертой часто пользуются нечестивые люди. Эту черту характера все же хотелось бы подчеркнуть. Последний кусок ногаец разделит с другим. Проходящего мимо его дома обязательно пригласит в гости. И скажет: «Отведай, пожалуйста, хлеб-соль». Двери ногайского дома для кунаков открыты всегда.

Один ногаец ехал по дороге, на пути ему встретился усталый путник. Всадник, увидев состояние путника, слез с седла и предложил своего коня. Это хороший пример,

но не совсем обдуманый. Незнакомый путник мог и исчезнуть вместе с конём.

Труд у ногайцев считался святым делом. Бездельников и лентяев презирали. В обществе к таким не было никакого уважения. И зимой, и летом ногаец трудился, это была его обыденность по жизни. Летом выращивал хлеб, пас скот, пахал, сеял, убирал, косил сено. А зимой кормил скот, выдeldывал кожи, ремонтировал свои повозки, плуги. То есть готовился к лету. Мужчине произнести слово: «устал» было стыдно.

Ногаец не склонен был к торговле. Он даже не умел продавать свой скот, излишнее зерно. В торговле его легко было обмануть. К ногайцам часто в роли посредников обращались некоторые ловкачи и наживались. Сейчас, конечно, другие времена – научились торговать и ногайцы. По пословице, изменились времена – изменились дети...

В средние века ногайцев знали как прекрасных коневодов. Их кони ценились во всех соседних государствах. Каких знаменитых скакунов они выращивали! Ногаец с пяти лет садился на лошадь и знал все её повадки.

Ногайское топленое масло, зерно крупными партиями вывозилось с причерноморских базаров.

Наши люди прекрасно выдeldывали кожу. Из них делали сафьян, подошвы, сапоги, кожаные штаны, куртки.

Из кожи делали разные предметы для обихода – сбруи для лошадей, мешки из козьей шкуры, музыкальные инструменты. Женщины из шерсти вязали платки, ткали сукно для одежды, шили шубы. В основном эти шубы были из курпея, каракуля ягненка.

Даже кости животных так просто не выбрасывались. Из них вырезали кукол для детей, скульптурки животных, а из рогов – посуду для питья. В аулах у ногайцев были свои кузнецы, они делали орудия труда, оружие, утварь. Зимой и летом человек трудился и в поле и в доме.

Доброта считалась одной из главных черт человека. Эта черта охраняла его от греха, от злых духов, очищала его душу. Злого человека называли грешником, его не принимали в общество.

Мои сородичи умели каяться, просить прощения, если в чем-то были виноваты. Зло не держали за пазухой. Даже кровнику прощали, если он приходил с повинной головой. Если кто-то кому-нибудь вредил, стал врагом, но из-за гордости не просил прощения, он всё равно приходил к очагу дома обиженного и, низко склонив голову, держал очажную цепь. Без слов объяснял, что просит прощения. Конечно же, его прощали...

Ногайцы в старину были религиозными. Без молитвы не ложились спать, и с молитвой, благодаря Аллаха, вставали, радуясь, что снова видят солнце. До мусульманской религии они преклонялись Богу земли и неба Тангири. И до наших дней ногайцы с благоговением произносят это имя (называя так уже Аллаха).

Ногайцы уважают красноречие. Даже женщины, характеризуя красоту мужчины, говорили: «У него даже в речи огонь чувствуется». Ногайский язык — один из богатейших тюркских языков. Богатый у нас эпос. У народов, превышающих нас в десятки раз, нет столько песен. Раньше, до появления радио и телевидения, люди собирались вокруг ногайского сказителя и часами слушали его рассказы, песни. Певцы играли на домбре и пели дестаны, которые продолжались по 4-5 часов, а некоторые по несколько дней.

Ногаец уважал свое слово, старался не болтать попусту. «Пусть лучше я сам умру, чем умрет мое слово», — говорил ногаец. Часто ногаец украшал свою речь пословицами и поговорками.

Итак, я вкратце рассказал о хороших чертах характера ногайца. Теперь коснусь некоторых черт, которые не красят мой народ. Приведу одну пословицу, которая бытует в нашем народе: «Змея, которая меня не кусает, пусть живет тысячу лет». Это аналог русской пословицы: «Моя хата с краю, я ничего не знаю».

Безусловно, такие пословицы отрицательно влияют на мой народ, призывают к безразличию, равнодушию к страданиям других. Человек видит воров, становится свидетелем преступления и делает вид, что это его не касается. К сожалению, эта черта в моём народе начинает

развиваться. Такое отношение приводит к безнаказанности. Если человек видит преступление и старается сделать вид, что ничего не видит, это уже равнозначно преступлению.

Зависть — вот еще одна неприглядная черта ногойца. Завидуют удаче других: соседей, коллег, даже друзей. Конечно, эта черта есть и у других народов. Она выражена у кого-то больше, у кого-то меньше. Но как бы мне хотелось, чтобы в моем народе зависти не было совсем...

Ногаец не особо чтит своё прошлое, не умеет гордиться своей историей, как другие народы. Ногаец простодушен, легко всем верит...

Что же, моё повествование подошло к концу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы провели ногойский дом, познакомились с его обитателями, увидели обстановку и отведали хлеба-соли. На здоровье!

Я рассказал вам о прошлом ногойского дома. Человек должен знать своё прошлое, только тогда он сумеет устроить свое будущее, сравнит то и другое и оценит то, что имеет сейчас.

Конечно, я не могу утверждать, что сумел показать все стороны ногойского дома и жизнь его обитателей. Да и невозможно это... Ибо жизнь ногойского дома — это тысячелетняя история.

Но я старался правдиво показать свой народ — а это задача не из легких. Удалось ли мне это — не мне судить. Я буду безмерно рад, если вы хоть немного узнали о прошлом моих соотечественников. А настоящая жизнь ногойцев такая же, как у соседних народов: жилища, одежда, пища, утварь и быт.

В конце своего повествования еще раз хочу сказать огромное спасибо за то, что посетили наш ногойский дом, отведали его хлеба-соли, его берекета.

Берекет берсин! Добра и изобилия вам!

ЯЗУВШЫДЫНЪ БАЙЫР СОБЗИ АКЫНДА

Белгили критиклердинъ,
язувшылардынъ ойларыннан

«Ийги язувшылык исин, оьмир яшавын литература аьр-кети мен байланыстырган ногай язувшы Суюн Имамалиевич Капаев халк язувшысы деген сыйлы эм яваплы атты намыслы аклап юргистеди. Ол савлай миллет литературасынынъ оьсуйвине оьз уьлисин косып барады».

Фазиль АБДУЛЖАЛИЛОВ

«Баалы иним Суюн! Фазиль экевинъиздинъ Москвага язувшылардынъ съездине барганынъызды эситип, ногай атын йойдырмай ататканынъызга, тоьбем коькке еткендей болып, алал юрегим мен кувандым. Сизинъ сондай абырайынъыз, сыйынъыз тагы да куьшли коьтерилсин. Сизинъ суйтип абырайлы болувынъыз бизге, ногай халкына, оьктемлик... Коьнъилимдегин ишиме сыйдыралмай, хатты язып турыман...»

Муса КУРМАНАЛИЕВ

«Баалы эм сыйлы Суюн!

Тандыр уьшин сизге уьйкен савбол айтаман. Китаптынъ атын кишкей аьрип пен, кавычкаларга да алмай, неге язганымды мен оьзим де айтаялмайман. Маьнеси, эште, онынъ шынты «тандырлыгында» болар. Сиз бек тувра бергенсиз китапка мундай атты. Неге десе кавказшыга оьз тандырынынъ сыйыннан уьйкен бир зат та болмаьк. Тандырга китаптынъ туьз ниетлик эм тувган Элге алал болмаклык тематикасы да аьлемет аьруьв келисип келеди.

Сизинъ китабынъызды асыкпай, аьруьв эс берип окымага меним заманым болды эм ол меним коьнъилимди кувантты. Ногай прозасынынъ янъгы-янъгы аьк басып баслаган куьнлериндеги

тувра-туврандан дангк-дуьнгк этип, атып-согып язылган язудан сиз бек узак кеткенсиз. Мунавы шынты суьвретлев. Сиз бек яхшы суьвретлеп билесингиз аьдемлердинг кылыкларын, яшав аьлерин, табиаттынг ярасыклыгын... Кайдай аьлемет суьвретленген китабынгыздынг бас келбетлери. Айтпага, ювсаннынг суьвретинг келбаклавынгыз айлак та бек куьшли...»

Наталья КАПИЕВА

«Тандыр... Ногайлар тандырды аьр уьйдинг тамыры деп санаидылар. Тандыр болмаса — яшав да юк. Эгер тандыр соьвсе, уьйинг соьвнди, дейдилер. Ногайда «тандырынг соьвсин» деген каргыстан уьйкен каргыс болмас.

Бу сыдыраларды С. Капаевтинг баьри яратувшылыгына эпиграф этип салмага болады. Суьюн Имамалиевич Капаевтинг аьр бир поэзия, проза китабында тандырдынг оты янады. Ол от — яшавдынг оьмир оты, аьр бир уьйдинг йьлувы. Ол зат — аьр бир аксакалдынг юрегинде.

Ол от — Акшоқырак авылында яшайтаган аьлемет аьруьв аьдемлеринде, «олардынг намыслары таза, Акшоқырак йьлгадынг сувындай, эткен ислери Карлытагдай уьйкен», Рабиат куллык этетаган Уьйкен-Тоьбе авылында карт Аружан ногайдынг эски толгавларын толгайды. Ол от — ювсан шоьлинде, Йолмамбеттинг оьскен еринде...»

Александр КОРОТИН

«Карашай-Шеркеш Республикасынынг Халк язувшысы Суьюн Капаевтинг яратувшылыгы — яшав ман, заман ман сыналып, тек ногай адабиятында тувыл, кыралымыздынг коьп миллетли литературасында танылган. Онынг ятлавлары эм хабарлары, повестьлери эм романлары орыс тилине эм баска миллет тиллерге коьширилгенлер. Онынг шыгармалары Черкесскте эм Ставропольде, Москвада эм Ростовга, Нюкисте эм Элистада, Нальчикте эм Сухумиде, Алма-Атада эм Херсонда дунья коьргенлер. Коьп миллетли литературага эткен косымынынг маьнелигин де бу зат белгилейди: оьзининг шыгармаларында ол энг авыр идея-эстетикалык маьселеди — туьрли тарихлик шакта оьзин, оьзининг маьнелигин ангьлавга халктынг ымтылып турганын коьрсетуьвди янгы оьлшемде шешеди.

Шайдат КУРМАНГУЛОВА

«Наъсипке, сонъгы йылларда бизде миллетлер литературасынынъ прозасы аьруьв оьлшемде язылып келеятыр. Соннынъ ушин де оны совет литературасында эм тыс кыралларда яхшы белгили болган, ийги язылган шыгармалар ман бир сыдырага салмага болаяк... Мен булайда молдован Ион Друцединъ, кыргыз Чингиз Айтматовтынъ, чукча Юрий Рытхэудынъ эм авар Расул Гамзатовтынъ яратувшылыклары акында айтаман.

Меним билувьвимше, «Тандырдынъ» авторы – ногай язувшысы Суюн Капаев те сол йогары оьлшемде язады эм соннынъ ушин де онынъ китабынынъ ямагатшылык эм сувьретлев маьнеси де сондай уйкен...»

Ирина ПИРОГОВА

Атам яман аьдемлерди сувьмейтаган эди. Яманлыгын билсе, кардаш ювыклыгына да карамас эди.

– Тоьх-тоьх, бу аьдемди Кудаидынъ оьзи кайтип яраткан экен? Ога уйкаскан баска кардашларда кылык та коьрмеймен. «Бир тентек сексен акыллыды яманлыкка уйьретпеге болады» деп, мунавдай наъсипсиз акында айтылган болар. Уйьирине карсы шыккан айгыр табылса, тукумга яла ягувы, бузгынлыгы тиеди, – деген ой-токтасын айтпага безбейтаган эди. – Не этерсинъ, ата-бабаларды ойландырган яманлык пан? «Куьн яманы кетер, аьдем яманы кетпес», – дегенлер олар.

Копь коьрсем де,
Ковьрегеним айлак копь,
Копь билсем де,
Билмегеним айлак копь, –

деп, оьзи оьзи мен кенъескендей болатан эди ол, кайдай ды бир кужырлы яде эпке, акылга сыймайтаган зат эситсе. Яшав бирев – аьдемлер туьрли, кылыклары десенъ – коьтере де ахыр-туьрли.

Атамнынъ айтувына коьре, конак сувьмеген уйьитикбас авылдасы болыпты: ол эртениктен кешке дейим кырдан аслык тасып куьнин кеширсе де, сыклыктан уйьдегилерине шайдынъ оьзин кызганып астырган. Собьтип, непсисин тойдыралмай яшаган авылдасын анълаган атам, куьлыгы ман оларда болып, шыгып кетейтырганда, булай деген:

– Ай, медет! Бос айтылмайды экен:

Бирерлер оледилер ютлыктан,
Бирерлер оледилер кытлыктан! – деп.

Уйкен мен уйкен болып, кишкей мен кишкей болып, атамның айкасувды суйген аьдем болганын, оны таныганлардың баьриси де аьруьв биледилер.

Бир кере бир ювык яс аьдем ога булай ойын айтады экен:

– Мине мен сол мактавлы Айтматовтынъ сонъгы шыгармасын оқып шыктым. Анъламадым не зат акында экенин! Уйтип неге язады экен?

– Э-эй, кардаш, сенинъше, Айтматов сенинъ акыл оьлшеминъе туьспеге керек экен. Сен, анълайсынъма, сен онынъ акыл оьлшемине коьтерилмеге керексинъ. Сендейлерге каратылып язылса, литература деген зат та болмас эди. Басынъ бираз терлесин, оқы, анъларсынъ... – деген атам, я куьлеегин, я кайгыраягын билмей.

Иса КАПАЕВ

ИШТЕЛИГИ

Автордан	5
--------------------	---

Повестьлер

КЫРЛУВ	8
------------------	---

Биринши кесеги	8
Экинши кесеги	107

НОГАЙСКИЙ ДОМ. <i>Перевод И. Капаева, Ф. Зармаибетовой</i>	204
<i>От автора</i>	205

Ногайское жилище	208
----------------------------	-----

1. Юрта	208
2. Турлучный дом	210
3. Ногайское подворье	212
4. Мир вашему дому	216
5. Очаг ногайского дома	218
6. Убранство ногайского дома	224

Ногайская семья	240
---------------------------	-----

Ногайская одежда	261
----------------------------	-----

Блюда ногайской кухни	269
---------------------------------	-----

В труде — изобилие	285
------------------------------	-----

Ногайские свадебные, праздничные и торжественные обряды	299
--	-----

1. Свадьбы	299
2. Сабантой	317
3. Игры и соревнования	320
4. Праздники верований	325

Ногайские народные музыкальные инструменты	333
--	-----

Ногайские национальные знахарства	339
---	-----

1. Знахарское дело	339
2. Ворожей	345
3. Народные приметы	346

Будет благополучие тому, кто чтит память ушедших в иной мир	351
--	-----

Меры времени, длины и веса	355
--------------------------------------	-----

Поведение и характер ногайцев	364
---	-----

<i>Послесловие</i>	369
------------------------------	-----

Язувшыдынъ байыр созы акында	370
--	-----

Суюн Имамалиевич Капаев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 3-х томах

3

ТОМ

Повести

На ногайском и русском языках

Составитель Иса Суюнович Капаев

Редакторы-корректоры *М. С. Мижева, О. Н. Михайлова*
Оформление, художественное редактирование,
графика и верстка *А. Я. Утежова*
Технический редактор *А. Я. Утежова*

Подписано к печати 27.06.22.

Формат 84x108^{1/32} Бумага офсетная.

Гарнитура «NewBaskervilleSTT». Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 19,7 . Усл. кр.-отт. 20,2 . Уч.-изд. л. 16,5.

Тираж 150 экз. Заказ №

РГБУ «Карачаево-Черкесское
республиканское книжное издательство».
369000, г. Черкесск, пл. Кирова, 23, Дом печати.

Отпечатано с электронного носителя
в ОАО «Полиграф-Юг». 385000, г. Майкоп,
ул. Пионерская, 268.

К 70

Капаев С. И. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. – Повести. Черкесск: РГБУ «Карачаево-Черкесское книжное издательство», 2022. – 376 с.

ISBN 978–5–7289–0390–1

Третий том собрания сочинений классика ногоайской литературы, Народного писателя КЧР С. И. Капаева представлен довольно яркими произведениями. Повесть «Кырлув» посвящена подвигу отважной девочки Кыргызхан Мижевой. Повесть-эссе «Ногоайский дом» – переизданное несколько раз одно из ключевых произведений автора.

К $\frac{4802490100-7}{9П1(03)-2021}$ 7–2022

84(2Рос-Ног)6

